

This document was created by Unregistered
Version of Word to PDF Converter

Серия «Учебники и учебные пособия»

Д.П. ЗЕРКИН

ОСНОВЫ КОНФЛИКТОЛОГИИ

(Курс лекций)

«ФЕНИКС»
Ростов-на-Дону
1998

ББК 88.5
3-57

Рецензент: Несмеянов Е.Е.,
доктор философских наук, профессор

Зеркин Д.П.

3-57 Основы конфликтологии.: Курс лекций.(Серия
«Учебники и учебные пособия»). Ростов-н/Д:
« Ф е н и к с » ,
1998.— 480с.

Курс лекций "Основы конфликтологии"
рекомендован к опубликованию Северо-Кавказским
научным центром Высшей школы как **один** из
первых вариантов научной и научно-методической
разработки новой для российских вузов учебной
дисциплины.

ISBN-5-222-00031-1

ББК88.5

©1998, Зеркин Д.П.

© 1998, оформление: изд-во «Феникс»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

.....	6
Лекция 1. Конфликтология в системе социальных дисциплин 10
1. Конфликтология как научная дисциплина. Направления в разработке теории конфликта.....	.. 10
2. Методология и методы конфликтологии 27
Лекция 2. Конфликт как социальный феномен.....	38
1. Конфликт и социальное противоречие 38
2. Структура и функции конфликта 48
3. Типология конфликтов 68
Лекция 3 Условия и причины возникновения конфликта, его динамика.....	84
1. Детерминация конфликта 84
2. Возникновение конфликта 98
3. Развитие конфликта и его завершение 109
Лекция 4. Современный социальный конфликт.....	138
1. Социальный конфликт как один из типов конфликта 138
2. Классовый и послеклассовый конфликты. Социальный антагонизм.....	151
3. Социальный конфликт в современной России.....	160
Лекция 5. Политический конфликт.	170
1. Политический конфликт как вид политических отношений. Типология политических конфликтов.	170
2. Специфика политической борьбы. Некоторые закономерности политического конфликта.....	189

Основы конфликтологии 4

3. Модификация политического конфликта в России	205
4. Международный политический конфликт	229
Лекция 6. Правовой конфликт	242
Лекция 7. Национальный конфликт, его специфика	276
1. Природа национального конфликта	276
2. Природа, типы и логика национально-этнических конфликтов, возникших на территории бывшего Советского Союза.....	289
3. Специфика внутренних национально-этнических конфликтов в России	302
Лекция 8. Организационно-управленческий конфликт..	322
1. Специфика источников конфликтов в сфере организационно-управленческих отношений	322
2. Конфликты при реализации «организационного императива» и в процессе разработки и принятия управленческих решений.....	334
3. Специфика проявления организационно-управленческого конфликта.....	346
Лекция 9. Управление конфликтами: предупреждение, регулирование и разрешение.....	354
1. Понятие управления конфликтом.....	354
2. Предупреждение и стимулирование конфликтов.	361
3. Регулирование конфликта	370
4. Разрешение конфликта: модели, стили, методы.....	375
Лекция 10. Демократические технологии государст- венного управления конфликтами	404

Оглавление

1. Демократические технологии как элемент системы государственного управления конфликтами	405
2. Демократические технологии управления конфликтами в действии.....	417
3. Политика и конфликты	434
Приложение.....	442
Проблемные ситуации и задачи по конфликтологии.....	442
Конфликт как социальный феномен.....	444
Основные типы конфликтов. Социальный конфликт	450
Политический конфликт	455

Основы конфликтологии

ВВЕДЕНИЕ

Прогресс социального знания не имеет границ. На основе существующих научных дисциплин формируются новые, обретая свой предмет и методы. В их числе — конфликтология. В обществе всегда возникали и проявлялись различного рода конфликты между людьми: от межличностных и семейных до социально-классовых и межгосударственных. Главные из них уходили своими корнями в условия жизни людей, в способ распределения благ и власти, в сферу удовлетворения потребностей и интересов. Конфликты представлялись настолько очевидными, что долгое время не привлекали к себе внимания со стороны обществоведов. Конфликты, особенно массовые, были объектом практической морали, в основе которой лежит борьба добра и зла, и права, преследующего противозаконные поступки граждан.

Люди, сталкиваясь с теми или иными коллизиями, возникающими между ними, в конце концов находили методом проб и ошибок необходимые средства и способы устранения последних. Однако ими при этом не осмысливался сам феномен конфликта, его основа и механизм разрешения. Человеку на протяжении веков была присуща свойство много действовать и слишком мало мыслить (М.Хайгедер).

До поры до времени практика обходилась без специального знания о конфликтах. Впервые предметом научного познания стали конфликты между государственной властью и обществом, отдельными социальными группами, что нашло выражение

Введение

в учениях о демократии. Позже в круг интересов науки попадают социально-классовые конфликты, политические, этно-национальные, а затем межгрупповые и межличностные. Наконец возникает потребность в систематическом анализе всех, существенно значимых для общества конфликтных отношений и их взаимосвязи с отношениями гармонии и согласия. Она была продиктована самой природой современного общества, способного к нормальному функционированию и развитию, только будучи целенаправленно регулируемым и в основном сознательно управляемым.

Если наука о конфликтах молода, то тем более молода данная учебная дисциплина. Предлагаемый читателю курс лекций «Основы конфликтологии» — один из первых известных нам вариантов творческой разработки, разумеется, не претендующий на решение всех дискуссионных теоретико-методологических и других проблем новой для российских вузов дисциплины.

На основе исследования значительного числа научно-литературных источников о конфликтах и собственного многолетнего изучения диалектики общественно-исторического процесса в лекциях характеризуется конфликтология как дисциплина, имеющая комплексный социолого-политологический характер, включающая теоретический и вместе с тем — социально-управленческий, прикладной аспекты.

Концептуальные (стержневые) идеи лекций:

1. Понимание конфликта как формы противоборства субъектов, порождаемого главным образом противоречиями субъективного и объективного характера между интересами. Сведение источника конфликта к одному субъективному фактору озна-

чает отрицание его как естественного, присущего любым общественным отношениям, процесса и состояния. Акцент же только на объективную природу перечеркивает специфику конфликта, исключает его из сферы сознательных человеческих взаимоотношений, ориентирует на восприятие конфликта как на нечто надсубъектное.

2. Конфликты многообразны. Главные их виды возникают в основных сферах общественной жизни (социальной, экономической, политической и др.) Конфликты историчны. Природа, источники и динамика конфликтов обуславливаются типом общественной системы, её историческим этапом и спецификой функционирования и развития, а также социальной структурой и конкретной исторической ситуацией, складывающейся в рамках определенного социального времени и пространства.

3. Конфликты управляемы. Способы, методы, приемы воздействия на конфликт (его регулирование и разрешение) могут представлять собой рациональный, базирующийся на научном знании, организованный процесс, или стихийное, строящееся на обыденном здравом смысле, в общественном масштабе *не* организованное действие. Макроконфликты, то есть конфликты между большими социальными группами и общностями, регулируются и преодолеваются прежде всего при помощи политических и правовых технологий. Микроконфликты (межличностные, между стратами и пр.) — технологиями, разрабатываемыми прикладной конфликто-логией.

В структурно-методическом плане данный курс лекций включает темы по теории конфликта, анализу основных видов общественных конфликтов и обоснованию способов и методов управления ими,

В в е д е н и е

в том числе государственного, с использованием демократических технологий.

В качестве базовых понятий (категорий) конфликтологии принимаются: конфликт, социальное противоречие, противоположные общественные интересы, ценности и цели, субъекты конфликта, его структура, процесс (возникновение, развитие, регулирование и разрешение), управление конфликтом.

Проблемы конфликтологии рассматриваются на базе обобщения современной российской практики общественных преобразований и исторического опыта нашей страны по преодолению наиболее острых, опасных для её судеб конфликтных ситуаций.

В работе над курсом лекций автору оказывали помощь доценты Северо-Кавказской академии государственной службы Никулина З.В. и Кутырёв Н.П., за что он им благодарен. Выражаю свою признательность и благодарность рецензенту — заместителю Председателя Северо-Кавказского научного центра Высшей школы доктору философских наук, профессору Несмеянову Е.Е.

Надеюсь, что сей скромный труд поможет преподавателям, студентам и всем, интересующимся проблемами общественных конфликтов, понять их роль и значение в общественной жизни.

Лекция 1. КОНФЛИКТОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН

1. Конфликтология как научная дисциплина. Направления в разработке теории конфликта.

Социальные науки всегда отражают (адекватно или не совсем) состояние общества, его потребности. Конфликтный характер современного общества и связанное с этим стремление людей к сотрудничеству, согласию, потребность в цивилизованных формах разрешения возникающих напряженностей и противоречий вызвали к жизни такую новую отрасль знания, каковой является конфликтология.

Конфликтология как отдельная дисциплина сложилась в пятидесятых-шестидесятых годах нынешнего столетия в недрах западной социологии и политологии. Ее предметом стало объяснение процессов жизни, функционирования и развития общественных систем и подсистем посредством категории конфликта, обозначающей столкновение, противоборство субъектов, преследующих противоположные интересы и цели.

Конфликтология — теоретико-прикладная дисциплина. Это означает, что ее содержание складывается из следующих уровней знания: теоретического объяснения конфликта как социального феномена, анализа его природы, динамики, взаимосвязи со всеми общественными отношениями, его места и функций в системе общественных действий и взаи-

модействий; изучения конкретных видов конфликтов, возникающих в различных формах социальной жизни (семья, коллектив, фирма и т.д.), технологии их регулирования и разрешения. На этой основе конфликтология разрабатывает необходимые ориентиры, которыми можно воспользоваться в процессе управления социумом.

Существенной особенностью конфликтологии является ее комплексный характер. Поскольку конфликты имеют место во всех сферах общественной жизни и на всех уровнях ее организации и развития, то ими интересуются представители различных социальных дисциплин. Социологи, политологи, психологи, экономисты, юристы, специалисты в области организации и управления и даже ученые, занимающиеся точными науками, изучают различные аспекты общественных конфликтов, их развития и преодоления. Общая для всех смежных наук цель — выявление и объяснение механизмов, управляющих общественными процессами, связанными с конфликтами, их динамикой, обоснование возможности предвидения тех или иных актов поведения субъектов в конфликтных ситуациях.

Из сказанного вытекает, что теоретические источники конфликтологии многогранны. Каждая из наук, обращаясь к проблемам общественного конфликта, вносит свой вклад в теоретический и методологический базис конфликтологии.

Общие, филоефско-социологические основы теории конфликта были заложены марксизмом, что признается основоположниками современной конфликтологии. Так, Л.Козер пишет: «Карл Маркс является классическим теоретиком конфликта». Как известно, в центре внимания марксизма оставалась крайняя форма социального конфликта —

классовая борьба, социальная революция, словом, классовый антагонизм. В основе его лежит противоречие между производительными силами и производственными отношениями.

С точки зрения марксизма, социальный классовый антагонизм и связанные с ним конфликты объективны и закономерны; их социальная природа — система отношений эксплуатации человека человеком. Социальный антагонизм порождается частной собственностью. На его базе утверждается политическая власть (государство) как машина подавления. Согласно марксизму, экономический и социально-политический антагонизм исчезает только при коммунизме, тогда как социальные противоречия остаются. Классовая борьба и революция — движущие силы истории. Марксизм исходил в своем понимании общественного процесса из признания приоритетности экономики. Вместе с тем его методология строилась на использовании диалектического закона противоречия, разработанного в «Логике» Гегеля.

«Между классом пролетариев и классом буржуазии развертывается борьба, которая, прежде чем обе стороны ее почувствовали, заметили, оценили... и открыто провозгласили, проявляется на первых порах лишь в частичных и кратковременных конфликтах».

Прав Запрудский Ю., когда пишет: «Марксистская теория ... не только не прошла мимо проблематики социального конфликта, но можно считать, что социальное состояние конфликта составляет классическую сферу ее интересов»².

Однако парадоксальный факт состоит в том, что, как отмечает Дмитриев А., «теория общественного развития, рассматривающая в качестве главного

источника прогресса крайнюю форму проявления социального конфликта — классовую борьбу, демонстрирует в лице своих сторонников бессилие дать разумное теоретическое объяснение вспышке разнообразнейших конфликтов, а тем более оценить их в качестве современного источника общественного прогресса»³ А некоторые из бывших «хранителей» святости марксизма свое бессилие прикрывают извращением тех фундаментальных положений марксизма, которые в общем-то подтверждены современной наукой и практикой. Так, академик-историк Яковлев А. в своей книге «Предисловие. Обвал. Послесловие» характеризует марксизм как «помешательство на идее классовой борьбы». «По Марксу, — утверждает автор, — класс существует в силу антагонизма с другим классом». Классы эксплуатирующие и эксплуатируемые «определяются противоположностью или конфликтом интересов». В этом тезисе как раз проявляется основная некорректность. «Существует гармония противоположностей. Сотрудничество классов, солидарность классов. И только благодаря этому общество живет и развивается»⁴

Оставим на совести академика превратное толкование основы существования классов эксплуататоров и эксплуатируемых. В действительности, по Марксу, антагонизм классов — не причина, а следствие экономической структуры общества. Как писал Маркс, способ производства определяет социальный, политический и духовный процессы жизни общества. Каждому, кто знаком с марксизмом, известен этот основополагающий его тезис. Не все с ним согласны, но это уже другой вопрос. Что касается «сотрудничества классов», благодаря чему общество якобы «только живет и развивается», то как

раз в этом и таится некорректность. Сотрудничество классов, безусловно, имеет место в любом обществе, но в рамках социального господства меньшинства. Достаточно вспомнить историю российского общества со времени установления крепостного права и до его отмены (а это более двух веков), чтобы понять ложность тезиса отнюдь не Маркса, а академика Яковлева А. Какое же сотрудничество было между помещиками-крепостниками и рабами-крестьянами? Скажем, между Троекуровым и его холопами? Ведь крепостные крестьяне не считались за людей, с ними поступали как с рабочей скотиной. Периодически вспыхивавшие крестьянские бунты, восстания не изменяли их социального положения, но все же приближали время освобождения.

Для читателя будет интересно знать отношение к теории классов и классовой борьбы современных западных философов и социологов. Это отношение далеко не однозначно негативное. Один из самых крупных французских социологов Р.Арон — критик марксизма — в своем капитальном труде «Этапы развития социологической мысли» (1967г.) писал: «Социология Маркса — это социология классовой борьбы. Некоторые ее положения имеют фундаментальное значение. Нынешнее общество антагонистическое»⁵ «Маркс исходил из идеи основного противоречия интересов между наемными работниками и капиталистами ... Но вместе с тем, наблюдая за исторической реальностью, он, как никто, отмечал — а он, был замечательный наблюдатель — наличие множества общественных групп. Капиталисты и рабочие, — продолжал Р.Арон, - это две большие группы с поистине противоположными представлениями о том, каким должно быть общество»⁶.

Что оказалось ошибочным во взглядах Маркса и марксистов? Абсолютизация классовой борьбы, классовых конфликтов как якобы единственного источника общественного прогресса. Из контекста марксистской теории выпала вообще проблема социальной гармонии, социального единства как основного условия бытия любой социальной системы. Обратившись к этой проблеме после революции марксисты-ленинцы, догматизируя теорию своего учителя, впали в другую крайность — отрицание социальных противоречий и конфликтов в постреволюционном обществе. И только в 60-х годах стала пробиваться мысль о противоречивом характере социального единства советского общества. Автор этих строк в 1966 г., анализируя диалектику данного общества, писал: «Социальная общность (единство) ... в действительности есть процесс. Она не исключает различий, переходящих в противоположности и противоречия, а предполагает их ... социальное единство как диалектическое единство ... живое, развивающееся явление». Только раскрытие существующих в нем различий и противоположностей, когда «... речь идет о существенных различиях, и «заострение» их до существенных противоположностей и противоречий», дает возможность понять социальное единство⁷. Отмечалось также: «Напряженность противоречий, если таковая возникает, ведет к конфликтам между носителями противоречивых сил, тенденций. Когда борьба выходит за рамки единства коренных интересов... происходит качественное изменение противоречия. Товарищеская борьба превращается во враждебную, неантагонистическое противоречие — в антагонистическое»⁸. Тем не менее автор здесь же отрицал

классовый социальный конфликт «в условиях окончательно победившего социализма».

Нельзя сказать, что высказывание о противоречивости социального единства разделялось многими исследователями. Понятия «социальное противоречие», а тем более, «социальный конфликт», если и фигурировали в литературе, то лишь в абстрактно-философском контексте. Парадоксальный факт: составители предметных указателей ко второму изданию сочинений Маркса и Энгельса и к полному собранию сочинений Ленина вообще опустили термин «конфликт», хотя он в этих произведениях встречается множество раз. Видимо, составители посчитали, что данный термин не имеет научной нагрузки, и он всецело заменим термином «борьба» (классовая, политическая, экономическая, идейная, за существование), обозначенным в предметных указателях.

Ошибка, а скорее односторонность, марксистской концепции социального конфликта состояла и в том, что в качестве его основы признавались только объективные причины — социально-экономические противоречия. Правда, в работе Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» представлен многоплановый анализ социального конфликта, связанного с бонапартизмом. И все же абсолютизация объективных отношений проявилась и здесь, не говоря уже о «Капитале».

Было бы неправильно утверждать, что последователи Маркса не стремились внести некоторые коррективы в учение классика. Известные положения Ленина о революционной ситуации, где в качестве элементов последней признавался субъективный фактор (нежелание масс жить по-старому и неспособность власть предержащих управлять

прежними методами, высокий уровень активности народа и т.п.), положения о главенстве политики над экономикой, о роли революционной идеологии в революционные эпохи и др. — расширяли толкование природы социальных конфликтов. И все же основная парадигма оставалась незыблемой. Достаточно вспомнить определение классов, принадлежащее Ленину, которое сводилось только к перечислению экономических признаков. А ведь это определение в советской литературе признавалось за аксиому социальной науки.

Марксистское представление о социальном классовом конфликте исходило из признания лишь одного субъекта конфликта — большой социальной группы (класса). За пределами анализа оставались иные социальные группы, слои, а тем более личность. Это обстоятельство явилось одной из главных причин неспособности марксистов понять и проанализировать многообразие социальных конфликтов.

Несмотря на односторонность, марксистская концепция оказала определенное влияние на формирование взглядов западных политологов и социологов по проблеме конфликтов. Такое влияние прослеживается как в работах западных ученых начала 20-го века, так и основателей современной конфликтологии (Р.Дарендорф, А.Турен и др.). Важнейшая идея современной теории конфликта — связь конфликта с объективными социальными противоречиями, рассмотрение конфликта в контексте, общественных отношений — это традиция марксизма.

В западной социологии и политологии учение об общественном конфликте восходит к трудам Э.Дюркгейма, Г.Зиммеля, Л.Гумпловича, М.Вебера, В.Парето, Г.Моска. Впервые термин «концепция

конфликта» в научную литературу введен Г.Зимме-лем. Он анализировал конфликты процесса порождения и смены форм культуры, между содержанием и формой культуры, «объективной» и субъективной культурами, подчеркивал постоянный характер конфликтов. Р.Зиммель отмечал, что в осознании неизбежности этих конфликтов состоит «трагедия культуры»⁹ Г.Зиммель рассматривал конфликт как одну из форм социализации, считая его психологически обусловленным явлением.

Другие ученые анализировали конфликты как в контексте социального дарвинизма (видели их причину в борьбе за существование), так и социального детерминизма. Например, В.Парето, противопоставляя свои взгляды марксовым, считал одним из главных факторов, детерминирующих общественный процесс, соперничество элит и борьбу масс с элитой. Вместе с тем он не отрицал правоту Маркса в том, что классовая борьба есть фундаментальная «величина» в истории. Однако В.Парето отвергал тезис, что классовая борьба определяется исключительно противоречиями в экономике, конфликтами, вытекающими из собственности на средства производства. По мнению В.Парето, первопричиной противоречия между массой и элитой может быть обладание государственной властью и военной силой. Этот итальянский социолог и политолог утверждал, что устранение конфликта между трудом и капиталом не ведет к исчезновению классовой борьбы. Классовая борьба — лишь форма борьбы за жизнь, а то, что именуют «конфликтом между трудом и капиталом» — лишь форма классовой борьбы. Религиозные конфликты — тоже форма классовой борьбы. Исчезая, они заменяются социальными конфликтами. Но если даже утвердит-

Лекция 1

ся коллективизм, не будет «капитала», конфликты не исчезнут, классовая борьба тоже. Одну форму классовой борьбы заменит другая. «Возникнут конфликты между разными слоями трудящихся социалистического государства, между «интеллектуалами» и «неинтеллектуалами», между разными типами политиков, между ними и подчиненными, между новаторами и консерваторами»¹⁰.

В.Парето своеобразно понимал классовую борьбу. Тем не менее его прогноз относительно постоянства конфликтов полностью подтвердился.

Г.Моска, также итальянский социолог и политолог, развивал ту же мысль о постоянном характере конфликтов в обществе, связывая их существование с разделением общества на господствующий «политический или правящий класс» и управляемый класс — большинство народа. История общества постоянно остается борьбой этих классов, насилие и конфликты здесь играют важную роль в происходящих переменах и установлении стабильности.

Крупнейший немецкий социолог М.Вебер считал, что любое общество раздирают коренные противоречия, в частности, между местом, занимаемым членом общества, и его заслугами, между эгоизмом индивида и необходимостью подчинения, преданности общественным интересам. Внутри общества имеют место различные конфликты между группами, партиями, отдельными личностями. Власть неотделима от господства. Ее существование свидетельствует о неравенстве, заключающемся в том, что один из индивидов может навязывать свою волю другому. Господство предполагает наличие «госпо-

Тот факт, что в социальной науке второй половины 19 и первых десятилетий 20 века так или ина-

че рассматривались классовый и другие общественные конфликты, не означал создания особого направления в науке вплоть до 50-х годов, когда такое направление выделилось из социологии и политологии.

Новая отрасль знания теории конфликта возникла в США в противовес господству структурного функционализма (Т.Парсонс). Начало конфликто-логии как отдельной дисциплины было заложено в работах Л.Козера «Функции социального конфликта», К.Болдинга — «Общая теория конфликта», Р.Дарендорфа — «Классы и классовые конфликты в индустриальном обществе» и др.

В западной политологии сложилась одна из главных парадигм — парадигма конфликта, наряду, между прочим, с парадигмами согласия и плюрализма. Эта парадигма, с одной стороны, ориентирует мысль исследователя на выявление и объяснение противоречий, конфликтов в системе общественных отношений, а с другой — конфликт рассматривается лишь в рамках достижения и обеспечения согласия и исключается из сферы взаимоотношений больших социальных групп, прежде всего классов. Трактовка парадигмы конфликта отразила два противоположных подхода в изучении конфликтов. Один подход — это подход с точки зрения структурного функционализма и теории «человеческих отношений». Согласно ему конфликты в общественной системе встречаются, но они носят временный характер и скорее вписываются не в функции системы, а представляют дисфункцию, патологию. Стало быть, природа их не объективна, а субъективна. При другом подходе конфликт рассматривается как явление естественное, закономерное для общества. Нормальное состояние общества — не гар-

мония, равновесие, а конфликт. Природа конфликта объясняется по-разному: социально-психологическими факторами или же особенностями социальной структуры. Сторонники первого подхода сосредотачиваются на разработке концепции индивидуализации и распыления конфликта. А сторонники второго направления, в конечном счете исходящего из марксизма, рассматривают конфликт как конфронтацию социальных групп, в том числе классов, занимаются изучением макросоциологических изменений, анализируют фундаментальные противоречия и совпадение интересов социальных групп, масштабные процессы изменений в обществе, преобразования общественных систем."

Наиболее четко прослеживается противоположность отмеченных подходов при сопоставлении концепций Т.Парсонса и Р.Дарендорфа. Первый делает акцент на сотрудничестве и интеграции, на равновесии системы; второй — на конфликте и изменении. С точки зрения Т.Парсонса, каждое общество — устойчивая и стабильная, хорошо интегрированная структура; каждый элемент общества, выполняя определенную функцию, способствует поддержанию системы; функционирование социальной структуры основано на ценностном консенсусе членов общества, что обеспечивает его стабильность и интеграцию. Согласно концепции Р.Дарендорфа, каждое общество изменяется в каждой своей точке; каждое общество пронизано конфликтом, социальный конфликт вездесущ; каждый элемент в обществе вносит свой вклад в его дезинтеграцию и изменение; каждое общество построено на подчинении одних членов общества другим.¹²

Отмеченный водораздел концепции интеграции и конфликта очерчен в одной из последних работ

известного современного французского социолога А.Турена «Возвращение актора. Социальная теория в индустриальном обществе» (1988г.). Автор говорит о «разных социологиях»: одна из них включает дисциплины, ориентированные на изучение «социального порядка», т.е. совокупности институтов и отношений, обеспечивающих стабильность данной системы. Другая — «социология действия», она, напротив, интересуется прежде всего изменениями, рассматривает социальные действия как цепь конфликтов. По А.Турену, всякий социальный процесс состоит из системы конфликтов социальных субъектов различного ранга и уровней.¹³

Модель равновесия, стабильности и конфликтная модель общества представлены также во взглядах других современных авторов, включая отечественных. Важно отметить, что при том и другом подходе в изучении конфликта зарубежными учеными накоплен большой фактический материал, в основном относящийся к разработке технологии управления на уровне малых групп, фирм и межличностных отношений. Австралийские авторы Х.Корнелиус и Ш. Фэйр пишут, что теория и практика разрешения конфликтов растут бурными темпами. В 1986 году Австралийская ассоциация содействия ООН основала организацию по разрешению конфликтов как часть ее Программы Мира. Задача организации — разрабатывать и внедрять навыки по разрешению конфликта для их эффективного применения в личной жизни на работе и в межличностных отношениях.¹⁴

Конфликтология — одна из новых для России дисциплин. Наше общество вновь находится на переходном историческом этапе. Оно охвачено системным кризисом и глубокими противоречиями,

переходящими в конфликты. В стране возрождаются капиталистические отношения с присущим им антагонизмом. Поэтому разработка конфликтологии и ее изучение становится особенно актуальной задачей.

Термин «новая» дисциплина выражает скорее совокупность знаний теории среднего уровня и эмпирических прикладных исследований конфликтов. Что касается фундаментальных теоретических положений, относящихся к социальным конфликтам, то они, как говорилось ранее, разрабатывались марксизмом со времени его возникновения. В этой связи трудно понять тех отечественных авторов, которые становление конфликтологии в нашей стране относят только к 80-м годам, а то и к 90-м, игнорируя или, скорее всего, не зная о том теоретическом заделе, который был осуществлен советскими философами и социологами, изучавшими общественные противоречия, правда, главным образом, на макроуровне. Однако факт состоит в том, что отмеченные исследования велись в рамках социальной философии и социологии. Конфликтология не выделялась из их числа, как особая дисциплина.

В настоящее время процесс формирования конфликтологии как отдельной теоретико-прикладной дисциплины идет достаточно активно. Он институционализируется. Издается журнал «Конфликт и консенсус»; созданы научные подразделения в РАН — Центр конфликтологии, научно-экспертный совет по конфликтологии Института социологии РАН, Ассоциация конфликтологов-миротворцев при МГУ; организуются кафедры конфликтологии в отдельных вузах и ассоциации конфликтологов в регионах страны. Так, в Ростове-на-Дону недавно создана и зарегистрирована ассоциация конфликтологов —

ОСНОВЫ КОНФЛИКТОЛОГИИ

общественная организация «Роза мира». Это ассоциация миротворческих инициатив предотвращения конфликтов и ведения переговоров. Ростовские конфликтологи ставят задачу по изучению серьезных национальных, региональных и политических конфликтов, затрагивающих регион, а также иных конфликтных ситуаций.

В стране вышли в свет несколько монографических исследований по конфликту: Запрудский Ю. Социальный конфликт. Издательство Ростовского университета, 1992; Чумиков. Социально-политический конфликт: теоретический и прикладной аспекты. М., 1993; Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. Введение в общую теорию конфликта. М., 1993.; Здравомыслов А. Социология конфликта М. 1996.

Журнал «Социологические исследования» систематически публикует на своих страницах солидные статьи по проблемам конфликтологии. Изданы переводы трудов зарубежных авторов.

На пути развития конфликтологии в нашей стране встречается немало трудностей. Они двоякого рода. Первые связаны со стереотипами, укоренившимися в социальных и философских исследованиях в прошлые годы, когда абсолютизировалось социальное единство общества как некоего бесконфликтного образования. Несмотря на то, что еще в 50-х годах в официальной печати была подвергнута критике так называемая «теория бесконфликтности» в литературе и искусстве, это никак не повлияло на негативное отношение к проблеме социальных, тем более политических конфликтов. В философской литературе широко использовались такие понятия для характеристики диалектики общественных процессов, как «напряженность, проти-

воречий», «антагонистическая борьба» и др., но теоретический и конкретный анализ социальных конфликтов отсутствовал. Однако потребность их изучения все же пробивала себе дорогу. Несмотря на господствующие умонастроения, еще в конце 60-х гг. появились статьи о проблеме исследования конфликта. Одна из них — Смолина Г.Л. «Принципы исследования конфликта» — была опубликована на страницах журнала «Вопросы философии».

Традиционное негативное отношение к социальным конфликтам подчеркивается и сегодня правящими кругами. Призывы к общему согласию, враждебное отношение к оппозиции (на фоне кровавых событий 3-4 октября 1993 года и военного конфликта с Чечней, широкой волны забастовочного движения) звучат по меньшей мере неубедительно. И все же эти призывы влияют на умы и настроения людей, потому что общество устало от борьбы за власть; в большинстве своем оно отвергает военное насилие, люди боятся диктатуры. Все эти понятия негативного характера отождествляются в обыденном сознании с научной категорией конфликта как явления вполне закономерного для любого общества. Находятся теоретики, отрицающие конфликты и, наоборот, обосновывающие закономерность гармонии в обществе в противоположность борьбе, конфликтам. Один из главных идеологов властей Яковлев А., например, утверждает: «...принцип согласия, мира, гармонии всегда и во всем, кроме редких исключений, является доминирующим... Вся история есть история сотрудничества и поиска гармонии классов»¹⁵

Приходится считаться и с тем, что за многие годы обществу прививался стереотип конфликтности только международных отношений и главным об-

разом между странами бывшей социалистической и капиталистической систем.

Наконец, еще один стереотип: как говорилось ранее, марксизм приучил обществоведов, да и не только их, рассуждать лишь о макропроблемах, связанных с противоречиями классовыми, межсистемными и прочими. Проблемы же микроотношений — межличностные, межгрупповые всегда отодвигались на задний план как проблемы второстепенные, неактуальные.

Трудности другого рода проистекают из односторонней критики бывшей государственной идеологии. Пересматривая догматическое толкование диалектики, социального единства общества и других постулатов, отбрасывается все рациональное, содержащееся в марксизме, включая принципы диалектики. Последние представляются методом так называемого тоталитарного мышления. Яковлев А. пишет в пренебрежительном тоне о «так называемой диалектике». Однако понятие «социальное единство» и «диалектика» не имеют отношения к догматизму. Многовековая традиция диалектики известна, марксизмом она была воспринята от передовой для XIX века человеческой мысли. Понятие «социальное единство» характеризует целостность и стабильность социальной системы. Нет ничего предосудительного и в понятии «социально-политическое единство», если под ним подразумевать реальную общность политических и духовных ценностей, характеризующую состояние общества, а невыдуманную пропагандистскую модель. Следует подчеркнуть только одно: без диалектического подхода нельзя понять природу социального конфликта, а игнорируя понятие социального единства, мы тем самым лишимся возможности осмыслить

27 Лекция 1

конфликт как элемент общественной системы, поскольку таковая существует до тех пор, пока включает социальное единство.

2. Методология и методы конфликтологии.

Методологическую основу конфликтологии как теоретико-прикладной дисциплины составляет комплекс философских, политологических и социологических идей, аккумулируемых в теории конфликта. В различных направлениях исследования конфликтов, рассмотренных выше (структурно-функциональной и конфликтной моделей общества), отмечается существенное различие методологии. Структурно-функционалистский подход, поскольку он акцентируется на равновесии, стабильности системы, а конфликты рассматривает лишь как временное явление, как дисфункцию системы, будет правильно отнести к разряду недиалектических методологий. Противоположный ему подход — парадигма конфликта, ориентирующая на изменение системы, представляющая конфликт как естественное явление в обществе, связанное с объективными противоречиями, — является диалектическим.

Коренной вопрос той или иной методологии — вопрос с природе конфликта. Решается он опять-таки по-разному, хотя в основе решений лежит собственно социологическая концепция. Функционалисты исходят из социальной структуры общества, считая, что она не фиксирует постоянные и четкие классовые различия, а характеризуется высоким уровнем социальной мобильности, политической же системе принадлежит иная роль — формирование и функционирование полиархии. Последняя означает признание существования многих политически

активных, соперничающих в борьбе за власть групп. Следовательно, анализ конфликтов здесь не увязывается с социальной структурой, взаимодействием больших социальных групп. Такая методология отражает американскую социальную ситуацию, с рыхлой классовой структурой, со многими пересекающимися противоречиями, носящими временный характер, как утверждают американские авторы.

В теории групп, разработанной американским политологом и социологом Д.Трумэном, одним из условий демократии признается «текущее членство»; члены общества включены во множество групп интересов, действительных и потенциальных. Переход из одной группы в другую — не резкий, плавный. Возникающие организованные группы интересов не могут следовать только собственным целевым установкам, но должны учитывать также принадлежность своих приверженцев к другим группам интересов. Поэтому при наличии таких групп возникающие конфликты пересекаются и всегда содержат в себе тенденцию к равновесию. балансу интересов.»¹⁶

Диалектическая методология (некоторые ученые называют ее структуралистской) рождена на европейской почве, в социумах со зрелыми классовыми различиями и противоположностью интересов больших социальных групп, в обществах, где в последние два века постоянно развивались социальные и политические движения левого толка. Эта методология, будь то марксистская или немарксистская, увязывает анализ конфликтов прежде всего с социальной структурой и ее изменением. Р.Дарендорф, например, пишет: «Социальные конфликты вырастают из структуры обществ, являющихся союзами

господства и имеющих тенденцию к постоянно кристаллизуемым столкновениям между организованными сторонами».¹⁷ Отечественный социолог Лмитриев А. замечает: «... основные подходы к пониманию и объяснению конфликта складывались в основном в рамках рассмотрения особенностей взаимодействия крупных социальных общностей. Личностный анализ конфликтологии занимает, пожалуй, второстепенное положение».¹⁸

Сам по себе подход к изучению конфликта в рамках целого (структуры общества) как момента его изменения и развития означает реализацию диалектической методологии. С этим связан принцип историчности в изучении конфликтов. А.Турен подчеркивает при рассмотрении социальных движений как формы социального конфликта необходимость анализа проблемы «историчности», т.е. учета того, каким образом общество воздействует на себя самое, перестраивает свою структуру, собственные социальные отношения, переориентируется на новые социальные ценности.

Историчность должна быть дополнена принципом конкретности. В итоге мы получаем принцип конкретно-исторического подхода. Он означает, что каждой эпохе, каждому историческому периоду, каждому типу социальной системы присущ свой тип конфликта. Р.Дарендорф отмечает, что источники родственных конфликтов в различных обществах и в разное время отнюдь не одинаковы. Конфликты между правительством и оппозицией выглядели в Венгрии в 1956 г. иначе, чем в Великобритании; отношения между Германией и Францией в 1960 г. иначе, чем в 1940 г.; отношение немецкого общества к национальным и религиозным меньшинствам было в 1960 г. другим, нежели в 1940.

Таким образом, формы социальных конфликтов изменяются, и теория должна дать ответ на вопрос, в каких аспектах можно обнаружить эти изменения и чем они обусловлены. Не приходится доказывать, сколь актуален конкретный исторический подход для изучения конфликтных ситуаций в нынешней России, где сегодня они во многом иные, чем были в СССР.

Рекомендации, выводы зарубежных конфликто-логов основываются на тех наработках, которые накоплены европейскими и американскими школами. Российской конфликтологии предстоит пройти свой путь развития. Важно извлечь уроки из прошлых ошибок: не допустить крайностей в отношении к имеющимся в науке методологиям. Здесь постоянно происходит не только соревнование, но также взаимодействие и взаимодополнение теорий, методов. Марксизм потому и превратился в догму, что его сторонники в большинстве своем отвергали диалог с другими течениями общественной мысли, практиковали только собственный монолог. Теперь никак нельзя впасть в другую крайность и последовать за теми, кто вообще отменяет диалектико-материалистическую теорию общества и либо некритически заимствует субъективистские концепции некоторых западных школ, либо пытается «изобретать собственный велосипед».

Важнейшая проблема методологии теории конфликта — это проблема объективности. Она решается на пути сочетания современных концепций в конфликтологии, включая концепцию согласия, интеграции, с одной стороны, и конфликтную модель общества, с другой. Ведь и конфликт и равновесие, интеграция, выражающаяся в парадигме согласия, — две стороны, два взаимосвязанных момента одного и того же общественного процесса. Ничто не

абсолютно: ни конфликт, ни согласие; все относительно, взаимообусловлено. Прав Р. Дарендорф, не считая, что его позиция (конфликтная модель общества) более верна, чем другая — функционалистская модель согласия. Обе полезны и необходимы для социологического анализа, так как в общественной жизни постоянно присутствуют оба компонента взаимодействия: сотрудничество и конфликт. Примерно то же самое можно сказать о концепции классового развития. Конечно же, абсолютизация его недиалектична, ненаучна. Однако классовые конфликты существуют; в России они возрождаются и пренебрегать ими нельзя. Классовый конфликт — лишь один вид конфликта в числе множества социальных столкновений.

Отстаивая объективный подход в конфликтологии, мы тем не менее не сводим его только к объективному методу. В социальной науке по праву свое место занимает и субъективный метод. К сожалению, в отечественной литературе в прошлом получила распространение догматическая интерпретация ленинской критики субъективного метода идеолога Михайловского как метода ложного, ненаучного. Таким образом, субъективный метод отождествлялся с субъективизмом, т.е. превратным, искаженным описанием и объяснением реальности. Субъективизм, в том числе замешанный на вульгарно понимаемом классовом подходе, исключает научную истину. Но субъективный метод исследования, наряду с объективным, это метод поиска истины. Тот и другой методы строятся на онтологических посылах, характеризующих специфику социальной реальности вообще и социального конфликта как единства объективного и субъективного, в частности.

Русский историк Ключевский В. описал объективные и субъективные методы в исторической науке так: объективный метод принимает «за точку отправления не изучающий субъект, а изучаемый объект», предполагает видение исторического процесса в последовательной смене явлений, подготовившей современное состояние человечества, иными словами, это — метод изучения «самого исторического движения». Примеры объективного изучения: наблюдение явлений, сопоставление явлений и обобщение явлений. Субъективный метод исходит из того, что отправной пункт — не само историческое явление, а точка зрения изучающего. Исторические явления подбираются в изложении по личному усмотрению историка; точно также и оцениваются (скажем, с точки зрения приоритета, господствующего значения экономических отношений, либо «политического быта» и т.п.). Отсюда приемы изучения: полбон явлений их оценка и связь.¹⁹

В политологии различаются методы объективной и субъективной интерпретации изучаемых явлений. Объективный метод предполагает выявление разнообразных связей и процессов политической реальности через анализ объективных результатов политических действий. Субъективный метод объяснения — это анализ связей и взаимодействий политической реальности через призму отношений политического субъекта (его мнений, позиций, интересов). Ценностно-нормативный подход составляет содержание субъективного метода.²⁰

Объективный и субъективный методы в конфликтологии, по сути своей таковы же, как в исторической и политологической науках. В первом случае предполагается рассмотрение конфликта как естественного явления в обществе, безотносительно к оценке его познающим субъектом и противоборству-

ющими сторонами. Во втором — рассмотрение конфликта с точки зрения позиций, с учетом оценки конфликта познающим субъектом и противоположными агентами. И тот и другой познавательные процессы имеют место в действительности. Для объяснения данного конфликта и выработки способов его разрешения важно знание безоценочное и оценочное, необходимы описания конфликта, каков он есть в реальности и каково его восприятие, нужна также оценка противоборствующими сторонами и обществом в лице исследователя. Вообще как объективный метод, так и субъективный только в единстве дают адекватное знание о конфликтной реальности, позволяют понять объективную и субъективную сторону конфликта и связанного с ним поведения. Поэтому, если следовать за Ключевским В., при изучении конфликтов применимы приемы методов объективного и субъективного: наблюдение, сравнение и объяснение, подбор явлений, оценка их и установление взаимосвязи. Применение социологических, политологических и психологических методов обеспечивает постижение конфликта как сложной реальности.

Объективность познания конфликтов затрудняется рядом обстоятельств. В первую очередь — широким распространением в общественном сознании субъективистского понимания социальных процессов, в том числе конфликтов. Конфликтологу приходится сталкиваться с неадекватной оценкой того или иного конфликта общественным мнением и, тем более, противоборствующими сторонами. Да и сам исследователь рассматривает конфликт, особенно политический, также под влиянием своего мировоззрения, в большей или меньшей степени. Известно, что крупнейшие конфликты, потрясшие нашу стра-

ну в последние 3-4 года (августовские — 1991 г. — события, сентябрь-октябрьский — 1993 г. — конфликт между институтами законодательной и исполнительной власти, военный конфликт в Чечне) прямо противоположно воспринимались и воспринимаются, оценивались и оцениваются как непосредственными участниками, так и другими слоями населения и политическими движениями. Объективность оценок конфликта возможна при условии всестороннего подхода к его изучению, осмысления причин возникновения, эволюции конфликта и т.п. Опасность субъективизма в социальном познании, в особенности конфликтов, в объяснений прошлого, настоящего и будущего всегда велика. Ее возможность больше при использовании субъективного метода.

Познание конфликтов связано с прагматической целью — управлением ими. А это означает вовлечение в познавательный процесс одной или обеих конфликтующих сторон, что опять-таки ограничивает рамки объективности. Направляющим вектором в объяснении конфликтов становятся интересы сторон. Наиболее благоприятным для познания конфликта условием является совпадение интересов, связанных с регулированием и разрешением конфликта. Однако такое идеальное условие на практике встречается далеко не часто.

На процесс познания негативно влияет кризисная ситуация в обществе, когда возникают и переплетаются многие конфликты, усиливая отрицательное воздействие на общественную систему. Такая ситуация, в частности, существует в настоящее время в России. Стремление правящих, господствующих сил в кризисной ситуации навязать оппозиции свое понимание развивающихся конфликтов

бесперспективно. Наиболее разумный выход из положения — критическая оценка своих действий, своей политики, учет мнений оппонентов и активного большинства населения и соответствующая корректировка своих позиций.

При анализе социальных конфликтов велика роль информации. Дефицит информации, дезинформация всегда были и остаются опасными средствами и условиями ложного восприятия конфликтов, неоправданного их разрастания.

Конфликты в обществе, любого уровня и вида — комплексное явление. В конфликтных ситуациях и действиях сплетаются социально-психологические, социальные, экономические, политические, духовные, а также индивидуальные и общественные элементы. Поэтому и методы их изучения многообразные, комплексные. Приоритетность того или иного метода в каждом конкретном случае определяется видом конфликта. Если, скажем, предметом изучения является межличностный конфликт, то доминирующими методами будут социально-психологические. При анализе конфликтов между крупными социальными группами на первый план выходят социологические и политологические приемы изучения.

В заключение кратко о функциях конфликтологии. Они вытекают из характера данной дисциплины как теоретико-прикладной. Проф. Здравомыслов Ю. отмечает три уровня изучения конфликтов: фундаментальный теоретический, с позиции теории среднего уровня и эмпирический уровень, подчиненный непосредственно практическим управленческим целям. Соответственно следует отмечать и функции конфликтологии: теоретико-познавательная, аналитическая и прогностическо-управленческая.

Разработка фундаментальных теоретических проблем конфликтологии вносит вклад в развитие социальных наук. Исследование на уровне теории среднего уровня обогащает социологические и политологические знания о механизмах общественных процессов. Изучение конфликта на эмпирическом уровне, в сочетании с теорией, позволяет разрабатывать прогностические модели конфликтного действия общественных субъектов и метода управления им. Анализ конкретных конфликтов — необходимое условие регулирования и разрешения их.

Конфликтология вооружает практиков не конкретными инструментами для управления конфликтами, а обосновывает понятийные рамки общественного сознания, в том числе управленческого мышления, для диагностирования конфликта и выработке соответствующих методов их преодоления.

Литература.

1. Coser L. Continuities in the Stadi of Social Conflict. NV, 1967, p 137; Coser L. «The Fonctions of Social Conflict» elencoe Tree Free Press, 1958.
- 1а. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4. С. 144
2. Запрудский Ю.Г. Социальный конфликт: Политологический анализ. Ростов-на-Дону. Изд. Ростовского университета. 1992. С. 22; Здравомыс-лов А.Г. Социология конфликта. М. 1996.
3. Дмитриев А.В. Конфликт на российском распутье. Социологические исследования, 1993, 9. С. 3
4. Яковлев А.Н. Предисловие. Обвал. Послесловие, М., 1992. С. 22
5. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1967. С. 194, 197
6. Там же.

7. Зеркин Д.П. Источники и движущие силы развития социалистического общества. Изд-во Ростовского университета. 1966. С. 38
8. Там же.
9. Nohlen D. Worterbuch Staat und Politik Bundeszentral fur politische Bildung. Bonn 1991. s.s. 298-311.; Современная западная социология. Словарь. М., 1990. С. 106.
10. Цит.: По Р Арон. Этапы развития социологической мысли. С. 456, 457
11. Преториус Р. Теория конфликта. Политические исследования. 1991, 5. С. 139-140.
12. Аг А. Введение в теорию конфликтов. Политология: вчера и сегодня. Вып. 3, М., 1991. С. 152.
13. Турен А. Социальные движения, революция, демократия. Свободная мысль. 1991, 14. С. 32.
14. Корнелиус Х., Фэйр Ш. Выиграть может каждый. М., Стрингер, 1992. С. 8 /Перевод с английского/.
15. Яковлев А.Н. Указ. соч. С. 44
16. Преториус Р. Указ. соч. Политические исследования. 1991, 5. С.141
17. Dahrendorf R. Class and Class Conflict, Standford University Press, 1959.; Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта. Социологические исследования 1994. С. 143.
18. Дмитриев А.В.. Указ. соч. Социологические исследования. 1993, 9. С. 7.
19. Ключевский В.О. Соч. в 9 томах. Т. 6, М., 1989. С. 73, 75, 71-72.
20. Зеркин Д.П. Основы политологии. Ростов-на-Дону. «Феникс», 1996. С. 14-15.

Лекция 2. КОНФЛИКТ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Центральная категория конфликтологии — конфликт. Теоретический анализ ее — одна из фундаментальных проблем данной научной дисциплины. В литературе встречаются различные определения конфликта. Не вдаваясь в полемику о дефинициях, которые в большинстве своем различаются больше в редакционном плане, нежели в принципиальном, сконцентрируем свое внимание на характеристике существенных признаков конфликта и выражающих их понятиях.

1. Конфликт и социальное противоречие.

Обобщая многообразие дефиниций конфликта, встречающихся в литературе, можно предложить такое его определение. Конфликт (от лат. *conflictus* — столкновение) — это противоборство общественных субъектов с целью реализации их противоречивых интересов, позиций, ценностей и взглядов.-

И в данном, и во многих других определениях, принадлежащих авторам, представляющим различные направления в науке, конфликт прежде всего связывается с противоречием или одним из его моментов — борьбой противоположностей. Например, в трактовке американского конфликтолога Козера Л., конфликт есть борьба за ценности и претензии на определенный статус, власть и ресурсы. Согласно другому американскому автору Боулдин-гу К., конфликт знаменует собой осознанные и созревшие противоречия и столкновения интересов.

Дарендорф Р. под конфликтом понимает «все структурно-произведенные отношения противоположности норм и ожиданий, институтов и групп». В отечественной литературе, в частности, в «Кратком словаре по социологии» конфликт характеризуется как высшая стадия развития противоречий в системе отношений людей» социальных групп, социальных институтов, общества в целом, которое определяется усилением противоположных тенденций и интересов социальных общностей и индивидов»²

Итак, понятие конфликта неразрывно связано с философским понятием противоречия. Конечно, понимание противоречия у разных авторов различно. Но оставим пока этот вопрос.

Из приведенных и других встречающихся определений конфликта ясно, что одним из существенных его признаков является противоположность **интересов**. Такое толкование рассматриваемой категории свойственно прежде всего отечественным авторам, но не только им. Сторонники функциона-листской модели общества считают, что конфликты могут быть приведены в состояние гармонии путем взаимовлияния и удовлетворения интересов и потребностей конфликтующих групп.

В свою очередь интересы сопрягаются с ценностями, целями, ориентациями. Американский политолог Аптер Д. отмечает, что главный вопрос при анализе конфликтов состоит в том, как трансформировать конфликты ценностей в конфликты интересов³

Американские авторы Фишер Р. и Юри У., рассматривая пути разрешения конфликтов, подчеркивают: «... говорите об интересах, а не о позициях», «Чтобы достичь разумного решения» необходимо примирить интересы, а не позиции».⁴ И еще: «За

противоположными позициями наряду с противоречиями находятся разделяемые и приемлемые интересы»⁵

Таким образом, интересы — главное понятие, необходимое для анализа общественного конфликта.

В приведенных определениях конфликта фигурирует понятие цели. Некоторые авторы определяют конфликт только через противоположность целей. Например, так: конфликт — это борьба за противоположные цели. Не будем говорить, насколько корректно такое определение, однако отрицать наличие элемента цели в конфликтах невозможно. Другой вопрос, является ли он всегда определяющим. Присутствие при анализе категории цели означает, что конфликт — поведение и действие целеполагаемое, а следовательно, в той или иной степени осознанные субъектом. Осознанность противоположности интересов, ценностей, целей — неременный признак конфликта. Это подчеркивается в работах и зарубежных, и отечественных авторов. Известный философ Руткевич М. пишет: «... в определение конфликта как противоборства между людьми должно быть обязательно внесено указание на осознанный характер противоречия интересов»⁶

Остановимся на анализе отмеченных понятий, связанных с определением категории конфликта.

Корректное понимание общественного конфликта предполагает прежде всего выяснение сущности социального противоречия как его основы. Социальное противоречие есть не что иное, как общественное отношение между определенными социальными субъектами и другими элементами социальной системы. В его основе лежат разнообразные противоположные взаимосвязи и взаимодействия элементов системы. Одни из этих взаимосвязей проявля-

ются как субъектные отношения, включая фактор сознательного противоборства, другие выступают в виде взаимодействия опредмеченных, объективированных человеческих действий и отношений. Таковы, например, социальные институты. Тем не менее любое социальное противоречие — это объектно-субъектное отношение. Иными словами, всякое социальное противоречие имеет и объективную, и субъективную сторону. Характерно, что такое понимание противоречия, сформулированное марксистскими авторами, по существу разделяет один из основоположников конфликтологии Р.Дарендорф, В своей работе «Элементы теории социального конфликта» он определяет социальный конфликт как «любое отношение между элементами, которое можно охарактеризовать через объективные («латентные») или субъективные («явные») противоположности»⁷

Научное понимание социального противоречия включает характеристику его как двустороннего отношения и в другом смысле. Это — отношение взаимного проникновения (взаимополагания) и взаимоисключения противоположностей в едином. Какое бы социальное противоречие мы ни взяли, в любом случае это, с одной стороны, соотносительные взаимообуславливающие, нераздельные моменты какого-то целого, а с другой — взаимоисключающие противоположности. К примеру, отношение между товаропроизводителем и потребителем выступает в виде противоречия, в котором ни та, ни другая стороны не существуют в обществе абсолютно раздельно. Производитель служит потребителю, работает во имя удовлетворения его потребностей. Потребитель же существует постольку, поскольку есть производитель. Вместе с тем они суть взаимо-

исключающие субъекты экономического отношения. Взаимосвязь общества и личности, так же предполагает взаимоисключения. Общество — совокупность личностей, личность не существует вне общества. Личность — это отдельный индивид, член общества, а последнее **есть** объединение индивидов.

Определение социального противоречия как отношения взаимного проникновения и взаимного отрицания сторон-субъектов характеризует его сущность. Это весьма важно знать при анализе конфликта. Последний может возникнуть и возникает между общественными агентами, так или иначе связанными между собой, живущими, действующими в рамках определенной целостности. Скажем, в границах единого экономического, социального или правового пространства. И еще, корректное определение социального противоречия, равно как и социального конфликта, позволяет правильно понять их функцию в качестве движущей силы, стимула общественного, процесса.

Если в противоречии и в выражающем его конфликте видеть только единство, взаимообусловленность противоположностей, то в таком случае единство превращается в непосредственное слияние, в мертвое тождество, в единство без противоположностей. В то же время взаимное исключение сторон, их взаимное отрицание может быть понято как необходимый процесс, как момент противоречия только в неразрывной связи с единством. Метафизическое мышление состоит в утверждении либо единства без противоположностей, либо взаимоисключения без взаимосвязи противоположностей. В том и другом случаях устраняется диалектическое противоречие как основа конфликта, а борьба между субъектами за социальный статус, власть,

ресурсы и т.п. становится необходимым моментом общественных отношений лишь в рамках определенной социальной взаимосвязи сторон.

Общественные противоречия — это деятельность, направленная на его преодоление, разрешение. В процессе деятельности формируются общественные силы, которые стремятся осуществить разрешение противоречия в своих интересах. Это состояние развивающегося противоречия и будет конфликтом. Стало быть, конфликт характеризует не только борьбу противоположностей, но также и взаимосвязь, социальную взаимообусловленность. Конфликт — результат, следствие развития противоречия в целом, что, однако, не исключает определяющей роли момента борьбы, момента взаимоисключения противоположностей.

Общественные противоречия разнообразны. Одни из них связаны с сущностью социальной системы, другие — со спецификой составляющих ее подсистем, третьи — с разнородностью элементов общественной системы, с ее сложностью, с такими процессами, как инерция в действиях людей, в стремлении одних к прогрессу, а других к регрессу, к объединению и разъединению и т.д. Социальные противоречия нередко обусловлены социально-психологическими, этническими и иными свойствами человеческих общностей. Множество противоречий между людьми возникает на почве нарушения норм, общепринятых ценностей, в результате ошибочных действий управляющих структур и т.п. Одни противоречия закономерны и действительно выступают внутренним источником динамизма общественной системы, другие — случайны и возникают под влиянием временно складывающейся ситуации. Но и они имеют определенную объективную сторону.

Соответственно и конфликты рождаются как на базе закономерных объективных противоречий, так и под определяющим воздействием субъективных факторов, в результате ошибок управляющих субъектов или разного рода нарушений нормального хода общественного процесса. Однако социальные противоречия, какими бы они ни были по своей природе, в конечном итоге представляют собою, как уже отмечалось, субъектно-объектное отношение. Без понимания субъектного характера социального противоречия и, соответственно, конфликта его теория перестает быть таковой. В этом плане прав был Т.Парсонс, утверждая, что без субъективной точки зрения не может быть теории социального действия.

В социальном противоречии всегда включено, во-первых, отношение противоположных субъектов к разделяющему их противоречию (закключающееся в стремлении к сохранению противоречия, его консервации, либо — к устранению последнего); во-вторых, связанная с этим оценка противоречия (положительная или отрицательная, как стимула развития или его тормоза). Следует отметить, что одни и те же противоречия могут оцениваться субъектами противоположным образом, в зависимости от того, какие проявления противоречий оказываются объектом оценки. Если принимаются во внимание моменты нарушения стабильности общественной системы, гармоничности в общественных отношениях, различного рода отклонения от намеченных программ деятельности и т.д., то противоречия характеризуются в таком случае как явления негативные, как патология в общественной жизни. Если же делается акцент только на позитивных последствиях противоречий, то, обычно, формируется противопо-

ложная оценка: чем больше противоречий, тем якобы лучше для общественного прогресса. В подходах к объяснению социального конфликта наблюдаются такие же крайности.

Итак, конфликт есть социальное противоречие на высшем уровне его напряжения. Естественно, не всякое противоречие является конфликтом, а только то, которое из латентного, объективного отношения развилось в явное субъективное отношение. Конфликт — это состояние конкретного противоречия, при котором на первый план выходят противостоящие общественные субъекты, вступающие в борьбу за свои противоречивые интересы и цели, а в случае единства цели — за взаимоисключающие средства для ее достижения.

Не всякое противоречие затрагивает непосредственно интересы личностей, групп, иных объединений людей. Веками существуют противоречия между производством и потреблением, а взрывной характер они приобретают только в моменты экономических кризисов, становясь противоречием социальным — между интересами социальных групп, обществом и властью. Только тогда, когда ущемляются интересы одних, за счет чего удовлетворяются интересы других, и это становится достоянием общественного сознания первых, формируется конфликт.

Можно назвать множество постоянно воспроизводящихся в обществе противоречий, не разделяющих интересы людей и самих их на противоборствующие группы. Каждодневно сталкиваются активное и пассивное начала, новое и старое, инерция и динамизм, действие и противодействие, интеграция и отторжение, властвование и подчинение, управляющее и управляемое и т.д. Однако постоянной

«войны всех против всех» в здоровом обществе не бывает. Интересы — вот камертон общественных отношений. Противоречия, достигшие сферы интересов, таят в себе конфликты, но для того, чтобы они стали реальностью, нужны определенные условия. В их числе противоположные взгляды людей, представления о своих интересах и путях их реализации, существенно различное отношение к интересам других, противоречивые цели, ставящиеся людьми для достижения собственных интересов, претензии, ожидания, чувства, страсти и т.д., то есть все то, что произрастает на базе интересов, что их выражает и что, в свою очередь, придает им конкретный человеческий характер, превращая в двигатель действия и поведения.

Мы принимаем интересы за отправное понятие в анализе противоречий и конфликтов потому, что именно они по своей природе воплощают единство объективного и субъективного. Во-первых, интересы выражают базовые и другие необходимые для общественной жизни человека потребности. Потребность только тогда превращается в двигатель человеческой активности, когда проходит через человеческую голову, приобретая определенный образ: чувство, мотив и т.п. На уровне интегрирования потребности в ценностную систему субъекта она превращается в социальный интерес. Во-вторых, интерес — это направленность поведения и деятельности на удовлетворение жизненно необходимой в данной ситуации для данного субъекта потребности. В-третьих, интерес предполагает определенную степень осознанности потребностей, на основе чего формируется мотивационная база субъекта, а также ориентации и цели деятельности.

Сложна взаимосвязь интереса с ценностями. В конечном счете общественные интересы определяют ценностную систему данного общества и соответствующие нормы. В свою очередь господствующая система ценностей и норм обуславливает динамику интересов. При этом общие интересы сообществ — доминирующий фактор по отношению к ценностям и нормам, а особенные, групповые, личные интересы обуславливаются ценностно-нормативной системой. Базовым же источником интересов выступает сама реальная материальная и духовная жизнь людей.

Важно отметить, что общий интерес существует прежде всего в действительности в качестве взаимной зависимости индивидов, а не только в их представлениях. Между действительностью общественной взаимосвязи и представлениями о ней не бывает полного совпадения. А сознание общего, да и собственного, интересов индивидом, группой — процесс противоречивый. В нем сочетаются адекватное и иллюзорное, истинное и превратное, что таит в себе немаловажную причину конфликтов.

Поскольку интересы людей многообразны: общие, частные, групповые, классовые и др. — они в большинстве своем противоречивы. Общественные институты, государственные органы стремятся привести их в равновесие, во взаимное соответствие. Иначе общественная система становится неустойчивой.

Теперь о целях. В системе конфликтных отношений цель — один из несущих элементов. Будучи обусловленной интересами, цель имеет свое самостоятельное значение. Ведь она есть образ будущего результата конфликтной деятельности, формируемой не только под влиянием интересов, но также аккумулирующей в себе весь пласт сознательного

— рационального и эмоционального, общественно-го и индивидуального сознания. Было бы ошибкой при определении конфликта ограничиваться указанием на противоположность целей. Однако не меньшей ошибкой будет игнорирование цели. Именно в виде цели преобразуются потребности и интересы, осознанные субъектом. Цель формируется в сознании, а ее источник — и внутри субъекта, и вне его (субъективно-объективен). Осуществление цели предполагает волевой акт. В конфликтном действии он не последний по своей роли элемент противоборства или согласия.

2. Структура и функции конфликта.

Анализ конфликта как социального феномена включает рассмотрение его структуры и функций. Не зная того и другого, трудно управлять конфликтными отношениями и вообще осмысленно подходить к этому явлению. Мы не случайно рассматриваем в связи вопрос о структуре и вопрос о функциях конфликта. В любом конфликте функции зависят от структуры, а последняя, в особенности ее субъекты, могут видоизменяться под влиянием доминирующей функции.

Чем прежде всего характеризуется всякий конфликт? Конечно же, конфликтующими сторонами, а также предметом противоборства. Эти два определяющие элемента конфликта не исчерпывают его структуру. Последняя включает конфликтное действие в той или иной форме и направляющее его сознание, средства и методы действия, поле конфликта. Кроме того, ни один конфликт невозможен без сложившейся до его появления конфликтной

ситуации. Рассмотрим отмеченные структурные элементы конфликтного взаимодействия.

Субъектами конфликта, в зависимости от его уровня, выступают индивиды, группы, классы, национально-этнические общности, организации, социальные институты, общественные и политические объединения, государства, международные сообщества.

Ключевым моментом в анализе конфликта, считает А.Турен, является четкое определение социальных оппонентов и их ценностных ориентации. Будет правильным уточнить тезис французского социолога: определение интересов социальных оппонентов и соответствующих ценностных ориентации. В чем здесь проблема? Да в том, что в реальном конфликте действительные оппоненты (субъекты) далеко не всегда выявляют себя, а зачастую скрываются за второстепенными соучастниками противоборства, или же стремятся представить в качестве субъектов конфликта такие группы и организации, которые лишь косвенно связаны с предметом конфликта. Например, в настоящее время в России постоянно возникают трудовые конфликты из-за задолженности администрации рабочим по зарплате. Нередко виновником конфликта является администрация; последняя же, как правило, пытается направить протест рабочих против государственных органов, выставляя их стороной, провоцирующей конфликт. Чаще всего такая подмена субъекта имеет место в политических конфликтах. Ведущая сторона конфликта (инициатор конфликта) может выдавать себя за какую-то иную политическую силу или стремится вообще замаскировать свое участие в конфликте, либо представить себя в качестве второстепенного субъекта. После второй мировой войны

не прекращались локальные военные конфликты то в одном, то в другом районе мира. Инициаторы конфликтов нередко выдавали себя за силы, борющиеся за мир, за свободу и демократию, преследуя в действительности агрессивные цели. Так было во Вьетнаме, где вели войну сначала Франция, стремясь удержать прежние колониальные владения, затем США — в поддержку диктаторского режима.

Субъекты конфликта не остаются неизменными в процессе противоборства. О зрелости конфликта судят по степени формирования субъектов. Чем более развит конфликт, тем выше зрелость субъектов. Динамика конфликта прямо связана с развитием его субъектов, и наоборот. Если конфликт перерастает в иное качественное состояние, соответственно качественно изменяются противоборствующие стороны. В случае развития экономического конфликта в политический ведущую роль начинают играть политическая организация наемных рабочих, с одной стороны, и институты политической власти, с другой. В такой ситуации возможны два варианта преобразования инициатора конфликта: подключение к организации экономической борьбы политических партий и движений или превращение организации, созданной для защиты экономических интересов определенной социальной группы, в политическую организацию, ведущую борьбу за власть. Подобная метаморфоза, как известно, произошла с польским профсоюзным объединением «Солидарность» и ее лидерами.

Маскировка подливого субъекта конфликта — частое явление во внутригрупповых столкновениях. Например, провоцирующий напряженность в трудовом коллективе или в каком-то подразделении госуправления стремится скрыться за действиями

других, недовольных поведением управляющего лица, официального лидера.

Проблема субъекта конфликта имеет еще один аспект. Для анализа конфликта, его динамики важно различать субъекта, инициирующего конфликтное действие и доминирующего и этом действии. Причем, это не всегда один и тот же субъект. А г е н т , спровоцировавший конфронтацию, зачастую оказывается не ведущей, не определяющей, а ведомой, определяемой стороной. Изменение соотношения противоборствующих сил — одна из закономерностей конфликта, в особенности классового, да и международного. Для военных конфликтов — это правило, хотя в истории было немало войн без победителей.

Наконец, еще вопрос. Каждая из сторон конфликта может состоять из совокупности элементов: коалиций партий, ассоциаций производителей, союзов общественных объединений, коллективов, индивидов и т.д. Для понимания характера конфликта и его направленности следует учитывать единство и имеющиеся различия во взглядах и позициях агентов, составляющих один субъект. Внутренние противоречия данного субъекта могут ослабить его позицию или усилить, в зависимости от того, как они регулируются или разрешаются. Распад субъекта и неминуемое в этом случае его поражение — крайний вариант функционирования многосоставного субъекта.

Поведение и действия субъектов направляются конфликтным сознанием. Его образует особое состояние общественного сознания, специфика которого заключается в осознании противоборствующими сторонами противоположности своих интересов,

ценностей, целей и превращении их в мотивацию активности.

Теперь о предмете конфликта. Материальный или духовный объект общественной жизни, в отношении которого формируется противоположная направленность активности людей, составляет предмет конфликта. Им могут быть экономические и социальные блага, материальные и духовные ценности, политические режимы, юридические институты, политические и общественные лидеры, их программы, идеологические доктрины, религиозные верования, права и свободы человека, нравственные и эстетические идеалы, разнообразные традиции и многое другое, что составляет элементы цивилизованной социальной жизни.

В конфликте наряду с реальным предметом конфронтации может фигурировать мнимый, так сказать, квази-предмет. Действительный предмет нередко скрыт до поры до времени. В экономическом конфликте капиталиста и наемного работника предметом противоборства являются условия труда и его оплата. Капиталист же стремится представить в качестве объекта столкновения с рабочими условия жизнеспособности предприятия, доказать, что удовлетворение требований работников подрывает основу предприятия и тем самым ударит по интересам всех конфликтующих. Военная агрессия, как правило, обосновывается агрессором с помощью мнимого предмета конфликта: угрозы его границам со стороны жертвы, защиты демократических свобод и т.п.

Козер Л. обозначил в качестве переменных (предмета) конфликта власть, статус, перераспределение ценностей и доходов. Дарендорф Р. назвал предметом современного социального конфликта право на

включение в «большинство» общества, добившегося нормальных для себя условий жизни. Парсонс Т. и его сторонники считают предметом общественного конфликта сохранение стабильности системы, ее нормативно-ценностной основы. Марксисты на первый план классового конфликта выдвигают отношения собственности на средства производства и определяемое ими политическое господство владельцев собственности.

Как следует из сказанного, понимание предмета конфликта имеет концептуальное значение и связано с общим подходом тех или иных авторов к пониманию механизма социального процесса в целом. Предмет конфликта — это его источник. В зависимости от глубины проникновения анализа в суть общественных процессов, исследователем фиксируется определенный уровень основы конфликта. Скажем, Парсонс Т. ограничивается объяснением большинства конфликтов отклоняющимся поведением людей. «Одним из источников изменения, — пишет он, — служит распространение отклоняющегося поведения, равно как и разрастание различного вида конфликтов, причем большинство конфликтов содержит в качестве существенных ингредиентов то, что может быть с полным основанием названо отклоняющимся поведением»⁸ Отсюда естественно, вывод о конфликте как временном, патологическом явлении.

Уже говорилось об определении Л.Козера, считающего общими основаниями конфликтов власть, статус, ценности. Это определение также недостаточно глубоко выясняет предмет конфликта — отношения господства, в первую очередь социально-экономического, что предопределяет типологию статусов, характер власти и ценности. Ограниченным

представляется марксистский подход, поскольку им признаются в качестве основы конфликта, его предмета лишь классовые отношения господства. В обществе же, как известно, существуют и иные виды господства, порождающие противоположность интересов, позиций, взглядов и т.п. Политические структуры как самодостаточные реальности, различного рода социальные институты, представляющие собой независимые образования, господствующие системы ценностей — все эти элементы общества оказывают обратное воздействие на классовые отношения и служат постоянным источником разнообразных конфликтов. Возьмем институт права. Он легитимирует организацию и распределение государственной власти, узаконивает определенный порядок в обществе. И, разумеется, отношение к этому институту, признание его справедливости или несправедливости — весьма существенное основание общественного конфликта.

Предметом многих конфликтов служит уровень эффективности экономики, политического р у к о в о д ства и организации общественной жизни в различных ее областях. Так, конфликт между системой г о сударственного социализма в нашей стране и обществом начался главным образом из-за низкой эффективности советской экономики, а затем он распространился на политическую сферу, хотя противоречие между политическим режимом и некоторыми социальными группами существовало еще в 20-е годы. Каждому типу общества присущи свои конфликты, соответственно и возникают они на характерной для этого общества основе. В советской системе такой основой была государственная собственность и авторитарно-партийный режим политического устройства.

Предмет конфликта — это та переменная, которая характеризует любой конфликт. Ее анализ всегда необходим, какими бы ни были конфликтные отношения.

Конфликтное действие и поведение, его средства и методы образуют сам процесс конфликта, а также составляют один из главных его структурных элементов. В литературе выделяются некоторые типы конфликтного взаимодействия: разногласие и доминирование⁹ которые выпливаются в следующие формы конфликтного поведения: конфронтацию, соперничество, конкуренцию. В политических конфликтах это выражается в таких формах противоборства, как бунт, мятеж, революция, война.

Доминирование одной стороны над другой осуществляется с помощью различных средств, в зависимости от характера конфликта : использования экономической и политической власти, влияния, авторитета, идеологического воздействия и др., вплоть до физического насилия. Доминирование порождает противоположные действия в виде массового несогласия, протестных форм поведения (забастовки, манифестации, пассивное сопротивление и пр.). В конечном, счете модели конфликтного поведения обобщаются в следующие виды: 1) достижение одним субъектом своих целей за счет другого; 2) частичная и полная уступка одним субъектом своей позиции другому; 3) взаимное удовлетворение интересов обоих конфликтных субъектов и достижение какой-то общей цели; 4) взаимное неудовлетворение интересов противоборствующих сторон и стремление перевести конфликт на новый уровень и новую форму.

Следует отметить, что если разногласие и доминирование — общие характеристики конфликтного поведения» то конфронтация, соперничество и

конкуренция — это специфические формы взаимодействия противоположностей, свойственные конфликтам, разрешающимся по формуле: «победитель — побежденный», «выиграть — проиграть». Конфронтация — это скрытая или открытая борьба сторон со взаимоисключающими интересами. Стороны стремятся разорвать связи, делающие их элементами данного единства, взаимодействия. Такова, например, конфронтация классов общества и отвергаемых им маргинальных слоев. Соперничество или соревнование — более мягкая форма борьбы, в том смысле, что она предполагает наличие у сторон определенной общности; интересов и целей. Это — борьба за достижение более высоких, по сравнению с другими, результатов в общественной деятельности (труде, спорте, науке и т.п.), за признание обществом (коллективом) новых результатов. Стремление одних коллективов, групп, индивидов превзойти результаты деятельности других в различных областях активности и заслужить поощрение от общества — таков смысл соперничества — соревнования. Итог соревнования в конечном счете — общий выигрыш, общее продвижение вперед. Каким бы ни было жестким спортивное соперничество, его результаты постоянно способствуют совершенствованию физической культуры человека. Подлинное спортивное состязание не разобщает спортсменов, а укрепляет единство в масштабах страны и даже мира. Конечно, бывает иное; складываются враждебные отношения, постоянная конфронтация между отдельными выдающимися мастерами и организациями. К примеру, такие отношения сложились между двумя ныне существующими шахматными международными организациями: ФИДЕ и Ассоциацией шахматистов-профессионалов. Причина конфрен-

тации в данном случае — не разногласия по поводу достижений шахматистов, а личные амбиции лидеров, коммерческие притязания, и частично — политические взгляды. Соревнование, независимо от того, в какие формы оно выливается — конфликтные или неконфликтные, порождается общественным контактом между людьми, включенными в коллективную деятельность, вызывающую своеобразное возбуждение жизненной энергии, увеличение эффективности труда.

Конкуренция — тоже соперничество между общественными субъектами, но такое, результатом которого является победа одного за счет подавления другого. У конкурентов нет каких-либо общих целей; они ведут жестокую борьбу за реализацию противоположных целей и интересов. Вытеснение конкурента с рынка, подавление его как активного экономического субъекта, разгром политического противника, обеспечение монополии (экономической или политической), словом, победа одного за счет гибели другого, включая физическое уничтожение, — вот принцип конкурентной борьбы в ее крайней форме выражения. Такая борьба свойственна сторонам, находящимся в антагонистическом конфликте.

Вернемся к конфликтным действиям в рамках неантагонистических отношений, т.е. при наличии у сторон не только противоположности каких-то интересов, но также и общности более значимых для этих сторон интересов и целей. Например, противоположности текущих и общности перспективных, взаимоисключения экономических и единства политических интересов и целей. Борьба между конфликтными сторонами и здесь имеет место. Она даже может перерасти в непримиримое противоборство, как это произошло внутри бывшей КПСС между

сторонниками так называемой демократической платформы и остальной частью партии. Тем не менее в рамках неантагонистических отношений складываются конструктивные формы борьбы. К ним, в частности, относятся: борьба, направленная на преобразование условий, породивших противоречие между взаимодействующими сторонами. Критика российских властей, доходящая до конфликта, со стороны партий, поддерживающих курс на капитализацию страны, по вопросам вывода общества из кризиса — это тоже борьба, но иного рода, нежели конфронтация правительства с коммунистической и социалистической оппозицией. Взаимное прогрессивное (с точки зрения реализации общих интересов и ценностей) воздействие сторон — еще один вид борьбы, обеспечивающий модель конфликта по типу «взаимное удовлетворение интересов обеих сторон» (например, соревнование). К такой же модели конфликтного действия относится борьба за выбор лучших путей, средств и методов решения общих проблем.

Напомним читателю пример из политической истории России: вековой конфликт между сторонниками и противниками ликвидации крепостного права в России. Этот конфликт был двойственным: а) между крепостным крестьянством и помещиками, а также защищающим интересы последних самодержавием (антагонистическое противостояние); б) между сторонниками освобождения крестьянства и противниками освобождения — в среде помещиков и окружения царя. Последний означал противоречие по поводу выбора путей дальнейшего развития самодержавной России. Это противоречие было достаточно острым. Не случайно реформа готовилась вначале секретно, и лишь за-

59 Лекция 2

тем были созданы губернские комитеты по подготовке предложений с мест. На заключительном этапе, когда были обобщены все поступившие в правительство проекты, соответствующая комиссия сформулировала три подхода к решению проблемы. Один был против всякого освобождения крестьян; другой — допускал освобождение, но без выкупа крестьянами земли; третий настаивал на освобождении крестьян с землёю. За каждым из проектов стояли различные губернские комитеты (московский, петербургский, тверской), представлявшие большие группы дворянства. Известно, что обсуждение проектов протекало настолько остро, что даже имел место смертельный исход для одного из главных чинов — непосредственного организатора, председателя редакционной комиссии Ростовичева. Правда, острота борьбы не особенно повлияла на окончательный результат. Реформа, осуществленная Александром II, оказалась половинчатой: крестьяне получили свободу без выкупа, были наделены земельными участками, но с обязательством платить помещику деньгами или трудом (оброк, барщина). Таким образом, конфликт внутри господствующего класса был разрешен, по модели: «взаимное удовлетворение интересов сторон». Другой же конфликт — между крестьянством и господствующим классом — оказался решенным лишь частично. Здесь была реализована модель «частичная или полная уступка одной группой своих интересов другой группе». Частичное решение конфликта породило впоследствии острую борьбу крестьянства против помещиков и самодержавия под лозунгом большевиков: «Заводы и фабрики — рабочим, землю — крестьянам».

Итак, борьба сторон за реализацию взаимоисключающих интересов, позиций и целей; борьба за

противоречивые интересы, позиции и цели при наличии превалирующего над противоречием единства, более существенных интересов; борьба, связанная с выбором путей, средств и методов достижения общих интересов и целей, — таковы некоторые модели конфликтного действия общественных субъектов. Взаимодействие конфликтующих субъектов разворачивается в определенном времени. Имеется в виду продолжительность конфликта, последовательность его этапов, темпы протекания противоборства. Конфликт также характеризуется своим полем, что входит в состав элементов его структуры.

Социальное поле, по мнению французского социолога П.Бурдьё, — это специфическая система объективных связей между различными позициями, находящимися в конфликте или в альянсе, в конкуренции или кооперации, определяемыми в большей степени факторами, не зависящими от субъектов — носителей позиций. Структура поля есть состояние соотношения сил между агентами (действующими субъектами), вовлеченными в борьбу.¹⁰ Поле есть одновременно место соотношения сил и борьбы, направленной на трансформацию этих отношений. Поле нельзя рассматривать как нечто раз навсегда данное, независимое от субъектов. С точки зрения П.Бурдьё, социальное поле, в частности, политическое, является условием и постоянно производящимся и институтирующимся результатом практики." Поле составляют агенты, позиции институты, документы, используемые в борьбе, правила игры (если они есть), т.е. все то, что фигурирует и с чем связаны конфликтные действия, образует содержательные границы его. Например, полем конкурентной борьбы является рынок; полем соперничества политических партий — выборная кампания, осуществляемая на определенной территории страны.

Понятие «поле» конфликта включает в себя предмет конфликта, но не сводится к последнему. Предмет, как отмечалось, есть источник и объект противоречия-конфликта, а поле — все, что составляет сферу конфликтных действий. Элементы поля, например, правила игры, могут стать предметом конфликта, если по их поводу возникает противоборство.

Главная линия конфликта или ядро конфликта — это сектор поля, характеризующий тот элемент взаимодействия, который определяет противоположность позиций сторон. Иными словами, это кон-фликтогенный фактор, прежде всего противопоставляющий оппонентов. Скажем, нынешний российский режим и социалистическую оппозицию разделяет многое, но ядром конфликта является неприятие оппозицией проводимого курса на принудительную капитализацию страны.

Любой конфликт возникает, протекает и разрешается на фоне конфликтной ситуации. Последняя — неотъемлемая сторона конфликта, существенный элемент его структуры.

Конфликтная ситуация включает, в первую очередь, острую форму противоречия, образующего основу конфликта; именно такую, при которой обе противоположности или одна из них уже не могут существовать в рамках прежней взаимосвязи, единства. Одну сторону или обе не удовлетворяют, к примеру, социальный статус, уровень участия в системе власти, возможность доступа к распределению благ и т.д. Словом, как по Ленину, одни не могут управлять по-старому, а другие (массы) не хотят больше жить по-прежнему.

Наличие конфликтной ситуации свидетельствует о сформировавшихся конфликтогенных факторах,

говорит о появлении инициатора конфликта (лидера, группы, организации), а также о готовности поддержать его со стороны других субъектов со сложившейся установкой на конфликт. Конфликтная ситуация в обществе — это ситуация социальной напряженности, когда подорвана легитимность в самом широком смысле слова (социальная оправданность) различных общественных структур, ценностей, порядка. Конфликтная ситуация стимулируется кризисными явлениями. Кризисы в обществе могут выступать условием возникновения конфликтной ситуации, либо являются фоном, на котором разворачиваются конфликты. Нынешняя ситуация в России характеризуется наличием всех составляющих конфликтной ситуации, связанной с глубоким системным кризисом общества.

Функции конфликта. Данный вопрос в литературе рассматривается в рамках двух взаимно исключающихся парадигм: восприятия конфликта как диалектически-созидательного фактора (наиболее распространена) и представления о конфликте только как разрушительного явления. Первая парадигма вытекает из признания закономерного характера конфликта; вторая — из восприятия его как патологии.

В настоящей работе реализуется диалектически-созидательный подход к проблеме функций конфликта. Он предполагает, на наш взгляд, необходимость учитывать ряд методологических требований.

Следует рассматривать функции конфликта как закономерную взаимосвязь последнего с общественным процессом. В таком ракурсе вопрос о функциях предполагает, во-первых, выяснение объективных последствий конфликта для общества; во-вторых, анализ форм выражения и взаимосвязи конфликта

с характером общественных структур. Тот и другой аспекты функций конфликта внутренне противоречивы, «причем характер противоречий зависит от природы не только общества, но и самого конфликта»¹²

От типа общества, исторического этапа его развития, уровня культуры зависит характер конфликтов, масштабность и острота, способы решения, а следовательно, и функции. Само собой разумеется и другое: функции конфликтов различных уровней неодинаковы как по характеру, так и по масштабу влияния на общественные процессы. Конфликты на уровне групп оказывают на общество, естественно, несравнимо меньшее влияние, нежели классовые или межнациональные конфликты. Значение конкурентной борьбы двух или нескольких промышленных групп ограничено сферой данной отрасли производства. Влияние же социального движения как выражения классовых, социальных противоречий распространяется и на экономику, и на социально-политическую жизнь в целом. Качественно различен набор функций конфликтов, развертывающихся в главных сферах общества (экономической, социальной, политической и др.).

Особенное не отменяет общее, в особенном проявляется общее. В многообразии последствий конфликтов реализуются некоторые общие их функции. Представление о них у конфликтологов неоднозначное. Некоторые ученые насчитывают около 30 функций конфликта. Ростовский исследователь Запрудский Ю. разделил все функции на две группы: «материальные» и «духовные», а затем, «отвлекаясь от различий материального и духовного свойства», отметил три наиболее важные общие функции, при-

сущие любым конфликтам: «сигнальную, дифференциальную и динамическую»¹³

Анализ функции корректен в рамках формулы: «конфликт — интеграция». В социуме — это два взаимосвязанные противоположные общественные отношения, понять значение которых невозможно, если рассматривать их в отдельности. Общественный процесс представляет собою цепь взаимопереходов интеграции в конфликт, конфликта — в интеграцию. В литературе встречаются и другие классификации функций. Учитывая, что конфликт есть форма выражения противоречия, его проявления и разрешения, отметим прежде всего такую общую функцию, как **информационно-познавательная**. В самом деле, любой конфликт сигнализирует о наличии проблемы, требующей решения, позволяет ее познать, поскольку выявляется в совокупности воспринимаемых людьми фактов. Конфликт стимулирует познание интересов, ценностей, позиций, сталкивающихся в противоборстве субъектов; высвечивает сущность социальных изменений, выраженных противоречием, лежащим в основе конфликта. Разногласия, дискуссии как формы конфликтного поведения способствуют поиску истины. В ходе и в результате взаимных столкновений социальные агенты лучше узнают друг друга, усваивают полезный с точки зрения каждой стороны опыт, находя, при желании, возможные точки соприкосновения их взглядов и интересов. В процессе конфликта раскрывается подлинная картина того, что представляет из себя каждая сторона, какие ценности (и ценности ли) она отстаивает.

Фашизм был «вещью в себе» для народов Европы, а тем более советских людей, пока не развязал мировую войну, не стал воплощать в жизнь

варварские замыслы своих лидеров. Вторая мировая война была величайшей трагедией XX века; но вместе с тем она показала, по какому пути нужно идти человечеству, чтобы в будущем вновь не оказаться перед катастрофой. И еще: народы мира и в первую очередь Европы убедились в способности русского и других народов, объединенных в бывшем СССР, противостоять самому мощному агрессору, отстаивать свою Родину и принести освобождение миллионам людей в странах Европы и Азии... Как бы ни пытались многие нынешние политики (например, поляк Валенса или лидеры Литвы, Латвии, Эстонии) очернить освободительный подвиг Красной Армии, им не переделать уже состоявшуюся историю.

Другая всеобщая функция конфликта — интегра-тивная. Казалось бы, мы имеем дело с парадоксом: конфликт способствует интеграции, объединению людей, а стало быть, установлению равновесия, стабильности в обществе. Однако такова реальная диалектика социума, где конфликт и интеграция, как уже отмечалось, неразрывно взаимосвязаны и постоянно меняются местами. Доминирование одного сменяется доминированием другого. Возникновение, развитие, а главное, разрешение конфликта сплачивает группы, сообщества, способствует гармонизации общественных отношений, стимулирует социализацию групп и индивидов, а тем самым содействует формированию необходимого равновесия в общественном организме. Всем известно, каким объединяющим фактором для советского народа стала Великая Отечественная война. Это еще раз подтвердили ветераны войны — участники празднования 50-летия Победы. Единство победившего народа было подорвано другим конфликтом, спровоцированным после войны сталинско-бериевскими

ОСНОВЫ КОНФЛИКТОЛОГИИ

репрессиями против отдельных национальных групп, бывших военнопленных» ряда государственных и военных деятелей, творческой и научной интеллигенции.

Драматические события в стране в послевоенные годы, возникший конфликт между частью общества и государственно-партийным режимом подтвердил ту истину, что любое состояние равновесия, интеграции, единства временно, относительно, поскольку в обществе могут возникать новые конфликты.

Конфликт — фактор социальной дифференциации — оборотной стороны интеграции. Понять это свойство конфликта проще. Противоборство сил разоб- щает их, проводит зримую черту между сторонниками соперников, разрушает прежние структурные образования и стимулирует возникновение новых. Дифференцирующее воздействие на социальный организм антагонистического конфликта выражается в расколе общества на полярности. В случае социального плюрализма, наличия пересекающихся социальных противоречий, конфликтов (назовем такие общества многосоставными) дифференциация многовариантна (многогрупповая), что создает предпосылку для одновременного образования смешанных и переходных групп. Таков средний класс.

Одна из общих функций конфликта — функция **стимулирования адаптации** социальной системы или ее отдельных элементов, включая субъектов, к изменяющейся среде. Обществу, социальным группам, индивидам, партиям и др. объединениям, идеологиям, культурным системам приходится постоянно сталкиваться с новыми условиями и новыми потребностями, порождаемыми происходящими изменениями. Отсюда необходимость адаптации, приспособления к новой ситуации путем преобра-

зования форм и методов деятельности и отношений, переоценки ценностей, критики устаревших образцов поведения и мышления. Понятно, что процесс адаптации не происходит без противоречий и конфликтов между старым и новым, отжившим и нарождающимся. Если общественная система или какие-то подсистемы (экономические, политические и др.) не справляются с возникающими конфликтами в процессе адаптации, они уходят в небытие.

Конфликты — движущий механизм социальных изменений, процессов развития, модернизации и распада исчерпавших себя образований. Они — гарантия прогресса, поскольку предполагают вскрытие и преодоление противоположностей интересов, ценностей, позиции общественных сил.

Революции
— локомотивы истории; экономическая конкуренция

— могучий рычаг прогресса экономики; социальные движения — факторы общественного развития; противоречия и конфликты в науке — непереносимое условие превращения знаний, перехода от одних систем научного мышления к другим. В стабильных социальных организациях конфликты выявляют проблемы, способствуют формированию новых потребностей и тенденций развития, играют важную роль в артикуляции интересов.

До сих пор шла речь о конструктивных функциях конфликта. Однако они неотделимы от разрушительных последствий, от дисфункции. Любая позитивная функция конфликта имеет негативную сторону. Та и другая проявляются в определенной ситуации, на определенной стадии конфликта, в результате целенаправленных действий противоборствующих субъектов. Объективные последствия конфликта (конструктивные либо деструктивные) зависят от многих переменных и, в значительной степени, от средств борьбы. Насильственные средства

3*

ведут к расколу общества, а не к его интеграции. Насильственный конфликт может перерасти в хроническую форму, стать конфликтом антагонистическим, даже если ранее он таковым не был. Последовательная серия насильственных конфликтов дробит общество, дезорганизует и препятствует его духовной и практической консолидации. В итоге общество оказывается в тупике. Так что, говоря о позитивных функциях конфликта, следует иметь ввиду противоречивую возможность ее реализации. Последствия любой революции — тому пример.

Позитивные (конструктивные) функции конфликтов не реализуются, если а) они не регулируются совместными усилиями противоборствующих агентов; б) подавляются одной из сторон; в) загоняются внутрь общественного организма. Реализация потенциальных позитивных возможностей конфликтов оказывается успешной при условии признания их целесообразными, плодотворными как нормального состояния общественных отношений.

3. Типология конфликтов.

Типология конфликтов — одна из широко обсуждаемых зарубежными и отечественными учеными проблем. Актуальность ее объясняется как теоретическим, так и, в особенности, прикладным значением. Что касается теоретического аспекта, то классификация изучаемых явлений в любой отрасли социального знания всегда рассматривалась одним из важных исследовательских методов. Прикладной аспект связан с практикой управления конфликтами. Классифицируя конфликты, мы тем самым получаем возможность конкретней раскрыть их особенности, отследить индикаторы конфликтности в той или иной сфере общественных отношений и де-

тельности, специфику динамики конфликтов различных типов, а на этой основе разработать стратегию и тактику распознавания конфликтов, их регулирования и разрешения.

В литературе предлагаются многочисленные варианты классификации конфликтов, по разнообразным основаниям. В монографии Запрудского Ю. дается достаточно широкий анализ этих вариантов, разработанных зарубежными теоретиками. (См.: Запрудский Ю. Социальный конфликт: политологический анализ. Ростов-на-Дону: изд-во Ростовского ун-та, 1992). Автор отмечает отсутствие среди ученых согласия по вопросу о «критериях выделения разнородных коллизий в особые типы», объясняя такое положение не соображениями идеологического характера, а объективной трудностью решения самой проблемы¹⁴ Такое же замечание можно высказать в адрес отечественных социологов и политологов.

Основания для типологии конфликтов, как правильно пишет Запрудский Ю., могут быть весьма различными. Выбор таковых зависит прежде всего от задачи и характера исследования, а также методологического подхода к проблеме типологии. Р.Дарендорф, например, исходит из того, что специфика социального конфликта заключается в его обусловленности социальной структурой, а именно — «структурой социальных позиций и ролей» в рамках определенного социального единства. Отсюда разработанная им классификация социальных конфликтов по двум критериям: «диапазону социального единства, внутри которого существует конфликт» и соотношению рангов участвующих в конфликте элементов. Сочетание этих критериев дает 15 видов конфликтов. Они зафиксированы в нижеследующей таблице.

Ранг участников Социальное единство	Конфликт противников одного ранга	Конфликт противников находящихся в отношении подчинения одного другому	Конфликт целого и части
А роли	Пациенты и касса (в роли врача)	Профессиональная роль и роль в объединении. Семья родителей и собственная семья	Роль солдата и обязанность выполнять приказ. Социальная личность и семейная роль
Б группы	Мальчики и девочки (в школьном классе)	Правление и член объединения.	Старый коллектив и новичок (в отделе предприятия)
С секторы	Фирма А и фирма Б	Объединение предпринимателей и профсоюзы	Католическая папство и «старокатолики»
Д Общества	Протестанты и католики	Правящая партия и оппозиция ...	Государство и этническое меньшинство.
Е Межлугнаполные отношения	Запад и Восток	Германия и Польша	ЕЭС и Франция

Руткевич М.Н. предлагает «одну из возможных схем классификации социального конфликта»,

продолжающую введенную Марксом традицию деления общественных отношений на экономические, политические, идеологические. Соответственно различаются и группы конфликтов. Сам же автор предлагает типологию, основанную на различиях вступающих в конфликт социальных субъектов. В связи с этим он описывает три типа социальных конфликтов: между обществами (один из древнейших, начиная со столкновений племен), между этническими группами, между социальными группами и внутри данного общества¹⁶. Трудно что-либо возразить против названных типов социального конфликта. Тем не менее они весьма общи, и каждый из типов включает в себя другие группы конфликтов, дифференцируемые по иным существенным признакам.

Запрудский Ю. предлагает классификацию конфликтов по многим основаниям:

- 1) по причинам конфликтов: порожденные объективными и субъективными причинами;
- 2) по наличию противоречий, лежащих в основе конфликта: антагонистические и неантагонистические;
- 3) по времени действия конфликта: продолжительные и кратковременные;
- 4) по наличию последствий для общества: успешные и безуспешные;

и т.д. Подход автора выглядит достаточно много-сторонним. Но Он слишком усложнен.

Множественные основания типологии конфликтов, если их использовать, приводят к такой классификации, которой трудно руководствоваться и в теоретическом анализе и, тем более, в прикладных целях. К примеру, некоторые юристы насчитывают более 200 «зон» (видов) конфликтов, возникающих

на юридической основе. Возможно ли их конкретно охарактеризовать и освоить?

Привлекает внимание методология классификации конфликтов, предлагаемая Здравомысловым А., опирающаяся на две линии «расчленения»: по «основаниям апелляции к **потребностям, интересам, ценностям и нормам**»; по сферам жизнедеятельности, в которых разворачивается конфликт (экономической, политической, культурной).^{16-а} Что касается движущих сил конфликта (то есть его субъектов), то они рассматриваются в связи с указанными двумя линиями классификации конфликтов. Обоснованность последнего суждения нам представляется недостаточной.

Думается, что логически обоснованным и достаточно понятным будет типология конфликтов, основанная на определении и структуре конфликта. Поскольку конфликт суть противоборство субъектов из-за осуществления противоположных интересов, целей, ценностей и т.д. в границах определенного социального единства, то соответственными должны быть и типологические различия конфликтов. Они прежде всего обозначаются по линии их субъектов-носителей, а также той социальной среды (социального единства, системы общественных отношений), элементами которой они являются.

Субъектами социальных (общественных) конфликтов выступают: личности, группы, классы, этнические общности, социальные организации и институты, политические союзы, государства, международные объединения. Соответственно различаются типы конфликтов: межличностные, внутригрупповые и межгрупповые, межклассовые и внутриклассовые, этнические (или национальные), внутренние конфликты организаций и институтов, конфликты,

Лекция 2

возникающие между государствами, т.е. международные. Данакин Н.С., Дятченко Л. Я. отмечают различия конфликтов по уровню субъектов: глобальные, межгосударственные, региональные, групповые, семейные, межличностные.¹⁷ Возможен, конечно, и такой вариант, отражающий последовательность сужения диапазона конфликта. Следует только учесть, что семейный конфликт относится к групповому, а глобальный — к международному.

Критерий данного вида типологии конфликтов — уровень субъектов относительно социальной системы. На этой основе строится различие горизонтальных и вертикальных конфликтов. В таком контексте подчеркивается ранг субъектов — их равнозначность или соподчиненность.

Противостоящие субъекты живут и борются в различных подсистемах общественных отношений и деятельности. Отсюда вытекает классификация конфликтов по критерию сфер жизнедеятельности общества: экономические, социальные, политические, правовые, идеологические, нравственные, религиозные, научные, управленческие конфликты. Их носителями могут быть любые из вышеперечисленных субъектов. Они объединяются в рамках теории среднего уровня. Экономический конфликт — это конфликт прежде всего по поводу присвоения, распоряжения и использования средств производства, а также организации и управления производством материальных благ и их распределением. Социальный конфликт — по поводу средств жизнеобеспечения, реального доступа к различным благам и ресурсам. Одной из разновидностей социального конфликта является этнический конфликт, связанный с защитой прав и интересов национальных групп. Политический конфликт — обобщающий по-

отношению к другим общественным конфликтам; он возникает по поводу власти, ее приобретения, защиты и использования в интересах определенных социальных групп или большинства общества. Правовой конфликт формируется в системе правовых отношений и по поводу юридических норм и правосознания. Управленческий конфликт присущ управленческим отношениям, рождается на различных этапах разработки принятия и реализации управленческих решений. Идеологический, религиозный, научный, нравственный и другие конфликты, характеризующие процессы духовной жизни людей, возникают и существуют в сфере духовной деятельности и взаимоотношений по поводу духовных ценностей.

Любой из указанных типов конфликта может быть как горизонтальным, так и вертикальным. Не исключается одновременное сочетание того и другого типологических признаков. Такое сочетание в некоторых видах конфликта (например, в политическом) — не исключение, а правило. Конфликтное отношение общества и власти никогда не бывает таким, чтобы властям противостояли все без исключения- слои общества. В любой конфликтной политической ситуации на стороне власть предержащих оказываются отдельные группы, вступающие в борьбу с оппозиционной по отношению к властям частью общества. Таким образом, вертикальный конфликт переплетается с горизонтальным — между противоборствующими социальными группами;

Типология конфликтов по уровню субъектов и сферам общественных отношений — это этап довольно абстрактного разграничения общественных конфликтов. Теоретический и, в особенности, прикладной анализ не ограничиваются им. Восхожде-

ние от абстрактного к конкретному в данном анализе предполагает переход к критериям различения типологических групп конфликтов по главным структурным элементам. Такой ход мысли естественен: он воспроизводится даже на уровне обыденного восприятия конфликта. Первым вопросом, возникающим перед любым человеком, задавшимся целью объяснить тот или иной конфликт, является вопрос о конфликтующих сторонах и о том, в какой сфере жизни, где разворачивается конфликт. Затем следует вопрос: на какой основе возникает конфликт, какова его причина и предмет. Критерий основы конфликта — причины и предмета — более конкретен, чем предыдущий; он ориентирует мышление на объяснение внутренней структуры и содержания конфликта, его детерминации, обусловленности. В качестве различительных типологических признаков конфликта уже выступают интересы, ценности, нормы, позиции, взгляды. Отсюда выделяются соответствующие группы конфликтов: интересов, ценностей и т.д. Может возникнуть возражение, что отмеченные признаки характеризуют одни и те же конфликты. Многие политические конфликты, например, возникают по поводу интересов, ценностей, взглядов и т.д. И все же в политическом конфликте на первом месте всегда интерес, связанный с властью как орудием доступа к обладанию и распределению благ. Все остальное — прикрытие или обоснование интересов. Известное изречение видного английского политика Пальмерстона: «У нас нет вечных соперников и вечных врагов, вечны, для нас только интересы» — тому подтверждение. Конфликты между однотипными, родственными политическими системами, скажем, капиталистическими государствами, или военными союзами — это конф-

ликти интересов. Видимо, правы те политики России, которые считают, что многолетняя конфронтация между США и СССР была основана не столько на противоречии между идеологиями, сколько на соперничестве за политическое и экономическое влияние в мире, т.е. на противоположности интересов. В отличие от конфликта интересов идеологический, религиозный, нравственный конфликты относятся к группе конфликтов ценностей и взглядов. Таковым скажем, был долгое время конфликт между бывшим III Коммунистическим Интернационалом и европейской социал-демократией. Правовой конфликт — это конфликт норм и правовых взглядов. Конфликты в науке следует отнести к группе борьбы взглядов, хотя нередко они перерастают в противостояние интересов. Таковым было противостояние группы Лысенко, поддерживаемой долгое время властями, и новаторов-генетиков Вавилова, Дубинина и других ученых.

В зависимости от **характера** интересов, ценностей, взглядов противостояние может быть различно как антагонистическое, враждебное, связанное с насильственными методами и неантагонистическое, происходящее в рамках некоторых общих интересов. Непримириемые основные интересы, разделяющие соперников, порождают антагонистический конфликт. Противоположности интересов при наличии некоторой общей основы существования соперников выливается в конфликт неантагонистический.

Критерий основы конфликта может разделять их на внутренние и внешние. Если противоречие, вызвавшее конфликт, лежит в сфере разных социальных единств, элементами которых являются соперничающие субъекты, то в таком случае имеет место внешний конфликт. Противоборство, возникающее в не-

Лекция 2

драх данного социального единства, есть конфликт внутренний.

Продолжая восхождение от абстрактного к конкретному в анализе типологий конфликта, приходим к необходимости различать конфликты по механизму борьбы, ее методам и формам, динамике протекания конфликта, степени его интенсивности. В данном контексте особо важное значение имеет разграничение насильственных и ненасильственных конфликтов. Уровень интенсивности первых всегда выше. Интенсивность конфликта прямо связана с методами и формами противоборства соперников.

Теоретически и практически значимо различие конфликтов по времени протекания. Одни из них продолжительные, другие кратковременные.

Конкретизация типологии конфликтов может быть продолжена с учетом других структурных элементов конфликта, а также на основе функционального критерия (конструктивные, деструктивные конфликты). Классификация конфликтов была бы неполной, если бы мы не подчеркнули качественное различие конфликтов, обусловленное историческими эпохами, типом социальных систем и, наконец, спецификой конкретных человеческих сообществ — стран. Современные конфликты существенно отличаются от конфликтов начала XX века. Конфликто-генная ситуация в России иная, чем, скажем, в любой из западно-европейских стран. Сказанное не означает отрицания некоторых общих черт конфликтов прошлого и современности.

Любые разделительные линии в научном анализе относительны. Различия при определенных условиях взаимопереходят, образуя некоторый синтез, тождество. Описанный вариант типологии конфликтов не опровергает эту диалектическую истину. Сле-

дует обратить внимание, в частности, на взаимопереход конфликтов, присущих разным сферам общественной жизни. Политический конфликт, к примеру, возникает не на пустом месте, а, как правило, является продолжением социально-экономических противоречий, правовой конфликт есть определенная стадия развития и обострения экономических, социальных и прочих конфликтов. В свою очередь, политический и юридический конфликты, возникнув и разрастаясь, оказывают стимулирующее воздействие на борьбу противоположностей в других сферах; успешно разрешающиеся политические и правовые коллизии, напротив, способствуют снижению напряженностей в других сферах общественных отношений.

Взаимосвязь и взаимопереход конфликтов различных типов (по критерию сфер общества) обуславливает многообразие подходов в анализе каждого типа, требует учета влияния других. Закономерен и необходим, например, правовой подход при анализе последствий экономического или политического противоборства, равно как и экономический или политический подход при рассмотрении и разрешении правовых коллизий. Правда, политический и правовой аспекты анализа порою очень трудно разделить, если речь идет о макроконflikте. В ходе известного процесса в Конституционном суде РФ по запросам групп депутатов бывшего Верховного Совета РСФСР о соответствии Конституции Указов Президента России, запретивших КПСС, и конституционности самой бывшей правящей партии сложилась интересная (с точки зрения конфликтолога) ситуация. Настойчивые требования бывшего председателя Конституционного суда Зорькина не смешивать юридический аспект рассматриваемого кон-

фликта с политическим, остались без внимания старой, да и самих судей. С первых же выступлений сторон, а также вопросов и реплик судей, стало ясно, что разделить правовой и политический аспекты в оценке исторической деятельности политической партии и запретительного акта высшей инстанции исполнительной власти государства не удастся. И это не было ошибкой суда, а обуславливалось природой рассматриваемого дела как прежде всего конфликта политического. Да к тому же — и самой Конституцией, являющейся не только Основным Законом, т.е. юридическим документом, но также важнейшим политическим актом — договором между обществом и государством.

Нужно заметить практическую значимость анализа экономических, политических, правовых и других конфликтов с позиции их социальных последствий. Иными словами, при рассмотрении этих видов конфликтов должен найти свое место социологический аспект, что позволит выявить социальную цену, которую платит общество за указанные конфликты, или по достоинству оценить социальное приобретение за счет их существования и разрешения.

Взаимопереход конфликтов прослеживается на уровне субъектов. За противоборствующими личностями могут стоять социальные группы, классы, партии, даже политические системы. Вместе с тем конфликт групп, партий, классов, политических систем находит свое субъективное воплощение в противостоянии личностей-лидеров, элит. Так что анализ, скажем, классового конфликта включает его рассмотрение сквозь призму конфронтации личностей и элит — наиболее активных групп индивидов — представителей интересов данных классов. Здесь

возникает серьезная проблема: опасность сведения конфликта более высокого уровня и масштаба к борьбе противоположностей ниже стоящего уровня. Проще говоря, опасность подмены конфликта общественного личностным, межпартийного — внутригосударственным, общенационального — внутрипартийным или даже — между элитами и т.п. Такая подмена извращает подлинную картину общественно-политических ситуаций, вводит в заблуждение социальные силы, способствует деструктивному развитию социальных коллизий.

Конфликтологический анализ российского социума, проведенный, в частности, под эгидой Центра конфликтологических исследований РАН, показывает, что в нашем обществе сосуществуют, наслаиваются друг на друга, взаимопереходят все описанные типы конфликтов. Но на первый план выходят: политическое противоречие между властью и массами; экономическое противоречие между макроэкономическим процессом и микроэкономическим приспособлением населения; социально-экономические — между отдельными группами населения, связанные с глубокой дифференциацией общества; этнические конфликты, возникшие в результате развала Союзного государства и др. Основной источник противоречий и конфликтов восходит к принудительной модернизации общественной системы на капиталистической основе в форме перехода к рыночной экономике и построения правового демократического государства по западным моделям. Избранный правящей элитой курс на форсированное разрушение государственного социализма и реставрацию капиталистической системы с помощью усиления «демократической диктатуры» стимулирует нарастание напряженностей, развитию их

в конфликты разных уровней и масштабности. Субъектами конфликтов стали уже не отдельные индивиды и малые группы, а все основные слои общества и политические группировки. К сожалению, поликонфликтность общества, наличие многообразных противоречий не создают условия для расширения демократии и блокирования деструктивных конфликтов. Напротив, имеет место тенденция взаимного усиления конфликтных ситуаций и социальных напряженностей.

Разнообразные конфликты и противоречия аккумулируются в объективном процессе «перехода от интеграции и дифференциации одного типа к социальной интеграции и дифференциации другого типа.¹⁸ Именно это глубинное противоречие является связующим звеном всех конфликтов, и его разрешение, если оно возможно, или хотя бы ослабление создаст предпосылки для установления согласия в обществе и стабильности системы, для выхода из всеобщего кризиса.

Литература.

1. Nohlen D. Worterbuch Staat und Politik. Bonn 1991. SS. 298-311.; Современная западная социология. Словарь. С. 78
2. Краткий словарь по социологии.
3. Аг А. Конфликт. Политология вчера и сегодня. Вып. III, М., 1991. С. 152
4. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, (перевод с английского) М., 1992. С. 56
5. Там же. С. 58
6. Руткевич М. Социальный конфликт: философское измерение. Вестник Российской Академии Наук, июнь 1994, т. 64, 6. С. 481

7. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта. Социологические исследования, 1994, 5. С. 141.
8. Парсонс Т. Общий обзор. В сб. «Американская социология» М., 1972. С. 376.
9. Желтухин А. Социологическая концепция конфликта. Социологические исследования, 1994, 4.
10. Рурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 19.
11. Там же. С. 24.
12. Запрудский Ю. Социальный конфликт. Политологический анализ. Ростов-на-Дону. Изд-во Ростовского университета, 1992. С. 83.
13. Там же. С. 84.
14. Там же.
15. Дарендорф Р. Указ. соч. С. 141.
16. Руткевич М. Указ. соч. Там же. С. 466-487.
- 16а. Здравомыслов А. Социология конфликта. М., 1996 (3-е изд.) С. 102.
17. Социологические исследования, 1994, 4. С. 100.
18. Дмитриев А. Конфликт на российском распутье. Социологические исследования, 1993, 9.

Лекция 3. УСЛОВИЯ И ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТА, ЕГО ДИНАМИКА

Дальнейший анализ конфликта предполагает выяснение его детерминации и динамики как процесса. Такой поворот познания высветит новые существенные характеристики конфликта.

1. Детерминация конфликта.

Это — фундаментальная проблема конфликтологии, так как связана с раскрытием природы конфликта.

Общезначимая категория детерминации применительно к теории конфликта нуждается в конкретизации. Данное понятие обозначает объективную и субъективную обусловленность конфликта. Главная форма детерминации — причинная обусловленность конфликта, причем как непосредственная, так и опосредованно действующая. Вместе с тем к причинной взаимосвязи не сводятся все формы детерминации. Конфликт порождается также под воздействием комплекса факторов, не имеющих причинного характера. Это пространственный и временной факторы, функциональная взаимосвязь, закономерности взаимодействия системы и ее элементов, взаимоотношение материального и духовного, целевая детерминация и т.п. В совокупности детерминирующих факторов переплетаются необходимость и случайность, динамические и статистические связи, рациональное и иррациональное, практическое и духовное, религиозное и научное — все зависит от того, какой конфликт возникает.

Обосновав взаимосвязь конфликта с противоречием, объективно присущим социальной системе, мы тем самым обозначили общий методологический подход к решению проблемы. Противоречие лежит в основе любого конфликта, поскольку последний, как отмечалось, есть форма его проявления, выражения и развития. Но этого мало. Прав проф. Здравомыслов А.Г., подчеркнув, что для понимания природы конфликта недостаточно указания на его связь с социальным противоречием. Однако трудно согласиться с мнением социолога, что такой подход «уводит исследователя от постановки задач социологического анализа реальных конфликтов, растворяет частное в общих понятиях»¹. Двигаться к познанию от общего к частному еще не означает растворять второе в первом. Тем более, что в данном случае мы оперируем тем и другим общими понятиями. В конкретном же анализе пойдет речь о конкретных, частных противоречиях и конфликтах. Отправной пункт в анализе причин конфликтов — выяснение тех конкретных противоречий, которые лежат в их основе, в самих процессах реальности, а не в представлениях людей. Неспособность или нежелание видеть за конфликтом реальные противоречия порождает поверхностные представления о нем. Принимая противоречие за исходное, ошибочно считать его существующим вне и независимо от деятельности сознания людей. Уже отмечалась объективно-субъективная природа диалектических социальных противоречий. Подчеркнем еще раз, что любое общественное явление, какой бы природы оно ни было, есть результат действия людей. Реакция людей на возникшую противоположность, их действие, направленное на преодоление или сохранение противоположностей, — разве все это не оказы-

вает влияния на объективные отношения? Управление противоречиями было бы иначе невозможно.

Вопрос о причинах и условиях возникновения конфликта есть вопрос о совокупности факторов, определяющих и стимулирующих обострение тех или иных противоречий в обществе и перерастания их в конфликт. Причем, повторяем, речь не идет о формуле «одно противоречие — один конфликт». Отдельное социальное противоречие может породить цепь конфликтов, и, наоборот, один конфликт вполне может стать результатом действия многих противоречий. В большинстве своем таковы, в частности, политические и национальные конфликты.

С решением проблемы детерминации конфликтов прямо связано их понимание либо как естественного, закономерного, либо, напротив, как временного явления, скорее патологии, чем нормы, как дисфункции, а не функции.

Рассмотрение проблемы детерминации конфликта опирается, на некоторые общие положения, обозначенные в литературе.

Во-первых, ввиду многообразия конфликтов разнообразны причины и условия их возникновения: причины появления социальных конфликтов одни, экономических — другие и т.д. Тем не менее существуют некоторые общие детерминанты. При анализе конфликта любого вида выявляются объективные и субъективные причины его возникновения. Во-вторых, конфликт — это всегда субъектно-объектное отношение (взаимодействие), происходящее в социальной среде. Поскольку он прежде всего существует в действительности, но также и в представлении субъектов, то причины конфликта соответственно формируются не вне этого взаимодействия, а внутри «его, по-разному осознаваемого и оцениваемого

субъектами с позиции своих интересов». Из определения конфликта как борьбы за реализацию противоположных интересов вытекает вывод об определяющей роли последних в совокупности факторов, детерминирующих конфликты. В-третьих, конфликт — многосложное явление, в нем переплетаются социально-экономические, политические, идеологические, психологические элементы. Социальная природа конфликтов не исключает влияния на их возникновение социально-биологического фактора. Акцентируя внимание на объективных причинах и условиях, было бы односторонностью недооценивать роли внутрисубъектных, в том числе иррациональных факторов, включая менталитет и даже инстинкты. Все это порождает извне противоборство субъектов, проходит через их сознание и самосознание и приобретает вид, зависящий от многих обстоятельств, в первую очередь — от уровня культуры человека. В-четвертых, учитывая то обстоятельство, что социум сложен и происходящие в нем процессы представляют сочетание конфликтной и функциональной форм, следует при анализе детерминации конфликтов учитывать как временно действующие причины и условия, так и постоянно возобновляющиеся. Что же делает человеческие интересы; противоположными, а вместе с ними взаимоисключающими цели и ориентации? В первую очередь, конечно же, реальное положение людей в общественной системе разделения труда, отношений собственности, системе власти, доступа к распределению благ, к ценностям. Если существующая система общественного производства и социальных отношений такова, что она создает базу для удовлетворения потребностей и интересов одних за счет ущемления других, если ценности одних навязыва-

ются другим, то такое состояние чревато конфликтами.

Отношения господства как права одних властвовать над другими были и остаются характерными для всех общественных систем. Они по природе своей противоречивы, являются базой для конфликта. Отношения господства составляют механизм различных форм социальной власти. Они обуславливают асимметрию социальной структуры общества, иначе говоря, социальное неравенство, выражающееся в разделении общества на господствующее меньшинство и подчиненное большинство. Отношение господства может восприниматься большинством как норма, в силу традиции, закрепления правом, освещения авторитетом вождя, элиты, на конец, идеологии. И тогда конфликтность существует лишь в потенции, только как функциональное и структурное противоречие. В случае ограничения или утери легитимности (признания большинством) данной системы господства противоречия этой системы развиваются в конфликт или в цепь конфликтов.

Биполярная социальная структура общества — крайний вариант ее асимметричного строения. Классовый конфликт — ее существенный признак. В таком направлении движется в настоящее время российское общество, становясь все более неоднородным, антагонистически-противоречивым.

Социально неоднородная структура общества, существующее социальное неравенство содержит в себе противоречие, прямо не связанные с отношениями господства и подчинения, а обусловленные различиями в удовлетворении жизненно необходимых потребностей. Уровень удовлетворения базовых потребностей, отмечает Здравомыслов А.Г., неоди-

наков; в обществе имеет место подавление некоторых потребностей у тех или иных групп населения. Имеются в виду потребности в пище, жилище, в трудовой деятельности, необходимой для жизнеобеспечения, в самовыражении, в элементарных социальных правах и свободах и др. Естественно, люди стремятся к нормальной жизнедеятельности, неудовлетворенные потребности оказываются в сфере интересов. Формируются группы с такими интересами. При определенных условиях они институционализируются, обретают свои организации. Отсюда вырастает соперничество за доступ к благам, власти. Соперничество развивается в конфликт. Автор ссылается на Питирима Сорокина, который демонстрирует такой подход при характеристике причин конфликтов и революций. «Непосредственной предпосылкой всякой революции, — писал П.Сорокин, — всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения ... Если пищеварительный рефлекс доброй части населения «подавляется» голодом, то налицо одна из причин восстаний и революций; если подавляется инстинкт самосохранения деспотическими экзекуциями, массовыми убийствами, то налицо другая причина революции ... Если «подавляются» собственнические инстинкты масс, господствует бедность и лишения ... то мы имеем еще одну причину революции»²

Корифей американской социологии в данных рассуждениях не оригинален. Инстинктами объяснял конфликты в обществе итальянский политолог Г. Москва. Людям «присуща естественная склонность к борьбе»... «Составляющие группу индивиды испытывают взаимное чувство братства и общ-

ности и проявляют свои воинственные инстинкты по отношению к тем, кто входит в другие группы. Этот инстинкт стадности, борьбы против других групп является первопричиной и естественным основанием внешних конфликтов между различными обществами; он же лежит в основе создания всех образований и подразделений — всех фракций, сект, партий ... возникающих в данном обществе и вызывающих не только «мопальные конфликты»³

Едва ли корректно объяснять социальные конфликты и, тем более, революции только инстинктами. У большей части населения Земли «базовые инстинкты» подавляются, тем не менее революции в большинстве стран, где господствует «бедность и лишения», не совершаются. Конечно, роль инстинктов в возникновении определенных конфликтов, скажем, национальных или семейных, отрицать нельзя, хотя решающее значение в их возникновении все же принадлежит социальным факторам, в частности, неудовлетворенным социальным потребностям. Ведь и инстинкты у человека очеловечиваются, наполняются социальным содержанием и, как правило, скрыты за социальной формой, связаны с интересами, стремлениями, ожиданиями, претензиями и т.п.

Социальное неравенство порождает широкое многообразие конфликтов, поскольку образует питательную базу для формирования противоречивых интересов, ценностей и образов жизни. Каким бы ни было нежелательным явлением для большинства народа неравенство, оно реальность. Человечество всегда стремилось ограничить неравенство. Свою мечту оно выразило в религиозном веровании о равенстве всех перед богом, в социалистической идее уничтожения эксплуатации человека человеком и

Лекция 3

замены отношений господства сотрудничеством и взаимопомощью свободных людей. К сожалению, пока эти мечты и идеи до сих пор остаются нереализованными. В странах госсocialизма вместо одного типа господства (имущего класса) сформировался другой тип — господство государственно-партийной бюрократии. Неравенство стремились заменить уравниловкой, вульгарно понятым равенством. Сказанное не означает, что социально-классовому неравенству вообще нет альтернативы, как считают либералы. Она, по-видимому, есть. По крайней мере одна из форм равенства найдена давно — это равенство всех перед законом, что зафиксировано в норме «социальная справедливость».

Если минусы социального неравенства очевидны, то неверно отрицать и его плюсы. Противоречивость интересов, связанная с неравенством, порождает соревновательность между людьми, перерастающую в конкуренцию. Последняя выступала и выступает мощной движущей силой технического и экономического прогресса. Печальный опыт госсocialизма показал, что «товарищеское» соревнование во многом уступает по своему движущему эффекту и потенциалу конкуренции, хотя ее разрушительное влияние, особенно на духовную культуру, велико.

Социальное неравенство и связанные с ним отношения господства в обществе в какой-то степени уравниваются демократическими принципами организации власти и управления. Однако сами эти принципы и реальные демократические структуры также являются базой конфликтов. Возьмем, к примеру, принцип большинства, составляющий сердцевину демократии. Подчинение большинства меньшинству вовсе не бесконфликтно. Меньшинство

может согласиться с волей большинства, а может и не согласиться. Решение большинства нередко превращается в диктат его, в тиранию массы, что умело используют тоталитарные режимы. Даже, если демократия реализуется как система и учитываются интересы меньшинства, она остается формой осуществления власти, а стало быть, известного принуждения. Сочетание, согласия и принуждения — ядро властеотношений.

Демократия — это определенное состояние взаимодействия государства и гражданского общества, опять-таки основано на противоречиях. Политическая власть стремится распространить свое влияние на все общественные отношения, включая институты гражданского общества. Вместе с тем последние сохраняют свое качество, пока действуют самостоятельно, вне сферы непосредственного влияния государства. В перекрестке этого противоречия постоянно зарождаются конфликты. Полемикой противоборства в данном случае являются гражданские права человека. А. Турен пишет, что по мере того, как реальность классовой борьбы становится все слабее на Западе, «тема человеческих прав вновь обретает свое значение, возрождая традиционную борьбу гражданского общества ... против государства...». Борьба «гражданина против государства превалирует сегодня над борьбой рабочего против своего босса»⁴

В настоящее время, по мнению ряда исследователей, «яблоком раздора», источником конфликтов выступает политическая власть. Через власть, при ее помощи защищаются и реализуются интересы одних групп населения и подавляются интересы других. Роль государственной власти не уменьшается, а возрастает.

Объективным источником конфликтов выступает ценностно-нормативная система общества. В любом конфликте наряду с борьбой за те или иные блага присутствует соперничество из-за ценностей, в том числе культурных образцов. Изменения, происходящие в обществе, вызывают необходимость в преобразовании нормативно-ценностной системы. Кроме того, в обществе постоянно сосуществуют культура и субкультуры, соперничая между собой. Чем значительнее перемены, тем чаще конфликты. Переходные периоды полны ими. Рушатся старые связи, ценности и нормы; рушатся судьбы многих людей и даже групп, становятся хозяевами жизни другие группы и поколения. В этих условиях неизбежны противоречия между ожиданиями и их реализацией. Несоответствие результатов перемен ожиданиям, разрыв между претензиями и возможностями для их удовлетворения создают конфликтные ситуации. Шахтеры Воркуты, Кузбасса и других регионов страны в начале 90-х годов выступили главной ударной силой против советского строя, госсocialизма. А теперь они конфликтуют с новым политическим режимом, недовольны его деятельностью. Результаты коренных перемен в стране оказались не теми, которых шахтеры ожидали; их претензии не удовлетворены.

Источник конфликтов содержится в управленческом процессе. Управление — это выбор альтернатив, мобилизация ресурсов, употребление власти, что означает принуждение управляемых к определенным действиям, ограничение стихийного поведения. В целом процесс управления включает в себя постоянное возникновение и разрешение противоречия между субъектом и объектом управления. А это наполняет управленческую деятельность чередой конфликтов.

Объективные причины конфликта многообразны. Их не перечислить. Подчеркнем лишь то, что все эти причины проистекают не из проявлений сознания или воли субъектов, а содержатся в надсубъектных факторах, хотя их действия проходят через сознание, приобретая соответствующую субъективную форму (мотив, желание, стремление, ожидание и т.д.).

Конфликтное отношение характеризуется доминированием субъективной стороны. Субъективные причины и условия — главнейшая составляющая детерминация конфликта. Сюда относятся самые различные формы проявления и функционирования интересов как осознанных потребностей.

В западной конфликтологии в большинстве своем превалирует концепция субъективной природы конфликта. Источник последнего сводится в конечном счете к ориентациям и деятельностным установкам самих субъектов. Отсюда подход к разрешению конфликта: необходимость арбитража и боязнь интересов во внутреннем мире субъектов.⁵ Что причиной многих конфликтов, в особенности, межличностных, внутригрупповых, служат отмеченные субъективные факторы, отрицать не приходится. Можно сказать больше, противоречия в ориентациях и установках присутствуют, пожалуй, в совокупности детерминирующих факторов любых общественных конфликтов. Однако не везде они являются определяющими. Чем выше уровень конфликта, чем он масштабнее, тем большее влияние на его возникновение оказывают объективные причины, в частности, надличностные общие потребности и интересы развития.

Субъективные представления об одних и тех же ценностях и целях у групп людей с общими интересами зачастую настолько разнятся, что становятся

противоположными и превращаются в источники антагонистических конфликтов. Так, расхождения в трактовке догматов христианства породили раскол среди его сторонников, в результате чего появились три самостоятельных мировых религии: католицизм, протестантизм и православие. Враждебное отношение их друг к другу на протяжении многих веков нередко перерастало в локальные кровавые конфликты. Кроме того, внутри каждой из этих мировых религий время от времени возникали не менее жестокие конфликты. Таким конфликтом был раскол внутри русской православной церкви, вызванный проведением Никоном церковной обновленческой реформы (XVII в.).

Противоречия во взглядах на одни и те же ценности, по поведению одних и тех же целей зачастую порождают конфликты в политических союзах, в общественных объединениях, не говоря уже о межличностных отношениях. В основе известного векового конфликта между коммунистическим и социал-демократическим движениями, идейно-теоретическим источником которых был марксизм, лежат противоположные представления о путях и средствах реализации единой цели — преобразования общества на основе социалистического идеала.

Приведенные примеры характеризуют причины реалистических конфликтов (по Козеру). В отличие от них, на базе ложных, превратных представлений, неадекватных ориентации формируются причины и условия нереалистических конфликтов. Последние, однако, при определенной ситуации могут перерасти в действительные, реалистические.

В каждом сообществе, в конкретной стране общие причины конфликтов дополняются специфическими и приобретают своеобразие, обусловленное

конкретной ситуацией, а также уровнем развития системы. Что касается России, то главные конфликты здесь обусловлены многочисленными противоречиями, оставшимися от госсocialизма и возникшими в результате осуществляющейся капитализации общества. Профессора Семенов Б. и Степанян Ц. пишут, что в российском обществе за последние 15 лет «произошло тройное умножение противоречий». На противоречия между производительными силами и производственными отношениями и другие, сложившиеся к 1985 году, наложилась группа противоречий, вызванных так называемой перестройкой. Это — противоречия между провозглашенным обновлением и реальным разрушением общественного организма; между обещанным обретением людьми свободы и демократии и реально усилившимся отчуждением народа от власти, собственности и др. Был реставрирован антагонизм между просоциалистическими и прокапиталистическими силами. До сих пор и все более остро этот антагонизм составляет стержень и главный узел всех общественных противоречий российского общества. «Тройное умножение» противоречий произошло после августа 1991 года. Множество противоречий дополнилось новыми, еще более острыми, беспощадными антагонизмами: между растущим богатством немногих и усиливающейся нищетой подавляющего большинства; между узкой, элитарной властью и громадной массой людей, еще более отчужденных от властных функций и др. Все это не могло не усилить конфронтацию⁶

Если учесть еще имеющиеся в нашем обществе идеологическое и политическое противостояние, связанное со сломом социалистической системы и отрицанием коммунистической идеологии и заменой

97 Лекция 3

ее идеологией антикоммунизма и неолиберализма, да плюс российский менталитет, ориентирующий граждан на полярность позиций и непримиримость взглядов, то структура детерминации конфликтности российских общественных отношений будет более или менее прояснена.

Описанные разнообразные формы детерминации конфликтов достаточно убедительно показывают их закономерность в обществе. Тем не менее было бы заблуждением считать нормой возникновение любого конкретного конфликта. Без доказательства понятно, что преступления, террористические акты, кровопролитные военные столкновения между сообществами людей не есть норма жизни в цивилизованном мире на любом отрезке его развития. В каждом отдельном случае такие конфликты имеют свои причины и применительно к конкретной ситуации могут быть закономерными. В целом же по отношению к данному обществу, стране, объединению людей, организаций и т.п. не всякий конфликт, равно как и противоречие, является нормой и может быть признан закономерным. С точки зрения природы конфликтов, они бывают как закономерными, так и случайными, как реальными, так и порожденными ложным сознанием, как нормой, так и отклонением от нее, наконец, как естественным состоянием общественных отношений, так и их патологией. Таким образом, если конфликт как общественное явление закономерен для социума в целом, то необходимость конкретных коллизий относительна: она определяется характером общества и конкретной исторической ситуацией. В одной ситуации для данного общества данный конфликт необходим, закономерен, в другой — закономерны гармония, интеграция, согласие, а не конфронтация. Кон-

фликт и гармония, согласие — неразрывно взаимосвязанные моменты общественной деятельности и отношений. Ни борьба, ни единство общественных субъектов, если их рассматривать в общем историческом процессе, а не в каком-то отдельном, локальном эпизоде, не могут быть абсолютными; они относительны, постоянно взаимопереходят, меняются местами. Преемственность в общественном процессе обеспечивается единством (гармонией, согласием, интеграцией), переходы от одного состояния к другому — борьбой, конфликтом.

2. Возникновение конфликта.

Анализ процесса возникновения конфликта включает изучение развития того противоречия или противоречий, которые лежат в его основе. Козер Л. отмечает, что конфликт возникает тогда, когда исчерпывается возможность разрешения противоречия. Добавим: обострившегося противоречия. Конфликт, как отмечалось ранее, — это процесс разрешения противоречия, но на стадии открытого противоборства социальных субъектов. Развитие противоречия из латентного отношения в явное, субъектное взаимодействие противоположностей, осознанное его носителями, — это и есть процесс возникновения конфликта.

Возникновение конфликта представляет собою следствие действия комплекса соответствующих причин. Действие причины означает перенос на следствие ее структуры. На стадии появления конфликта его структура тождественна структуре определяющего противоречия.

99 Лекция 3

Конфликт возникает при наличии конфликтной ситуации, вне связи с которой нельзя понять данный процесс. Образование конфликта происходит в определенном социальном времени и пространстве. Они составляют неотъемлемые условия проявления действия причины конфликта.

Конфликтная ситуация — первоначальный, пред-конфликтный этап приведения в действие причины конфликта. В ее составе — совокупность объективных и субъективных условий, при которых реально возможно противоборство. Показателем, а точнее, выражением конфликтной ситуации является состояние напряженности во взаимоотношениях определенных субъектов. Социальная напряженность есть особое состояние общественного сознания и взаимодействия субъектов, специфическая ситуация восприятия и оценки действительности⁷. Напряженность представляет собою обобщающий признак конфликтной ситуации; она характеризуется наличием глубокой неудовлетворенности людей сложившемся положением в обществе или в отдельной сфере общества (инфляцией, бессилием властей, дефицитом товаров и услуг).

Напряженность сопровождается ростом недоверия к господствующим ценностям и девальвации их, проявлением деструктивных действий неорганизованных групп людей, возникающих в связи с какими-либо событиями. Напряженность свидетельствует об определенном уровне осознаний субъектами назревшего противоречия или противоречий и потребности их разрешения, понимания несоответствия сложившегося положения их интересам. Словом, напряженность — это состояние, когда конфликт, как говорится, стучится в дверь.

Для того, чтобы конфликтная ситуация переросла в реальный конфликт, необходимы, во-первых, некоторые условия дополнительно к тем, которые сложились как элементы конфликтной ситуации. Речь идет об условиях материальных, политических, коммуникативных, социально-психологических и др. Так, если отсутствует возможность для организованной деятельности групп, скажем, создания коалиций, то формирование социального конфликта не происходит, и он остается в латентном, скрытом состоянии. Для конфликтных действий нужны материальные и символические средства. Во-вторых, начало конфликтного действия предполагает наличие комплекса его мотивов. Мотив — не причина, а обозначение намерений субъектов, что представляется им адекватным обоснованием действий. Мотивы формируются на основе оценивания конфликтной ситуации как побуждающей к активности, а также поведения противника, противоречащего интересам одной из сторон, и собственных действий. Структура мотивов включает в качестве основного элемента ориентацию на защиту интересов группы (общности), ее позиций и ценностей. В составе мотивов — шаблоны группового поведения, агрессивные намерения, защитная реакция субъектов. Мотивы, могут быть конструктивными и деструктивными. Первые ориентируют активность на созидание, вторые — на разрушение, тех или иных элементов социальной системы.

Провозглашаемые мотивы конфликтного действия не всегда являются реальными, что даже не осознается в ряде случаев конфликтующими сторонами. И не случайно: в мотивах сочетаются и сознательное и подсознательное начала .

Реализация конфликтной ситуации, переход ее в явный конфликт всегда начинается с какого-либо толчка: внутреннего, исходящего от одного из субъектов противоречия, или внешнего. В частности, с воздействия на данный процесс других конфликтов, возникновения кризисного фона в социальной среде, ложной информации, имеющей отношение к поведению конфликтующих сил, идеологического воздействия со стороны общества, экологических катастроф и т.д. Первоначальный акт, провоцирующий конфликт, называют инцидентом. Это — действие одной из сторон, вызывающее ответную реакцию другой стороны.

«Конфликт, — пишут Ксенчук Е. и Киянова М., - образуют конфликтная ситуация плюс инцидент»⁸ Инциденты могут быть различными: от неудачно сказанного лидером слова или спорного решения, принятого менеджером, до террористического акта — убийства активиста движения и др.

Инцидент следует назвать пусковой причиной. Но не всякий инцидент выступает в этом качестве, а лишь тот, который внутренне связан с конфликтным взаимодействием. Если же инцидент является внешним по отношению к конфликтному противоречию, то его следует рассматривать в качестве повода. Провокационный акт со стороны желающего поскорее разжечь костер конфликта будет не причиной, а поводом. Вспомним хрестоматийный пример из истории первой мировой войны: убийство австрийского принца в Сараево послужило поводом для объявления войны Германией и Австро-Венгрией странам Антанты, включая Россию. Противоположный пример, когда инцидент стал причиной начала военного конфликта: нападение японцев на американскую военную базу, расположенную на

Гавайских островах, в 1941 г., повлекло за собой объявление Соединенными Штатами войны Японии.

Конфликтная ситуация может перерасти в конфликт в результате изменений, которые являются следствием принятых решений, а также субъективного восприятия агентами проблем, возникающих в ходе подготовки, принятия и осуществления тех или иных управленческих решений. Так называемый объяснительный субъективизм, а не только ущемленность интересов и столкновение позиций, вполне может служить пусковой причиной для назревшего конфликта. Тем не менее самым глубоким стимулом перерастания конфликтной ситуации в реальный конфликт выступает противоположность интересов. Если исходным пунктом противоборства служит во многих случаях противоречивость ценностей или позиций, то формирование конфликта так или иначе ставит проблему трансформации ценностей в трансформацию интересов (Аптер).

Формирование конфликта включает: выявление в данном единстве (к примеру, социальной общности) «обеих сторон фронта конфликта» и образование конфликтных групп; осознание ими противоположности интересов и позиций, хотя еще не в полной мере. Р. Дарендорф подчеркивает, что латентные интересы на первом этапе формирования конфликта необязательно осознаваемы и признаваемы представителями противоположных позиций. Имеют место отклонения от них. Предприниматель может отказаться от своих интересов и быть заодно с рабочим. Группы конфликтующих пока еще есть квази-группы. Однако принадлежность к той или иной квази-группе «постоянно предполагает ожидание защиты определенных интересов».⁹

В процессе становления конфликта происходит непосредственная кристаллизация интересов противостоящих агентов, что и стимулирует их дальнейшее осознание последними. Квази-группы под влиянием начавшегося противостояния организуются в фактические группировки, являющие собой организационно-структурные образования. Ими манифестируются собственные интересы и реализуются в позиции, цели, наконец, в действия. На этом этапе формирования конфликта чрезвычайно важно значение идентификации противоположных субъектов. Она стимулируется самим конфликтным действием, а также под влиянием как рационального (разумного), так и иных социально-психологических механизмов: подражания, заражения, конформности. Возможен идеологический фанатизм, сепаратизм, националистическая психология, не исключается воздействие на конфликтообразование религиозных верований.

Развитие конфликтной ситуации в конфликт — многоэтапный процесс. Тем не менее он представляет нечто единое. Во-первых, потому что взаимодействуют одни и те же противоположные агенты; во-вторых, сохраняется та или иная форма их идентичности. Либо это — противники одной и той же социальной группы, либо — единой организационно-управленческой структуры или какой-либо иной целостности.

Проиллюстрируем изложенные характеристики процесса становления конфликта на примере двух видов социально-политических конфликтов из истории России: восстания декабристов (14 декабря 1825 г.) и начала первой русской революции (1905 г.). Попытаемся сопоставить процессы возникновения этих исторических событий.

Восстание декабристов, несмотря на его значительное влияние на последующее развитие демократического движения в России («декабристы разбудили Герцена») было локальным конфликтом, не получившим распространения в обществе. Ключевский В. писал: «По наружности это один из тех дворцовых переворотов, какие происходили по смерти Петра в продолжение XVIII». «Теперь в последний раз русская дворянская гвардия хотела распорядиться престолом...». «Несмотря на все сходства движения 14 декабря с дворцовыми переворотами XVIII в., оно вместе с тем существенно отличается от последних. Отличие это заключается не только в характере вождей движения, но и в цели... Ни одно гвардейское движение XVIII в. не имело целью нового государственного порядка». Декабристы «просто хотели воспользоваться замешательством при дворе для того, чтобы вызвать общество к деятельности»¹⁰

Вспомним причину выступления декабристов. По Ключевскому, она заключалась в исходе, какой имели преобразовательные начинания Александра I. Речь шла о некоторых демократических нововведениях, которые попытался, но безуспешно, осуществить Александр I: о конституционном порядке в империи, о некоторых шагах по пути освобождения крестьянства от крепостной зависимости, об административной реформе и др. Но ведь эти, пусть неудавшиеся, преобразования свидетельствовали о наличии в российском государстве противоречия между большинством общества и самодержавной властью, крестьянством и помещиками-крепостниками. Противоречие нашло свой отзвук среди молодых офицеров. Оно стало стимулом возникновения тайных обществ декабристов — Северного и Южного.

проследим ход возникновения конфликта. Он характеризовался теми же общими моментами, о которых говорилось выше. Прежде всего необходимо указать на наличие общественно-политического противоречия, сложившегося под влиянием буржуазных революций на Западе. Его почувствовала еще Екатерина II, пытавшаяся завоевать доверие народа и его сочувствие, примирить власть и общество. Отечественная война 1812 года способствовала развитию противоречия: усилились демократические настроения в среде наиболее образованной части офицерства. Передовые слои общества угнетала социально-экономическая отсталость России, в первую очередь — существующее в России крепостное право. Формирование тайных обществ декабристов было первым шагом в становлении пока еще латентного конфликта. Развитие деятельности этих обществ — следующий шаг, связанный во многом с приходом к руководству Северным обществом Рылеева — революционно настроенного поэта; осуществление антиправительственных акций, в частности, распространение слухов в казармах гвардейских полков с якобы готовящемся насильственным захвате власти противниками популярного в гвардейских частях брата Александра I Константина, который должен был занять престол. Конфликтная ситуация создавалась в короткий период меж-дуиарствия. После смерти Александра I на престол должен был вступить его старший брат Константин, но еще при жизни Александра I он отказался от престола. Назначенный наследником младший брат Николай об этом не знал. Соответствующий царский Манифест не был обнародован. Пока шли сношения между Николаем и Кон-

стантином, присягнувшим ему в Варшаве, шло время. У членов тайных обществ созрела решимость использовать момент и выступить против монархии. Замешательство при дворе, затяжка времени с назначением присяги войск в столице, слухи о насилии над Константином, якобы отстраненным от престола, послужили поводом для мятежа — отказа ряда гвардейских полков от присяги. Непосредственный конфликт в этом и состоял.

Незрелость движения, слабая его организация, непоследовательность некоторых лидеров движения, неявка их на Сенатскую площадь — все это привело к бездействию мятежников в течение дня. Другая сторона — Николай и его окружение воспользовались слабостью мятежников и «очистили площадь картечью». Вожди движения были арестованы и казнены, всего было привлечено к следствию 12/ человек. Так закончился конфликт, но противоречие разрешено не было.

Столкновение движения декабристов с царским двором положило начало последующей массовой борьбе за демократическую модернизацию русского государства.

Восемьдесят лет спустя в России разгорелся новый, теперь уже не локальный, а действительно массовый, всероссийский конфликт — первая русская революция. В его основе лежало, в принципе, то же противоречие: между народом и самодержавием. Но теперь это противоречие, по крайней мере, утроилось и проявлялось в следующих видах: между эксплуатируемым народом и самодержавным строем; между имперской политикой самодержавия и многочисленными национальностями русского общества, поднимающимися на борьбу за свое

самоопределение; между самодержавием и либеральным движением, сторонники которого также ставили под сомнение дальнейшее существование монархии. Названные противоречия породили три ветви наиболее серьезных оппозиционных движений: рабочих и крестьян (социально-демократическое), национальное и либеральное.

Кризис 1900-1903 гг., поражение царизма в войне с Японией создали в стране всеобщую конфликтную ситуацию. «Все классы общества пришли в движение, — писал в своих донесениях посол Франции в России. — В стране совершаются политические убийства, происходят забастовки, крестьянские бунты; новые слои общества, охваченные идеями радикализма и обновленческого народничества, превратились в оппозицию государству»¹¹ Перечисленные локальные конфликты подготавливали всероссийский конфликт. И он разгорелся.

Можно считать, что начальным моментом революционного конфликта, его своеобразной пусковой причиной стало кровавое воскресенье — 9 января 1905 г. Газета «Правда» писала тогда, что рабочие унесли с собой в могилу веру в живой источник правды и справедливости. То, что произошло 9 января, вдребезги разбило традиционное представление о царе — защитнике и покровителе¹² С этого момента движение протеста против самодержавия ширилось и набиралось силы. Складывались организованные оппозиционные группы, развертывались социальнополитические оппозиционные движения. Средние слои общества интеллигенция, часть представителей высших слоев ориентировались на мирную революцию, на бескровную смену самодержавия конституционной монархией. Разнородные слои рабочих и крестьянства, другие мало-

имущие слои населения постепенно объединялись вокруг социал-демократов. В общем потоке нарастающих элементов революционного конфликта выделялись наиболее значимые: забастовочное движение, возникновение Советов рабочих делегатов, создания Всероссийского Крестьянского Союза, восстание матросов на броненосце «Князь Потемкин-Таврический», сентябрьская всеобщая забастовка, начатая типографскими рабочими Москвы. Небезынтересно отметить, что первоначальное их требование касалось пересмотра тарифных ставок за правку знаков препинания, которые должны были считаться целым словом. Троцкий писал в то время по этому поводу: «... это маленькое событие открыло собою не более и не менее, как всероссийскую политическую стачку, возникшую из-за знаков препинания и сбившую с ног абсолютизм»¹³ В конечном счете рабочее движение вылилось в декабрьское (1905 г.) вооруженное восстание в Москве, потопленное в крови самодержавием.

Для понимания диалектики возникновения революционного конфликта важно проанализировать и поведение другой стороны — самодержавия. Некоторые уступки разрастающемуся народному движению, мобилизация своих сил, политическое лавирование нашли свое выражение в ряде ответных акций самодержавия. Ими были: объявленные царем 18 февраля 1905 г. реформы, в частности, об учреждении Госдумы с правом обсуждения законодательных предположений; указ от 6 августа о новой Госдуме и тоже, в принципе, бесправной, что вызвало возмущение оппозиции; Октябрьский (1905г.) Манифест, «дарующий» народу некоторые права и свободы, которые так и не были предоставлены. Таким образом, всероссийский революционный конфликт

Лекция 5

формировался постепенно. Обострение социально-политических противоречий, возникновение всероссийской конфликтной ситуации, порождение на ее основе серий локальных конфликтов, формирование оппозиционных групп их организаций, манифестирование интересов различных слоев и классов, акции властей, блокирующие конфликтную ситуацию и действия оппозиционной стороны, подготовка противников к решающим действиям — таковы этапы становления революционного конфликта в России 1905 г.

3. Развитие конфликта и его завершение.

Развитие конфликта есть процесс его перехода от неполного к полному конфликту, с последующим его завершением (разрешением и затуханием). Это включает качественные изменения субъектов и основы конфликта, усложнение форм противоборства, нарастание его интенсивности, расширение поля конфликта и масштабности борьбы. В противоположность охарактеризованному поступательному процессу развития конфликта, в общественной жизни также закономерно нисходящее развитие (затухание) конфликта. Это переход полного или неполного конфликта из явного, открытого в латентное, потенциальное состояние или же в гармонию взаимоотношений. Примером процессов подобного рода служат конфликты, которые, раз возникнув, затем консервируются и становятся либо латентными, либо уступают место согласию, гармонии.

Различаются следующие стадии конфликта: возникновение (описано ранее), развитие и завершение (разрешение, затухание). Поскольку содержание процесса развития конфликта связано с переходом

от неполного к полному конфликту, следует остановиться на этих понятиях. Неполный, или иначе — неполномасштабный, конфликт характеризуется слабо структурированными интересами; неполностью идентичными группами конфликтующих, немассовым характером противоборства, невысокой степенью институционализации и слабой легитимностью.¹⁴ Полномасштабный конфликт — это такой, в котором интересы сторон манифестируются, субъекты полностью выявлены, отчетливо выражен предмет конфликта и его массовый характер, в основном сложилась стратегия и тактика противостоящих сторон. В демократическом обществе полномасштабный конфликт в достаточной степени легитимирован и институционализирован, что выражается в наличии и функционировании разнообразных движений, партий, общественных объединений, групп давления, создаваемых на законном основании.

Развитие конфликта — это прежде всего качественное изменение основы взаимодействия конфликтующих субъектов. Поясним данное понятие. Оно обозначает социальную систему или подсистему, ее отдельные элементы, на базе которых развивается конфликт. В основу конфликта мы включаем противоречие, порождающее конфликт, — предмет противоборства. Основа конфликта есть совокупность отношений, связывающих противоположные стороны в некоторое единство и вместе с тем обуславливающих их взаимоисключение. Для межклассовых конфликтов — это социальная структура данного общества; для межгруппового — взаимоотношения в пределах общности, составными частями которого являются группы.

Для внутригосударственного конфликта — внутригосударственные связи и отношения. Словом, конфликтное взаимодействие, как ранее отмечалось, — это борьба, развертывающаяся внутри определенного социального единства. Последнее составляет основу конфликта, разрушается основа — исчезают (гибнут) конфликтующие субъекты. Борьба феодалов и крепостного крестьянства привела к гибели обоих классов и самой феодальной системы. Но сохранилось общество как совокупность разнообразных отношений между людьми. На месте старых классов сформировались новые, и, соответственно, сложились иные отношения: сотрудничество и противоречия, перерастающие в новые конфликты.

Развитие конфликта связано не только с изменением его субъектов и основы, но также ведет к изменению связей между конфликтующими сторонами и социальной средой, в которой происходит противоборство в большей или меньшей мере, частично или полностью. К этому стремится либо только одна сторона, либо — обе. Такая направленность конфликта особенно отчетливо проявляется в ситуациях переходного периода. Например, борьба либерально-демократической правящей элиты с социалистической оппозицией направлена на коренное преобразование страны, ее капитализацию. Оппозиция же стремится сохранить основу прежнего строя, а затем модернизировать с учетом достижения современного прогресса. По сравнению с периодом так называемой перестройки произошло изменение основ конфликта между демократическими реформаторами и коммунистами, что предопределяло переход его в новое качественное состояние. Первоначальный этап конфликта заключался в борьбе либерально-демократических сил **против**

советской системы и главного ее политического носителя — КПСС. Последняя же выступала, естественно, за ее сохранение. После того, как система была разрушена, а главный ее субъект ликвидирован, возникла иная основа и иная направленность конфликта. Со стороны пришедших к власти либерально-демократических сил борьба «против» сменилась на борьбу «за». Со стороны социалистических сил (теперь они превратились в оппозицию) конфликтное действие нацелено против утверждающегося капитализма, но за сохранение еще оставшихся островков социализма (госсектора и коллективных хозяйств в экономике, бесплатной системы обучения и здравоохранения и др.). Новый этап конфликта, ознаменованный изменением его основы и соотношения противоборствующих сил (доминирование социалистических сил сменилось доминированием либерально-демократических), предшествует этапу затухания конфликта, если бы он разрешился. Возможные варианты подавления конфликта доминирующей стороной, разумеется, не ведут к его затуханию, а делают противоречие скрытым, латентным.

Описанный процесс преобразования основного российского конфликта не всеми понимается адекватно. Еще немало бывших коммунистов, ветеранов труда и войны, а также других групп населения старшего и среднего возрастов считают, что они живут в советской стране, и борьба коммунистических сил против радикалов-демократических реформаторов есть борьба за сохранение советского социалистического строя. Любопытный случай произошел при вручении ордена Жукова президентом РФ группе генералов-участников Великой Отечественной войны. Один из награжденных произнес:

«Служу социалистической России!». Это, по-видимому, немало удивило Президента.

Непонимание нынешнего характера и направленности основного конфликта в стране наблюдается и среди либеральных демократов. Политолог А.Кива достаточно точно охарактеризовал эту ситуацию. Он, в частности, пишет: «Так ли уж случайно, что среди тех, кого относили к демократическому лагерю, царит полный разлад? Я полагаю, что здесь проявляется та же закономерность, что и в развитии либеральной демократии, рухнули опоры, на которых покоилось раннедемократическое движение. Борьба «против» (против власти коммунистов) закончилась, надо бороться «за», а «за» у разных сил либо разное, либо туманное, неопределенное. Отсюда нередко то или иное демократическое движение ради самосохранения поворачивает ... колею «против», кто бы ни был у власти». Интересно объяснение глубинной причины изменения поведения представителей демократического движения: «на **первый план все больше выдвигается, а где-то уже давно стал доминирующим интерес**». ¹⁵ Какой же? Государственный, общенациональный? Отнюдь. Будучи участником — реформаторско-демократического движения, А.Кива с сожалением замечает: есть «объективная реальность», а «не аномалия», ее «надо принимать таковой, какая она есть, — видение национальных интересов России, по крайней мере, немалой частью правозащитников ограничивается интересами связей с Западом». Сегодня не меньшее значение, чем экономический и социальный интерес, имеет «интерес личностный, скажем огрубляя — карьерный» ¹⁶ Ему не вступает интерес корпоративный, клановый, общинный. Автор, по-видимому, оправдывает тех демократов, ко-

торые боролись против советской власти во имя «карьерных», «корпоративных», «клановых», «личностных» интересов. Рядовому гражданину, поверившему таким «борцам» за демократию, за права человека, приходится только, обыденным языком выражаясь, «чесать затылок».

Изменение основы конфликта, осуществленное по воле одной или обеих сторон, прямо связано с преобразованием самих этих противоборствующих субъектов. На разных стадиях одного и того же конфликта хотя и сохраняется сущность противоборствующих сторон, однако меняется их организация, в значительной мере состав и, как это было только что показано, направленность действия. Различая неполный и полный, достигший «своей окончательной формы», конфликты, Р.Дарендорф характеризует стадии сложившихся конфликтов так: в качестве критерия различения стадий, по его мнению, служит «очевидная идентичность сторон» с точки зрения их организации. Идентичность означает наличие сформировавшейся организации сторон как единой целостности (групп интересов). Отсутствие идентичности свидетельствует о еще неокончательно сложившейся группе интересов, какой-либо общности. Процесс идентификации противоборствующих субъектов означает кристаллизацию конфликта. Любой конфликт стремится к кристаллизации и артикуляции (выражению в общественных отношениях, в политике, в сознании).

Идентификация сторон не исчерпывает их качественное изменение. В ходе созревания и развертывания конфликта изменяется состав элементов участников. Рекрутируются в сложившиеся группы новые элементы. Некоторые переходят из одного лагеря в противоположный. Другие вообще поки-

дают поле борьбы, становясь нейтралами. В российском политическом конфликте на современном его этапе развития указанные выше стороны (демократы и коммунисты) представлены партиями и организациями, поддерживающими новый режим и отвергающими его. Первые относят себя к правым силам, вторые к левым. Некоторые представляются как центр. Однако по коренному вопросу — отношения к установившемуся режиму — фактически никакого центра нет. И в этом проявляется закономерность любого противоречия и конфликта, суть которых во взаимодействии противоположных агентов, выступающих полюсами, притягивающими к себе колеблющиеся элементы.

В составе правых (на начальном этапе конфликта они, кстати, себя называли левыми), теперь нет многих, кто таранил советскую систему. Одни разочаровались в реформах капитализации, так как остались при «собственном интересе», оказавшись в числе миллионов, отброшенных за черту бедности. Это, например, многочисленный слой неэлитной интеллигенции, некоторые группы шахтеров. Другие выпали из властвующей элиты. Третьим не нравится родившийся при их содействии российский капитализм, представший в лице «дикого», «со звериным лицом», тогда как надежды возлагались на появление цивилизованного, европейского типа общества. Четвертые вообще стали маргиналами — это многие из тех, кто на апрельском (1993 г.) референдуме без раздумий, следуя советам Президента, проставили в бюллетенях ответы: «да», «да», «нет», «да».

В составе левых, не менявших свое название, так же произошли значительные изменения. Прежде всего, левые превратились в оппозицию, в гонимых,

а не господствующих, властвующих, что повлекло за собой отлив из числа советской и бывшей партийной элиты чуть ли не в полном составе бюрократии высшего, регионального и даже, в известной мере, местного уровней. Из распавшейся КПСС, насчитывавшей в своем составе около 19 млн. членов, в коммунистических и социалистической партиях не сохранилось и миллиона. Левое движение стало формироваться заново, и процесс еще не завершился; люди наемного труда далеко не все идентифицировали себя с тем или иным элементом оппозиционного субъекта. В силу сказанного, основной всероссийский конфликт далек до стадии завершения и затухания. Между тем власть имущая сторона не заинтересована в его развитии. Ее девизом стали «стабильность», «согласие», а не конфликт, постоянно провоцировавшийся до декабрьских (1993 г.) выборов. Правда, менталитет конфликтно-сти дал о себе знать в чеченской войне.

Заращение интенсивности конфликта, расширение его поля и масштабности также представляет существенный признак развития конфликта, характеризует его переменные. Любой конфликт может быть более или менее интенсивным. Интенсивность, в основном, есть количественная мера активности противоборствующих сторон. Она измеряется частотой их столкновений, использованием разнообразных средств борьбы, в том числе насильственных, уровнем остроты борьбы. В числе средств противоборства используются как организационные (создание организованных групп, перестановка должностных лиц, применение дисциплинарных санкций и т.д.); так и экономические, политические, идеологические и моральные приемы борьбы. Более или менее насильственными формами столкновений кон-

фликтологи называют забастовку, конкуренцию, ожесточенно проходящие дебаты, угрозу, ультиматум, взаимный обман и т.п. В буквальном смысле слова насильственные методы и средства — это вооруженная борьба.

Возрастание интенсивности конфликта как сознательно спровоцированный процесс обозначается термином «разжигание» конфликта. Такая акция зачастую используется заинтересованными в поддержании конфликтной ситуации силами в самых различных областях общественной жизни. Интенсивность противоборства возрастает тем больше, чем выше значение для сторон предмета противоречия и чем сплоченнее противостоящие субъекты вокруг избранных целей борьбы. Интенсивность конфликта, естественно, снижается на стадии его затухания и по мере разрешения. Напротив, она нарастает, если конфликт подавляется или разрешается путем взаимного уничтожения сторон.

Действенным средством снижения интенсивности противостояния служит регулирование конфликта. В противоположность подавлению, этот метод ведет не к разрастанию борьбы, а делает конфликт управляемым, смягчающимся.

Расширение поля и масштабности конфликтов — весьма сходные характеристики параметров развития. Обозначая совокупность конфликтных действий и отношений, понятие поля обозначает также пространственные границы взаимодействия сил. И все же здесь акцент делается на взаимосвязях позиций, соотношении действующих субъектов. Масштабность же — количественная характеристика и сил, вовлеченных в конфликт, и применяемых средств борьбы, и их распространенности. Например, в конфликте поколений полем служат реальные очерта-

ния позиций и интересов, во взаимосвязях которых проявляется противостояние. Таковыми выступают кадровая политика или соревновательность в науке, искусстве и др. Масштабность же конфликта поколений характеризует объем и распространенность его в обществе. А именно: многообразие поколений, находящихся в данный период в состоянии конфликта, сферы общественной жизни, где имеют место открытое столкновение поколений, территориальные границы, временной период борьбы.

В нашей стране конфликт поколений с большой силой проявился дважды в кадровой политике: в 30-х и во второй половине 80-х. В обоих случаях он не приобретал форму естественного хода соревновательности поколений за руководящие статусы, а разжигался высшими властями большей частью искусственно, в политических целях. В 30-х годах конфликт поколений — старых, опытных партийных, хозяйственных и военных кадров и выдвигаемых в то время на руководящую и военную работу молодых кадров — был инициирован сталинской диктатурой для осуществления репрессий как средства закрепления тоталитарного режима. Борьба против старых кадров, в том числе «буржуазных спецов», проявляющих некоторую самостоятельность, выступающих иногда с критикой волюнтаризма сталинистов, постоянно (в конце 20-х и в 30-е годы) сочеталось с широкой кампанией по выдвижению на ответственные посты в государстве и на командные должности в армии молодых рабочих-коммунистов, новой советской интеллигенции главным образом по идеологическим и политическим критериям, а не по уровню профессиональной подготовки. Это наносило большой урон интересам развития страны и вызывало на-

Лекция 3

пряженность в обществе. Историк Н.Верт приводит любопытные данные. Из 70 тысяч студентов, получавших образование за годы первой пятилетки, 152 тысячи оказались в 1940 г. на высоких ответственных постах. Из 370 тысяч инженерно-технических работников, получавших образование в годы второй пятилетки, руководящие посты в 1940 г. занимали 266 тысяч, в большинстве случаев вместо репрессированных или «вычищенных» из партии. Обновление партийного руководства тоже происходило очень быстро 17

Конфликт поколений в кадровой политике во второй половине 80-х годов протекал в иной политической атмосфере и использовался в других целях, его закономерность не вызывала сомнения. За годы так называемого застоя руководящие кадры во всех звеньях государства, правящей партии и народного хозяйства достигли критического возраста. Старческий ареопаг в Политбюро ЦК КПСС и Совете Министров олицетворял демографическое состояние высших кадров. Правящая элита безусловно нуждалась в значительном пополнении молодыми кадрами. И процесс обновления элиты уже шел.

В 80-е годы уходили на пенсию самые молодые участники войны. Вместе с тем 50-летние кадры оттеснялись на второй план значительно лучше подготовленными 40-30-летними. Однако новое руководство страны в лице Горбачева и его сподвижников по «перестройке», по-видимому, посчитало естественный ход разрешения конфликта не соответствующим целям политической стратегии и форсировало его, придав ему тем самым искусственно-революционный характер. Не вдаваясь в оценку означенной политики (не это задача авто-

ров) , отметим, только чрезмерную интенсивность и масштабность развернутого по инициативе «сверку» острого конфликта. За короткий срок была осуществлена кардинальная смена кадров, напоминающая чистку 30-х годов. В 1986-1989 гг. сменилось 82,2% секретарей партийных горкомов, райкомов и окружкомов. Новички, разумеется, не имели опыта политической работы, в основном были из среды инженерно-технического персонала и других категорий работников народного хозяйства. В 1986-1989 гг. сменилось почти 91% высших партийных руководителей областей, краев-, республик. Рекорд обновления кадров был поставлен в среде карпуса инструкторов партийных комитетов. Здесь за 4 года сменилось 123,1% работников

18 Осуществленный характер разрешения конфликта поколений в системе партийных кадров свидетельствовал о глубоком кризисе правящей тогда партии. О целях политики «перестройки» ныне судят по-разному. Независимо от характера и целей данный конфликт в описанной острой форме был частью более общего конфликта, переходящего тогда из латентного состояния в от-крытое — между находившейся в кризисе системой авторитарного госсocialизма и в значительной степени уже сформировавшимися силами, выступившими на борьбу с ней, за реставрацию капитализма в стране. Этот конфликт впоследствии охватил значительную часть общества, проявился прежде всего в противостоянии части народа и власти.

На примере проанализированных конфликтов поколений видно, что процесс развития имеет объективную, естественную сторону и целенаправленный организованный аспект. Отсюда возникает

проблема влияния на развитие конфликта внутренних и внешних факторов. Несмотря на относительность разграничения этих факторов, понимание их диалектики и учет при управлении конфликтом весьма важны. Поскольку условием поддержания или, наоборот, сглаживания конфликта является конфликтная ситуация, то воздействие на ее эволюцию со стороны социальной среды оказывается достаточно результативным в плане стимулирования или ограничения конфликта. Говоря о внутренних, субъективных факторах влияния на развитие конфликта, надо иметь ввиду, во-первых, характер мотивации противостояния, в частности, преобладание тех или иных мотивов — правовых или нравственных, экономических или социально-политических стимулов, ценностных ориентации, рациональных или эмоционально-психологических мотивов, традиционных установок или примера лидера. Различия в интенсивности конфликтных действий при доминировании каких-либо из отмеченных мотивов реальны. Жесткость противостояния, связанного с властью, с ее приобретением, удержанием или перераспределением, объясняется чаще всего не амбициями субъектов, не природным влечением властвовать над другими, хотя это и имеет значение, а тем, что здесь, как нигде, в большей степени проявляются интересы общественные, корпоративные, личные. Чем же еще, как не стремлением любыми средствами удержаться у власти и быть ее главой, объясняется обострение конфликта между законодательной и исполнительной властями России, доведенное до кровопролития (сентябрь-октябрьские события в Москве, 1993 г.).

Во-вторых, на динамику конфликтов влияют субъективное восприятие противостояния и типы

поведения конфликтующих. В числе последних следует отметить поведение агрессивное, склонное к компромиссу, поведение с тенденцией к подчинению, к принятию позиции противоположной стороны, стремление к уходу от конфликта (бегству от него) 19

Эволюция конфликта связана с воздействием на него как исторических и культурных традиций, так и менталитета народа. Для России это особенно характерно, радикализация социальных коллизий здесь всегда была опосредована спецификой менталитета. Это отмечалось многими исследователями. Н.Бердяев, описывая особенность национального сознания россиян, отмечал их склонность к анархии и, вместе с тем, покорность власти. «Русский народ, — отмечал философ, — всегда смотрел на власть как на зло и тем не менее был покорен государству. Он либо бунтует против государства либо покорно несет его гнет» 20

Политическая культура общества — один из важных факторов, влияющих на ход конфликтов. Законопослушность граждан и правящих кругов создает предпосылку для управляемого развития возникающих противоречий. Совсем другая ситуация имеет место в условиях, когда нарушение законов, в том числе Конституции, становится постоянной практикой властей и «хорошим» тоном граждан.

Развитие конфликта — не плавный процесс, а противоречивый, ибо он есть само противоречие в его острой форме. Сочетание и сменяемость конструктивного и деструктивного направлений, умеренных и острых форм противоборства, разрастания и мельчания конфликта, управляемости и стихийности процесса, доминирование рационального и иррационального моментов в борьбе противоположностей — все это характеризует сложную картину

развития и завершения конфликтов. В ходе углубления конфликта усложняется взаимодействие сторон, имеет место переплетение различных конфликтов, наложение их друг на друга, что ведет к их взаимному усилению. Характерные для нашей страны в настоящее время конфликты, связанные с приватизацией, безработицей, с конверсией ВПК, противостоянием властям работников, труд которых оплачивается из госбюджета на более низком уровне, чем стоимость жизни, тесно взаимосвязаны между собой и взаимостимулируют свое обострение.

Разрастание конфликта в значительной степени обусловлено тем, как оценивается и осмысливается этот процесс, как воспринимаются субъектами противоположные позиции. Варианты мнений и оценок могут быть весьма неоднозначными: от признания обоснованности и закономерности развития конфликта до отрицания его целесообразности, от понимания необходимости до видения в разрастающемся конфликте одних только негативных последствий. В результате субъекты в ситуации растущего конфликта чувствуют и ведут себя по-разному: одни удовлетворены этой ситуацией, а другие ищут пути для погашения противостояния. Оценки базируются большей частью не на категориях истины или лжи, добра или зла, справедливости или несправедливости, хотя об этом постоянно говорят. Критерием оценивания конфликтной ситуации, в конечном счете, опять же служит интерес в его различных модификациях — от общегосударственного до индивидуального, эгоистического. Этот критерий всегда конкретизирован. За интересом стоят проблемы, с ним связан риск тех или иных общественных сил потерять в борьбе нечто для них существенное.

Вследствие противоречивости эволюции конфликта, его развития и разрешения оценка процесса соответственно не может быть однозначной, только положительной или, наоборот, негативной. Стадия развития конфликта включает в себя такие существенные его признаки, как легитимацию, институционализацию и рационализацию. В совокупности они характеризуют усложнение организации противоборства. Легитимация в данном случае означает признание конфликта группой или обществом, их органами власти и управления. Предположим, что речь идет о демократической системе. Здесь весь строй общественных отношений основан на принципах, предполагающих легитимацию конфликтов вообще. Скажем, принцип суверенитета народа предполагает подход к любому социально-политическому конфликту с позиции реализации интересов и воли суверена. Применительно к конкретному конфликту легитимация предполагает признание его законности, а также обоснованности с точки зрения господствующих в обществе ценностей. Конфликт между исполнительной и законодательной властями, закончившийся победой Президента РФ, оставался до тех пор нелегитимным, пока на референдуме (декабрь 1993 г.) не была принята новая Конституция и не избран в соответствии с ней новый парламент России. Легитимация трудовых конфликтов и их институционализация (эти процессы взаимосвязаны) осуществляются на основе трудового и гражданского законодательств. Коллизии в трудовых коллективах рассматриваются и разрешаются комиссиями по трудовым спорам. Забастовки предусмотрены законом. А каждая конкретная забастовка рассматривается на разных уровнях власти и управления — от органов управления предпри-

ятием до правительства. Соглашения руководства предприятий, правительственных органов со стач-комами или профсоюзными комитетами — это конкретные формы легитимации и институционализации трудовых конфликтов.

Проблема легитимации социальных и политических конфликтов — одна из наиболее сложных. Нередко с ее решением связано возникновение новых противоречий. Прошло более 70-ти лет после того, как свершилась Октябрьская революция в России, а ее законность, обоснованность с точки зрения интересов народов России в последние годы подвергается сомнению. Отношение к революции разделяло и разделяет наше общество на противоположные группы. Ныне стоящие у власти силы отрицают легитимность революции и последующих преобразований. Но ведь любые революции первоначально не легитимны. В случае победы они узакониваются соответствующими правовыми актами. Так было и в России. Напомним читателю обоснование акции признания Советского Союза французским правительством, возглавляемым в то время Эррио: поскольку «советская власть признана народам»²¹

Углубление конфликта рождает больше деструктивных явлений, нежели конструктивных. Чтобы предупредить такой ход развития, необходимо управлять конфликтным процессом, т.е. удерживать его в рамках конструктивного влияния на общество. Эта задача решается при условии, если удастся перевести конфликт в рациональное русло, ограничить до возможного минимума элемент стихийности, с чем больше всего связана разрушительная сила противоборства. Когда говорят о рационализации конфликта, то имеют в виду осмысленное,

спланированное воздействие на поведение противостоящих сторон в направлении достижения положительных последствий. Формой рационального воздействия на конфликт является его регулирование.

Понятие «регулирование» следует отличать от понятия «разрешение» конфликта. Последнее обозначает процесс устранения в первую очередь основы конфликта, его причин и предмета. Одновременно происходит и преобразование противоборствующих субъектов. Регулирование конфликта ограничивается выделением некоторых элементов конфликтного взаимодействия и устранением либо использованием их в социальном управлении. Регулирование — это перевод конфликта в русло желательных для управляющей системы «правил игры», иначе говоря, нужной схемы конфликтного взаимодействия; регулирование становится возможным при известной общности позиций противостоящих сторон, а также признания целесообразности ограничения конфликта на определенном уровне.

Заклучительная стадия конфликта — его разрешение. Процессы развития и разрешения не отгорожены друг от друга, а зачастую являются моментами одного и того же взаимодействия. Зачастую, но не всегда. А именно тогда, когда: а) борьба ведется с целью уничтожения противника или подчинения его своей власти; б) предмет противоборства настолько важен для соперников, что единственной целью для них является не тушение противоречия, а усиление его интенсивности и масштабности, т.е. «борьбы до победного конца»; в) продолжение конфликта служит условием существования одной из сторон, больше того, способом ее бытия. Борьба против «врагов народа», инспирированная сталинистами, постоянный поиск этих «врагов», зачисле-

ние в состав таковых тысяч и тысяч граждан страны и, что самое трагичное, передовых, наиболее образованных людей, было одной из стратегических целей режима, маскировавшегося под «народовластие» и одним из средств поддержания мобилизационного состояния страны как «осажденной крепости». Режим только тогда сбавлял темпы раздувания конфликта, когда оказывался на грани крушения. Так было в начале Великой Отечественной войны. В то время пришлось освободить многих репрессированных военачальников, ибо армия испытывала острый дефицит подготовленных командиров; забыть об «опасности со стороны классовых врагов» внутри страны, потому что смертельная угроза двигалась из фашистской Германии.

Субъекты, живущие и преуспевающие в острых конфликтных ситуациях, есть в любом сообществе. Агрессивные кланы, националистические организации, криминальные группы, любые тиранические режимы, различного рода организации дезинформаторов и клеветников, лже-ученых-перевертышей, способных, подобно Иуде, продаться любым властным силам за «тридцать Серебренников» — все эти субъекты нормально (в их понимании) существуют только в условиях разрушительных конфликтов и всегда заинтересованы в раздувании последних, будучи убежденными в том, что пожары конфликтов их не коснутся.

Процесс разрешения конфликта двойственен. Он имеет свою объективную логику и включает целенаправленную деятельность соперников. Последняя будет рассмотрена в других лекциях. Здесь же остановимся на некоторых моментах объективной стороны процесса. Обозначим ее термином «завершение» конфликта. Понятия «разрешение», «преодоление»,

«примирение» предполагают сознательное вмешательство в ходе конфликта. По этой проблеме имеется огромная литература. Конфликтологами используется также понятие «затухание» конфликта. Однако оно не совсем адекватно содержанию его заключительного этапа, отдает стихийностью, в то время как на этом этапе доминирует сознательное действие. Более приемлемо, на наш взгляд, понятие «завершение» конфликта. В нем акцентируется субъективная сторона процесса, в то же время предполагается и объективный его ход.

Понятие «завершение» конфликта позволяет подчеркнуть односторонность противоконфликтных действий, обозначаемых терминами, «подавление» и «отмена» конфликта. Ни то, ни другое действие не ведет к разрешению конфликта, поскольку оно исключительно волевое, игнорирующее объективную логику противоречия. Подавить или отменить конфликт можно только временно, а затем он вновь обязательно возникает, так как остается нерешенным лежащее в его основе объективное противоречие, не устранены элементы конфликтной ситуации. Некоторые авторы утверждают, что конфликты вообще не разрешимы, поскольку они свойственны общественным отношениям. С такой позицией нельзя согласиться. Конкретные конфликты, конечно же, разрешимы, а некоторые исторические типы социальных конфликтов разрешаются не временно, а окончательно. Они отмирают, коль скоро уходят в историю те системы, которым такие конфликты были присущи. Исторический российский конфликт между крепостным крестьянством и помещиками давно был разрешен и стал достоянием истории. В советской России вследствие неадекватной аграр-

-ной политики возник принципиально иной конфликт между крестьянством и государством.

Процесс завершения конфликта может протекать разными темпами, в многообразных формах противоборства сторон. Неодинаковы его результаты и последствия. Отмечаются такие формы процесса: одноактный, постепенный (многоступенчатый) и сочетающий элементы того и другого процессов. Эти формы обусловлены основными моделями разрешения конфликта: «победитель—побежденный», «победитель—победитель», «побежденный—побежденный». Между обозначенными формами процесса завершения конфликта и моделями разрешения нет прямой зависимости. Возможно быстрое, одноактное завершение конфликта с результатом, выражаемым формулой «победитель—побежденный». Но не исключается в этом случае итог по формуле «победитель—победитель». Капитуляция одного из противников в военном конфликте после разгрома его в последнем сражении — это одноактный процесс завершения конфликта. Таким же по форме одноактным процессом может быть заключение мира между воюющими сторонами, обескровленными решающими боями. И все же вероятность постепенного, многоактного завершения конфликта больше, чем когда его результат выражается формулой «победитель—победитель» (выигрыш—выигрыш) или «побежденный—побежденный» («проигрыш—проигрыш»). Такое соображение вроде бы не соответствует определению конфликта. Здесь не говорится ни об уничтожении одной стороны другой, ни о подчинении интересов и позиций. В проигрыше оказывается каждая конфликтующая сторона, а в некоторых случаях они погибают обе, происходит взаим-

ное уничтожение. Примеров подобного рода множество — исторических и текущих, жизненных.

Конфликты многообразны, и формы их урегулирования и разрешения невозможно втиснуть в прокрустово ложе любых схем и моделей, какими бы они общими ни были. Возьмем, к примеру, так называемые «вековые конфликты» между церковью и госулаством между мировыми религиями²²

Если конфликт между новой христианской религией и Римской империей был непримиримым, эти две силы не могли ужиться между собою, и должна была начаться борьба не на жизнь, а на смерть, и окончиться полной победой той или другой стороны, то по иному сценарию протекало противоборство между католичеством и протестантизмом. Борьба шла в пределах одних и тех же основных догматов веры, одного и того же учения Христа. Протестантизм завоевал себе самостоятельность как одна из ветвей христианства, не переставая в последующем столетии выступать против католической веры и церкви. Тем же ему отвечало и католичество. Враждующие стороны разошлись, но обе остались христианскими религиями. Корректно ли характеризовать итог данного «векового конфликта» по схеме «победитель—побежденный» или «выигрыш—проигрыш»? Думается, что нет. Подобная ситуация постоянно возникает, как только в конфликте оказываются противоположные идеологии.

Ошибочно рассматривать с позиции формулы «победитель—побежденный» или «выигрыш—проигрыш» любой компромисс, а тем более консенсус. Словом, нужны для описания отмеченных конфликтов иные понятия, глубже и всестороннее отражающие специфическое многообразие общественных, групповых и индивидуальных противостояний. На-

Лекция 3

пример, такие понятия: «максимальный выигрыш»-«минимальный выигрыш», «взаимная нейтрализация», «сочетание выигрыша и проигрыша», «синтез (единство) конфликтующих противоположностей». Кстати говоря, последняя формула — это философско-диалектическое обобщение взаимодействия любых противоположных явлений и процессов. В общественной жизни встречаются конфликтные формы, развивающиеся и разрешающиеся путем сближения и слияния в новое, более высокое по уровню организации и развития, состояние общественных отношений, политического устройства. Такой исход конфликта реализуется при наличии ситуаций, когда существует некоторая общность интересов и ценностей, а также известная взаимная зависимость конфликтантов и объективная потребность в их союзе, проявляется желание идти на согласие.

Чтобы читателю были более понятны наши общие рассуждения, обратимся к анализу некоторых исторических событий, подтверждающих необходимость творческого подхода к определению понятий конфликтных процессов.

Как известно, так называемая Смута в России (начало XVII в.) закончилась утверждением династии Романовых. В 1613 г. Земский собор избрал русским царем Михаила Романова, шестнадцатилетнего юношу. Многолетний политический конфликт, грозивший, в случае его продолжения, гибелью российского государства, завершился на благо веек россиян.

В русской исторической и политической литературе установление нового государственного устройства и форма разрешения всеобщей коллизии описываются по-разному. В частности, Карамзин в произведении «О древней и новой России в ее поли-

тическом и гражданском отношениях» писал: «Все хотели одного — целости, блага России. Не блистало вокруг оружие; не было ни угроз, ни подкупа, ни противоречий, ни сомнения. Избрали юношу почти отрока, удаленного от света, почти силою извлекли его из объятий уstraшенной матери-инокини и возвели на Престол, орошенный кровию Лжедмитрия и слезами Шуйского» 23

Видение этого исторического события писателем-философом Герценом значительно глубже, а не скользит по внешней эмоциональной стороне процесса, не ограничивается изображением народного чувства. «Народ, уставший от смуты, от претендентов на престол, от войны, от грабежа, хотел покоя любой ценой. Тогда-то и было проведено это поспешное избрание, вопреки всякой законности и без согласия народа — царем всея Руси провозгласили молодого Романова. Выбор пал на него потому, что благодаря юному возрасту, он не внушал подозрений ни одной партии. То было избрание, продиктованное усталостью» 24

Исследуя причины Смуты и процесс ее преодоления, историк Ключевский излагает свое понимание разрешения российского государственного конфликта. Главное для историка Ключевского — выяснение того, что составляло стержневую линию конфликта и кто был враждующими социальными силами. Первое, по его мнению, — непримиримые противоречия между политическими группировками бояр, стремившихся иметь на троне своего царя. В политическую борьбу бояр втягивались и низшие слои населения. «Каждый класс искал своего царя или ставил своего кандидата на царство, эти цари и кандидаты были только знаменем, под которым шли друг на друга разные политические

стремления, а потом разные классы русского общества». Однако опасность гибели страны была столь велика и ощутима боярскими кругами, да и низшими классами, что вражда не затмила общее желание найти путь соглашения непримиримых интересов во имя сохранения самого государства, «во имя нового государственного порядка» 23

Несмотря на существенное различие в описании характера, причин и движущих сил разрешения конфликта, прослеживается одна общая мысль: беспрецедентный для России факт выхода из политического кризиса без насилия и крови. Вдумаемся в форму завершения многолетней политической борьбы. Она может быть охарактеризована как модель: «максимальный выигрыш — минимальный выигрыш». Народ устал от смуты, от вражды, он хотел покоя «любой ценой». Господствующий класс, его непримиримые группировки также не желали продолжения состояния распадавшегося на глазах российского государства. Избрание молодого Романова царем, утверждение новой династии отвечало интересам всех основных слоев населения, воспринималось всеми как объективная необходимость иметь гаранта сохранения государственности и социального строя, основанного на крепостничестве. Самодержавие всеми виделось именно таким гарантом, что соответствовало также религиозным традициям православия. «Бог и государь» — эти два понятия были опорными для российского духа, выражали основные ценности народа.

Таким образом, для России решение конфликта по формуле «максимальный выигрыш—минимальный выигрыш» (первое — для боярства, второе — для низших слоев) оказалось возможным в ситуации, когда возникла общая опасность потерять го-

сударственность, а значит организованную форму общественной, зачищаемой от иноземных врагов, самостоятельной жизни; в ситуации, о которой поэт сказал:

«Когда в морскую бурю волны
Грозят со грузом поглотить —
Безумен тот, кто из своих сокровищ
Не бросит часть, чтоб целое спасти».

(А.К.Толстой)

В известной степени сходная ситуация сложилась в общественно-политической жизни Франции 235 лет спустя, после поражения резолюции 1848 г. Общество раскололось на враждующие слои и группы. Возникшая после диктатуры Кавеньяка республика и ее правящая партия — «умеренные республиканцы» — не удовлетворяли интересы основных слоев населения: классов землевладельцев, капиталистов и рабочих масс. Установилось относительное равновесие политических сил. После июньских событий (кровавого побоища, устроенного генералом Кавеньяком), люди всех партий, как отмечал Чернышевский Н., одинаково чувствовали первую необходимость для Франции — учреждение прочного правительства. При этом одни (монархисты) боялись «умеренных» демократов, «безграничной» демократии, а другие (республиканцы) — возврата страны к монархии или диктатуре. Обеим враждебным политическим силам была пригодна любая кандидатура на пост главы государства. Только бы ею не был Кавеньяк, который, между прочим, уже и сам не хотел и не мог в новой ситуации узурпировать власть и попирать демократические принципы, объявленные республиканским режимом.

«Под угрозой опасности, — писал Чернышевский Н., — сплотились интересы противоположных классов в один интерес» 26 В его орбите оказался малоизвестный политик Луи-Бонапарт, потому что было «всеобщее невнимание к этой личности и к его партии. Ни одна партия не считала Луи-Бонапарта опасным для своих интересов и положения в государстве. В результате всеобщих выборов он стал президентом Франции. Луи-Бонапарт получил 5,5 млн. голосов избирателей, то есть оказался «всенародно избранным». Кавеньяк тоже баллотировался на высший государственный пост, но французы отказали ему в доверии: за него проголосовало лишь 1400 тысяч человек» 27

Выборы президента большинством граждан были актом разрешения назревшего кризиса и конфликта на основе легитимности, говоря современным языком, в рамках широкого согласия населения страны; формула разрешения «максимальный выигрыш (для господствующих классов)—минимальный выигрыш» (для рабочего люда и крестьянства).. В дальнейшем Луи-Бонапарту удалось «украсть» победу у всех. «Прходимец», как его охарактеризовал Маркс, «застиг нацию в 36 млн. человек врасплох» 28 В «железной маске» своего дяди он, объявив себя императором Франции. Возник новый конфликт. Но это уже иная глава в истории Франции, закрытая впоследствии революцией 1870 г.

Разрешение общественно-политического конфликта во Франции, как и в России, произошло по сходной схеме в силу обстоятельств, в основном тождественным российским: создавалась общая опасность для конфликтующих сторон, установилось равновесие сил; ни один интерес, ни один класс и ни одна

партия не могли занять доминирующее положение и быть у власти без союза со своей соперницей. Общий интерес базировался также на некоторых одинаковых базовых ценностях народа. В России это были, как отмечалось, православные ценности; во Франции — вера в возвращение страны в великую эпоху Наполеона, возрождение наполеоновского духа. Бог не был забыт, но не являлся, как у россиян, демиургом исторического перехода к новому государственному порядку.

Литература

1. Здравомыслов А. Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания. Социологические исследования, 1933, 8, С. 13.
2. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., Политиздат, 1992. С. 272-273.
3. Моска Г. Правящий класс. Социологические исследования, 1994, 12. С. 97.
4. Турен А. Социальные движения, революция, демократия. Свободная мысль, 1991, 14. С. 35.
5. Социологические исследования, 1991, 14. С. 140.
6. Семенов В., Степанян Ц. Социологические исследования. С. 22.
7. Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. Введение в общую теорию конфликта. Юридическая конфликтология, ч. 1. М., 1993. С. 95.
8. Ксенчук Е., Киянова М. Технология успеха. М., 1993. С. 115.
9. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта. Социологические исследования, 1994, 5 С. 142.
10. Ключевский В. Сочинения в девяти томах М., 1989. Т. 5. С. 233-234.

11. Верт Н. История советского государства. 1900-1991. М., 1992. С. 29.
12. Там же. С. 33.
13. Там же. С. 38.
14. Дарендорф Р. Указ. соч. С. 142.
15. Кива А. Демократия над бездной. Российская газета, 4 апреля 1995 г.
16. Там же.
17. Верт Н, Указ. соч. С. 231.
18. Правда России, 18 мая 1995 г.
19. Социологические исследования, 1993, 9. С. 55.
20. Бердяев Н. Русская идея. Вопросы философии, 1990, 1. С. 128.
21. Верт Н. Указ. соч. С. 243.
22. Черняк Е. Вековые конфликты. М., 1988.
23. Карамзин Н. История государства Российского. Книга четвертая. Ростов-на-Дону, 1990. С. 480.
24. Герцен А. Собр. соч. в восьми томах. М., 1975. Т. 3. С. 384.
25. Ключевский В. Соч. в девяти томах. М., 1988. Т. 3. С. 47.
26. Чернышевский Н. Кавеньяк. Собр. соч. в пяти томах. М., 1974. Т. 5. С. 111.
27. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 298.
28. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи-Бонапарта. Соч., Т. 8.

Лекция 4. СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

Общая теория конфликта, проблемы которой рассмотрены в предыдущих лекциях, служат основой для изучения основных типов конфликта. Рассмотрим социальный конфликт в его современных модификациях.

1. Социальный конфликт как один из типов конфликта

Всякий конфликт между людьми, поскольку он возникает по поводу тех или иных вопросов общественной жизни, является социальным. Социальное в широком смысле слова суть общественное. Понятие «социальное» определяется также в узком смысле. Оно обозначает способ взаимосвязи и взаимодействия между субъектами (общностями, их членами) деятельности по поводу становления и изменения статусов этих субъектов в обществе как системе¹. В данном определении объединено двойное толкование социального в узком смысле слова: как специфического вида общественных отношений (между общностями различных уровней) и как особого аспекта всех отношений, связанных с производством и воспроизводством самого процесса общественной жизни человека. Предметом рассмотрения в настоящей лекции являются конфликты между общностями различных уровней.

Социальный конфликт (в собственно узком смысле понятия) — это борьба социальных общностей с противоположными интересами за доминирующие

социальные статусы в иерархизированной общественной системе.

Об интересах уже говорилось. В контексте анализа собственно социального конфликта имеются в виду прежде всего интересы больших социальных групп, формирующиеся по поводу средств жизнеобеспечения, реального доступа к материальным и духовным благам и ресурсам, а также — к принятию связанных с этим решений.

Социальный статус как основной предмет социального конфликта представляет собою «интегра-тивный показатель положения» социальной общности и ее представителей в данной социальной системе. Компонентами статуса являются социальные позиции, характеризующие положение людей в обществе на основе объективных признаков (пол, возраст, профессия и др.) , и оценка этих позиций, выражаемая в понятиях «престиж», «авторитет» и пр.² Источником конфликта служит не сам по себе социальный статус. Каждый член общества таковым обладает. Противоречия возникают на почве неравенства статусов в иерархизированной системе между теми, кто имеет высший статус, и теми, кому судьба уготовила низший, или в лучшем случае средний, между носителями статуса среднего ранга и ранга высшего. Независимо от реализуемой в данном обществе ранговой иерархии в виде модели пирамиды или ромба, статус высшего ранга всегда меньше среднего, а тем более низшего ранга. Спрос на высшие статусы многократно превышает возможности общества. Иными словами, противоречие между единством социальной общности как некоторой целостности, связанной определенной сходностью или совпадением интересов людей, и социальным неравенством включенных в нее обще-

ственных групп, выраженным в иерархии статусных рангов, всегда было и остается основой социально-, го конфликта всех уровней. Отсюда теоретическая проблема — в объяснении причин исторического возникновения и условий существования социального неравенства.

В качестве субъектов социального конфликта выступают социальные общности, в первую очередь крупные. Это — реально существующие, эмпирически фиксируемые совокупности индивидов, которые связаны общим интересом и находятся в косвенном или прямом взаимодействии.³ К таким общностям относятся: объединения людей, живущих в рамках данного социального пространства (регион, страна, город, село и пр.); большие группы, складывающиеся исторически внутри самых обширных совокупностей людей, различающиеся по их месту и роли в системе производства материальных и духовных благ, а также по образу жизни, общественному сознанию и социальной психологии (классы); общности, формирующиеся на основе сходства национально-этнических признаков (народности, нации); общности, различающиеся по социально-демографическим и профессиональным признакам. Кроме того, любая крупная общность дифференцируется на базе социальной стратификации, т.е. на группы и слои в иерархическом ранге. Участие в борьбе больших социальных групп и их представителей за общественно значимые цели необходимо для того, чтобы конфликт считался социальным.

Уровень и масштабность социального конфликта зависят от вида социальных общностей, выступающих конфликтующими сторонами. Конфликты между обществами относятся к глобальным; между крупными социальными группами внутри дан-

ной страны — это макроконфликты (межклассовые, региональные, национальные); местные конфликты — между отдельными группами местных обществ. Так, нынешний пока еще латентный конфликт в целом, но прорывающийся в локальных столкновениях между западной и восточной цивилизациями, есть глобальный конфликт между народами многих стран. Его конкретное проявление в конфронтации между отдельными христианскими странами и странами, населенными мусульманами (Ираном и США, Ираком и американо-европейским сообществом). Классовые, национально-этнические конфликты охватывают большинство слоев населения различных стран, оказывают влияние на их жизнь. Поэтому их следует характеризовать как макроконфликты. Таковы же социальные движения протеста в различных странах и регионах нашей страны. Столкновения между местными институтами власти и отдельными слоями населения, (например, пенсионерами, многодетными семьями), по поводу социальной помощи относятся к числу конфликтов местного уровня. Пока носят местный характер встречающиеся в России конфликты между местным населением и мигрантами-беженцами, численность которых постоянно растет. Волны беженцев обостряют проблемы занятости, жилья, преступности.

Социальные конфликты возникают и развиваются в недрах социальной структуры. Социальное неравенство и отношения господства — основная детерминанта социального конфликта, реализующаяся во взаимоотношении общностей и групп. Современность вносит существенное разнообразие в эту общую закономерность социального конфликта.

И в развитых и в развивающихся странах не существует тех жестких границ между социальными группами, в том числе крупными, которые имели место в прошлом. Для современного общества, тем более постиндустриального, характерны, как отмечалось на последнем (XIII Международном социологическом конгрессе, подвижность и изменчивость границ различных социальных групп, консолидирующихся, дифференцирующихся, а также ослабевающих и исчезающих.

Социологами анализировались группы, действующие в плане взаимопонимания и взаимообогащения и группы противоположного характера, настроенные на конфронтацию и даже потенциально ориентированные на деструктивное, антиобщественное поведение. Это обстоятельство заставляет отказаться от догматического тезиса о субъекте социальной борьбы — всегда единой большой общности людей, сплоченного социального класса (рабочих, крестьян или буржуазии).

Еще М.Вебер отмечал, что «класс — не сообщество, а чаще всего только основа, возможная для совместных действий»⁴ Эту позицию называет современный французский социолог Бурдьё П. Он, на наш взгляд, обоснованно критикует определение социальной группы по численности, членам, границам и т.п. в ущерб **отношениям**, а также «интеллект-туалистскую иллюзию» отождествления теоретически сконструированного учеными понятия класса с реально действующей группой людей⁵ Бурдьё П. пишет что класс в логическом смысле слова, т.е. как совокупность агентов, занимающих сходную позицию и имеющих все шансы для обладания сходными интересами и для выработки сходной практики, этот класс имеет только теоретическое существова-

ние; это — «класс на бумаге». «Однако реально это не настоящий класс в смысле группы ... «мобилизованной», готовой к борьбе; со всей строгостью можно сказать, что это лишь возможный класс.»⁶ Автор, однако, впадает в другую крайность: он вообще отрицает классы как реальные группы, в смысле совокупности агентов, не «мобилизованных», не готовых к борьбе. «Что существует, так это пространство отношений, которое столь же реально, как географическое пространство.»⁷

Возникает вопрос: отношений между кем? Ответ может быть только один: между агентами — членами группы, называемой классом. Класс *и* есть система отношений между его членами, причем таких, которые складываются объективно, не будучи осознанными и тем более целенаправленно реализованными в форме социальной активности.

Класс как большая социальная группа ни в коем случае не тождественен классовым группам, вступающим в социальный конфликт. Большая группа лишь в потенции — субъект конфликтного действия. Действительным же субъектом выступает активная, организованная часть этой группы, претендующая на представление ею общих классовых интересов. Только в переломные периоды (война, революция, глобальная модернизация общества) большие группы — классы, национальные общности — говорят последнее слово при принятии судьбоносных решений. Народ в качестве основного источника власти проявляет себя как единое целое в процессе непосредственного отправления своей властной функции (референдумы, выборы).

В современном социальном конфликте классы, так сказать, в чистом виде не выступают в роли противоборствующих субъектов. Нельзя назвать ни-

одного социального движения, в котором бы участвовали представители только каких-то одних слоев населения. Национальные, молодежные, феминистские, экологические и многие другие современные движения включают в себя разнородные по социальному положению элементы: из числа квалифицированных и малоквалифицированных рабочих, аграриев, служащих, бюрократии, работников науки, образования и здравоохранения, буржуа-предпринимателей и даже маргиналов-люмпенов. Тем не менее в конфликтах, возникающих на почве социального расслоения общества, противостоящие группы — это в основе своей слои, классовые по природе, — массы наемного труда, с одной стороны, и группы владельцев капитала, с другой.

Тот факт, что большие социальные группы не функционируют в реальной жизни в виде сплоченных субъектов общественных действий и конфликтов, не говорит об отсутствии их роли в социальном процессе. Будучи потенциальным субъектом, они служат источником формирования противоборствующих сил и потенциальной опорой для каждой из них. Поэтому конструктивный характер разрешения социальных конфликтов и стабильность общества зависит от: а) наличия сильного господствующего класса, сплоченного интегрированными интересами; б) среднего класса, разнородного, но массовидного, препятствующего расколу общества на полярности; в) достижения равновесия интересов и статусов социально значимых групп. Отмеченные признаки стабильного общества характеризуют состояние социального единства.

Независимо от того, какие группы вступают в конфликт — крупные или их сегменты, поле конфликта образует определенный сектор или же в це-

лом социальное единство. Вне социального единства не может возникнуть и существовать конфликт. Единство представляет собою, во-первых, систему самых общих и глубоких связей между противниками и интеграционных ценностей, делающих противоборствующие стороны частями одного целого — данного общества, государства; во-вторых, именно в рамках социального единства формируется иерархизированная система статусов, коль скоро единство объединяет разнокачественные социальные элементы; в-третьих, только наличие социального единства служит основой разрешения конфликта между большими социальными группами при сохранении жизнеспособности данного общества. Революционные или военные конфликты, глобальные кризисы, крупнейшие катастрофы выдерживают те сообщества людей, которые исторически выработали в себе систему взаимосвязей и ценностей, объединяющих основную массу своих членов в целое, в органическую систему, способную адаптироваться к резко меняющимся условиям существования. К таковому относится сообщество россиян.

Социальное единство выражает собой прежде всего общность фундаментальных интересов всех групп населения, т.е. тех объективных взаимосвязей и формирующегося на их основе всеобщего согласия, без чего данная страна, народ, государственное объединение как реальности существовать не могут. Такая взаимосвязанность и согласие обуславливаются единым социальным пространством как жизненной средой, общими способами экономической деятельности и отношений, одной системой культуры, проявляющейся в сходных чертах психологии народа. Социальное единство — это выражение меры допустимости социального конф-

ликта. Демократические институты, институты гражданского общества — легитимная основа и механизм поддержания единства и регулирования конфликта в его рамках.

В России идея единства культивировалась тысячелетие, что служило интегрирующим фактором в стране с многоликим обществом, расположенном на огромной территории. Русская идея, воплощающаяся в понятиях «соборность», «коллективизм», «солидарность», отражала необходимость социального единства как системы общественных отношений. В ее рамках развивался и зарождался конфликт между господствующим классом и основной массой народа, формировалось стремление народа к свободе. Этот конфликт приобрел форму классовой борьбы, завершившейся в конечном итоге эпохой революций и гражданской войны. В результате прежние основания единства общества были разрушены, и все же одна из его главных опор — единая государственность — сохранилась и укрепилась, хотя и в преобразованном виде. В постреволюционный период советский режим внедряет в общество иную идеологическую детерминанту единства — коммунистическую доктрину и психологию. В общественном сознании россиян новая идея в значительной степени приобрела элементы прежней идеологии и менталитета, обретая форму религиозности. Обрушившиеся на страну конфликты и такая катастрофа, как Великая Отечественная война, не подорвали исторического единства общества. Но времена менялись. В жизнь вступали новые поколения, интересы которых приходили в противоречие с существующей системой власти и социального управления. Выстраивались новые связи и отношения между людьми. Социальное единство, основанное

на партийно-идеологических ценностях, исчерпала себя. Возникла потребность в иных ценностях. Поиск их идет; в такой период особенно опасны макроконфликты, развитие которых может развалить это единство. Одни традиционные российские ценности, в том числе — единая государственность и, тем более, православие недостаточны для скрепления в целое такого многосоставного социального образования, каким является Россия. Нужны современные идеи и ценности, понятные большинству народа и притягательные для него.

Абсолютизация единства общества в его партийно-идеологической форме привела к публичному отказу от самой необходимости социального единства и идеологии. Нынешней правящей элитой была провозглашена концепция деидеологизации. В действительности же деидеологизация не состоялась, равно как и, мягко говоря, оказалась некорректной критика принципа социального единства как такового. Короткий период постсоветского времени показал, что идеологический вакуум в обществе невозможен. Господствует или доминирует в обществе какая-то идеология, светская или религиозная. В современной России — это антикоммунистическая, либерально-консервативная идеология, она составляет духовную основу политического режима и утверждающегося капитализма. Практика показывает, что без единства основных, социально значимых групп и слоев населения нельзя создать какую-либо новую социальную систему. Естественно, что, проклиная коммунистическую идеологию, обвиняя ее во всех грехах, радикал-демократы сознательно насаждают в стране ее антипод. Стабильность существования любой социальной группы, как отмечает Козлова О., да и, добавим от себя, любого сообще-

ства определяется осознанием своей внутренней общности. Такое осознание осуществляется в идеологии, через идеологию. Не будучи подкрепленными идеологией, общечеловеческие ценности превращаются в фетиш, не способный помочь в разрешении социальных конфликтов. Отказавшись от идеологии, общество не сможет быть единым целым и выполнять свои функции, осуществляемые социальными группами.

Анализ социальных конфликтов как взаимодействия противоположных больших социальных групп не должен уводить нас от индивидуализации таких конфликтов. Суть проблемы заключается в нахождении взаимосвязи двух концептуальных линий в понимании социального конфликта, наметившихся в западной литературе еще со времени Э.Дюркгейма: признания лишь индивидуальных конфликтных ситуаций и противоположной ей, идущей от Маркса — ставке только на макроконфликты между большими социальными группами, в частности, классами. Принципиальный шаг по пути синтеза этих линий осуществлен в том, как показано ранее, что современная теория отказалась от жесткой дихотомической модели классового конфликта, признав закономерность плюрализма социальных групп. Другая сторона проблемы — не только социальная, но и гносеологическая (теоретико-познавательная): в сведении социального к индивидуальному и, наоборот, индивидуального к социальному.

Ч

Социальные конфликты как столкновение крупных социальных групп по поводу реализации их противоположных интересов, связанных со статусами, реально осуществляются в виде групповых, организованных взаимодействий индивидуальных агентов. Общий интерес или общая позиция, отста-

иваемая социальной группой, становится реальностью для каждого члена этой группы в той мере, в какой а) выражает взаимную зависимость индивидов в жизненном пространстве в рамках социальной структуры, способа совместной деятельности и культурной среды; б) будучи интернализированной, превращается в социо-культурную матрицу мотивации поведения и деятельности; социализация индивида есть процесс перехода социального в индивидуальное; в) воплощается в системе общественной власти, в границах индивидуальных прав и свобод каждого.

Таким образом, социальное как общее существует через индивидуальное и в индивидуальном. Социальный конфликт — это конфликт по поводу общезначимых интересов, ценностей, позиций, наконец, условий жизни. Там, где между группами или индивидами имеет место борьба, связанная с защитой общезначимых интересов, проявляется социальный конфликт. В таком случае он составляет часть, элемент более масштабного конфликта, а не ограничен рамками только индивидуальных столкновений.

Индивидуальный агент конфликта выступает носителем социального, если: он 1) часть реально действующей группы, участник совместного с другими членами группы противоборства; 2) рассматривает и групповые ценности как свой общий интерес, солидарен с группой во взглядах, являющихся предметом дискуссий; 3) представляет группу, общность; 4) его действия оцениваются другими членами группы и им самим как направленные на защиту общих интересов и позиций; 5) если мотивы деятельности индивида принимаются за мотивы деятельности общности.

Социальный конфликт как столкновение больших общественных групп реально проявляется в массе индивидуальных действий, поступков, событий. Однако в этом многообразии действий и поступков реализуются общие цели и позиции через совместные действия людей. Анализ конфликта как столкновения крупных групп, как явление социального позволяет выявить в лабиринте общественных и индивидуальных противоречий, в смене борьбы и согласия, изменения и стабильности, прогресса и упадка основную, линию общественного процесса и оказывать на нее влияние, дает предвидение негативных и позитивных последствий конфликта.

Сведение индивидуальных столкновений к социальным не означает игнорирование воли и инициатив отдельных агентов, поскольку общая борьба складывается из их совокупных действий. Тем не менее действие каждого индивида интегрируется в общий конфликт, если оно социально значимо, т.е. вписывается в общую борьбу социальных групп.

Концепция индивидуализации социального конфликта, его так называемой приватизации, приводит к отрицанию возможности крупномасштабных социальных противоречий и связанных с ними коллизий. Это — точка зрения консервативного плана тех теоретиков и политологов, которые делают ставку не на изменение системы, а на ее стабилизацию, на сохранение равновесия. Противоположная концепция — признание возможности крупномасштабных социальных конфликтов — ориентирует практику на изменение и развитие системы, в ходе которых разрешаются возникшие конфликты.

**2. Классовый и послеклассовый конфликты.
Социальный антагонизм.**

Одним из типов социального конфликта является классовый конфликт. Насколько актуальна проблема классового конфликта в современную эпоху? Ответ на этот вопрос требует конкретного подхода в анализе социальных структур различных систем и стран. За очевидную истину можно признать лишь тезис, отвергающий жесткую дихотомическую модель классового конфликта как единственного, судьбоносного для любого общества, неизбежно приобретающего взрывной характер. Современная конфликтология не отрицает классовый конфликт как таковой. Однако, во-первых, понятие класса трактуется неоднозначно, чаще всего не связывается с объективными различиями социальных групп, детерминированными их местом и ролью в системе экономических отношений. Во-вторых, классовый конфликт не отождествляется с классовой борьбой, завершающейся социальной революцией. Современный классовый конфликт, если он и признается, то в любом понимании рассматривается западными авторами как институционализованный и регулируемый конфликт между предпринимателями и рабочими, в котором ни одна из сторон не стремится полностью устранить противоречия интересов путем революционных изменений⁹. В-третьих, в демократических странах классовая борьба институционализована в форме выборов в органы власти (Липсет С.). В-четвертых, классовый конфликт признается одним из многих конфликтов в обществе.

Понятие класса в настоящее время используется многими социологами, политологами и конфликте-

ОСНОВЫ КОНФЛИКТОЛОГИИ

логами. Выше говорилось о позиции Бурдье П., отрицающего реальность классов как крупных социальных групп. Американский социолог и политолог Липсет С. подчеркивает значимость для функционирования демократии взаимоотношений между политическими партиями и «такими типами раскола, как классовые, профессиональные, региональные, этнические и религиозные разрывы»¹⁰ Он пишет о «классовой структуре» «классовых партиях», понимая под этим «раскол», различия между общественными группами по социальному положению, уровню дохода и степени власти, т.е. стратам. Им используется понятие «рабочий класс», который является опорой для коммунистических и левосоциалистических партий. В то же время Липсет С. отмечает сложность (многомерность) стратификационной системы современного общества. Он признает, что более либеральные или левые партии пользуются непропорционально большой поддержкой со стороны малоимущих, рабочих, крестьян-бедняков, людей недостаточно образованных и других групп с низким общественным статусом. Однако эта связь допускает многочисленные исключения; имеют место отклонения от установленного соотношения между поддержкой той или иной партии и любым данным показателем классового положения¹¹ Выводы Липсета С. подтверждаются опытом европейских стран. Здесь, как известно, остаются «левые» и «правые» социально-политические силы, сохраняются коммунистическое и социалистическое движения, выражающие и защищающие интересы», в том числе классовых, различных социальных групп. Последние выборы президента Франции, в частности, показали, сколь острым сохраняется конфликт между левыми и правыми политическими

силами, хотя, конечно, он далеко не такой, каким был в периоды французских революций.

В материалах XIII Международного социологического конгресса многократно встречаются понятия «социальные», «классовые» различия, а также «рабочий класс» и тем более — «средний класс». Так что, преждевременно утверждать, как это делает Дарендорф, что современный социальный конфликт — это «послеклассовый конфликт» и что в некоторых странах, по мнению немецкого политолога, хотя и жив «язык классового конфликта», но даже в них якобы классовое деление общества в традиционном смысле слова не является основой конфликта¹² Тем не менее мысль Дарендорфа о качественном изменении современного социального конфликта в принципе верна.

Немецкий конфликтолог сам не предаёт забвению понятие «класс», а вкладывает в него иное содержание. Это — «большинство», «класс большинства», но необязательно людей наемного труда, а тех, кто обрел относительно «удобное» существование, в отличие от оставшегося за его пределами меньшинства. «Класс большинства защищает свои интересы так же, как раньше это делали другие правящие классы»¹³ В современном обществе пишет Дарендорф, «в определенном смысле случилось прямо противоположное» тому, о чем писал Маркс.. «подавляющее большинство людей обрело относительно удобное существование ... проводит границы, оставляя кого-то за их пределами». «Как и прежние господствующие классы, они находят достаточно причин необходимости таких границ и готовы «впустить» только тех, кто приемлет их ценности»¹⁴ Причем «класс большинства» проводит границы не только горизонтальные, но вертикальные. Немец-

кий конфликтолог отмечает также, что происходит индивидуализация конфликта. Индивидуальная мобильность занимает место классовой борьбы.

Еще одна особенность современного социального конфликта, по мнению Дарендорфа, заключается в том, что из всех его видов суть процессов, происходящих в современном обществе, проясняет-конфликт между богатством и гражданскими правами, или иначе — «между ресурсом и притязаниями». Современная, форма воплощения конфликта -«аномия», что означает временную утрату социальными нормами своей действительности в результате экономического или политического кризиса. Это — «конфликт культуры» (Мертон), когда люди в силу своего общественного положения не способны подчиняться ценностно-нормативной системе общества.

Наконец, в 80-е годы, подчеркивает Дарендорф, получил почти повсеместно распространение конфликт на расовой основе. Подобное явление — шаг назад в истории развития гражданского общества.

О овоеобразии современного социального конфликта, характерном, по крайней мере, для развитых европейских стран, пишут и другие авторы. В

-частности, французский социолог Турен А. отмечает, что формирование постиндустриального общества стимулирует восприятие и изучение **новых** акторов и их **конфликтов**. Ни один из современных видов борьбы не может быть квалифицирован как

принципиальный конфликт, вокруг которого кон-

центрируются все остальные.¹⁵ Он описывает три типа современного социального конфликта: 1)

Коллективное поведение как конфликтное действие, характеризующееся тем, что направлено на защиту, реконструирование или адаптирование слабого элемента социальной системы.

- 2) Социальные конфликты — механизмы изменения принятия решений, т.е. политические. Это — социальная борьба.
- 3) Конфликтные действия, направленные на изменение системы социального детерминирования, т.е. господства и подчинения, и касающиеся главных ресурсов общества (знаний, производства, этических норм). Это — социальное движение.

Во всяком конфликте имеет место не только борьба за господство, но и за ценности, за доминирование определенной культурной модели.

Турен А. особо рассматривает социальное движение как тип конфликта. Он отмечает, что социальное движение — не только конфликт, но также привнесение в общество новых ценностей и целей. Современные социальные движения могут конструировать себя из любой социальной «смеси». Стало быть, они носят не только классовый характер. Главная отличительная черта этих движений — они «чисто социальные» и «диффузные», тогда как рабочее движение в прошлом было концентрированным. Автор подчеркивает различие социальных и политических движений в современную эпоху и в то же время отмечает былую подчиненность первых политическому действию в индустриальном обществе. Единство социального и политического движения как революционного процесса было порождено идеей социализма, классовой борьбы и революции. Социальное движение в настоящее время занимает центральное место в общественном процессе и является базовым условием демократичности политической ЖИЗНИ.¹⁶

Широко распространена среди западных конф-ликтологов точка зрения, согласно которой конфликтные отношения, обусловленные классовым «расколом», вытесняются более ограниченными и более специфическими отношениями групп по интересам. Высокая социальная мобильность в развитых странах (вертикальная и горизонтальная) порождает веер таких групп и отношений. Общество не поляризуется по линии одного противоречия и одного основополагающего конфликта. Такое общество социально плюралистично; ему присущи многие противоречия, ни одно из которых не делает его расколотым.

Многообразие конфликтов в плюралистическом обществе характеризует совокупность взаимопересекающихся интересов. Противоречия здесь размежевывают общественные группы не в целом, в их основе, а касаются различных сторон в жизнедеятельности этих групп при идентичности их сущности. Общественные силы в демократических системах находятся в разнокачественных, разноплановых связях между собой. Одни из этих связей выступают как противоречия, а другие — нет. Словом, противоположности в одном отношении перекрываются единством в другом. Вот почему социальные группы при такой ситуации не превращаются в постоянно взаимоисключающие полярности. Описанные противоречия и возникающие на их базе конфликты, как правило, не являются насильственными.

Стратификация общества, противоречия, укоренившиеся в ней — источник конфликтов, характерных для экономически развитых, устойчивых государств. Здесь, как утверждает Липсет С., в обычай вошла «политика коллективного торга» — борьба вокруг дележа всего экономического пирога, вокруг

установления объема социального обеспечения и планирования и т.п. 17

В развивающихся странах в дополнение к конфликтам, связанным с классовыми различиями, существенную роль, по мнению Липсета С., играют культурные или глубокие ценностные конфликты. Конфликтотенным фактором в этих странах выступает модернизация. Ее высокие темпы, в частности, в мусульманских странах, способствуют экономической, политической и социальной поляризации общества, обострению отношений между сторонниками традиционных норм (консерваторами, фундаменталистами) и приверженцами модернизации, которые приветствуют и отстаивают происходящие изменения. Кроме того, модернизация несет с собой и другие конфликты, детерминированные ее неоднозначными последствиями.

С одной стороны, она вызывает процесс субъективизации социальной деятельности человека, а вместе с этим и новые формы отчуждения; с другой стороны она обуславливает формирование новых социальных групп и слоев, вовлечение их в активную общественную жизнь. Проблема индивидуализации и обобществления конфликта проявляется и здесь. Национально-этнические конфликты — одно из главных противоречивых последствий модернизации.

Наличие насильственных локальных конфликтов во многих странах показывает, что время социального антагонизма еще не миновало. Поэтому не сошел со страниц научной литературы и термин «социальный антагонизм», обозначающий определенный тип социального конфликта.

«Антагонизм» как понятие общественной науки разработан марксизмом. В марксистской традиции

Данное понятие обозначает непримиримое классовое противоречие, проявляющиеся в классовой борьбе. Признаками социального антагонизма являются: субъекты — классы или иные большие общности и образования (нации, государство) с взаимоисключающими коренными интересами; непримиримость интересов, позиций и ценностей, взглядов, целей и ориентации; насильственные методы борьбы; подавление или уничтожение одной стороны другой вместе с ликвидацией социальной основы ее существования, а стало быть и того социального единства, в рамках которого возникли и существовали антагонистические противоположности; качественное изменение социальной системы как результат разрешения антагонизма крупных социальных групп.

Вне марксистской литературе понятие «антагонизм» используется в более ограниченном смысле: как обозначающее любой враждебный, требующий применения насильственных средств, конфликт. Это могут быть межличностный или групповой, межгрупповой, этнический и прочие конфликты. Отдельные конфликтологи и социологи применяют понятие «антагонизм», близкое по смыслу к марксистскому, для характеристики общественных систем с **одним** противоречием. Имеется в виду одно **основное** противоречие, раскалывающее общество на противоположные лагеря.

Скажем, в настоящее время в мире существуют самые разнообразные социумы. Это — **моноконфликтные** (с одним социальным противоречием и конфликтом) и **поликонфликтные** (со многими, пересекающимися или накладывающимися друг на друга конфликтами), с социальноклассовыми антагонизмами как доминирующими типами конфлик-

та и смешанными типами конфликта, где социальный антагонизм — лишь один из видов конфликта, не оказывающий судьбоносного влияния на процесс общественной жизни. В таких обществах постоянно происходит взаимопереход антагонизма в неантагонизм — конфликт, порождаемый разнообразными частными или групповыми интересами в рамках общих интересов и одобряемого всеми социального единства. Переход антагонизма в неантагонистический конфликт означает качественное изменение конфликта и переоценку его места и роли противоборствующими субъектами и обществом. Речь идет о переходе к конфликту со слабой интенсивностью, с ограниченной масштабностью действия и локальными последствиями, о борьбе ненасильственными средствами с преобладанием конструктивного влияния на конфликтующих субъектов и окружающую среду, наконец, о переходе к управляемому конфликту и возможности его институцио-нализации, рационализации и разрешения на основе принципа демократии при сохранении данной социальной системы.

Перевод социального антагонизма в русло неантагонистического конфликта возможен при такой системе, где существуют условия для достаточно массовой социальной мобильности, где реален социальный плюрализм и налицо значительные средние слои населения. И, конечно же, в демократических системах, обеспечивающих институционализацию конфликтов, а также конструктивное их разрешение.

При наличии кризисной ситуации или близкой к ней происходит перерастание неантагонистических конфликтов в антагонистические.

Самое существенное в этом процессе — углубление конфликта, качественное изменение его основы. Конфликтная линия, разделяющая противоборствующих субъектов, в этом случае определяется образовавшейся противоположностью основных социальных интересов. В свою очередь такая противоположность детерминируется сложившейся ситуацией: экономической, социально-политической и пр. Антагонизм всегда предполагает тенденцию распространения противоборства на многие слои населения, вызывает поляризацию социальных субъектов, дезинтеграцию общества и стимулирует аномию как форму воплощения конфликта.

3. Социальный конфликт в современной России.

При всем уважении к своей стране нельзя не согласиться с характеристикой нынешнего состояния ее социальных отношений, данной известным русским философом и писателем Зиновьевым А. Это — посткоммунистическое образование, представляющее собой не какую-то новую общественную систему, не какой-то тип системы, а некоторое хаотическое и эклектическое образование, попытка организации «продуктов распада в некое подобие целостного существа». Российское общество сегодня есть «социальный урод», сочетающий в себе «обломки коммунизма, имитацию допотопного капитализма, реанимацию феодализма, легализованную преступность и кустарщины»¹⁸ Официально такое состояние называют переходным периодом, что даже признано в некоторых международных документах. Возможно, что качество переходности в постсоветской России доминирует. Однако оно весьма своеобраз-

разно, поскольку речь идет в значительной степени о реставрации таких капиталистических структур и отношений, которых в современных развитых странах нет, при одновременном разрушении всего позитивного, созданного за семьдесят лет трудом одного из талантливых народов земли.

Конфликтотенную ситуацию в социальных отношениях в России невозможно отнести к какой-либо описанной в научной литературе системе конфликтов. Это — и не отношения послеклассового конфликта, проанализированного Дарендорфом Р., и не структурно-функциональные конфликты, связанные с уклоняющимся поведением, описанные Парсонсом Т. Это — наконец, и не классические классовые конфликты между буржуазией и рабочими, открытые марксизмом.

Российское общество, переживающее глубокий системный кризис, характеризуется наличием разнородных зон социального конфликта, связанных с осколками госсocialизма, с нарождающимся примитивным капитализмом, реставрируемым дореволюционным прошлым и заимствуемыми элементами западно-европейских социальных структур. На всех этих зонах лежит печать российского менталитета, характеризующегося единством противоположных свойств в русском народе: деспотизма, гипертрофии государства и анархизма, неуважения закона; жестокости, склонности к насилию и вместе с тем доброты, человечности, мягкости; поисков истины, правды; коллективизма и обостренного сознания личности, индивидуализма; революционности и консерватизма; интернационализма и шовинизма; религиозности и воинствующего безбожия. Бердяев Н. писал, что русским народом можно очароваться и разочароваться, от него можно всегда ожи-

дать неожиданностей, он в высшей степени способен внушать к себе сильную любовь и сильную ненависть.¹⁹ Иностранцы замечают русский философ Лосский Н., часто подчеркивают страстность и экстремизм русских; «неумение идти средним путем отсутствие меры».²⁰ Последнее замечание особенно важно при анализе конфликтного поведения соотечественников.

Обилие зон конфликта не означает, что в нашем обществе нет сегодня главной зоны, определяющей конфликтной линии. Она есть и, к сожалению, это — антагонизация социальных, экономических и политических отношений, обусловленная углублением социальной дифференциации общества и социального неравенства; биполярная социальная структура как крайний вариант ее асимметричного строения и прямо связанный с этим классовый конфликт все больше становятся ведущей тенденцией социального процесса в стране, решившей вернуться, по воле, в основном, элитной части населения, к капиталистической системе.

Язык классового конфликта начинает звучать все громче в недовольстве более трети населения, оказавшегося на грани или за чертой бедности, в возмущении вопиющей социальной несправедливостью, выраженной в том, что расслоение общества по доходам превысило показатели, предельно допустимые для стабильных государств: вместо десятикратной разницы в доходах самых богатых и самых бедных слоев населения, свойственной большинству развитых стран, в России на конец 1994 г. 10% наиболее обеспеченных слоев населения получили доходы, в 1-5 раз превышающие доходы наименее обеспеченных. Разрыв в уровнях зарплаты десятой части наименее оплачиваемых работников

и десятой части наиболее оплачиваемых достиг 27 раз²¹

Еще недавно, летом 1992 года, на заседании Конституционного суда в Москве по делу об Указах Президента РФ и по вопросу о конституционности КПСС адвокат Макаров, представлявший сторону Президента, со всей серьезностью, в обвинительном тоне спрашивал одного из свидетелей со стороны бывшей КПСС, не означает ли его рекомендация как автора одной из книг подходить к оценке любого социального факта с классовой точки зрения «пропаганду социальной розни»²² "Сегодня же этот вопрос звучит просто наивно. Все средства массовой информации говорят и пишут о «старых» и «новых» русских. Утверждающийся режим и социальный строй опираются не на «старых», а на «новых» русских, на класс новых собственников, которых в стране абсолютное меньшинство. Создается политическая партия власти, пока в виде избирательного блока «Наш дом Россия». И никто не собирается обвинять его организаторов в «разжигании социальной розни». В обществе, где взят ориентир на социальную дифференциацию и социальное неравенство, где частная собственность, вопреки российскому менталитету, провозглашена священной ценностью, такой процесс закономерен.

Однако есть надежда на то, что утверждавшаяся в советское время, хотя и зачастую негодными средствами, линия на развитие социальной однородности общества и отношений коллективизма, товарищеского сотрудничества различных слоев населения оставила свой след, и эти отношения будут сдерживать, ограничивать расширение сферы социального антагонизма. В обществе теперь и в перспективе антагонистическая линия социального кон-

фликта будет сочетаться с неантагонистическим конфликтом. Стабильность общества будет зависеть от того, насколько властям удастся разумно сочетать эти типы конфликтов, регулировать их в рамках конструктивности. Поэтому в настоящее время напрасно правящие круги и обслуживающие их СМИ стремятся вытравить из памяти масс традиционные для россиянина ценности — коллективизм, социальную справедливость и солидарность. Гольный индивидуализм, идеал «золотого тельца», погоня за наживой и другие «новшества», заимствованные не из лучших сторон буржуазного общества, едва ли привьются большинству российского народа.

Конфликт коллективизма и индивидуализма — характерный тип конфликта для современного российского общества. Он выражает собой более глубокое противоречие нынешнего этапа — между остатками социализма и утверждающимся капитализмом. Особенно отчетливо данное противоречие проявляется в сельских обществах, где еще достаточно сильны позиции коллективных хозяйств и соответственно коллективного образа жизни, и вместе с тем властями стимулируется фермерство — индивидуальный тип хозяйства, основанный на применении наемного труда и его эксплуатации. Классовый конфликт в России пока не приобрел своей типологической четкости, подобной тому, как это было на рубеже XIX-XX вв. И, наверняка, он не станет таковым в постсоциалистический период еще и потому, что в перспективе под влиянием технического прогресса будет возрастать социальная мобильность населения. Нельзя сбрасывать со счета и возможности развития среднего класса, обзаводящегося некоторой долей приватизированной госсобственности. Уже теперь (а в дальнейшем еще в

большей степени) на социальный фон конфликтно-сти влияет установка значительного числа населения на индивидуальное приспособление к обстоятельствам, стремление любыми путями выжить, извлечь из сложившихся условий выгоду для себя, пренебрегая общими интересами, заботой о судьбах страны, ее престиже и т.п. Иными словами, действует фактор индивидуализации, российской «приватизации» общественного конфликта как противоположность тенденции классовой поляризации общества. Насколько глубоко проникнет в поры страны подобный процесс, достигнет ли он уровня, свойственного современным развитым странам, сказать пока трудно. Еще раз подчеркиваем, что в социальный процесс вносит и будет вносить свои коррективы коллективизм, солидарность, привычка мыслить социальными категориями и связывать свою судьбу с общественными идеалами, пусть подчас и утопическими, укоренявшимися в сознании и поведении людей в советскую эпоху.

Немаловажное влияние на вызревание классового характера социального конфликта оказывает характерный для данного этапа существенный факт: основная линия социальной напряженности, согласно социологическим исследованиям, пока проходит не между большими социальными группами, а между государственной властью на всех ее уровнях и основной массой населения. Любопытен в этом плане эпизод, происшедший в ходе известных трагических событий в г. Буденовске Ставропольского края. Собравшись на митинг, возмущенные террористическим актом чеченских банд боевиков жители города обвинили в случившемся прежде всего федеральные власти и потребовали отставки правительства и Президента РФ. А когда Прези-

дент за допущенное кровопролитие вместе с рядом федеральных министров отправил в отставку губернатора края, то главы администраций районов и городов края, надо думать, не без поддержки населения, обратились к Президенту с просьбой приостановить действие его указа, в части освобождения от работы своего губернатора. Люди привыкли в советское время уповать на государство, на верховную власть при необходимости разрешения любых важных для них проблем. И стереотипы социального поведения в случае серьезных конфликтных ситуаций еще не изменились. И не изменятся до тех пор, пока не сформируется окончательно водораздел между гражданским обществом и государством, высшей властью и местным самоуправлением, а также между интересами капитала и наемного труда, и пока не будут представлены эти интересы сложившимися, признанными социальными группами, партиями и движениями. Так что, социально-классовый конфликт в России еще долгое время будет возникать и проявляться как политический. Отсюда и основное средство его регулирования — социальная политика государства, решающая задачу гармонизации общественных отношений, создания условий для высокой социальной мобильности, для необходимого благосостояния всех граждан и ослабления социальной поляризации в обществе.

Современной России, с характерной для нее уродливой социальной структурой и социально-правовым хаосом, присущ тип социального конфликта, воплощающийся в форме **«аномии»**, т.е. между сущностью норм социального поведения и реальным массовым поведением. Это прежде всего находит свое проявление в такой крайней форме «аномии», как отклоняющееся и преступное поведение. Многие

аналитики характеризуют нынешнее российское общество как находящееся на пороге криминального «В последние годы в обществе фактически наблюдается криминализация всей системы общественных отношений». — пипет акаленик Осипов Г.²³ В мировой практике признается за критический уровень преступности: на 100 тыс. жителей — 5-6 тыс. преступлений. В России зарегистрированная и невыявленная преступность (примерно две трети общего объема) в совокупности составляет около 6-6,5 тыс. преступлений на 100 тыс. населения.²⁴ Разрушение и деформация традиционных гуманистических ценностей общества привело к росту стрессовых ситуаций, следствием чего стала эскалация психического травматизма людей. Общее количество больных, обратившихся к врачу-психиатру в 1993 году, составило более 3 млн. 500 тыс. человек, что почти на десятую часть больше, чем в 1992 году. Угрозу не только моральной, но и физической деградации населения создает алкоголизация общества. Годовой уровень потребления алкоголя в России достигает по различным оценкам 14-18 литров на человека, тогда как по оценке всемирной организации здравоохранения критическим порогом потребления абсолютного алкоголя на человека считается 8 литров. Известно увеличение больных наркоманией. Все это в совокупности образует социальный кризис общества, доминирование в нем конфликта в форме «аномии», или, по Мертону, «конфликта норм в культуре».

Наконец, российское общество сегодня обременено острым национально-этническим конфликтом, проявляющимся во вспышках гражданской войны.

Возникает вопрос, насколько взаимосвязаны рассмотренные виды современного социального конф-

ликта? Даже без глубокого анализа ясно, что такая взаимосвязь существенна и действенна. Достаточно сказать, что становление социально-классового конфликта прямо связано с эскалацией конфликтов — «аномии». Преступность прогрессирует на базе социальной дезинтеграции общества, углубления его раскола на господ и простолюдиев, на миллиардеров и нищих или полуничих. Крими-нализация общественных отношений стимулируется политикой перераспределения собственности. В свою очередь то и другое пробуждает национально-этнические коллизии. В целом же конфликтная сеть замыкается на нынешнем процессе капиталистической модернизации. Объективные и субъективные противоречия этого процесса (о чем говорилось ранее) порождают отмеченные и другие конфликты нынешнего судьбоносного для нашей страны периода.

Литература

1. Краткий словарь по социологии. М, 1988, С. 337.
2. Там же. С. 388, 389
3. Зинченко Г. Теория социологии. Ростов-на-Дону, 1993. С. 97.
4. Социс, 1994, 5. С. 147.
5. Бурдые П. Социология политики, М, 1993. С. 55, 59-63.
6. Там же. С. 59.
7. Там же. С. 60.
8. Козлова О. Развитие идеологии и социальные конфликты. Социс, 1993, 3. С. 28.
9. Липсет С. Политическая социология. Американская социология. М, 1972. С. 214.
10. Там же.
11. Там же. С. 216.

12. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Иностранная литература, 1993, №4. С. 240
13. Там же. С. 237.
14. Там же. С. 237-238.
15. Турен А. Социальные движения, революция, демократия. Свободная мысль, 1991, №14. С. 36
16. Там же. С. 35, 42.
17. Липсет С. Политическая социология. Американская социология. С. 214.
18. Правда, 21 июня, 1995 г.
19. См.: Лосский Н. Условия абсолютного добра. М, 1991. С. 281.
20. Лосский Н. Условия абсолютного добра. М, 1991. С. 267.
21. Осипов Г. В общем котле давление подошло к «красной черте». Правда 21 июня, 1995 г.
22. КПСС вне закона? М, 1992. С. 123.
23. Осипов Г. В общем котле давление подошло к «красной черте». Правда 21 июня, 1995 г.
24. Там же.

Лекция 5. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ

Политический конфликт, как и любой другой, являет собою определенный вид общественных отношений между людьми. Однако это — конфликт особого рода, поскольку он, во-первых, возникает и существует по поводу политической власти и ее функционирования в обществе; во-вторых, в политическом конфликте задействованы не отдельные индивиды, а социальные группы, причем массовые: политика вершится там, где действуют тысячи и миллионы людей со своими интересами; в-третьих, политический конфликт наиболее социально значим, его последствия, независимо от желания неучаствующих в политике, сказываются, как правило, на всех сферах общественной жизни.

1. Политический конфликт как вид политических отношений. Типология политических конфликтов.

Общее определение конфликта — необходимая предпосылка определения конфликта политического. Необходимая, но недостаточная. Не зная общего, трудно понять специфическое, особенное. А не поняв особенное, мы закрываем для себя дверь для познания всего многообразия конкретного мира социальных явлений.

Общая фундаментальная черта определения конфликта — противоборство субъектов, обусловленное противоположными интересами. Возникает вопрос, по какой же линии проходит разделение об-

щего интереса (а в политике он таким и представляется его социальным субъектам) на взаимоисключающие противоположности? Агентами конфликта выступают определенные общественные субъекты, скажем, экономической, культурологической и других видов деятельности. Субъекты политического действия и отношений качественно отличается от них. Каковы же они? В политике сталкиваются принципиально иные, чем, допустим, в сфере нравственности, ценности и критерии оценивания поступков людей. И т.д. Все сказанное объясняет неоднозначность определения политического отношения вообще и, в частности, конфликта. Так, немецкий юрист и политолог Карл Шмитт (1888-1985 гг.) понятие «политическое» трактует в рамках противоположностей «друга» и «врага». Практическое проявление специфического для политики различения субъектов по линии «друг—враг» заключает источник эвентуального конфликта, становящегося реальностью в экстремальных случаях. Противоположности «враг»—«друг» по природе своей не нормативные и не «чисто духовных», а бытийно действительные. Они взаимоисключаются в своем реальном существовании. Народы группируются по противоположности «друг—враг», и эта противоположность, по мнению К.Шмитта, сегодня действительна и дана как реальная возможность кажломv политически существующему народу »¹

Немецкий ученый прав лишь частично: в политическом конфликте в самых его крайних формах (например, в ситуации насильственного противостояния) субъекты разграничивают себя как противоположности «друг» — «враг». Однако общественная функция политики — **управлять** людскими сообществами, **согласовывать** и выражать (артикулировать)

и объединять) их интересы, быть орудием формирования, защиты и реализации последних. Возникновение противоположности политических интересов — закономерное, естественное явление, хотя **каждая** большая социальная группа (например, класс), выступая субъектом политического движения, стремится представить свои интересы в качестве общих. В этом стремлении уже заключена конфликтная ситуация, так как другие социальные группы, участвующие в политическом процессе, могут выставлять претензии на доминирование своих интересов.

Примерно такая же, как и с интересами, складывается ситуация в случае различия политических субъектов по линии ценностей, целей и взглядов. Во всех случаях определение конфликта требует конкретизации содержания противоположностей, разделяющих политических агентов.

Политические ценности, закрепляемые в нормах, определяющих «правила игры», образцы поведения и действия агентов политического конфликта и функционирование институтов системы включаются в поле противостояния. Конфликт развивается либо по фронту всей господствующей системы ценностей и норм, либо по отношению к их интерпретации, или же — к средствам и методам практической реализации властными структурами. Несмотря на развал существовавшей в советский период системы ценностей, ее элементы еще продолжают функционировать, противостоя либерально-демократическим, навязываемым правящей элитой. Коллективизм противостоит буржуазному индивидуализму, осью которого в политике является приоритет частного интереса над интересом государственно-национальным, общественным. Народовластие — антагонист элитарной демократии, патриотизм — нацио-

нализму и космополитизму и т.д. Понятно, что речь идет не об отвлеченных понятиях, а об основаниях былого образа жизни и общественного сознания миллионов трудового народа, вера в возрождение которых пока не умерла и еще служит мотивацией политической активности. Противоположность взглядов и целей неразрывно связана с взаимоисключающими интересами и иерархией статусов кон-фликтогенных субъектов.

Ценности питают мнения и взгляды, а в совокупности определяют позиции и поведение субъектов в конфликтном процессе. Кстати сказать, реальный политический конфликт в большей части провоцируется или, по крайней мере, стимулируется конфликтом политических взглядов. Противостояние политических субъектов в конечном счете складывается и развивается в поле противоположностей « в л а с т в у ю щ и й — п о д в л а с т н ы й » , «господствующий-подчиненный».

Эти противоположности взаимоисключаются в своей основе, а их носители — в своих статусах в качестве субъектов политических отношений. Властвует, господствует лишь один из них, другой вынужден быть подвластным и подчиненным. Политическая, государственная власть едина: она или есть, или ее нет. Разделение властей функционально; в нормальном демократическом обществе не существует ни двоевластия, ни многовластия.

Противоположности «властвующий—подвластный», «господствующий—подчиненный» есть объективная фундаментальная предпосылка конфликта. Механизм его формирования и функционирования не исчерпывается ею; он включает цепочку объективных и субъективных звеньев, опосредствующих многообразие форм политических коллизий. Ими являются интересы, ценности, взгляды, позиции,

цели, приоритеты, ориентации, ожидания и т.п. Тем самым политическое конфликтное противостояние обрывает субъективным телом, становится живым человеческим общественным явлением.

Политический конфликт — это столкновение не каких-то абстрактных субъектов, не имеющих своего человеческого облика, а противостояние реальных общественных сил (агентов), олицетворяемых лидерами, элитами, организациями, партиями и иными объединениями и общностями людей. Это — **противоборство субъектов с противоположными политическими интересами, ценностями, взглядами и целями, обусловленными положением и ролью в системе властеотношений.** Понятие политического конфликта обозначает не что иное, как борьбу одних общественных сил с другими за влияние в институтах политической государственной власти и управления, за доступ к принятию общественно значимых решений, за участие в распоряжении ресурсами, за монополию своих интересов и признание их в качестве общих, словом, за все то, что образует власть и политическое господство.

Как вид политических отношений и форма политического процесса конфликт политический отличается от других тем, что его содержание составляет взаимодействие между субъектами, связанное с существованием, выявлением, артикуляцией (выражением) и реализацией общих интересов, в первую очередь больших социальных групп. Государственная власть — орудие защиты и осуществления этих интересов. Поэтому обладание ею, устройство государственных и прочих политических институтов, политический статус общественных групп и образующих их индивидов, ценности и символы власти, ее ресурсы (материальные и человеческие) составляют объект и предмет политического конфликта.

Каждой политической системе присуща своя иерархическая структура политических статусов: одни занимают господствующее положение, другие — подчиненное, в чем заложено политическое неравенство и связанное с ним противоречие, являющееся первичным объективным источником латентного конфликта, который превращается в явный, открытый при наличии необходимых объективных и субъективных условий и причин. Они формируются в процессе назревания политических противоречий и характеризуют реальные формы действующих живых конфликтов.

Любой конфликт, а тем более политический, предполагает в качестве его первоначального этапа — разграничение субъектов как противоположностей политического отношения, иными словами, — их самоопределение в качестве агентов конфликта. Отметим четыре возможных варианта действия:

1) признание, реальности конфликтующих противоположных сил;

2) отрицание конфликтных противоположностей как объективно обусловленных политическими противоречиями;

3) стремление замаскировать разделяющие конфликтующие субъекты позиции и взгляды ссылками на их «неопределенность», «расплывчатость» (тактика оппортуниста);

4) произвольное, субъективистское разграничение агентов конфликта, намеренное или по незнанию смещение подлинных конфликтогенных противоположностей с ложными либо мнимыми, существенных — с несущественными, случайных — с закономерными и т.д.

В зависимости от политической позиции субъектов и конфликтных линий их противостояния при-

нимается один из указанных вариантов разграничения противоположностей, а чаще — сочетания некоторых из них.

Сам факт признания или отрицания противоречий и конфликтов в политике — проблема не столько теоретико-идеологическая, сколько практическая. То, как она решается, определяет во многих случаях стратегию и тактику политического поведения и действия. Мало того, это служит отправным пунктом даже в ориентации на определенный политический режим. Демократический режим, скажем, не только признает, но и институционализирует общественные конфликты. Его институты гласно, легитимно, на основе общепринятых норм и «правил» игры призваны обеспечивать свободное обсуждение возникающих конфликтов и путей их преодоления в интересах большинства. Правда, в действительной жизни такая демократическая норма не везде и не всегда реализуется.

Политическая история становления советской системы — первый и верный свидетель конфликтных ситуаций, связанных с отношением к ним правящих сил. Негативная реакция на политический конфликт — характерная особенность периода борьбы против «левых» и «правых уклонов» в ВКП(б). Вот один из ее эпизодов, происшедших на XIV съезде правящей партии. Н.Крупская высказала свое мнение в защиту товарищеских дискуссий среди руководящих работников партии. «Большинство товарищей, — говорила она, — работают в разных условиях и видят действительность с несколько разных точек зрения. Надо как-то дать возможность этим точкам зрения выветриться. Это необходимо не только для отдельных членов партии, это необходимо для правильного на-

интерпретация партийной линии»² В ответ последовало: «Нам говорят: теперь необходима свобода мнений. Это не удастся». Особенное раздражение вызвало замечание Н.Крупской, что в истории партии были случаи, когда большинство оказывалось неправым. Для истины недостаточно признания большинства. Делегат Петровский заявил: «По нашему большевистскому мнению, истина заключается в том, что вся масса, представители всей партии съехались сюда и скажут: это есть истина». Еще более зловещий смысл заключался в рассуждениях Калинина: «Мысль о том, что истина остается истиной, допустима в философском клубе, а в партии решения съезда обязательны»³

Сталин дал теоретическое и политическое обоснование отрицанию противоречий в партии. Признав фактическое наличие «двух линий» в политике руководящего центра, он категорически отверг их обусловленность реальными социальными противоречиями и все свел к обвинению членов оппозиционного блока в неграмотности, в непонимании происходящих в стране и мире «классовых сдвигов». Участники оппозиции (группа Бухарина), как писал Сталин, «не видят и не понимают новых революционных процессов, происходящих ... в нашей стране ... и в капиталистических странах ... они проглядели главное, проглядели те классовые сдвиги, которые не имеют право проглядывать политик»⁴

«Разногласия» (так именовали конфликт) признавались только как проявление политической и теоретической ошибки, «недомыслия» ее авторов. Для Сталина свято было одно: в политике не может быть альтернативных «линий». Здесь правильна только единственно возможная стратегия,

им и его сторонниками сформулированная. А все остальное — происки «врагов» партии. Многообразие социально-политической реальности, наличие в стране классовых противоречий, антагонистических и неантагонистических, а соответственно и политических интересов, а также взглядов, их, отражающих, — эти факты не укладывались в одномерное политическое мышление вождя правящей партии.

Фактическое отрицание объективной реальности политического конфликта в партии и стране и некорректное объяснение его оказалось в орбите самого конфликта, стало одним из его ведущих элементов. Это послужило методологическим основанием авторитарной партийной и государственной власти, ее теоретико-идеологическим прикрытием, оказалось впоследствии прологом политических репрессий.

Логика политического мышления 20-30-х годов, к сожалению, дожила вплоть до 80-х гг. По сути она воспроизводится, только с противоположным знаком, в политике и идеологии нынешней «партии власти». Ведь свое враждебное отношение к коммунистической оппозиции и идеологии она объясняет тем, что последние — рудименты прошлого, отжившего; продукт «трагического» случая в истории страны, не более того. Лидеры оппозиции и ее сторонники, конфликтующие с режимом — это, якобы, впавшие в заблуждение и страдающие ностальгией представители поколений пожилых людей.

Политика неотделима от идеологии — всей теоретико-рациональной базы. Идеологическое мотивирование политического конфликта (открытое или завуалированное, признаваемое или отвергаемое) - реальный факт, подтвержденный не только исто-

рической практикой нашей страны, но также — мирового сообщества. Различны лишь типы и способы мотивирования. Идеологический характер понимания и интерпретации политических коллизий имеет под собой определенную объективную почву - двойственность бытия политики в виде практически существующего явления и идеального (мыслительного) образа, проекта, отражающего социальные интересы, как правило, не совпадающие с реальным.

Каким бы ни был политический конфликт, он мотивируется идеологически, осознается его агентами через идеологические символы; идеологический компонент играет организующую и мобилизующую роль в поведении и действии противоборствующих субъектов.

Идеологическое обоснование природы, сущности и других признаков конфликта в значительной степени определяет динамику его развития и разрешения, равно как и влияние на общество. Консервативная идеология и обусловленный ею конфликт блокирует позитивное развитие конфликта, способствует накоплению негативных моментов политической диалектики. Прогрессивная идеологическая база, напротив, стимулирует назревание конфликта до степени его разрешения в интересах общества. Таковыми были идеологии, сформулированные лидерами социальных и политических революций.

Идеологический элемент конфликта воспринимается противоположными субъектами неоднозначно. Одни его открыто разрабатывают и пропагандируют, другие игнорируют, декларируя свою приверженность деидеологизации. Последняя, если вдуматься в ее предназначение, на самом деле служит задаче реидеологизации, то есть замене одной иде-

ологии на другую, угодную господствующей политической элите, интересам власть предержащих. Ходить далеко за примером не приходится: российская политическая элита свои призывы к деидеологизации свела к яростной борьбе против коммунистической идеологии — опоры прежнего советского режима. В то же время радикал-реформаторов не покидало и не покидает стремление найти подходящую для нового режима идеологию: либеральную, религиозную и пр. Нынешний российский политический конфликт, как и в советские времена, несет на себе идеологическую одежду, только формально, конституционно не закрепленную.

Идеологическая основа политического конфликта — это знание, которое превращается и используется в качестве силы власти.

Папы, римские практиковали отлучение от церкви как способ утверждения своего политического господства в борьбе с императорами, королями молодых европейских государств. Так, папа Григорий VII довел своей угрозой отлучения одного гордого германского императора до того, что тому пришлось босому по снегу идти в резиденцию папы в Каноссе, чтобы просить у папы прощения. Отлучение от государственной идеологии марксизма-ленинизма эффективно использовалось коммунистическими лидерами, да и в целом в бывшей правящей коммунистической партии.

Идеологическая мотивированность политического конфликта, его прямая связь с коренными интересами социальных групп, участие в нем в качестве агентов партий, элит, лидеров обуславливают его высокую динамичность. Она проявляется во всех структурных элементах, равно как в его характере и формах возникновения и развития.

Прежде всего — в отсутствии раз и навсегда данного состава противоборствующих сил. Наряду с правящими, господствующими политическими группами, партиями, элитами, лидерами, в зависимости от ситуации и степени остроты конфликта, содержания, задач и лозунгов борьбы, изменяется состав участников, происходит даже смена лидеров. Кроме того, в качестве ведущих сил на разных этапах одного и того же крупного политического конфликта (например, революционного или контрреволюционного) на первый план в качестве ведущей силы могут выдвигаться новые элиты, уходят от руководства прежние. Выдвижение большевиками в период революции в борьбе за власть трех стратегических лозунгов по отношению к крестьянству: 1) «вместе со всем крестьянством против царя и помещиков при нейтрализации буржуазии»; 2) «вместе с беднейшим крестьянством, против капиталистической буржуазии в городе и деревне»; 3) «опираясь на бедноту и установленный союз с середняком — вперед за социалистическое строительство» — не было пустой фантазией, а опиралось на анализ соотношения классовых сил в политическом конфликте. С этим анализом можно соглашаться или считать его волюнтаристским. Однако он содержался в политической и идеологической доктрине главных субъектов Великой Октябрьской революции.

Смена политических лозунгов и, соответственно, состава агентов конфликта — закономерность, повторенная в ходе российского политического процесса (август 1991 г. — сентябрь-октябрь 1993 г.). Подготовка к разрушению советской системы, как известно, шла под лозунгом: «Долой КПСС как руководящую политическую силу советского тотали-

тарного режима!» Под таким лозунгом оппозиции удалось объединить широкие слои населения, включая значительную часть рабочих, интеллигенции и чиновников партийно-государственного аппарата. Разгром КПСС, отмена конституционной статьи, узаконивающей ее роль в качестве ядра политической советской системы позволила оппозиционным силам выдвинуть новый лозунг, направленный против Советов — основного института политической системы.

Субъекты политического конфликта становятся его реальными агентами при условии обретения ими соответствующих институтов и организаций. Политическая борьба — всегда в той или иной мере борьба общественно организованная, иначе сказать, институционализированная, хотя и не во всех случаях легитимная. Политический институт — специфическая организация противоборствующих субъектов. Особенность его в том, что через посредство его разобщенные граждане становятся единым организмом, в смысле публичного выражения своих общих интересов, требований, позиций и взглядов. Только в виде института, организации они выступают в качестве политического субъекта: партии, движения, представительного органа власти и т.п. Пока масса не имеет своей политической организации, она не является политическим агентом (действующим субъектом). Вместе с тем любая политическая организация и институт как реальный субъект конфликта выступает от имени определенной общности граждан, делегировавшей ей (ему) свою волю, поручившей действовать от ее имени, чаще всего не очертив границ активности. Отсюда относительная, а иногда и полная, самостоятельность политических организаций и лидеров, отрыв

их от общностей людей, которых они призваны представлять. В результате в политическом конфликте возможно раздвоение интересов и целей конфликтующих организаций, враждебность партийных интересов и целей не совпадает с противоречием между общностями людей, участвующими в конфликте. Такое несоответствие нередко проявляется в поведении электората. Партия власти (блок «Наш дом - Россия»), претендуя на представление интересов большинства россиян, в действительности выражает интересы лишь его части, главным образом нового, буржуазного класса.

Политические институты — носители свойственных им политических символов: государственного герба, знамени, гимна, номинаций, политического языка и т.д. Институализация конфликта — это его облачение в символическую форму, характерную для данной политической системы. Символический капитал — неотъемлемая и серьезная сила политического противоборства. Особенно следует отметить значение политического языка. В политике слова, язык, как отмечает французский социолог и политолог П.Бурдьё, конструируют политическую реальность в той же степени, в какой они ее выражают. Поэтому слова, названия являются исключительными ставками в политической борьбе за навязывание легитимист принципа видения политического бытия⁵. Не случайно политическим революциям предшествовали революции в политическом языке, лексике, в системе политических понятий. Марксизм, к примеру, внес в политическую культуру принципиально новый политический язык, придал известным понятиям («демократия», «социализм», «пролетариат» и др.) новый смысл. Естественно, что происходящая капитализация страны связана с из-

менениями в политическом языке. В политическую лексику вошли такие термины, как «президент», «парламент», «департамент» и др. Советская лексика и понятия не менее враждебны новому режиму, чем живые люди и институты, отстаивающие идеи народовластия и социализма, которых правящая элита именуется остатками тоталитаризма.

В политике — искусстве возможного, а иногда и невозможного — на каждом шагу смешиваются объективное с субъективистским, воля — с волюнтаризмом, рациональное — с иррациональным, знания и убеждения — с обычаями и чувствами, здравый смысл — с заблуждениями. Даже, если предположить, что власть имущие могут беспрепятственно разрабатывать и воплощать в жизнь свои проекты, политические отношения и процессы и в таких идеальных случаях не могут быть только разумными, а политические конфликты — в полной мере поняты и безболезненно преодолены. Тому есть объяснение: разумное в политике основано на знании общего; особенное же разум может постигать лишь в малой степени. Успех же обеспечен при условии «состязания разума со случаем». В мире политических конфликтов все находится в постоянном движении, включая разграничительные линии конфликтующих сторон; все оспаривается: любой авторитет, опыт, доктрины, концепции. Политика — состязание, постоянно воспроизводящийся конфликт, в котором не всегда возможно логически предсказать и вычислить победителя и побежденного. Здесь чувства в острых конфликтных ситуациях имеют больше влияния на поведение, чем рассудок и логика политического мышления. На поведение агентов политического конфликта, как никакого другого, влияют не одни обстоятельства и социаль-

но-экономические, политические интересы, иррациональные мотивы деятельности. Не в меньшей мере на него воздействуют конкретные представления о данной ситуации, социальной и политической атмосфере в обществе. Вот почему фактор рациональности — необходимый компонент политического конфликта. Им служит не одна идеология, но также система других политических и социальных знаний: философских, социологических, политологических и т.д. Научный капитал реалистической политики не менее важен, чем какой-либо другой.

Рациональное в политическом конфликте может породить у какого-либо его субъекта претензию на монополию на истину, как это проявилось у лидеров большевиков в политической борьбе со своими противниками. Чтобы рациональное не стало монопольным орудием одной из политических сил, должен быть обеспечен свободный доступ к знанию всех социальных групп. Наука перестает быть орудием преодоления политического конфликта, как только ей навязывается авторитет власти. Трагедия марксизма в условиях государственного социализма — наглядное тому доказательство. Разгосударствление социальной науки, освобождение ее от политических и идеологических пут — одно из первейших условий реализации ею функции быть рациональной базой конструктивного конфликта. Научно-рациональный фактор — не панацея от случайных поворотов в конфликтном процессе. «Вхождение» науки в практическую политику — тоже своеобразный, противоречивый, более того, конфликтный процесс. Истина постоянно утверждает себя в борьбе с иллюзиями и откровенной ложью, используемой консервативными силами. Препятствия на ее пути порождаются также самой диалек-

тикой развития знания, да и природой человеческого сознания. Более ста лет тому назад классики писали, что люди всегда создавали себе ложные представления о себе самих, о том, что они есть или чем они должны быть. Порождения их головы господствовали над ними. Они — творцы, склонялись перед своими творениями.⁶ Конфликт может служить критерием выявления научной истины, тогда последняя действительно выступает в свойственной ее роли.

Политический конфликт, будучи в основном идеологически мотивированным и институционально организованным, рационально развивающимся, наиболее интенсивен и результативен по своим последствиям. Его интенсивность проявляется в высокой напряженности противоборства, нарастающей по мере обострения общественных противоречий; в скоротечном распространении политического противостояния на общественные группы, ранее не вовлекавшиеся в конфликт; наконец, в превосходящей другие конфликты силе стимулирования и мобилизации социально-политической активности населения. Политический конфликт, если он становится широко известным фактом, — это освежающий социальный «шторм», пробуждающий к активности, пусть порою лишь словесной, но все же чаще — мыслительно-критической, широких слоев народа. Едва ли стерлись в памяти современников бурные политические события, происходившие на первых Всесоюзных съездах народных депутатов СССР. Это не были какие-то дешевые политические шоу, чем пытаются завлекать нынешние телеполитиканы, то были события-конфликты, затрагивающие жизненные интересы большинства сограждан. Политические баталии будоражили умы всех тех, кто не был

равнодушен к судьбам своего отечества. Они, подобно смерчу, пробуждали от социальной спячки студента и пенсионера, мужчин и женщин, партийных и беспартийных, рядовых советских граждан и чиновников, но как только конфликт на политическом Олимпе затихал, и начиналась обычная рутинная работа законодателей, внимание к нему миллионов людей угасало. Жаркое и острейшее противоборство в течение 1993 г. бывшего Верховного Совета РСФСР и президента Ельцина держало в напряжении всю политически сознательную часть россиян. Атмосферу безразличия по отношению к Государственной Думе разрушил возникший в конце 1997 г. политический конфликт между Думой и правительством.

Активность, стимулируемая политическим конфликтом, в случае его неуправляемости, оборачивается многими разрушительными для общества последствиями. Без преувеличения можно сказать, что разрушительная сила политических конфликтов намного превосходит негативные последствия других социальных коллизий. Они сотрясают не отдельные детали строения общества, а его основы, бьют по фундаменту.

Интенсивность и результативность (позитивная или негативная) политического конфликта обусловлена в значительной мере особенностями его субъектов — организаций, больших социальных групп, классов, наций, партий и общественно-политических движений. Не следует преувеличивать классовый аспект политического конфликта, как и игнорировать его. От реальности не уйти. Пока есть классы в обществе, будет проявляться и классовый фактор, в большей или меньшей мере, но в совокупности с другими социально-политическими фак-

торами. Немецкий теоретик, политик и социал-демократ Бранд В. писал: «Не каждый конфликт является тем, что называли и называют «классовым». Но это понимание не вытесняет, однако, и сознание того, что мы в нашей стране имеем общество, для которого характерны классовые размежевания» ... «далеко не все сократить и свести к так называемому «классовому вопросу», особенно когда отсутствует классовое сознание. И вместе с тем мы все-таки классовое общество»⁷

Если класс как большая социальная группа не тождественна социальной группе, вступающей в социальный конфликт, то тем более это относится к конфликту политическому. Субъектом последнего могут быть общественные группы, элиты и индивиды, обладающие политическим сознанием и способностью к политической активности (политической субъективностью). По отношению к классу это означает наличие классового сознания и самосознания, то есть понимание своего места и роли в конфликте; включенность в какую-либо организацию как коллективного политического субъекта; наличие лидера (индивидуального либо коллективного).

Народные массы в целом как субъект конфликта формируют свои политические свойства в процессе политической конкуренции и борьбы.

Исходя из критерия субъектов, политические конфликты можно разделить на классовые и смешанные по своему социальному составу, партийные и надпартийные, массовые и элитарные, групповые конфликты между «партией власти» и народом.

Политические конфликты различаются также по тому, на каком уровне поля они возникают и разворачиваются: конфликты на высшем уровне организации власти и управления, на региональном, мес-

тном, в центре политической системы или на ее периферии. По основному предмету политические конфликты подразделяются на радикальные и частичные. Предметом первой группы конфликтов является существующая система государственной власти в целом, господствующий режим. Конечный итог разрешения конфликта — смена политической системы. Его субъектами выступают властвующие силы и подвластные слои населения, а также участвующие в системе власти, но неудовлетворенные своим политическим статусом. Конфликты частичные затрагивают бытие отдельных частей политической системы или политики правящих кругов, не соответствующие интересам и целям социальных носителей системы. Их разрешение связано с частичными изменениями в политике властей, во властных структурах. Субъектами частичного политического конфликта выступают институты и организации, осуществляющие власть и управление в рамках данной политической системы, но занимающие различные статусы и позиции. Таковыми, например, выступают представители трех ветвей власти, институты федеральной власти и субъектов Федерации, партии, общественные и корпоративные организации.

2. Специфика политической борьбы.

Некоторые закономерности политического конфликта.

Политическая борьба составляет содержание политического конфликта. Политик — профессиональный борец; он лучше, чем солдат «вышколен для борьбы», так как сражается всю жизнь. Политическая борьба во многом сходна с другими вида-

Основы конфликтологии 190

ми противоборства. Однако отождествление ее с экономической или идеологической борьбой чревато негативными последствиями для экономики и идеологии.

Для анализа структуры политической борьбы можно предложить следующую схему:

субъект — агент: противостоящие политические организации и общественно-политические движения, политические институты

объект — неорганизованные социальные группы — потенциальные агенты — их общие интересы и ориентации: субъекты — институты власти и их носители

предмет — содержание, направление, методы деятельности власти, структура политических статусов (тип режима)

цель — программы и политические проекты организаций

средства — политические технологии (формы и методы борьбы)

результат — реализация политических программ и проектов

Предлагаемая схема хорошо иллюстрируется на примере известной модели предвыборной борьбы. Ее агенты — политические партии и прочие избирательные объединения; объект — группы неорганизованных избирателей (электорат); предмет — вакансии в институтах представительной власти; цель — проведение партиями и объединениями во власть

своих кандидатов; средства — технологии, предусмотренные избирательным законодательством; результат — победа или поражение на выборах.

Политическая борьба — это противодействие политических агентов, когда каждый из них стремится к цели, несовместимой со статусной целью другого. Обычно такая борьба возникает, когда: а) существование или действие институтов власти и государственного управления отвечает интересам одних агентов и противоречит интересам других; б) цели участников политических действий противоположны и их совместное осуществление невозможно; в) имеет место комбинация этих случаев (Зимичев.А.).

Политическая борьба ведется за участие в делах государственной власти, за конкретную направленность ее деятельности, а в конечном счете — за изменение политического режима и типа политического господства, будь то классовая диктатура или гегемония, то есть руководящая роль, «облаченная в броню принуждения» (Грамши), демократия или авторитаризм.

Формы политической борьбы весьма разнообразны: партийные и парламентские дискуссии, предвыборная борьба за голоса избирателей, акции протеста, забастовки, организация общественных движений и партий и др. В арсенале политической борьбы — различные формы политического принуждения, вплоть до вооруженного насилия, война — самая крайняя форма насилия, средство, применяемое в условиях такого конфликта, разрешение которого иными средствами невозможно (так, по крайней мере, представляется одной из сторон).

Несмотря на многообразие форм политической борьбы, они характеризуются некоторыми общими

чертами. Назовем их закономерностями. В первую очередь отметим подчиненность борьбы реализации общих интересов крупных социальных групп. Более того, необходимо чтобы эти интересы и коллективные цели были официально **признаны** в качестве общих. К.Маркс был, несомненно, прав, отмечая, что политическое движение класса есть его стремление выразить свои интересы в общей форме. Верно и то, что господствующий класс выступает представителем социальных потребностей вообще. Отсюда желание каждого субъекта борьбы представить свои цели как общие для массовых групп, найти поддержку своим действиям со стороны этих групп, превратить свою борьбу в общественную. Поиск поддержки той общественной группы, интересы которой данный политический субъект выражает, а также стремление привлечь на свою сторону близкие по интересам и духу другие слои населения — объективная закономерность политической борьбы. В истории не было случаев, когда какой-то лидер или элита добивались бы победы над своими противниками в одиночку, без поддержки (иногда даже молчаливой) определенных социальных групп.

Отмеченная закономерность проявляется в избирательных кампаниях. Любая партия, ведущая борьбу за голоса избирателей, представляет себя выразителем и защитником интересов широкого спектра электората, призывает его встать под свои знамена и верить в выдвигаемую ею программу.

Общей существенной чертой политической борьбы можно считать и то, что одной из главных ее причин служит противоречие, связанное с легитимностью субъектов конфликта, их институтов и норм деятельности. Желание утвердить или усилить свою

легитимность в ущерб другой, используя имеющийся в распоряжении каждой противоборствующей стороны арсенал средств, — существенная особенность этой борьбы. Это достигается обоснованием ею своей легитимности и опровержением (блокированием) легитимности противоположной стороны. Навязывание легитимности — одна из форм политической борьбы. Ближе к истине мнение: любой тиран может заставить своих рабов «петь гимн во славу свободы».

Политическая дискредитация оппозицией советской системы в 80-х годах, как Известно, началась с подрыва ее легитимности: критики советской конституции, отрицания законности деятельности КПСС как правящей партии, опровержения ее права быть руководящей силой общества и выступать от имени всего народа и т.д. Разрушение советского политического и государственного строя и захват власти блоком Ельцина сопровождалось сокрушением одних типов легитимности (в частности харизматическо-партийной) и заменой другими — либерально-демократическими, свержением одних политических лидеров и возведением на политический ОЛИМП НОВЫХ.

Легитимность и нелегитимность тех или иных целей и форм политической борьбы — относительные определения. Оппозиционные по отношению к господствующей системе силы начинают борьбу в рамках легитимных правил, а могут и вне их. Нелегитимные действия, в случае успешного завершения, обретают легитимность, и, наоборот, легитимные становятся нелегитимными, объявляются победившей стороной незаконными. Россияне смогли наблюдать подобную диалектику с кровопролитием в сентябре-октябре 1993 г. Законные действия бывше-

го Верховного Совета РСФСР, основывающиеся на действующей в то время Конституции России, были объявлены Президентом РФ незаконными, а сама Конституция отменена. Единственно законными, легитимными были признаны только институты президентской власти и ее действия по разгону высшего законодательного органа страны.

Политическая борьба обычно, в случае ее широкого развертывания и обострения, распространяется на все сферы общественной жизни и сама обрывает разнообразными социальными коллизиями. И это вовсе не случайность, а скорее закономерность, поскольку ведут борьбу главные общественные и политические субъекты за общие интересы и цели. Политические конфликты не могут не иметь первенства по отношению к другим социальным конфликтам, ибо их разрешение или обострение ведет к удовлетворению или блокированию жизненно важных интересов общества.

Суть и смысл политической борьбы, ее легитимности или нелегитимности связаны с участием масс. Массы вовлекаются в политическое противоборство не в виде беспорядочной толпы, а лишь как определенная, вполне реальная общность, объединенная одной идеей, какой-либо верой (допустим, религиозной или национальной, революционной или же реакционной), а в конечном счете — общим интересом. Следует, однако, иметь в виду, что массы могут принимать за общий интерес корпоративный, групповой, за действительный — мнимый, за главный — второстепенный. Массы включаются в политическую борьбу вначале стихийно. Ими нередко овладевают мифы, иррациональные мотивы, стереотипы поведения. И тогда возникает великая опасность разрушительных последствий «беспо-

195 Лекция 5

щадных народных бунтов». «Мудрость целых веков, — писал Карамзин, — нужна для утверждения власти: один час народного наступления разрушает основу ее»⁸

Поведение масс в политическом конфликте варьируется: от подъема до спада активности, от стихийных выступлений до целенаправленных, организованных действий, от рассудочных поступков до массового психоза. Стихийность, политический психоз масс — вполне естественное для них явление. Масса, как писал Чернышевский Н. «никогда не имеет непоколебимых и ясных политических убеждений; она следует впечатлениям, какие производятся' отдельными событиями и 'отдельными важными моментами»⁹ для политического и физического террора. Масса нуждается в вождях и кумирах и творит их. Если не воздействовать в рациональном, благоразумном направлении на настроение масс, то следует ожидать самых непредсказуемых политических последствий. Исторический опыт не раз демонстрировал ситуации, когда масса вовлекается в политический процесс, будучи лишенной стойких разумных ценностей, в состоянии духовной растерянности и подавленности. В таком случае она оказывается под влиянием любых катастрофических умонастроений и верований, что используется реакционными и политическими силами — от расистов до нацио-нал-социалистов, от лжедемократов до апологетов колониализма.

Политическая борьба, ее цели и средства определяются характером и состоянием противоречий, лежащих в основе конфликтной ситуации. Выделение главного противоречия в зависимости от «изгиба» ситуации, раскрытие основного вопроса борьбы и, соответственно, выбор направления решаю-

щего удара и подходящего момента для его нанесения — эти элементы деятельности субъектов относятся к стратегии борьбы.

Политическое противоборство отражает и выражает состояние других общественных противоречий, в первую очередь социально-экономических. Поэтому к числу принципов политической борьбы следует отнести требование учитывать взаимосвязь политического конфликта с экономической и социальной ситуацией, видеть в нем логическое продолжение социально-экономических коллизий. А это в значительной степени определяет выбор союзников и сочувствующих, а также — лозунгов борьбы и вариантов разрешения конфликта. В случае, если борьба оппозиции против власть имущих ведется в условиях экономического кризиса, в качестве союзников и тех, кто так или иначе может поддерживать оппозицию, будут слои населения и представляющие их интересы организации, в наибольшей степени страдающие от кризиса. Лозунги и мотивы борьбы в ситуации кризиса увязываются с критикой экономической политики властей и декларацией предлагаемых путей выхода из него. Кризисы — экономический, социальный, экологический и прочие, служат пусковой причиной возникновения и развития политического конфликта. Выигрывает в борьбе тот, кто сумеет в полной мере реализовать возможности кризисной ситуации.

В политической борьбе в выигрыше оказываются силы, достигшие наибольшей сплоченности на основе идентификации составляющих их субъектов — социальных слоев, партийных групп и т.д. — и добившиеся признания и поддержки со стороны широкой общественности. В свою очередь сплоченность политических сил, участвующих в борьбе, и дости-

жение ими своей легитимности зависят от наличия дееспособного руководящего центра (партии, лидера, организации). Это положение также следует отнести к числу закономерностей.

Наконец, отметим еще одно принципиальное требование, реализуемое любым опытным и здравомыслящим политическим субъектом в его борьбе за доминирование в обществе. Это — необходимость просчитывать объективные и субъективные последствия борьбы, разрешения конкретного конфликта, последствия для экономики, политики, нравственности и прогресса вообще. Иными словами, политики, если они хотят заслужить доверие общества, не должны действовать по печально известной формуле: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Политическая борьба изобилует огромным разнообразием методов и приемов — от честных до грязных, переворотов — от мирных до насильственных. В прошлом, к примеру, в России переменить субъекта в иерархии государственной власти значило, как правило, «взять, сокрушить, уничтожить». За 76 лет, с 1725 по 1801 гг. «было по одному счету пять, а по другому — восемь «дворцовых революций».¹⁰

Разнообразные методы и формы политической борьбы имеют свои исторические корни. Последние просматриваются лишь как символические правила, даже рудименты культуры, ушедших в небытие тысячелетия тому назад конфликтов вокруг власти и влияния. Они зафиксированы чаще всего в мифах, в библейских легендах.

Одна из таких — легенда о том, как Давид победил Голиафа. Это — историческая предтеча известного приема в политической борьбе: «удар в голову».

Однажды младший из трех сыновей Иессея пастушонок Давид услышал, как Голиаф поносил святыни израильтян. Возмущенный, он сказал братьям,, что принимает вызов великана Голиафа, чем позабавил братьев. Давид не стал одеваться в свою броню, не надел шлем, не взял меч, а отправился на сражение в своей пастушеской одежде. Он взял только свой посох и пращу. По пути остановился у ручья и выбрал пять острых камней. Великан, увидев Давида, захохотал. Он грозил бросить его тело хищным птицам и зверям. Уверенный в своем превосходстве, Голиаф даже не следил за движениями Давида. Юноша между тем достал украдкой из сумы острый камень и изо всех сил бросил его в великана. Камень просвистел в воздухе и вонзился в лоб Голиафа. Великан рухнул на землю. Давид бросился к оглушенному Голиафу, вырвал у него из рук меч и одним ударом отрубил ему голову."

Нынешний метод борьбы «удар в голову», конечно, мало похож на бой Давида и Голиафа. В последнем — лишь символический намек на схему столкновения: стремление поразить противника, ударить в самое главное в организме политического субъекта, его «ахиллесову пятю», лишив возможности и способности к целенаправленным и скоординированным действиям.

Наметки метода «разделяй и властвуй» обнаруживаются в древнеримском мифологическом сюжете о борьбе трех против трех. Один из трех оставшихся в живых смог победить поодиночке противников, бросившихся бежать с разной быстротой.

Метод «разделяй и властвуй» — широко распространенный способ политической борьбы — приписывается французскому королю Людовику XI или

итальянскому политику Макьявелли. Этот метод активно использовался английскими колонизаторами. Практика последних иницировалась ряд лет в «холодной войне» Запада против Советского Союза. Тактика борьбы включала акции, направленные на раскол населения нашей страны на враждующие группы, на поддержку оппозиции и сепаратистских движений, на подкуп элиты и привилегированных слоев, чем дестабилизировалось общество.

Исторически политики использовали хитроумные приемы, технологии политического противоборства. Например, приемы притворства и лицемерия, обмана масс относительно политики как некоего чуда, доступного только богоизбранным лицам. Веками насаждался миф, что носители власти выше всяких законов и правил.

Латинский афоризм зафиксировал реплику императора Сигизмунда на Констанцском соборе в ответ на замечание по поводу неправильно произнесенного слова: «Я римский император, и я выше грамматиков».

О притворстве и лицемерии политиков писал английский философ, политический деятель Бекон Ф. (XVII в.). «Искусство политики и лицемерие, — отмечал он, — вещи разные. Тем не менее лицемерие или скрытность широко используется в политической борьбе.» Кто «на деле проницателен, видит, что должно утаить, а что обнаружить лишь отчасти и когда и кому (искусство, нужное в государственной жизни), для того лицемерие будет лишь жалкой помехой. Но кто не обладает такой силой суждений, тому остается лишь взять скрытность и лицемерие за правило»¹² Философ отметил три степени того, как можно скрыть и завуалировать свои

ОСНОВЫ КОНФЛИКТОЛОГИИ 200

цели: молчаливость, сдержанность и скрытность, •когда политик не дает возможности проникнуть в свои мысли и узнать, что он такое; притворство, когда он способствует ложному о себе мнению; собственно лицемерие и лживость.

Русский писатель Достоевский Ф. устами своего литературного персонажа «великого инквизитора» провозглашал: «Есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть ... слабосильных бунтовщиков для их счастья, эти силы: чудо, тайна и авторитет». Чудо всегда приписывалось политике и политикам, ибо люди никогда не посвящались в суть политической власти и тем более борьбы за власть, которую представляли как борьбу за справедливость. Тайна была постоянной спутницей этой борьбы, авторитет власти — неотъемлемым ее признаком.

Современные политики и многие политические партии заимствовали из исторического багажа политической борьбы более «демократические» средства: манипуляцию массами, обман, подкуп избирателей, элит, лидеров общественно-политических движений и партий, зомбирование народа при помощи средств массовой информации. Теперь не так просто найти политических деятелей, скажем, в составе элиты России, которые бы отличались постоянством своего мировоззрения, политических и идеологических принципов, не меняли бы своих убеждений в течение всей активной общественной жизни и даже готовы были бы пожертвовать самой жизнью, чтобы не изменить принципам. Наоборот, на политическом плаву чаще всего **присягающие** властителям, тому, кто сегодня сильнее. Они убеждены при этом, что не совершают измены, а служат бла-

гу государства и народа. Словом, следуют заповеди: «Поистине смешон, кто вечно неизменен».

Вышесказанное не означает, что политическая борьба всегда безнравственна, антигуманна, что в политике не может быть справедливости и честности. Подлинная политика борьбы за общие интересы народа, за прогресс в конечном счете и нравственна и гуманна, хотя и не проста до примитивности. «Политика, — справедливо писал Ленин, — больше похожа на алгебру, чем на арифметику, и еще больше на высшую математику, чем на низшую».

Современные формы политической борьбы — это, как правило, комплексы разнообразных средств и приемов политической конкуренции, подчиненной цели победить противника и добиться доминирующего статуса в тех или иных институтах власти или, в крайнем случае, помешать это сделать оппоненту. В таких комплексах встречаются любые формы противоборства: от древнего «удара в голову» до информационного насилия и блокады. Наиболее изощренная система политической борьбы разработана деятелями германского фашизма. Ее принципами были: не убеждать людей, а организовывать их; чем противоречивей и иррациональней идеология и пропаганда, тем они эффективнее; низводить любой лозунг, любую политическую концепцию до простого лозунга, неопровержимость которого создается путем непрерывного повторения; тотально воздействовать на народ, обеспечивать его единую реакцию на события; воздействовать главным образом на чувства и только в ограниченной степени — на «так называемый разум»; учитывать, что простота и размах, концентрация, лживость

пропаганды и ее постоянное повторение придает ей правдоподобие и обеспечивает успех.

Могущественным фактором политической борьбы ныне выступает **общественное мнение**, формируемое политическими конкурентами. В настоящее время только наивные люди, выдающие желаемое за действительное, могут говорить о свободном, демократически складывающемся общественном мнении. Еще более четверти века тому назад Президент Финляндии Урхо Кекконен говорил: «...на самом деле ... мнение народа представляет собой лишь эхо вещания, которое распространила небольшая горстка привилегированных людей, держащих в своих руках власть и каналы воздействия на общественное мнение»¹³

Чтобы формировать желаемое общественное мнение, создается система **масс** медиа. Это — совокупность множества средств массовой информации, составляющая единое целое, со сложной структурой, с разнообразными частями и функциями. В США, например, как пишет Зиновьев А., в конце 80-х гг. печаталось 1645 ежедневных газет с тиражом 63 млн. экземпляров, 11200 иллюстрированных и периодических изданий, вещало более 9000 коммерческих и 1420 некоммерческих радиостанций, функционировало 1440 телевизионных станций (три четверти из которых коммерческие), 6900 кабельных систем. В Западной Германии в 1965 г. выпускалось 1253 ежедневные газеты и 6900 журналов; в 1969 г. работало 4,9 млн. радиоаппаратов и 4,2 млн. телевизоров¹⁴ Вся эта огромная фабрика воздействия на умы и чувства людей не просто влияет на них, но проявляет власть, причем власть диктаторскую.

Политическая борьба в развитых демократических странах носит конкретный и целенаправленный характер: она прежде всего связана и подчинена обеспечению легитимности политических сил, стоящих у власти, через выборы. Это — борьба за электорат, ибо он представляет формальную общность народа, а именно ту часть, которая определяет один раз в конституционный срок кому будет принадлежать политическая власть, кто станет хозяином в коридорах власти. Только на время выборных кампаний народ (в виде электората) как бы возвращается власть имущими из той «отставки» в которую его обычно «отправляют» после избрания своих правителей. «В отставке» народ становится лишь фоном, на котором совершаются политические действия правящей элиты, лишь зрителем «театра», где свои роли играет политическая бюрократия. Однако и будучи «отправленным» в политическую «отставку», народ не перестает оставаться потенциальной силой, способной, хотя бы косвенно, влиять на динамику политического конфликта. Поэтому участники последнего стремятся формировать сознание, чувства и вкусы огромных масс людей в желаемом духе, в соответствии со своими политическими и идеологическими ценностями и интересами.

Политическая борьба — классовая и за электорат — породила и специфическую форму его активности — **политическую оппозицию**. Термин «оппозиция» (лат. *opposition*) обозначает противодействие партий, парламентских фракций и других общественно-политических объединений и организаций интересам, ценностям, взглядам и целям господствующих в данной системе сил, имеющих власть. Политическая оппозиция — необходимый элемент демократического режима. Ее наличие — показатель

зрелости конфликта, а также организованности и конкретной целенаправленности политической борьбы. Характер оппозиции свидетельствует о целях, способах и методах борьбы. Так называемая непримиримая оппозиция может пойти на применение насильственных методов, тем более, если ее на то спровоцирует господствующий в конфликте субъект. Для оппозиции, интегрированной в политическую систему, подобные методы неприемлемы; она «играет» по правилам последней.

Противодействуя целям и действиям властвующих сил, оппозиция выступает основным организованным субъектом, критикующим политику, ущемляющую интересы тех социальных слоев, которых власти «не милуют». Она предлагает свое понимание общественных потребностей и интересов, а также политику, противоположные официально одобренным. Критика, контроль и альтернатива — такова «триада» действий оппозиции. В горниле оппозиционной борьбы выявляются и формируются политические лидеры. Известные вожди революционных и национально-освободительных движений воспитывались не в душных коридорах власти, а проходили суровую школу борьбы народных масс с реакционными режимами, овладевая ее стратегией и тактикой.

В арсенале оппозиции в основном те же технологии, что присущи другим видам политического противостояния. Вместе с тем ею в наибольшей мере используются методы, способствующие привлечению на свою сторону масс и достижению легитимности альтернативных программ и практических действий. В предвыборных баталиях это — главное. Все другие, честные и бесчестные приемы борьбы подчинены конечной цели: провести своих кандида-

тов во власть. А при благоприятной возможности — обеспечить себе статус господствующего субъекта.

В совокупности методов оппозиционной борьбы на первом месте — формирование критического общественного мнения и оценки политики правящей элиты; информирование общества о проблемах, не решаемых властями; пропаганда предлагаемых оппозицией проектов.

Оппозиционная борьба может приобретать острые формы и разворачиваться по шмиттовской формуле: «друг—враг». В таком виде она не будет гармонировать с демократическими принципами системы как ее элемент, а приобретет качество политического антагонизма внесистемного характера.

Деятельность оппозиции обременена некоторыми негативными для общества последствиями. По своему существу и природе оппозиция — это отрицание единства политического общества и, следовательно, стабильности. Она в любом варианте выступает в качестве дезинтегрирующего фактора. Дезинтегрирующая роль возрастает по мере обострения конфликта и сопротивления правящих сил своевременному его разрешению. Негативный эффект деятельности оппозиции так же закономерен, как и политический конфликт. Политические оппоненты, а точнее, противники, не могут его избежать, но в силах сократить «муки родов» прогрессивного предмета борьбы.

3. Модификация политического конфликта в России.

Анализ политического конфликта будет корректным в научном отношении при условии его связи с конкретными, историко-временными параметрами.

В данном случае они определены. Это — период, очерченный так называемой перестройкой (середина 80-х гг.) и политическим переворотом (август 1991 г. — октябрь 1993 гг.). Рассматриваемый период по сути составил целую эпоху в истории страны, наполненную качественными изменениями общественной системы. Соответственно выделяются два этапа модификации политического конфликта. Они характеризуются четкими отличительными признаками всех главных элементов конфликта, при сохранении общих черт ядра — борьбы за власть; основных агентов — сил, отстаивающих существующую систему, и сил, выступающих за ее разрушение, противоборствующих организаций и идеологий.

Первый этап развития конфликта (1985 г. — август 1991 г.) реализуется в политическом пространстве Советского Союза. Его содержание определялось провозглашенной руководством страны политикой «перестройки» с помощью гласности и демократии. В этот период зародились и быстро прогрессировали массовые оппозиционные движения протеста и формировались антикоммунистические партии; развертывалась критика марксистско-ленинской идеологии — опоры КПСС и советского режима; началась дискредитация всей господствующей социалистической системы ценностей. Завершением данного этапа развития конфликта стали: ликвидация КПСС как правящей партии и легализация еще слабо развитой многопартийности.

Произошло «перераспределение» политического поля, поскольку лишилась своего сектора бывшая правящая партия. Ее развал стал возможным главным образом потому, что она была обременена скрытым внутренним противоречием между иерархическим партаппаратом и партийными массами и

поражена идеологическим догматизмом. Место распавшейся КПСС в политическом пространстве заняли группировки общественно-политического движения «Демократическая Россия», выполнявшего роль организатора и идеолога борьбы против КПСС и советского строя.

В числе позитивных последствий конфликта — идеологическое раскрепощение политического сознания и расширение свободы выборов в высшие органы государственной власти. Вместе с тем в нарастающей мере над конструктивными доминировало разрушительное воздействие конфликта на все сферы общественной жизни. Общество в целом с его политической системой вступило в полосу глобального кризиса.

Второй этап развития политического конфликта (август 1991 г. — сентябрь-октябрь 1993 г.) характеризовался качественным изменением (сменой на противоположные признаки) всех главных его элементов. В первую очередь — содержания борьбы за власть, ибо другим теперь стал господствующий режим (по определению либерально-демократическим, а по существу — полудемократическим и полуавторитарным). Его носителями и защитниками стали антисоветские общественные силы, ранее являвшиеся оппозиционными. Их составляли: часть бывшей советской партийно-государственной элиты, отдельные слои интеллигенции, хозяйственных руководителей, политически активные владельцы капитала, а также рабочая аристократия, выращенная советской властью. В совокупности эти группы политизированного населения послужили социальной базой для формирования доминирующего субъекта политического конфликта на новом этапе его развития. Разрешение назревших проблем ре-

формирования общественно-политической системы переросло в ее разрушение. А это привело к воспроизведению конфликта в новой модификации. Теперь можно сказать: в не менее острой форме, чем конфликт характеризовался прежде.

Второй этап политического конфликта, как и первый, был связан с борьбой за демократическое обновление общества, за утверждение подлинного народовластия, против авторитаризма; источником противоборства является антагонизм, порожденный отчуждением власти от основной массы народа и приобретшей олигархический характер. Устранение явно выраженной партийной власти не привело к преодолению ее бюрократической клановости и олигархичности. «Новое» проявилось лишь в том, что в органы власти активно пошли представители финансово-капиталистических кругов, включая криминальные элементы, да коррумпированные субъекты российской элиты.

На современном (с октября 1993 г.) этапе развития конфликта, качественно изменился характер и состав оппозиции: ее главная, ведущая часть — Компартия РФ и союзник — народно-патриотическое движение, участники которого не во всем разделяют идеи и политические цели коммунистов. В парламенте, избранном в декабре 1995 г., оппозиция представлена фракцией КП РФ, депутатскими группами «Народовластие» и аграриями. В рядах оппозиции считают себя также фракции ЛДПР и «Яблоко». Ясно, что оппозиция коммунистов по отношению к правящему режиму антагонистична, непримирима в своей сущности, поскольку конфликтующие стороны взаимоисключают компромисс по отношению к самому существованию нынешнего режима. Оппозиция же партий и движений, при-

числяющих себя к демократической, неантагонистична; проявляющийся конфликт не затрагивает основу режима, а распространяется на тактику проводимой капитализации страны, связан в большей мере с борьбой за места в структурах государственной власти, с неудовлетворенностью деятельностью отдельных персон из состава чиновничества. Для неантагонистической оппозиции блок коммунистов и народно-патриотических сил так же враждебен, как и для «партии власти». Позиции бывших соперников Ельцина Б.Н. — Явлинского, Жириновского и других — во втором туре президентских выборов (июль 1996 г.) продемонстрировали подлинные политические симпатии и интересы антиподов кандидата от КП РФ Зюганова Г.

Политическая разношерстность оппозиции отражает, с одной стороны, реальный социальный раскол общества, а с другой, — еще не сложившуюся структуру политических интересов и предпочтений у значительной части народа, не адаптировавшейся к новой политической ситуации, в которой продолжают сожительствовать утвердившиеся структуры либерально-демократического и осколки советского режимов.

Политическое здание нынешней России напоминает сооружение в состоянии некачественного ремонта. Разрушены основные опоры, но еще не завершено создание многих новых; приходится использовать детали и материал разрушенного. Их влияние сказывается на поведении большинства «жилльцов» на всех этажах политического здания. Эkleктическое восприятие действительности устраивает новые власти, привычные и неосознанные еще изменения блокируют конфронтационные позиции и ожидания, а также народные слои, что позволяет

им легче пережить неприятности деятельности политиков, именующих себя демократами.

Характерная особенность политической диалектики нынешней России в том, что несмотря на отрицательное общественное мнение по отношению к правящему режиму, в стране пока нет сплоченного и организованного большинства населения, руководимого какой-либо партией, открыто противостоящего властной системе. Хотя и произошла структурализация электората, и она в последнее время достаточно стабильна, тем не менее пока еще электорат не поляризован по классовым признакам. Последние проявляются только частично. По данным фонда «Общественное мнение», 21% избирателей принадлежит демократической оппозиции, 23% — коммунистам и патриотам, 12% — центристским блокам и партиям, 44-45% населения составляет «молчаливое» большинство, отказавшееся участвовать в голосовании.

Политический конфликт в его российской модификации иначе идеологически мотивирован. По крайней мере, это относится к доминирующему субъекту, его интересам и взглядам. Власть предрешающие отвергли марксистскую коммунистическую идеологию вообще, а не только как государственную. В аморфном виде ее место занял антикоммунизм и ориентация на религиозную идеологию и верования. Марксизм же и коммунистическая идеология отнюдь не искоренены; в их «гроб не заколочен последний гвоздь», что много раз намеревались сделать демократы, публично объявляя миру о своих намерениях. Ведущая оппозиция продолжает выступать под знаменем марксизма и социализма, хотя и стремится освободиться от наиболее одиозных идеологических догматов. Следовательно, по-

211 Лекция 5

литический конфликт остается и конфликтом одновременно идеологическим.

Политические силы — субъект буржуазно-демократического режима — официально ратуют за деидеологизацию, но одновременно вынуждены (такова объективная необходимость) искать «единую идею для России». Причем, ее пытаются создать по инициативе «сверху» и навязать «низам» — массам. Отношение к идеологической затее правящей элиты неоднозначно, даже противоположно. Например, авторитетный защитник режима академик Лихачев считает, вопреки мнению Президента Ельцина Б.Н., что «общенациональная» идея в качестве панацеи от всех бед — «это не просто глупость, это крайне опасная глупость! А разве гитлеровская идея не была национальной? Я категорический противник такого полхола» 15

Один из бывших советников Президента РФ утверждает, что запрет государственной идеологии не означает запрета на общую национальную идею, якобы потому, что государственная идея — это понятие политическое, а государство не тождественно политике. Политика — сфера гражданского общества. Как только идеология становится государственной — политика кончается, поскольку она существует, пока существуют разные политики. А когда существует одна единственная политика — политической сферы не существует, «Когда государство и политика совпадают — это тоталитаризм» 16 Приведенные путанные рассуждения политика скорее служат цели придумать любую аргументацию модифицированной идеологизации общероссийского политического конфликта и путей его разрешения в интересах правящего режима.

Проблема идеологизации конфликта не исчерпывается поиском «русской идеи». В обществе, включая правящие круги, все чаще звучит вопрос: «Куда мы идем, какую социальную систему строим?». Президент однажды обещал дать на него ответ. Ближайшие к нему, так называемые, молодые реформаторы, опережая лидера, заявляют, что речь идет о «народном» капитализме. Выходит, что без идеологической базы, даже в самом ее абстрактном виде, политический конфликт немислим, изгоняя один тип идеологии, протаскивают в политику другой.

В новой социально-политической среде расширилась зона многих политических конфликтов, что нашло выражение в разнообразии типологии. В нашей стране в настоящее время наряду с макроконфликтами высшего уровня — между институтами федеральной власти и народными массами — соседствуют конфликты регионального уровня, общероссийские — с местными, социально-классовые — с национальными и т.д. Их многообразие не закрывает коренной конфликт между правящими кругами и массами подвластных. Согласно опросам, проведенным социологами в 62 субъектах Федерации, в 250 больших и малых городах, поселках городского типа и селах, ныне власти доверяют 14-15% из числа неспонлентов.¹⁷ По данным института парламентаризма, 23% опрошенных готовы прибегнуть к крайним мерам против властей, вплоть до вооруженных выступлений.¹⁸

Модификация российского политического конфликта произошла по линии изменения главных центров борьбы, ее форм, средств и методов. На первый план выдвинулись избирательные кампании и парламентская форма борьбы. Выборы непосред-

ственно правящих субъектов (персонального состава, учреждений, лидеров и др.) сами по себе суть общественный, демократически регулируемый, легитимный конфликт с известной вероятностью непредсказуемости его завершения. Отсюда стремление конкурирующих политических сил обеспечить максимально возможные для себя, соответствующие своим интересам и амбициям, результаты. Будучи по сути своей механизмом свободного волеизъявления народа, выборы в практическом исполнении могут ограничивать это волеизъявление. В таком случае они узаконивают лишь волю привилегированного меньшинства. Выборы призваны обеспечивать отбор лучших членов общества, способных к управлению общественными делами. Однако выигрывают в них не всегда достойные кандидаты на руководящие должности. Таково реальное противоречие демократии, что служит источником выборного конфликта, борьбы между общественными группами и отдельными политиками.

Будучи по природе формой выражения правового конфликта, выборы в российских условиях приобрели политико-правовой характер. Чем выше уровень избираемых властей, тем ярче выражено их политическое содержание. Выборы депутатов в Государственную Думу, а тем более Президента, в основном были акциями политическими. Политизируются избирательные кампании в субъектах Федерации.

В предвыборной политической борьбе формируются политические блоки, укрепляют или, наоборот, теряют свое лицо и позиции отдельные партии и общественные движения. Предвыборные баталии способствуют становлению многопартийной системы. В избирательной декабрьской (1995 г.) кампа-

ОСНОВЫ КОНФЛИКТОЛОГИИ

нии приняли участие 43 партии и объединения. Не все из них были и стали политическими партиями (к примеру, так называемая «Партия любителей пива», объединение адвокатов). Подавляющее большинство участников предвыборной гонки не прошло пятипроцентный барьер и по сути сошли с арены активной политической борьбы. Разрешение выборного конфликта по формуле: «выигрыш—проигрыш» оказалось наиболее успешным для КП РФ (получила 23% мандатов, с союзниками — 46%). За про-правительственное движение «Наш дом — Россия» проголосовало до 10% избирателей — убедительный показатель негативного отношения большинства электората к политике правительства. Руководство «Наш дом — Россия», провозглашало, что это объединение должно стать общенародным и «навсегда», однако его лозунг оказался далеким от реальности.

Прошедшие в 1997 г. довыборы в Государственную Думу, а также выборы глав администраций и депутатов местных парламентов показали, что левая оппозиция продолжала наращивать свой политический потенциал, имея теперь в числе депутатского корпуса (вместе с союзниками) уже 54% мандатов. Вместе с тем КПРФ не провела ни одного своего представителя в московский городской парламент. Оппозиция не добилась победы в Саратове, в Мордовии (при выборах президента) и в ряде других регионов. Эти факты говорят сами за себя: выборный конфликт в России на всех его уровнях проявляется в весьма острых и бескомпромиссных формах. Крайней степени остроты он достиг еще в избирательной президентской кампании.

Победа Президента Ельцина Б.Н. (за него проголосовало 53% — 40 млн. граждан, пришедших к

избирательным урнам) над лидером КПРФ — Зюгановым Г.В. (его поддержали 40% — 30 млн. избирателей) позволяет поразмышлять о некоторых характерных для политической ситуации особенностях. Во-первых, победитель формально не выдвигался какой либо политической партией, он выступал от большинства общества, которое, не симпатизирует ни одной из партий. Партии, в качестве субъекта политических отношений, пока в стране не занимают ведущего места. Это свидетельствует о слабой политической организованности населения, более того, — политической аморфности общества, переживающего времена крушения прежних политических идеалов и не нашедших еще новых ценностей, которые соответствовали бы интересам большинства народа. Во-вторых, в ситуации пика политического конфликта, когда противостояние основных соперников достигло своего апогея и предельной четкости, борьба общественных сил отождествлялась с противостоянием лидеров, короче говоря, индивидуализировалась. Конфликт общественно-политический виделся людьми как противоборство личностей. Результаты президентских выборов зафиксировали влияние на политическое поведение части избирателей фактора харизмы стоящего у власти лица, что мешало избирателям принимать осознанное решение. Вера в вождей, похоже, пока оказывается сильнее влияния политических интересов и позиций. Это лишний раз демонстрирует возросшую роль политических лидеров в общероссийском конфликте. В-третьих, в предвыборной борьбе на стороне действующего Президента принял самое активное участие государственный аппарат со всей его материальной, политической, административной и информационной мощью. Ра-

зумеется, вмешательство властей в политическую конкуренцию до предела обострило конфликт, придало ему характер антагонизма между системой государственной власти в целом и миллионами избирателей, голосовавших за лидера блока КПРФ и Народно-патриотического Союза. Тем самым завершение выборного конфликта не только не способствовало преодолению политического разлома общества, а напротив, послужило стимулом для возможных новых конфликтов. Говорить о демократических методах и формах борьбы в такой ситуации — значит выдавать черное за белое. Вместо того, чтобы предложить правовую и политическую оценку антидемократической практике борьбы, политические аналитики поспешили закрепить ее на будущее введением в политический российский словарь таких понятий, как «контролируемое голосование», «республиканские сценарии» выборов, «красный пояс» субъектов Федерации. В-четвертых, результаты выборного конфликта вновь подтвердили ошибочность традиционно-марксистской догматической точки зрения, согласно которой на решение избирателей может эффективно влиять в основном только социально-экономический фактор. Реальная картина электорального поведения по ряду северных регионов была иной. Существенное и даже определяющее воздействие на исход борьбы оказал ряд факторов: адаптация избирателей к новым условиям жизни; стремление к стабильности в политической жизни; боязнь возможных радикальных перемен в случае прихода к власти левых сил; разнообразные формы воздействия властных структур на избирателей; нарушение избирательного законодательства и т.д. В так называемом «красном поясе», где материальное и культурное поло-

жение большинства избирателей лучше, доминировали антирежимные политико-идеологические и моральные факторы. Оппозиция не использовала их в полной мере в других регионах, где она потерпела поражение.

В демократическом государстве, а таким стремится быть Россия, одним из основных полей легитимной политической борьбы становится парламент. **Парламентская** форма борьбы для нашей страны новая; впервые ее элементы проявились на съездах Народных депутатов СССР. За прошедший после них драматический период в политической истории страны был накоплен определенный опыт такой борьбы, несмотря на то, что высшая исполнительная власть постоянно стремилась блокировать его. Основным же препятствием для действительно свободной парламентской борьбы и ее положительных результатов стало политическое бесправие парламента РФ, а тем более — парламентов субъектов Федерации. Но даже в таких, установленных Конституцией, рамках политическая борьба между депутатами различных и противоположных фракций была и есть. В парламенте постоянно возникают политические и правовые конфликты; они чаще всего обсуждаются по принятым «правилам игры», когда депутаты «сталкиваются не лбами, а умами». В результате достигаются согласованные решения. Конечно, не всегда и не во всех случаях торжествует политический разум, находится компромисс и реализуется формула разрешения конфликта: «взаимный выигрыш». Депутатский корпус, избранный в декабре 1995 г., руководство Государственной Думы пошли значительно дальше предыдущего состава корпуса и руководства в направлении критического анализа кризисного положения в стране

и законодательной деятельности, направленной на развитие демократических основ регулирования и преодоления политически значимых для государства коллизий.

В парламентской борьбе сформировалась политическая оппозиция. Для России феномен оппозиции — это то новое, что прививается с большими трудностями. Советская традиция рассматривать оппозицию как враждебное для общества и политической системы явление дает о себе знать постоянно. Исключают нормальное демократическое отношение к оппозиции, за которой стоят миллионы избирателей, авторитарные, даже диктаторские формы политического мышления и поведения субъектов исполнительной власти и практика СМИ. Последние постоянно пытаются дискредитировать парламентские дискуссии как «пустую болтовню» и «ненужную трату» народных средств на содержание депутатов. Чтобы парламентская оппозиция стала постоянным субъектом эффективной борьбы за реальные, причем общие, а не корпоративные, интересы народа, нужны некоторые существенные политические и правовые предпосылки: конституционное закрепление за Федеральным Собранием РФ контрольных функций за деятельностью правительства и ограничивающих единовластие президента РФ; осуществление действительно свободных выборов депутатов, исключающих подкуп и прочие антизаконные действия и позволяющих избирать лучших представителей общества; объективная систематическая информация общественности (через СМИ) о дискуссиях в Федеральном Собрании РФ и ее фактических результатах; всестороннее освещение и анализ в периодической прессе конфликтных си-

туаций, возникающих и разрешающихся в парламенте, и др.

Внутрипарламентская борьба эффективна, если она увязывается с непарламентскими формами, с массовыми акциями в поддержку позиции парламентских фракций и инициатив отдельных депутатов. Пока в российской практике такая связь незначительна; даже политические решения, принимаемые Госдумой по самым острым, затрагивающим судьбы страны, вопросам, иногда остаются вне поля политических действий избирателей. Например, не было должной положительной реакции общественности в защиту принятого в 1996 г. Постановления Государственной Думы об отмене решений о денонсации Договора об образовании СССР. В противоположность пассивной позиции общественности, проправительственная пресса, телевидение подняли подлинную политическую бурю против политического решения Госдумы и добились известных результатов в дискредитации его в интересах инициаторов беловежской акции. Между тем в ходе прошлых выборов в Госдуму около 70% опрошенных социологами заявили, что «Беловежский заговор, разрушивший СССР, был и остается преступлением пепел на полях»¹⁹

Больше всех, пожалуй, постоянная связь и координация борьбы с внепарламентской активностью нужна оппозиции. Тем не менее последняя еще не смогла овладеть механизмами ее стимулирования. Зачастую возможное многообразие взаимосвязей оппозиции с общественностью ограничивается организацией отдельных, хотя и важных, политических мероприятий в Москве или С.-Петербурге.

Политические конфликты российского масштаба не проявляются в «чистом» виде, а чаще всего развиваются в смешанных, комплексных формах.

Предвыборная борьба в 1995-96 гг. аккумулировала собою все политические противоречия и конфликты нашего общества. Она подтвердила и более основательно вскрыла такую существенную особенность политических отношений, как превращение конфликта в **политико-правовой**, что вполне закономерно в период развала одной политической и правовой системы и становления противоположной — либерально-буржуазной.

Для обоснования такого вывода обратимся к анализу двух различных по времени бытия и конкретному содержанию конфликтов. Первый — это конфликт, зафиксированный Конституционным судом РФ (1992 г.), слушавшим дело об указах Президента РФ Ельцина Б.Н. «О деятельности КПСС и ККП РСФСР» и конституционности КПСС. Второй конфликт — президентские выборы (1996 г.). Несмотря на различие, суть этих конфликтов одна: противоборство разрушаемого социализма, его политической системы, ядром которой была КПСС, и создающегося нового режима, воплощаемого в президентской системе власти. Только в первом случае противоборство ограничивалось стенами Конституционного суда и не очень широкой дискуссией в средствах массовой информации. Во втором же в конфликтное противостояние были вовлечены миллионы граждан страны. Заседание Конституционного суда как конфликтного процесса поначалу воспринималось и действительно выглядело в виде правового акта высшей судебной инстанции (так представлялось и автору, присутствовавшему на первых заседаниях).

Ведь речь шла о признании законности действий Президента РФ, запретившего существование и действие восемнадцатимиллионной политической партии, ее конституционности. Народные депутаты — коммунисты обратились в Конституционный суд с ходатайством о проверке конституционности указов Президента, а противоположная сторона — ряд депутатов-демократов — о законности КПСС, бывшей правящей партии. Однако фактически с первого заседания суда и до последнего разбирательство носило не только (даже не столько) юридический, сколько характер политический. Суду пришлось обсуждать вопрос, была ли КПСС политической партией или же «присвоила» себе это название, а в действительности являлась одной из государственных структур. Суд был вовлечен даже в дискуссию по теоретико-политическим проблемам — положениям партийной программы.

Одним из главных обвинений КПСС, содержащихся в ходатайстве группы демократов-депутатов, сформулированном социал-демократом Румянцевым С., был тезис, что в основе деятельности коммунистической партии лежало признание преступного и антигуманного характера частной собственности, а следовательно, и базирующейся на этом институте деятельности. «В качестве своей цели коммунистической партией официально объявлялось установление сначала социалистических, а затем коммунистических общественных отношений». По логике социал-демократа, следовало бы объявить преступниками сотни выдающихся умов прошлого и настоящего: философов-просветителей, экономистов, социалистов-утопистов, да и современных левых социалистов, осуж-

давших и осуждающих частную собственность. Более того, в число «преступников» был бы зачислен Христос. Ведь одна из его заповедей — «Не берите с собой ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои».

Конституционный суд, как известно, вынес противоречивое решение. Признавая, с одной стороны, деятельность партийного аппарата КПСС неконституционной, поскольку он подменял государственную власть, суд подтвердил законность указов Президента. С другой стороны, посчитал, что первичные партийные организации были общественно-политическими, и они могут продолжать свое функционирование на добровольной основе. Характер данного решения, конечно же, не чисто юридический, а политико-юридический. Иного не могло быть, коль скоро «процессом века» стало дело о политической партии, руководившей советским обществом многие десятилетия.

Теперь о другом конфликте. Его политическая природа и содержание очевидны: выборы президента государства есть акция политическая, а не только правовая. Однако ситуация в России отличалась от обычных для других стран тем, что в борьбе за высший государственный пост столкнулись лидеры антикоммунистического правящего режима и непримиримой оппозиции, отстаивающей программу восстановления социализма. Таким образом, речь шла о подтверждении легитимности или нелегитимности осуществленного в стране в августе 1991 г. — сентябре-октябре 1993 г. социально-политического переворота, о выборе двух противоположных путей дальнейшего исторического развития российского общества. Это и придавало президентским выборам характер крайне острой политической борь-

бы. Демократия продемонстрировала свою слабость, законность далеко не всегда и не во всем была соблюдена. Демократические формы широко использовала в своих интересах «партия власти», выступавшая на стороне президента Ельцина Б.Н.

Команда Президента реализовала все возможное, чтобы добиться победы над соперником. В противоположность тяжеловесным идеолого-политическим рассуждениям кандидата от оппозиции Зюганова Г.А. о кризисном положении в экономике, о приближающейся национальной катастрофе, о превращении России во второстепенную колониальную страну, Ельцин Б.Н. и его сторонники говорили о простых и доступных для массового российского обывателя вещах: обещали ликвидировать долги государства по зарплате и пенсиям, рекламировали так называемые графики ликвидации. На обещания не скупилась, как и на словесные излияния «любви» к россиянам. Возрождение «великой» России, общенародных традиционных ценностей, в том числе православных, разрушенных большевиками, создание условий для свободного труда каждому, кто того желает и стремится своим трудом ковать свое счастье. Словом сулили строительство очередного «светлого будущего», теперь только противоположного коммунистическому, устрашали обывателя угрозой возвращения «тоталитарного» коммунизма.

Когда-то Наполеон, стремясь удержать свою власть, полученную в результате переворота 18-19 брюмера 1799 г., бросил клич с надеждой объединить большинство французов: «Ни красных колпаков, ни красных каблучков!» (первое — символ якобинцев, второе — роялистов). Нечто подобное про-

сматривалось в лозунгах предвыборной борьбы, выдвинутых Президентом Ельциным Б.Н.

Далеко не все в этой тактике было миролюбивым, способствующим реальному объединению различных слоев избирателей, в том числе тех, кто ориентировался на кандидата от оппозиции. Видимость здесь никак не соответствовала сущности предвыборного поведения лидера политической правящей элиты. Призывы к согласию во имя общего блага страны сопровождались нагнетанием страха перед опасностью гражданской войны в случае победы коммуниста Зюганова Г., открытой блокадой СМИ кандидата от оппозиции, установлением по существу информационного террора по отношению к миллионам избирателей. «Партией власти» использовался в борьбе за сохранение кресла президента за Ельциным Б.Н. государственный аппарат всех уровней с его материальной, административной и информационной мощью. В этом-то главным образом состояло нарушение избирательного закона и принципов демократии. Большинство же избирателей почти не реагировало на такие явления. Наверное, Герцен был прав, когда писал: ... «массы любят авторитет, их еще ослепляет ... блеск власти». «К личной свободе, к независимости слова они равнодушны.»²⁰

Конфликтная ситуация, связанная с нарушением законности в процессе предвыборной кампании, не была зафиксирована в судебных исках представителей оппозиционного кандидата, не приобрела форму институционально-правового выражения. Тем не менее она отражена в публикациях отечественной и зарубежной прессы.

Проявился явно выраженный политико-правовой характер конфликта при проведении выборов

некоторых глав администраций (Ростовской, Читинской, Владимирской, Астраханской областей), где в качестве кандидатов выступали представители оппозиции. Правовая и политическая оценка нарушениям избирательного законодательства в этих регионах дана в Постановлении Государственной Думы Федерального Собрания от 2 сентября 1997 г. В нем в частности говорится, что Генеральная прокуратура Российской Федерации не отреагировала должным образом на факты нарушения избирательного законодательства в названных выше областях при выборах глав администрации. Госдума предложила Генеральному прокурору рассмотреть письмо Комитетов Государственной Думы по безопасности, по законодательству и судебно-правовой реформе, по делам Федерации и региональной политике и принять меры по соблюдению избирательного законодательства. Надо отметить, что Постановление Государственной Думы пришло в противоречие с позицией Законодательных Собраний в тех областях (например, в Ростовской), где они действуют в связке с губернатором, а не выступают по сути дела самостоятельным субъектом представительной власти.

Предвыборная борьба за пост главы государства, а также в ряде случаев и глав его частей (республик, областей) приобретает политико-правовой характер во всех восточно-европейских странах, бывших в социалистическом «лагере»: в Польше, Болгарии, Румынии, Чехии и Словакии.

Проведенный анализ конфликтной «галереи» российской политической жизни убеждает нас в устойчивом сохранении общей конфликтной ситуации в стране. Она проявляется во всплесках кризиса власти и в перманентно прорывающихся локальных

и общероссийских политических конфликтах. Кризисные вспышки аккумулируются в высоком уровне недоверия властям, в том числе высшим; в растущей коррупционности чиновничества, даже в федеральных коридорах власти; в постепенном утверждении у руля государственного управления олигархических кланов, представляющих крупный российский капитал, интересы которого прямо противоположны интересам народных масс; во многих тупиках демократии, с которой не очень-то намерены считаться господствующие круги. Кризис власти приобретает особенно болезненные формы, когда выливается в открытый конфликт между законодательной и исполнительной ветвями власти на всех структурных уровнях политической системы.

Возникает вопрос: корректно ли объяснять (что иногда делают аналитики и политики) постоянно возрождающийся конфликтный политический процесс только сохраняющимися элементами разрушенной, но не ушедшей окончательно в небытие, советской системы? Думается, что отнюдь нет. На политический процесс влияет ряд других, существенных факторов. Это прежде всего общий, системный кризис; противоречия, его порождающие, — питательная почва для сохранения конфликтной ситуации в политической сфере. Незавершенный конституционный процесс — не менее важный фактор, непосредственно образующий зону конфликтной ситуации. Не следует недооценивать негативное воздействие на политическую ситуацию идеолого-теоретического вакуума как реальной ущербности нынешней политической культуры. В каждом из названных факторов проявляется переходное состояние нашего общества; каждый так или иначе отражается на интересах всех слоев населения, зап-

росах и ожиданиях масс, на позициях и действиях политических субъектов.

Какой же путь в школе своих конфликтов может пройти наша страна? Пойдет ли она в направлении дальнейшего их умножения и углубления вплоть до взрыва или же возобладает противоположная тенденция: формирование системы политических отношений со многими пересекающимися противоречиями и конфликтами, не затрагивающими основы существования системы? Прогнозировать политический процесс — весьма сложная проблема, тем более в России. И все-таки с определенной долей вероятности это возможно. Вопреки словам поэта, ставшим банальными благодаря телерекламе, только умом Россию можно понять, но не верить в Россию нельзя.

За каждой из возможных тенденций кроются обстоятельства и общественно-политические силы, способные в любой момент перекроить карту политического процесса. С одной стороны, в стране еще не сложилась новая социальная структура и, стало быть, глобальный антагонизм пока не охватил все без исключения стороны социально-политической жизни и управления. У государства сохраняется возможность маневра и манипуляции интересами большинства и сокрытия за демократическими лозунгами и принимаемыми законами (которые мало выполняются) корпоративных интересов российского нарождающегося и быстро развивающегося капиталистического класса. При этом властям удается свои недостатки превращать в достоинства, пробность и рыхлость власти позволило сформировать партийно-политическую структуру, по виду напоминающую политический плюрализм. У «партии власти» есть теперь «квази-левая» оппози-8*

ция (мэр Москвы) и «квази-правая», есть устойчивый и общепризнанный «квази-центр» во главе с Президентом РФ. Восстанавливая управление социально-политическими процессами в стране, «партия власти» сумела достаточно укрепить и свое влияние, особенно после победы Ельцина Б.Н. на президентских выборах, установила почти тотальный контроль над всеми сторонами «нашей, на первый взгляд, хаотичной атомизированной жизни». Наконец, выборы в органы власти субъектов Федерации (в частности, в Саратове) показали, что сегодня «маргинализированное и люмпенизированное село обжило новую систему и, можно сказать, приняло».

Что же стоит за противоположной тенденцией? В чем заключается потенциальная возможность дальнейшего обострения политических конфликтов? Массовое недовольство проводимой правительством и Президентом политикой, по сути политическим бесправием большинства народа, угрозой установления авторитарного режима и, что самое очевидное, продолжающимся обнищанием трудящихся. Тезис «так жить нельзя» становится лозунгом не только оппозиции; с ним выходят на акции протеста трудящиеся городов, учителя, врачи, ученые, создают свои движения военнослужащие.

Стремлению «партии власти» смягчить политические конфликты или даже в какой-то мере их консервировать противостоит действие организованной и укрепляющей свои ряды левой оппозиции, ядром которой является КП РФ. Добившись на выборах существенного успеха, оппозиция превратилась в значительную политическую силу, с которой нельзя не считаться. Тем не менее о равновесии сил на политическом Олимпе говорить еще рано. И

пока *его не* будет, вероятнее всего тенденция дальнейшего обострения конфликтной ситуации неминуема. А выход из острых политических российских конфликтов, наверное, только один: всеобщее согласие относительно путей модернизации общества и государства и политического курса, направленного на достижение благосостояния народа и восстановление былого национального престижа Отечества.

Исторический синтез: разумное объединение прогрессивного, добытого советским опытом, и рациональных новаций реформирования общественной системы в последние годы, — объективная потребность, которую невозможно отрицать. Ведь, образно выражаясь, не один «овес растет по Гегелю»; история тоже шествует гегелевскими категориями. Она на своих крутых поворотах повторяет некоторые формы жизни, но на новой основе. Причем, не дважды, как утверждал классик, — в виде «трагедии» и в виде «фарса», — подразумевая эпизоды французской революции, а многократно. Клио (муза истории) гораздо богаче. Она, подобно картинной галерее, может удивлять человека оригиналами и копиями.

Цепь политических конфликтов в России переплетается с другими: социальными, правовыми, национальными, организационно-управленческими, международными. Их анализ позволит полнее понять общую картину конфликтной ситуации в стране.

4. Международный политический конфликт.

За последние годы в научную литературу, журналистику, а более того, в официальную политическую литературу и документы прочно вошло поня-

тие конфликта. Причем, прежде всего политическое. Проблемы международных конфликтов стали предметом специального изучения и практического действия Организации Объединенных Наций. Достаточно сказать, что ежегодник СИПРИ 1994г. «Международная безопасность и разоружение» в основной своей части посвящен анализу международных конфликтов, их предотвращению и разрешению. Поэтому было бы ошибкой не остановиться, хотя бы вкратце, на этом вопросе.

Международный политический конфликт, как и любой внутренний, представляет собою столкновение противоположных интересов, целей, ценностей, взглядов и связанных с их реализацией действий. Но его отличие от внутригосударственного заключается в конкретной природе, содержании, специфике субъектов, в особенностях механизма возникновения и развития, технологии регулирования и разрешения.

В самом деле, по природе своей международный конфликт является внешним для данной страны, государства. Его причина, источник кроются не во взаимодействиях индивидов или групп, граждан или институтов данного общества (российского, французского и т.д.), а в возникших противоречиях между интересами разных, существующих отдельно друг от друга социально-политических и национальных сообществ людей. Субъектами международного политического конфликта выступают отдельные государства, группы государств, объединенные в союзы, коалиции, либо представляющие их организации, подобные, скажем, ООН, или общественно-политические организации типа Социалистического Интернационала, профсоюзных альянсов и других, или, наконец, каких-то идеолого-

политических и религиозных движений. Сфера их зарождения и действия — те или иные страны, международные политические отношения, а не взаимодействия субъектов в рамках одной политической системы (различных ее носителей — слоев, партий и т.д.). Что касается интересов, целей, ценностей и взглядов, то в данном случае фигурируют те, которые в обобщенной форме выражают главные жизненные потребности и устремления, идеалы и дух конкретного народа или значительной его части, потребности, от удовлетворения которых зависит само существование, безопасность или благосостояние этого народа, его государства как единого целого. В международном политическом конфликте противостоят не частные интересы и цели, а общие государственные интересы. В первую очередь интересы, связанные с обеспечением безопасности и суверенитета (независимости) государства, с защитой его территории, экономического, социокультурного и информационного пространств. Конечно, конфликты могут возникать и по поводу частных интересов вступивших в него международных субъектов. Однако для населения отдельной страны, любой его части такие интересы являются общими, надлично-стными. Например, отдельный дипломатический конфликт между государствами — это частный конфликт с точки зрения международных отношений. Но он не затрагивает интересы отдельных групп населения, а тем более личностей. Для них он — отвлеченное явление, общее, о котором судят лишь политики. В настоящее время для российской внешней политики важен вопрос о расширении НАТО на восток, т.е. к границам нашей страны. Несмотря на его важность, он все же остается частным по отношению ко всей системе международных отноше-

ний и одним из общих внешнеполитических вопросов для России. Тем не менее едва ли приходится сомневаться, что подавляющее большинство граждан (кроме, возможно, политической элиты) воспринимают его заинтересованно, как говорится, близко к сердцу. И это понятно: ведь планируемая НАТО акция пока никак не влияет на условия жизни людей, на удовлетворение их необходимых потребностей, выражаемых интересами. Спор дипломатический, к счастью, не переросший в острый конфликт, остается в сфере деятельности узкого круга политиков-дипломатов. И дай бог, чтобы так было и в дальнейшем.

Интересы государств сами по себе не могут быть одинаковыми, тождественными, поскольку различны народы, объединенные в эти государства, условия их жизни и уровни социально-экономического, политического и культурного развития. Кроме того, интересы этого уровня непосредственно не воспринимаются людьми как нечто очевидное, а могут быть поняты в результате непростой работы общественного сознания, коллективного осмысления общественных запросов и ожиданий. Эта работа осуществляется обычно наиболее подготовленной в интеллектуально-политическом отношении группой людей, называемой элитой общества, и лидерами государства, партий. Те и другие склонны истолковывать реальность сквозь призму своего мировоззрения; потому объективно заданные интересы обретают субъективную окраску. Последнее обстоятельство может играть существенную роль в возникновении международного конфликта. Этим определяется значение конкретных лиц, стоящих во главе государств, партий. Известно, что два западных лидера бывшей антигитлеровской коалиции —

американский президент Ф.Рузвельт и премьер-министр Англии У.Черчилль представлявшие родственные политические системы, по всем основным вопросам борьбы с гитлеровской Германией находили общий язык, а спорили, доходя нередко до отдельных дипломатических конфликтов, лишь с советской стороны. Однако это были деятели, во многом (что касается личных качеств, да и социально-политических) отличающиеся друг от друга. Они нередко совсем по-разному понимали общие интересы коалиции, стратегию и тактику ведения войны. У.Черчилль постоянно стремился ущемить интересы своего союзника — СССР, не очень-то горел желанием как можно эффективней помогать Красной Армии в ее единоборстве с врагом. В то же время Ф.Рузвельт, не питая любви к Советскому Союзу, более глубоко понимал необходимость совместной борьбы с гитлеризмом, представляющим смертельную угрозу и для Запада. Помощь Советскому Союзу соответствовала собственным интересам США и Англии.

Международный конфликт возникает в любом случае, когда одно государство или группа государств стремится навязать свои интересы другим, объявляет и добивается их монополии, ущемляя или вообще не принимая во внимание иные интересы. Сфера возможных видов противоположных политических интересов, являющихся объектом конфликта, весьма широка: от непосредственно политических (безопасность, границы государств и т.д.) до общих экономических, национальных, информационных, идеологических и даже религиозных. Экономические отношения между странами, будь то отношения сотрудничества или конкуренции, взаимопомощи или экспансии, приобретают опосредствовано поли-

тический характер, т.е. влияют на политику через материальные, информационно-идеологические и прочие, важные для политических отношений, факторы. В настоящее время роль их настолько велика, что, экономические проблемы прежде всего, а также вопросы международной информации и культуры постоянно находятся в орбите внимания ОСИ — всемирной политической организации.

Международные политические конфликты имеют свои специфические причины. По данным ООН, в 1994 г. в мире было 34 крупных вооруженных конфликта в 28 зонах (территориях государств, где вспыхивали конфликты). А в 1989 г. их насчитывалось 137. Распределение их по регионам выглядит так. Африка — 43, из них в 1993 г. — 7; Азия — 49, в том числе в 1993 г. — 9; Центральная и Южная Америка — всего 20, в 1993 г. — 3; Европа — всего 13, в 1993 г. - 4; Ближний Восток - 23 из них в 1993 г. - 4. Общая тенденция — уменьшение зон конфликтов в течение последних пяти лет. В то же время, как это ни покажется неожиданным, единственным регионом, где наблюдалась тенденция к их увеличению, была Европа. Их число здесь в 1993 г. возросло с 2-х до 4-х. Причиной 19 конфликтов стали территориальные споры; другие возникали в связи с проблемами получения этно-национальными общностями автономии или независимости, а также по причине выбора политической системы либо смены правительства в данной стране. Таковы конфликты между Азербайджаном и самопровозглашенной Республикой Нагорный Карабах, поддерживаемой Арменией; грузино-абхазский конфликт. Приведенные примеры убедительно подтверждают наличие коренных различий природы, причин внутривнутриполитических и внешних конфликтов.

Специфика субъектов, причин международных конфликтов обуславливает формы и механизмы их возникновения, развития и разрешения. В числе первоначальных форм проявления — межгосударственные споры, дипломатические акции. Развитие конфликта связано с нормированием противоборствующих сторон, зачастую в виде блоков, коалиций и прочих сообща действующих групп государств и других политических организаций. Они объявляют свои противоположные цели и претензии на решение спорных вопросов, блокируют взаимно свои действия по осуществлению противоречивых интересов, выраженных в политических установках. Дело доходит до разрыва тех взаимосвязей между вступившими в конфронтацию силами, которые ранее служили для них какой-то основой для международной жизни. В частности, одни выходят из тех или иных организаций, другие ограничивают или вообще разрывают дипломатические отношения с конфликтующим государством, третьи противопоставляют себя международному сообществу в целом. Так поступили в свое время Иран, обрушившись в период исламской антишахской революции на дипломатический корпус США и других европейских государств; Ирак, допустив агрессию против Кувейта и готовя в тайне производство атомного и химического оружия.

В ряду форм проявления международных конфликтов и их разрешения — политические переговоры: двусторонние и многосторонние с привлечением посредников, в виде международных конференций и другие. Переговорный процесс — это тоже борьба, да еще какая. Переговоры могут завершиться компромиссом или консенсусом, а могут и капитуляцией слабой стороны, вынужденным при-

нятием ею продиктованных сильной стороной условий. Модели завершения международного конфликта те же, что и других: выигрыш—проигрыш, выи: рыш—выигрыш, проигрыш—проигрыш. Или иначе: победа—поражение, победа—победа, поражение-поражение. Когда конфликтующие стороны длительное время находятся в конфронтации, изматывая свои силы и резервы, ухудшая благосостояние своих граждан, то это и есть разрешение конфликта по модели: проигрыш—проигрыш. Примером подобных конфликтов служат гражданские войны в ряде стран Африки и Азии. Из того же ряда можно назвать долговременный арабо-израильский конфликт, берущий свое начало с момента создания го-сударства Израиль (1948 г.). За прошедшие десятилетия конфликт привел к пяти войнам и многочисленным дипломатическим инициативам, ставшим результативными только в последние годы. Лишь недавно Организация Освобождения Палестины изъяла из своей политической программы пункт об уничтожении государства Израиль.

Международные конфликты нередко длятся многими десятилетиями и даже веками, периодически затихая, а затем обостряясь в виде «холодных» и го-рячих» войн. Тому пример — «холодная война» Запада (главным образом США) против бывшего СССР. За длительный период не раз качественно изменялись противоположные интересы, в иное время они примирялись; складывались различные структуры субъектов конфликта, появлялись новые противоречия вместо разрешенных или неразрешенных. Сколько таковых возникало между западными странами и СССР за более чем 70 лет его существования. И все же основной линией конфликта оставалась непримиримость коренных интересов двух

противоположных систем: капиталистической со свободным рынком и либеральной демократией и государственно-социалистической с административно-плановой экономикой и авторитарным режимом, основанным на монополии одной партии и допускающим коллективистскую демократию на уровне местного самоуправления.

Наряду с длительными конфликтами в международной жизни встречаются коллизии средней длительности и вовсе краткосрочные, в том числе вооруженные.

В наше время на Западе не любят вспоминать известный военный конфликт — вооруженное нападение Англии, поддержанной Францией, в 1956 г. на Египет, только что освободившийся от монархического режима. Конфликт произошел из-за того, что страна национализировала Суэцкий канал как свое достояние, когда-то отнятое английской империей. В ответ на справедливую акцию Египта в Англии раздался крик: «Кража!» и тогда решили ударить по Египту и ударить тяжело.¹⁴ Однако, к счастью для Египта, на его сторону встало советское правительство, предупредив Англию о возможных печальных последствиях, если агрессия не будет прекращена. Тогда разум возобладал. Военную акцию не поддержала и ООН, потребовав от Англии, Франции и присоединившегося к ним Израиля прекратить военные действия. Англия и Франция нанесли себе значительный политический урон и укрепили, а не подорвали, позиции молодого самостоятельного государства. Слабая сторона, поддержанная мировым сообществом, оказалась в выигрыше, что бывает, конечно, весьма редко.

Соперники в международных конфликтах ведут между собою борьбу, применяя самые различные

методы и средства: мирные и военные, словесные (символические) — информационные, идеологические, религиозные и материальные. В том числе и те, о которых говорилось в предыдущем параграфе. Например, метод «разделяй и властвуй» — один из излюбленных для политиков, олицетворяющих неоколониализм. Метод «удар в голову» универсален в политическом противоборстве международных субъектов, поскольку он обеспечивает вывод из строя координирующих центров противника и разрушение ядра его сил. Метод «слабые места» не менее существенен. Выявление таковых, будь то в переговорном процессе или экономическом, информационном противостоянии, мирном или военном противоборстве, — гарантия выигрыша. Огромное значение в современных условиях имеет информационное международное противоборство. Захват, скажем США, международного информационного пространства при помощи новейших технических средств, вплоть до использования спутниковых, дает им в руки такое мирное оружие, которое по своей эффективности борьбы за господство своих интересов, масштабам непомерного расширения сферы распространения и действия в мире превосходит многие военные средства. Влияние этих средств испытал на себе бывший СССР, одним из факторов разрушения которого стало проигранное США информационное противостояние.

Методы предупреждения и разрешения международных конфликтов столь же разнообразны, сколь разнообразны по своему содержанию конфликты. Чисто политические столкновения (из-за территориальных споров, защиты безопасности государств и др.) предупреждаются в основном путем переговоров, если, конечно, таковые помогают пре-

одолеть разногласия. Политико-экономические (связанные с проводимой субъектами взаимоисключающей экономической политики) — посредством методов экономической конкуренции, экономических и прочих санкций. Национально-политические — на пути приобретения государственности. Идеологические конфликты вообще никогда полностью не разрешаются, равно как и религиозные. Со времени разделения христианства на три основные ветви: католичество, православие и протестантизм — между ними никогда не прекращалось соперничество по вопросам истолкования основных догматов христианства и политической роли церкви в международной и внутренней жизни верующих.

В настоящее время в международной практике предотвращения и разрешения конфликтов широко применяются к конфликтующим сторонам политические и экономические санкции международного сообщества (ООН), региональных объединений государств (Совет Европы, Организация африканского единства и другие). Решение о применении санкций в ООН принимается Советом Безопасности (в таком случае они носят обязательный характер) или Генеральной Ассамблеей, которая только рекомендует эту меру. Санкции осуществляются в виде эмбарго на поставки нефтепродуктов и других нужных странам, участвующим в конфликте, товаров, запрета на предоставление им оружия, замораживания капиталов, принадлежащих данным странам и т.д. И как крайняя мера — применение вооруженной силы со стороны международного сообщества, если конфликт перерастает в военное противостояние, как это случилось, скажем, в бывшей Югославии. Принуждение к преодолению насильственного конфликта более мощной международ-

ной силой, не требующее согласия всех задействованных в конфликте сторон, — в числе мер ООН по поддержанию мира.

Последнее, на чем следует остановиться при характеристике внешнеполитических конфликтов, это на их взаимосвязи с внутренними конфликтами. Из документов ООН явствует, что в 1993 г. не было зафиксировано ни одного крупного вооруженного конфликта между государствами. Тем не менее названо общее число — 34 крупных международных конфликта. Как это понять? Дело в том, что внутренние конфликты, если они действительно крупные, неизбежно приобретают международный резонанс, становятся объектом внимания и деятельности других государств, либо вовлекаемых в конфликт, либо участвующих в международном миротворческом процессе. Гражданская война в Таджикистане привела к тому, что в конфликт оказались вовлеченными, с одной стороны, Афганистан, соперничающие мусульманские группировки, поддерживающие оппозицию, а с другой - Россия в качестве миротворческой, защищающей суверенитет Таджикистана, военной и политической силы.

Процесс международного конфликта, то или иное его разрешение может выступать как позитивным, так и негативным фактором в преодолении внутренних противоречий.

Литература

1. Шмитт К. Понятие политического. Вопросы социологии. М. 1992. Т. 1. С. 41.
2. XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1926. С. 158-159.
3. Там же.

4. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., Госполи-гиздат, 1952. С. 229.
5. Бурдые Н. Начала. М., 1994. С. 198.
6. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. С. 11.
7. Бранд В. Демократический социализм. М., 1992. С. 127.
8. Карамзин Н. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. В кн. «История государства российского». Кн. четвертая. Ростов-на-Дону, 1990. С. 479.
9. Чернышевский Н. Кавеньяк. Собр. соч. в пяти томах. М., 1974. Т. 5. С. 87.
10. Эйдельман Н. Грань веков. М., 1986. С. 30, 161.
11. См.: Косидовский З. Библейские сказания. М., 1975.
12. Бекон Ф. Соч. в двух томах. М., 1972. Т. 2. С. 361-364.
13. Кекконен У. Финляндия и Советский Союз. М., 1973. С. 137. 14. Зиновьев А. Запад. Феномен западнизма. М., 1995. С. 332-333.
15. Известия .21 ноября 1996 г.
16. Российская газета. 19 ноября 1996 г.
17. АиФ. 1997, № 48. С. 5.
18. Независимая газета. 1997. 27 ноября.
19. Советская Россия. 20 января. 1998 г.
20. Герцен А. Собр.соч. в восьми томах. М., 1975. Т. 3. С. 337.
21. Ежегодник СИПРИ 1994. Международная безопасность и разоружение. М., 1994. С. 56, 57.
22. Трухановский В. Антони Идеи. М., 1876.

Лекция 6. ПРАВОВОЙ КОНФЛИКТ

Неразрывная связь политических отношений и конфликтов с правом объясняет необходимость рассмотрения проблемы правового конфликта. Его анализу целесообразно предпослать обоснование выбора термина «правовой» конфликт. Юристы, пишущие на эту тему, используют понятие «юридический» конфликт. Отсюда название новой дисциплины — «Юридическая конфликтология».

За различием данных терминов кроется определенный смысл — некоторое неоднозначное толкование категории права, встречающееся в литературе. Так, как определяется эта категория в «Юридической энциклопедии», а именно, как совокупность обязательных, **«формально определенных, установленных и обеспечиваемых силой государства норм регулирования повеления людей и их коллективов»**¹ она исключает различие терминов «юридический» и «правовой» конфликт. Однако многими учеными-юристами такое понимание критикуется и признается «узко-нормативным», обедняющим содержание права. Им «является не только то, что установлено или санкционировано официальными органами государства, но и то, что с объективной необходимостью вытекает из жизнедеятельности ...общества; право проявляется не только в форме официально-институционализованной его нормативности но и во многих иных формах»² Следовательно, определение «правовое» по своему объему шире определения «юридическое». Любое юридическое явление (норма, факт) есть правовое, но не всякое правовое суть юридическое. Любой конфликт юридический — это кон-

фликт правовой. По не каждый правовой конфликт выражается и фиксируется в юридической форме.

Содержательное различие понятий «правовой» и «юридический» конфликт составляет методологическую посылку нашего анализа проблемы. В дальнейшем мы попытаемся ее аргументировать конкретным рассмотрением правовой реальности, не вникая в суть дискуссии о природе права и специфике юридического.

Юридический конфликт, по определению авторов «Юридической энциклопедии», — это **противоборство сторон, государств и их органов, общественных объединений, граждан с целью противоправного изменения статуса и юридического состояния субъектов права.** Юридический конфликт со своими признаками фиксируется в Конституции и законодательстве в виде: «особых юридических состояний», конфликтной ситуации, запретов нарушать конституционные принципы государственного устройства, средств преодоления, а так же особо опасных преступлений — госуластных³

Из приведенного определения следуют два концептуальных вывода: во-первых, понимание юридического конфликта лишь как связанного с действиями, направленными на **противоправное** изменение статуса субъекта и установленного государственного правопорядка; во-вторых, признание конфликта «особым юридическим», «запретным» состоянием, противоборством с целью нарушения конституционных принципов государства. Следовательно, конфликт не есть закономерное для государства явление.*

* В дискуссии «за круглым столом» о предмете юридической конфликтологии только отдельные ее участники подчеркивали, что конфликты - болезненная, хотя и «естественная форма существования человеческого общества». (См.: Государство и право, 1994, 4. Стр. 6.)

ОСНОВЫ КОНФЛИКТОЛОГИИ

Исходя из сформулированной выше методологической посылки исследования проблем о несводимости категории права к понятию «юридического», надо признать корректность более широкого определения правового конфликта. **Правовой конфликт** — это противоборство субъектов права с противоположными пониманием и действиями по отношению к принципам и нормам права с целью изменения своего статуса и юридического состояния. Юридический конфликт — основной, но не единственный вид правового конфликта, равно как юридические принципы и нормы, на почве которых он возникает, не исчерпывают всей совокупности формальных и неформальных правовых норм, действующих в конкретном обществе. В настоящее время, к примеру, возрождается влияние исламского религиозного права, основанного на Коране, даже на политическом пространстве России. Лидеры Чеченской республики провозгласили своей целью создание исламского государства, где высшим правовым законом будет не Конституция РФ, а шариат — свод религиозно-правовых норм, и базирующегося на них института шариатского суда.

Основной предмет правового конфликта — принципы и нормы права. Ядро конфликта — противоположное их истолкование и отношение к ним, а также соответствующее поведение субъектов права. Существуют нормы и принципы двоякого характера: юридические, то есть установленные или санкционированные государством, и правила общего характера, сложившиеся в общественной практике, обязательные, но не зафиксированные официально и не санкционированные властью (юридически), являющиеся элементами обычного права.

Правовой конфликт не обязательно связан с нарушением установленного государством правопорядка. По своему содержанию и формам проявления он не сводим к борьбе за противоправное изменение существующей правовой системы, основ государственного устройства. Конфликты подобного рода — лишь один из видов правового, одна из существующих форм борьбы субъектов правовых и политических отношений. Следовательно, как и прочие социальные, правовой конфликт не есть какая-то ненормальность, правовая патология, а является вполне естественным элементом процесса функционирования и модернизации данной общественной системы.

В истории отечественной науки проблема правового, юридического конфликта (без различения этих терминов) была поставлена философом и теоретиком права Ильиным И.А. В его понимании, это — конфликт между естественным и положительным правом, между «суррогатом» естественного права и объективно значимой идеей права. Это — «борьба за право в объективном смысле — за обновление законов и в субъективном смысле — за поддержание и осуществление справедливых полномочий, обязанностей и запретов»⁴ Право в объективном смысле есть естественное право; оно выражает природу духовной жизни человека; его можно назвать «вечным» правом, потому что оно сохраняет значение для всех времен и народов. Право в субъективном смысле — это положительное право, «целесообразная форма поддержания естественного права»⁵ организованная попытка «формулировать естественное право.»

Конкретизация определения конфликта названным автором дается через описание конфликтной

ситуации. Последняя характеризуется признанием каждым субъектом двух различных правопорядков сразу: одного, отвергнутого по содержанию, но имеющего положительное значение, а другого, признанного по содержанию, но еще не установленного, не утвержденного, еще не сформулированного, однако верного, имеющего достоинство естественного права⁶ Принципиально важны рассуждения Ильина о характере «борьбы за право». Иногда такая борьба воспринимается как правонарушение, как насильственное ниспровержение старого правопорядка. Однако подобное воззрение поверхностно и неверно. Элементы правонарушения и насильственности могут отсутствовать в этой борьбе; наличное правонарушение может быть нарушением не «права вообще», но только положительного права во имя естественного права. Оно может иметь характер деяния, не разрушающего правопорядка, но совершенствующего жизнь в праве и по праву⁷

Таким образом, по Ильину, конфликт в праве есть не что иное, как конфликт между объективной и субъективной составляющими права. Такая теоретическая позиция, по нашему мнению, заслуживает признания и остается методологическим ориентиром исследования современной правовой реальности. Другое дело, как понимает русский ученый объективное и субъективное. В этом вопросе следует разобраться, отметив дискуссионные моменты.

Объективность правовых норм, по Ильину, означает независимость их от отдельного субъекта: судьи, адвоката, гражданина; это «нерушимость», «непоколебимость» правил и норм от самого их установления до самой их отмены. Право объективно, значит оно не есть продукт «субъективной фан-

тазии», ибо «где же **критерии** для моего законного права, если содержание правовой нормы лишено объективности, тождественного себе смысла»? Объективность норм права не следует смешивать с его жизненной силой или эффективностью. Объективное знание права в том, что «оно хранит в себе некий **верный масштаб и некое верное правило поведения**, которое сохраняет свою верность даже тогда, когда люди не знают и не хотят знать»⁸ Это правило не исчезает и не умаляется, даже если установленный правопорядок в силу слабости власти предрержащих не проводится в жизнь. Призывы права тогда не влияют на поведение людей людей, и они «остаются призывами в пустоте».

Итак, объективность права, по Ильину, состоит в том, что оно выражает «природу духовной жизни» людей. Это — «необходимая форма духовного бытия» людей, объективность правовых установлений для каждого отдельного человека, гражданина». Естественное право «совпадает с общим духовным интересом народа и гражданина»⁹

Сведение объективности права только к объективности содержания сознания человеческих сообществ, соотнесенного с духом индивида, конечно же, обедняет категорию объективности правовых отношений. Объективная природа духа сама требует объяснения. Предпосылки определенных правил поведения заложены прежде всего в существующих общественных отношениях, в правовой реальности. Безусловно, потребность в регулировании общественных отношений прежде чем реализоваться, в какой-то форме осознается: первоначально на уровне примитивного обыденного правосознания, обычаев, а затем уже в форме взглядов, идей и принципов.

Принципы права — его объективные свойства, отражающие потребности общественного развития, государства¹⁰. Они становятся основой установления государством юридических норм и их системы. Объективные потребности общества устанавливают соответствующий тип норм и обычаев. Таковы установления, составившие древний памятник русского права «Русскую правду», явившуюся отражением русского гражданского общества XI-XII вв. В частности, «Русская правда» не знала и не признавала судебного поединка враждующих сторон, запрещавшегося кровопролитием, а ограничивалась признанием приговора, выносимого судьей-князем. «Эта норма была итогом вековой борьбы православного духовенства против обычая кровавого поединка как «языческого остатка», — отмечал историк Ключевский В.

«Юридический обычай и закон — основные формы права. Обычай — первоначальная, естественная форма права, — писал Ключевский. — Закон появляется позже обычая, вначале только дополняет или поправляет его, а потом вытесняет и заменяет новым правилом!»¹¹ Сформулированный законодателем закон по своему объективному свойству тождествен обычаю в том смысле, что отражает потребность общественной жизни данного народа, страны, времени. Законы, вводимые великим преобразователем России Петром I, любившим иностранное, должны были, по его разумению, быть «извлечены» из собственных понятий народа, его нравов, обыкновений, местных обстоятельств (Карамзин).

Таким образом, право объективно прежде всего по своему источнику, поскольку его корни заключены в необходимости регулирования взаимоотношений между людьми и их сообществами. Права и

свободы человека, составляющие фундамент современного права, характеризуют определения человека как социального субъекта, присущие ему в силу человеческой общественной природы. Человек рожден в обществе, живет в нем и поэтому ему объективно, независимо от воли власть имущих, типа общественной системы, религиозных и прочих верований, свойственны такие формы жизнедеятельности, которые принято называть правами и свободами. Неотделимые от самого естественного существования людей права и свободы иногда именуют «прирожденными», неотчуждаемыми.

Право объективно по содержанию; как идеал (что подчеркивал Ильин), правовые принципы и нормы характеризуют объективно значащие для общественного субъекта всеобщие правила поведения, именно те правила, которые соответствуют потребностям, интересам и особенностям общественного сознания, иначе сказать, духу народа.

Право субъективно, коль скоро творится субъектами и реализуется ими в своих целях и интересах. Субъективная сторона (правовая субъективность) воплощается в индивидуальном и общественном правосознании, в воле отдельных лиц и коллективов, поведении и деятельности (правотворческой и правоприменительной) субъектов правоотношений. Общественные формы субъективности при этом выступают по отношению к индивидуальным объективным факторам. Грань между субъективным и объективным относительна: то, что для общества в целом субъективно, для отдельной личности объективно. Лишь зависящие от нее индивидуальные особенности правосознания и правоотношений образуют субъективную форму правовой реальности. Знание права, его признание или непризнание, ис-

полнение или неисполнение — составляющие правовой субъективности гражданина. Законотворчество, совершенствование или коренное изменение правовой системы на основе данных науки и накопленного обществом опыта, официальное истолкование законов властью, наконец, общая воля народа, воплощаемая в правовой идее, разнообразные конкретные виды и модификации текущей правоприменительной практики — таково содержание правовой субъективности общественных субъектов — государства, его институтов.

Существует правовая нормативно-ценностная система, с которой также связан элемент субъективности. Он заключен в самом процессе оценивания тех или иных деяний юридических и физических лиц на основе установленных правил. Оценивает конкретный субъект, но кто он и как оценивает? В зависимости от того, кто и как оценивает и, соответственно, как применяет правовые нормы к данному юридическому факту, соблюдается или не соблюдается законность, торжествует или игнорируется справедливость.

Единство объективного и субъективного в праве противоречиво. Диалектика противоречия порождает реальную возможность формирования многообразия полей конфликта. Рассмотрим типичные из них.

Первое, — это несоответствие состояния и уровня развития правосознания реальности правовых отношений, объективным потребностям их регулирования новыми юридическими нормами, а также существо объективно значащей правовой идеи. Несоответствие, развивающееся до противоречия, проявляется в столкновении обычая и закона; устаревших законов и вырабатываемых непосредственно

практикой, вне деятельности законодателя, новых обязательных правил общественного поведения; в коллизии законов; в существовании и действии наряду с государственным религиозного права, ведущего к раздвоенности правосознания. Отмеченное противоречие обуславливает ситуацию, при которой каждый субъект практически признается одновременно членом двух разных правопорядков: устаревшего, но еще действующего, и идущего ему на смену нового, пока не утвержденного государством официально.

В противоречии находит проявление консервативность обычая и закона. Обычай, как, между прочим, и любой закон, не порождает конфликта и продолжает выполнять функцию регулятора общественных отношений и социального контроля до тех пор, пока способствует реализации общественных интересов. Но люди «хватываются за писанный закон, когда чувствуют, что из-под ног ускользает обычай, по которому они ходили». «Старый колеблющийся обычай» они стремятся «закрепить новым писанным законом». Делают это лица, раньше всех почувствовавшие совершившиеся перемены и осмыслившие новый закон¹² Ускользающий обычай — это еще не умирающий; он может жить еще долгое время как рудимент бывшего правопорядка.

Правосознание, несмотря на то, что оно пронизано релятивностью, то есть изменяется с течением исторического времени, сравнительно быстро «привыкает» к существующим условиям общественной жизни людей и установленному государством правопорядку, приобретая даже во многих случаях форму правовых догм и предрассудков. Относительная самостоятельность правосознания (по отношению к правовой реальности) обусловлена влияни-

ем на него совокупности материальных и духовных явлений. В их числе: религиозные верования, искусство и, конечно же, моральные нормы, ближе всех стоящие к правосознанию.

Другая, не менее существенная, причина консервативности правосознания состоит в том, что оно всегда выполняет охранительную функцию по отношению к установленному правопорядку и политической системе власти и в этом смысле выступает фактором ее стабильности. Правосознание прямо связано с установкой правящих социальных групп сохранять свой статус. Постоянная апелляция их к общим интересам народа и справедливости, прикрытие ими своих притязаний на политическое господство создает иллюзию объективной значимости тех взглядов, обычаев и законов, на которых держится существующая система власти и господства, но которые уже отжили свое время. Просуществовавшее в России более 260 лет крепостное право опиралось на государственную силу консервативного самодержавия и, кроме того, базировалось также на специфическом правосознании дворянского класса, да и самих крепостных крестьян, оправдывавших этот социальный институт.

Противоречие между правосознанием и правовым бытием не связано только с консервативностью первого. В недрах правосознания могут возникать и возникают время от времени новые правовые идеи, вступающие в конфликт с устаревшими элементами правоотношений. Такая конфликтная ситуация типична для предреволюционных периодов. Буржуазным революциям в Европе предшествовали идеи Локка и Монтескье, Руссо и Токвиля о демократическом характере будущего государственного устройства и нового права. Противоречие и

конфликт между передовой правовой идеей и консервативными законами также инициируют право-творческий процесс.

Преодоление противоречия между правосознанием и правовой реальностью, борьба за обновление правосознания и права в целом предполагает решение ряда задач: 1) осознание объективного правового смысла вызревших в обществе потребностей изменения существующих норм права; 2) формулирование новой правовой идеи (если она не возникла ранее), в которой может быть отражена общественная потребность; 3) обоснование несоответствия существующего правопорядка объективному смыслу сложившихся или складывающихся новых общественных отношений и зародившихся под их влиянием передовых идей. Понятно, что эти задачи по плечу лишь рационально мыслящему субъекту, а не субъекту массового обыденного сознания. Вот почему полем конфликта становится правовая теория. Массовое сознание оставляет скорее тот духовный фон, на котором разыгрывается драма борьбы новой правовой идеи со старой. Оно также влияет на исход конфликта, хотя и не определяет его. Решительное сопротивление распространению в России XVIII в. идей естественного права и общественного договора, пропагандистом которых был, в частности, Радищев А.Н., оказывала не одна элита правящего класса. На стороне последнего было массовое сознание всего дворянства. То же самое произошло с передовыми идеями, выдвинутыми в царствование Александра I Сперанским М., ратовавшим за ограничение самодержавной власти и установление конституционной монархии.

Исторический опыт свидетельствует о возрастающем проникновении правосознания — в массы об-

щественного сознания и права в целом — в гражданские (негосударственные) социальные отношения. Право расширяет свои границы за счет включения в сферу юридического регулирования новых элементов гражданского общества. Если государство стремится распространить свою волю и власть в виде утвержденного им правопорядка на гражданские отношения, то общественные институты, развивая самоуправление ограничивают притязания государственной власти на расширение правового пространства, либо даже «завоевывают» себе некоторые дополнительные секторы социальных отношений, где достаточными являются неюридические правила поведения людей. Противоречивое взаимодействие государства и гражданского общества образует также поле конфликта.

Право исторично: каждой эпохе, каждой социально-политической системе свойственна своя система права и специфический тип правосознания. Переход от одной системы к другой — всегда процесс конфликтный. На его поле происходит главным образом столкновение права с правом, и складывается ситуация, требующая применения силы (в большинстве случаев). Феодалное право не ушло из жизни добровольно, а было сметено буржуазной революцией. Право, просуществовавшее в России триста лет (эпоха династии Романовых), было ликвидировано Великой Октябрьской революцией, хотя и не было заменено институтом правового государства. Августовский (1991 г.) переворот в бывшем Советском Союзе ознаменовался разрушением основ советской системы права. В стране стала создаваться либерально-демократическая система, соответствующая прежде всего интересам нарождающейся российской буржуазии. Современное поколение

россиян — свидетель острой борьбы за новую систему права, выливающуюся даже в насильственное столкновение конфликтующих сторон, как это произошло в сентябре-октябре 1993 г.

Непосредственным предметом конфликта, ядром его поля при переходе от одной системы права к другой становится конституционный процесс и процесс легитимации новых правоотношений. Политическая история бывшего Советского Союза служит иллюстрацией порядка узаконивания (легализации) установленного революцией общественно-политического устройства. Конституции 1918, 1924, 1936 и 1977 гг. обозначили различные исторические этапы становления и развития советской политической и правовой систем. Им были присущи как позитивные моменты, выражающие демократические потребности и правовые ориентации общества, так и негативные стороны общественных отношений, характерные для авторитарного режима. Конституционный процесс в постсоветской России отличается тем, что он являет собою поле борьбы между группировками либерально-демократических и либерально-консервативных сил, пришедших к власти, а также в целом «партии власти» с народно-патриотической и коммунистической оппозицией режиму. Что касается содержания самой борьбы, то его образует конфронтация, а точнее столкновение конституционных норм (в том числе некоторых, присущих бывшему государственному строю) общенародного значения и относящихся к отдельным сферам жизни (экономической, социальной и др.), норм общегосударственных и так называемого местного, регионального законодательства. Примером такого рода могут служить конституционные принципы, провозглашенные рядом республик, противоречащие Кон-

ституции РФ. За этим противоречием стоят судьбы людей различных национальных групп. Конфликт правовых норм, зафиксированных на бумаге, превращается в конфликт живых юридических субъектов, в борьбу ущемленных в своих правах «некоренных» национальных меньшинств против правовых претензий и установления так называемого «коренного» населения республик.

В настоящее время возник прецедент местного, регионального истолкования отдельных, основополагающих статей Конституции РФ. В октябре 1997 г. Саратовская областная Дума приняла Закон о свободной продаже и купле земли, что прямо противоречит принятому Федеральным Собранием РФ проекту Земельного кодекса (пока не утвержденному Президентом страны), не разрешающему подобные операции с землей. В ответ на протест Государственной Думы РФ саратовский губернатор заявил, что закон, принятый ими, полностью соответствует статье Конституции РФ, узаконившей в стране частную собственность на землю. Стало быть, интерпретация статей Конституции в данном прецеденте оказалась в фокусе правового конфликта. И опять-таки она затронула интересы различных групп населения, в том числе саратовского, разделив их на противоположные, конфликтные.

С тех пор, как возникло государство и право, сформировалась проблема отношения государства к человеку, индивиду. Альтернатива «человек или государство» стала тем рубежом, который разделил на века мировоззренческие и политические позиции сторонников либерализма и демократии, социалистов и антисоциалистов. Ретроспективный взгляд на историю позволяет сказать, что ни один из существо-

вавших и существующих типов социально-политических систем не разрешил вековую проблему человечества. Она пока остается общеисторическим глобальным полем конфликта. В настоящее время он выражен в борьбе за права человека, ведущейся в большинстве стран мира, включая нашу страну. В зоне взаимоотношений государства и человека, господствующего режима и гражданина произрастает правовой нигилизм и анархизм, чему противостоит здоровое правосознание, уважительное отношение к закону. Здесь немирно соседствуют правовая культура и контркультура. Элементы массового правосознания перемешаны с правовым невежеством, правовое знание — с незнанием и непониманием основных норм человеческого общежития. Массовое поведение и сознание, таким образом, выступает не менее плодородным, чем другие секторы общественно-политической жизни, полем для произрастания юридических и правовых конфликтных ситуаций. Анализ природы и специфики этих ситуаций лишний раз подтверждает истинность мысли: «Самая сущность права, самая природа права в том, что творится сознательными существами и для сознательных существ, мыслящими субъектами и для мыслящих субъектов».¹³

Историческая традиция России, да и современность, свидетельствует о значительном распространении в стране правовой контркультуры, чему способствовали и теперь способствуют господствовавшие ранее и нынешний режимы. Царское самодержавие в основном не отвергало закон, однако абсолютизм ограничивал его действие лишь сферами частной социальной жизни, ставя вне закона даже право на жизнь крепостных крестьян и других неимущих слоев населения. Право фактически

не имело силы по отношению к высшим чинам. Герцен писал, что чиновники «извращали законы каждый по-своему, с необычайным искусством», для них не было недозволенного. Крестьянин, как и чиновник, не верил в законы. «Первый почитает их из страха, второй видит в них свою кормилицу-поилицу. Святость законов, незыблемость прав, неподкупность правосудия — все это слова чуждые их языку»¹⁴

Русский фольклор запечатлел в многочисленных поговорках и пословицах описанное отношение к закону. Вот некоторые из них: «Закон — дышло: куда захочешь, туда и повернешь»; «Закон, что паутинка: шмель проскочит, а муха увязнет»; «Где закон, там и обида»; «Кто законы пишет, тот их и ломает».

Характеристика состояния правовой культуры россиян, данная Герценом, на наш взгляд, во многом сходна с нынешней действительностью. Вековой конфликт между законом и массовым поведением населения, включая элиту, между юридическими нормами и поступками власть имущих — пока скорее правило, чем исключение. Иначе чем объясняется широкомасштабная преступность, захватившая страну, словно всеильный спрут? В чем причина коррумпирования высших эшелонов государственной власти, и не только их? Чем диктуется сползание общества к полицейскому государству. — тенденция, на которую указывают в настоящее время даже некоторые члены правительства?

Правовой нигилизм и проявления контркультуры, конфликты, связанные с ними, усиливаются и множатся в переходные периоды. Одна из главных причин противостояния цивилизованно-правового поведения и неправового — состояние легитимности

государственного строя и существующего правопорядка. В переходные периоды решение проблемы легитимации становится предметом острого конфликта. Разрастаются противоречия и борьба между типами легитимности власти, уходящей с политической арены, и системой легитимности, требующейся для обоснования и укрепления нового режима. Правильно заметил германский философ Ясперс, что власть преодолевается не правом, а легитимностью. Для постсоветского периода характерен именно такой процесс смены политической системы. Конституция — Основной закон СССР — формально никем не отменялась после августа 1991 г., фактически же она потеряла свою реальную легитимность, то есть поддержку широких масс народа, не ставших на защиту советского государственного строя. Делегитимация советской системы и узаконивающей ее Конституции выявилась в коренном изменении соотношения типов легитимности. На обломках былой новые политические силы стали создавать иную систему легитимности, с приоритетностью формально-демократических легальных видов (главным образом, института выборности); господствовавшие в прошлом, сохранились, не перестали играть определенную, но не определяющую роль в укреплении и функционировании либерально-демократического режима. Антикоммунизм превратился в одну из идеологических опор; политические санкции пока нередко первенствуют над правовыми.

Рассмотренные и другие поля реальных правовых конфликтов объединяет общий элемент механизма реализации их ценностно-нормативной природы. Какой бы практически существующий конфликт мы ни анализировали, первоначальным

этапом его возникновения является правовая оценка конкретных деяний субъекта — индивидуального или общественного, в чем особенность правового конфликта. Процесс оценивания, как отмечалось, по форме субъективен, по критерию объективен. Критерий определяется содержанием правовой системы; форма — особенностями субъекта, которому государство доверило оценивать, «предписывать», «разрешать», «запрещать». Проблема неоднозначности субъекта правовой оценки и проблемы «кто оценивает» и «как оценивает», с позиции действительного правового критерия или его одностороннего «суррогата» — источник латентного конфликта, превращающегося в явный при соответствующей ситуации. Законы важны не только потому, что они установлены государством. Важно и то, кто и как практически их применяет. Конфликтная ситуация в решающей степени зависит от этого. Она неизбежно возникает, кроме того, если юридический субъект признает право только как внешнюю силу, как своего рода «намордник» (по выражению Ильина) для укрощения своей злой воли и хищного инстинкта, и подчиняется правовому требованию только из-за страха. Такое правосознание и правоповедение типично для раба, а в современную эпоху — для гражданина тоталитарного государства. Прямой противоположностью (идеалом) отношения к праву является знание права, признание и добровольное его исполнение, иными словами, превращение норм права в правила самообязывающего поведения, во внутренний принцип и мотив действия, в основу социально-правовой свободы. Конфликт в подобной ситуации исключается, хотя возможность возникновения латентного противоречия остается, ибо сохра-

261 Лекция 6

няется противоположность субъекта и объекта правоприменительной деятельности.

Между конфликтным и неконфликтным вариантами правоотношений находятся промежуточные модели: частичное признание субъектом правовой оценки и норм, исходя из своих корыстных интересов, и частичное признание права, основанное на понимании его объективной значимости и соответствующее, неполностью добровольное исполнение правовых требований. Конфликт в том и другом вариантах сохраняется, проявляясь в меньшем объеме и сглаженной форме.

Многообразие правовых конфликтов сложно классифицировать. Юристами-конфликтологами предлагаются различные подходы и модели решения данного вопроса, заслуживающие внимания. Нет необходимости здесь их воспроизводить. Ограничимся прежде всего разделением конфликтов на две группы: а) собственно правовые; б) правовые по форме выражения и способам регулирования и разрешения. Первые внутренне присущи правосознанию и правоотношениям. Вторые возникают в зоне взаимодействия права с другими сферами общественной жизни. Их условно можно было бы назвать «конфликтами-симбиозами», то есть смешанными. Предлагаемое разграничение относительно, как и любая другая классификация. Существование и действие всякого конфликта не изолировано от влияния общественного фактора. Тем не менее для научного анализа оно имеет существенное значение. Собственно правовые конфликты, связанные с противоречиями в самом правосознании и праве, это — формы борьбы за «чистоту» права, за его адекватное выражение объективных потребностей правовой реальности; это — форма разрешения про-

тиворечий между различными элементами правосознания и правовых отношений (коллизия норм и пр.) Диалектика развития, а тем более разрешения, этих конфликтов принципиально иная, нежели конфликтов другой группы. Принуждение, скажем, неприменимо в разрешении споров по поводу трактовки юристами тех или иных законодательных актов. Высшей инстанцией в таких ситуациях выступает конституционный суд, не выносящий каких-либо приговоров — наказаний.

Конфликты-«симбиозы» возникают на иной основе: в сфере практической жизни или прямо связаны с ней. Некоторые из них формируются первоначально в виде правовых, а затем приобретают элементы содержания и формы проявления экономических, политических и прочих социальных конфликтов. Таким же образом развиваются конфликты между представительной и исполнительной ветвями власти. Другие конфликты, по природе своей неправовые, перерастают в таковые со временем, оставаясь и функционируя в прежней социальной среде. Экономический конфликт, связанный с отношениями собственности, какую бы юридическую форму ни приобретал, в своей основе останется экономическим, хотя по определению становится экономико-правовым.

Из обозначенных групп конфликтов можно выделить **конструктивно-созидательные и деструктивно-разрушительные.** Первые представляют собою форму разрешения противоречия, связанного с реализацией провозглашенной Конституцией правовой системы, с превращением формально утвержденных принципов и норм в фактически действующие правила регулирования общественных отношений, в реальные правовые статусы граждан и их

объединений. Критерием реализации служат демократические принципы, а также легитимность правовой системы. Право, будучи механизмом легитимации политической власти, само нуждается в легитимности — признании народом.

Основная линия данного конфликта в нынешней России — дальнейшая легитимация системы, противостоящая делегитимации Основного закона РФ — ее Конституции. Эта проблема порождена принятием Конституции на всенародном референдуме (в декабре 1993 г.) одной третьей частью зарегистрированных избирателей. А также постоянной и острой критикой, партией большинства в парламенте РФ отдельных основополагающих статей Конституции, закрепивших по сути дела всевластие Президента России, и требованием внесения в Основной Закон необходимых поправок.

К числу конструктивно-созидательных относятся конфликты, возникающие внутри правовой системы в форме коллизий законов, в первую очередь конституционных, действующих на федеральном уровне и вводимых субъектами Федерации в рамках реализации их прав и полномочий. Им противостоят деструктивные для Федерации конфликты, связанные с нарушениями Конституции и проявлениями «войны» суверенитетов, теперь уже региональных. Комитет по законодательству Государственной Думы выявил около **тысячи** нарушений субъектами Федерации Конституции и несоответствие ее статьям принятых субъектами законов (данные публично оглашены по телевидению в четырехлетнюю годовщину принятия Конституции).

Преодоление конфликтов в правовой системе способствует прогрессу права и демократии. Характерными для нашего государства на данном этапе ока-

зались конфликтные ситуации, связанные с взаимоотношением президентской и законодательной властей. Многочисленные президентские «вето» на законопроекты, принимаемые федеральным Собранием РФ, свидетельствуют о наличии в практике законотворчества и правовых отношений между властями явлений «неправового права», фактов субъективизма и волюнтаризма, провоцирующих конфликты. Последние, несомненно, создают известную напряженность в государстве. Однако, в конечном итоге, все же играют роль стимула укрепления его демократических основ. Коллизии ветвей власти выявляют те стороны в законодательстве, которые нуждаются в доработке.

Позитивный характер конфликтных ситуаций и конфликтов в сфере права проявляется на всем пространстве становления демократии в России, поскольку этот процесс медленно, с огромными трудностями, под напором оппозиции преодолевает сопротивление авторитаризма. Борьба за демократию, за реальное осуществление принципов справедливости, равноправия, гуманизма, единство прав и обязанностей образует содержание совокупности конфликтов между правом и переходным состоянием общества. Каждый принцип в переходный период и любая правовая норма могут превращаться в свою противоположность, не спонтанно, а в результате сознательных усилий власть предержащих. Любой закон, даже самый демократический, не застрахован от превращения его из орудия права в средство оправдания фактического бесправия. Закон носит формальный характер, а форму, в зависимости от желания политического субъекта, можно наполнить противоречащим ей содержанием. Были бы силы, заинтересованные в этом.

В условиях бесконечного реформирования проявились себя деструктивные конфликты. Некоторые из них вызывают преимущественно разрушительные для политических институтов последствия. Противоборствующими субъектами здесь выступают экстремистские силы правого и левого толка. Большинство же характеризуют нахлынувший на общество вал преступности. Их мы отнесем к группе конфликтов-«аномалий». Они выражают состояние утраты социально-правовыми нормами своей действенности, то есть эффективного влияния на правовые отношения, на поведение людей, на правоприменительную практику. Причинами, вызывающими к жизни конфликты-«аномалии», как отмечалось ранее, являются кризисные ситуации. Конфликты-«аномалии» создают в обществе атмосферу ощущения дефицитности законов и их ущербности. Органы исполнительной власти, правящая элита и даже отдельные слои населения требуют от законодательных институтов все новых законов, тогда как существующие не действуют с необходимой эффективностью.

Любые конфликты воздействуют на общественную жизнь противоречиво: преимущественно позитивно, либо негативно. Те же свойства присущи правовым конфликтам. Так что понятия «конструктивно-созидательный» и «деструктивно-разрушительный» конфликты следует рассматривать как относительные.

В современной России в один узел завязаны собственно правовые и правовые только по форме конфликты, конструктивно-созидательные и деструктивно-разрушительные коллизии, конфликты-«аномалии». Политические и социально-экономические органически переплетаются с правовыми. Привати-

зация, например, казалось бы, явление экономическое, а приобрела в нашей стране острый правовой и политический характер, причем конфликтный. Она превратилась в поле борьбы за передел государственной собственности в интересах российской буржуазии. Приватизация, проводимая на неподготовленной правовой основе, стала воплощением дискредитации важнейшего правового принципа — демократической справедливости.

Известно, что право, в отличие от социально-экономических и политических отношений, — система **знаковая**. Отсюда еще одна существенная черта его конфликта, форм его проявления в поведении субъекта. Ни социальные, ни политические интересы, ценности и притязания в правовых конфликтах не фигурируют непосредственно в реально-естественной форме. Противоборствующие стороны апеллируют к правовым нормам, к прецеденту, к другим правовым источникам (а в иных случаях к обычаю) для обоснования законности своих действий и противозаконности действий другой стороны. Нормы права, закон — языковой знак, обобщающий накопленную правовой практикой информацию об общеобязательных образцах поведения и взаимоотношений людей в политическом обществе. Он в символической форме характеризует признаки запрещенного или разрешенного в данном правовом пространстве поведения, наказуемого или желаемого для господствующей социальной системы. Смысловое значение закона-знака не воспринимается чувственно, а раскрывается только рационально, интерпретацией заключенного в нем, объективно значащего правового содержания. Выраженная в законе-знаке информация становится реальным образцом обязательного поведения тог-

да, когда воплощается в правосознании субъекта и его правоотношении. Иначе говоря, субъект должен извлечь и переработать в своем интеллекте заложенную в законе объективно значащую информацию применительно к требующейся правовой ситуации. Проблемность осмысления и практики правоприменения закона-знака определяет важную роль комментирования и интерпретации закона. Эта функция возлагается на институты судебной власти.

В роли информационного правового знака выступает также юридический прецедент — объективированная, предметно выраженная форма обобщенной модели правового поведения, заимствованного из непосредственной юридической практики. Прецедент — образец поведения в определенной ситуации при аналогичных обстоятельствах, а также образец толкования закона применительно к данной ситуации 15

Возникает вопрос, какую роль играют в правовом конфликте интересы субъектов? Не отходят ли они на второй план? Безусловно, ведущая роль их сохраняется, но в скрытом виде. Исключения составляют экономические и прочие конфликтные ситуации, связанные непосредственно с защитой прав граждан. Интересы везде и всегда лежат в основе противоборства; однако они нередко скрываются за апелляцией субъекта к принципам и нормам права, маскируются стремлением представить интересы в виде приверженности к закону. Не исключается при этом влияние на поведение конфликтантов их психологических качеств: способности адекватно осознавать свои интересы, характера защитных механизмов, используемых в конфликтных ситуациях, и др. Сказанным объясняется сложность

разрешения правового конфликта и необходимость включения в конфликтный процесс третьего субъекта — института судебной власти. За ним признается право вынести вердикт о законности поведения интересов, позиций и притязаний какой-либо стороны.

Итак, в правовом конфликте противоборствующие субъекты обращаются к одним и тем же знаковым формам — законам, но стремятся извлечь и использовать в противоположных целях выраженные в них правовые смыслы. Решение противостояния принадлежит третьей стороне — представителю государства, специализированному институту: суду, арбитру (экономическому, политическому и др.). «Развитие конфликта, когда в нем участвуют государственные органы, — отмечает академик Кудрявцев В., — всегда направлено на завершение конфликта в рамках закона и в соответствии с ним».¹⁶ Законодатель определяет схему и метод, а также модели и прекращения конфликта. Принуждение как актуально реализуемое средство (или его угроза) — неперенный фактор на завершающем этапе развития правового конфликта, того именно, к которому иные средства оказываются безрезультативными, либо просто неприменимы. Во многих случаях принудительные меры сопровождают правовой конфликт на всем протяжении его развития.¹⁷ Дискуссии, соглашения, компромиссы, различные демократические процедуры, добровольные действия конфликтующих сторон могут иметь место, однако они имеют второстепенное значение.

Суд как форма принудительного разрешения правового конфликта — не разовый однородный акт, а процесс наиболее острого проявления конфликта, качественного его изменения и финал разви-

тия либо подавления. На судебной стадии конфликта преобразуются методы противоборства сторон и сама структура его агентов. В зависимости от типа конфликта ими выступают представитель государства и правонарушитель, истец и ответчик, институт по защите Конституции и субъект — законодатель и др. В судебном процессе принимают участие эксперты, свидетели и прочие лица, официально предусмотренные законной процедурой. Например, в заседаниях Конституционного суда по делу о КПСС участвовали десятки экспертов-политологов, многие известные политики и бывшие ведущие деятели правящей партии, видные журналисты. Естественно, что участники судебного разбирательства высказывали противоположные мнения по делу. Конфликт сторон, обратившихся в Конституционный суд, выявился в полной мере. Заседания Конституционного суда проходили более трех месяцев.

Судебная форма развития и разрешения правового конфликта или его подавления имеет свою структуру, предписанную законом, свою логику и технологии, методы выяснения и доказательства соответствия или несоответствия действий конфликтующих субъектов правовым нормам. Во всех случаях она, как правило, обеспечивает выигрыш одной из сторон и проигрыш другой.

Между тем международная практика свидетельствует о возможности в определенных ситуациях избегать на завершающем этапе конфликта такой формы принуждения, как суд. За последнее десятилетие появились «несудебные» формы. О них будет идти речь ниже.

Конфликтные ситуации в правовых отношениях производны от ситуаций в социально-экономичес-

ких и политических сферах. Возникновение проблем в этих сферах и попытка решения их в рамках законодательства в ряде случаев наталкивается на несовершенство последнего. При наличии в обществе социально-политических противоречий правовой конфликт оказывается неизбежным. Думается, что развернувшаяся в настоящее время борьба вокруг проблемы конституционной статьи о частной собственности на землю — один из примеров конфликтов подобного рода. Он, между прочим, показывает свойство правового конфликта обладать как бы двойным бытием: в виде социально-политической и правовой форм противоборства.

Как и в целом право, правовые конфликты в совокупности других социальных выполняют инструментальную функцию, т.е. выступают своеобразным механизмом их регулирования и разрешения. В свою очередь сами они разрешаются окончательно только на базе проявления социально-экономических и политических коллизий, питающих их. Правда, прямая связь между теми и другими конфликтами прослеживается не везде и не всегда, так как существует промежуточное звено — правовое сознание, перерабатывающее информацию о конфликтных ситуациях в юридические решения.

Охарактеризованная специфика правового конфликта находит проявление в его динамике. Ее можно проследить на примере упомянутой коллизии между принятым Государственной Думой проектом земельного Кодекса и саратовским законом, разрешающим свободную куплю-продажу земли — сельхозугодий.

Как возникла конфликтная ситуация? Отдалённым ее источником послужило противоречие в обществе между большинством крестьянства и

горожан-трудящихся, с одной стороны, и частью населения — с другой по вопросу о купле и продаже земли. Противоречие не могло не сказаться на характере дискуссии по проекту земельного Кодекса в Государственной Думе. Острые споры между депутатами переросли в конфликт, разрешенный затем принятием большинством Думы проекта Кодекса. Согласно последнему свободная купля-продажа земли запрещалась. Проект был утвержден Советом Федерации. На этом получил завершение первый этап конфликта. Вторым этапом начался с развитием процесса неутверждения Кодекса о земле Президентом РФ. Теперь конфликт претерпел существенную модификацию, произошла переструктуризация его субъектов; противостоящими сторонами в новой ситуации стали Государственная Дума, вместе с ней Совет Федерации, одобривший земельный Кодекс, и Президент РФ, отказавшийся подписать законопроект. В поддержку позиции Президента выступили проправительственные СМИ и некоторые главы администраций регионов, тогда как многие другие высказались за утверждение проекта. В этой ситуации Государственная дума преодолела «вето» Президента, что никак не изменило позиции главы государства. Конфликт перерос из противостояния федерального Собрания и Президента в государственный правовой и политический. Этот второй этап развития конфликта характеризовался качественно иной структурой субъектов, иным механизмом противоборства сторон, расширением политического пространства действия. В конфликтной ситуации противостояния законодательной и исполнительной ветвей власти появился на свет «саратовский эксперимент», грозящий подрыв-

вом единства правового пространства государства.

Третий этап конфликта — это этап его превращения в общероссийский. Саратовский вариант толкования Конституции и игнорирование проекта Кодекса, утвержденного парламентом страны, поддержали некоторые главы администраций регионов, собравшиеся в Казани по инициативе Президента Татарстана. В противоположность им, другие регионы (Краснодарский край, Пензенская область) приняли свои законы по этому вопросу, соответствующие думскому проекту. Таким образом конфликт получил дальнейшее развитие как во времени (вышел на новый этап), так и в пространстве — распространился на регионы, вовлекая в противостояние властей массы населения.

Заметим, что конфликтующие стороны не апеллировали к своим интересам, а говорили только о несоответствии принятых документов Основному Закону государства. Конституция, Основной Закон оставался для них той знаковой системой, за которой стояли противоположные материальные и политические интересы.

Дошедший до своего пика конфликт требует разрешения. Та и другая ветвь власти, чтобы не допустить дальнейшего расползания конфликта по политическому пространству страны и предотвратить вовлечение в его поле новых групп населения, стали перед необходимостью искать выход из сложившейся ситуации. Прежде всего на пути применения политических (демократических) технологий обсуждения вариантов разрешения ситуации на заседании «большой четверки» (Президента РФ, главы правительства, руководителей обеих палат парламента); за «круглым столом»

(с участием Президента РФ, руководителей правительства и палат парламента, а также парламентских фракций и лидеров профсоюзов) реально наметился заключительный этап конфликта — его преодоление. Каким будет финал этого процесса: снятие конфликта по формуле «взаимный выигрыш» или «выигрыш—проигрыш», либо консервация конфликта, покажет время, как и то, что в любом варианте потребуется юридическое оформление результата.

Конкретный сюжет описанного политико-правового конфликта говорит о сходности его логики развития и разрешения с логикой других социальных конфликтов при наличии существенных различий в конфликтных формах преодоления и механизмах действия.

Правовые конфликты не «привязаны» к другим социальным в своей динамике и технологии разрешения. Если они порождены внутренними закономерностями права, то саморегулируются и разрешаются присущими только им способами. В этом смысле правовые конфликты самодостаточны, ибо снимаются по правилам, установленным самим же правом.

Рассмотренные в настоящей лекции правовые конфликты далеко не исчерпывают всего их многообразия. Юристы-конфликтологи насчитывают около 200 конфликтных зон в праве и юридической практике. И действительно, в каком бы аспекте ни анализировать право и правосознание, будь то исторический или логический, гносеологический или онтологический (реальное бытие), система норм или вся совокупность их практической реализации, от конфликтов не уйти. Они — живая ткань правового сознания и правоприменительной практики, дея-

ОСНОВЫ КОНФЛИКТОЛОГИИ

тельности и правоотношений. И конечно же, не следует считать правовыми конфликтами только те, которые связаны с правонарушениями и заканчиваются в судебном заседании. Проблемы правовых конфликтов многоплановы и относятся ко всей системе общественных отношений, составляя технологию управления ею.

Литература.

1. Юридическая энциклопедия. М., 1997.-С. 341-342.
2. Керимов Д. Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986. С. 155.
3. Юридическая энциклопедия. М., 1997. С. 341-342.
4. Ильин И. О сущности правосознания. Мюнхен-Москва, 1993. С. 30-31.
5. Там же. С. 54.
6. Там же. С. 69.
7. Там же. С. 69.
8. Там же. С. 37.
9. Там же. С. 140.
10. Юридическая энциклопедия. С. 342.
11. Ключевский В. Соч. в десяти томах. Т. I. С. 221.
12. Там же Т. 3. С. 42.
13. Ильин И. О сущности правосознания. С. 24.
14. Герцен А. Соч. Т. 3. М., 1975. С. 401
15. Юридическая энциклопедия. С. 342.
16. Кудрявцев В. Юридический конфликт. Государство и право, 1995, 9. С. 13
17. Там же.

Лекция 7. НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ, ЕГО СПЕЦИФИКА

Рассматривая современный социальный, политический и правовой конфликты, мы имели в виду отдельные сферы общественных отношений, хотя разделение их во многом относительно, носит теоретический характер. Когда речь заходит о национальных конфликтах, объектом анализа являются отношения, где даже теоретически было бы не совсем корректно выделять те или иные сферы общественной жизни. Это — комплексные отношения, где внутренне взаимосвязаны, переплетаются, переходят одни в другие социальные, экономические, политические, культурологические, правовые, социально-психологические, наконец, религиозные факторы. Отсюда проистекает сложность в исследовании национального конфликта, в понимании его природы, динамики и способов разрешения.

1. Природа национального конфликта.

Национальный конфликт — это конфликт между национально-этническими общностями или их частями. По своим типологическим характеристикам национальный конфликт является прежде всего социальным, поскольку его субъектами выступают крупные социальные группы, интересы которых становятся противоречивыми вследствие имеющегося неравенства социальных статусов этих групп в данной общественной системе, в конкретной стране. Одновременно это и конфликт, имеющий политический аспект, ибо ни одна цивилизованная нация не сфор-

мировалась вне присущей ей политической организации, политического государства. Нынешние национальные конфликты, будь то в Югославии или в России, в Ирландии или в Турции, в Грузии или в Азербайджане, возникли и существуют на почве стремления национальных групп (меньшинства) к политической независимости от наций-носителей существующих в соответствующих странах государственных систем. В настоящее время в мире нет исключительно национальных конфликтов, а есть национально-политические конфликты.

Понятие «национальное» поглощает этнические признаки общностей и их противостояния. Однако национальное не сводится к этническому. Более того, для западных обществ принадлежность к нации и этническая принадлежность — разные явления. Для россиян же это чаще всего одно и то же. Американская нация сложилась из многих этносов — англосаксов, испанцев, немцев, евреев и др. В истории отмечены противоположные формообразовательные процессы: из одного этноса возникали различные нации. Арабы стали родоначальниками многих современных азиатских и ближневосточных наций; славянский этнос породил русских, украинцев, белорусов, сербов, поляков и др.

Различие нации и этноса, национальных и этнических признаков, равно как и понимание их взаимосвязи, имеет важное значение при анализе конфликтов в России, где далеко не каждый этнос стал нацией, дозрел до нации. Ведь этнос — понятие, характеризующее общность людей по признакам прирожденным, данным от природы или, по крайней мере, сформировавшимся в результате длительного проживания на одной и той же территории, в одних и тех же природных условиях (например, на

Кавказе). Понятие же нации обозначает социально-историческую общность людей, сложившуюся на базе некоторых общих ценностей и норм, обусловленных не общим происхождением, кровным родством или одним только совместным проживанием на данной территории (хотя эти признаки во многих случаях имеют место), а культурой, т.е. системой социально-исторической. Не отрицая возможности формирования какой-то нации на основе этнических признаков, нельзя считать такой процесс абсолютной необходимостью, историческим правилом. Нация — это государственно-политическая, социально-экономическая и социокультурная общность людей.

Из сказанного вытекает необходимость различения национальных и этнических конфликтов и вместе с тем определения национальных конфликтов как национально-этнических применительно к регионам, где не завершился процесс развития этносов в нации. Таким регионом является Россия.

Национально-этнические конфликты имеют свою давнюю историю. Им предшествовали межплеменные и межобщинные, а больше всего конфессиональные конфликты, уносивший тысячи и тысячи человеческих жизней. Известные в Европе крестовые походы (христиан против мусульман), кровопролитные побоища католиков и протестантов между собою, турок-мусульман и балканских народов, христиан, боровшихся против господства турецких халифов. Полна жестокими конфликтами история азиатских стран, где эти конфликты чаще всего имели религиозный характер. Национально-этнические конфликты современного типа (в виде национальных движений) стали возникать в XIX и в начале XX вв. В Европе они были связаны с форми-

рованием независимых государств и завершением становления современных наций (например, германской, балканских), в Азии — главным образом, с борьбой народов за освобождение от колониальной зависимости (Индия, Иран, Афганистан и др.), в Америке — также с борьбой за независимость от Испании и Великобритании. Некоторые конфликты, вспыхнувшие в конце XIX в., перманентно возобновляются и поныне. Например, курдское национальное движение. Уже на конференции в Версале по итогам 1-й мировой войны представители курдов требовали национальной независимости, но ее нет и сегодня. Взаимная вражда балканских народов не раз была источником бурь в Европе. С созданием в начале XX в. англичанами в Палестине «еврейского национального очага» возник конфликт между арабами и евреями, продолжающийся по сей день. Поначалу он был этническим, так как ни та, ни другая народность не являлись нациями. Конфликты, связанные с противоречием между этно-национальными интересами, играют «исключительно важную» роль в наше время, хотя они непосредственно возникали по спорным вопросам территориально-государственного устройства. Ведь в каждом случае конфликта борьба разгоралась за государственное самоопределение определенной, оказавшейся бесправной этнонациональной группы. Например, в Южной Африке таким было чернокожее население; на Ближнем Востоке — арабы-палестинцы, в Турции и Ираке — курды и т.д. В Европе конфликтами, связанными с этно-национальными различиями стали: югославский, грузино-абхазский, англо-ирландский; в Азии — между этническими группами Афганистана, Республики Бангладеш, Индии, Индонезии, Камбод-

жи, Мьянма, Филиппины, Шри Ланки, Таджикистана; в Африке — между этносами Алжира, Анголы, Либерии, Руанды, Сомали, ЮАР, Судана, Эфиопии; в Центральной и Южной Америке — между различными этническими общностями Колумбии, Гватемалы, Перу.

Многоплановость этно-национальных конфликтов объясняет наличие в литературе противоречивых точек зрения по этому вопросу. Их содержание определяется тем, как тот или иной автор представляет себе национальную общность, что признает за ее основу. Так, ливийский лидер, один из видных деятелей современных национальных движений Кадафи М. пишет: «Основа, создающая национальную общность, — национальное самосознание...» «Национальное самосознание — это основа сохранения наций» 1-а Исторически каждая национальная общность должна иметь свою религию» -это «основополагающий принцип каждого народа». Там, где он нарушается, невозможна гармония внутри национальной общности, возникают конфликты. «Единственный путь к ликвидации этих конфликтов, восстановить нарушенное естественное правило, гласящее, что каждая нация должна иметь свою религию» 1-б Единая религия может объединить несколько наций в едином государстве при условии, когда религиозный дух берет верх над национальным (то есть общественным). Последний же (национальное самосознание) в конечном итоге восторжествует над религиозным и политическим в национальной борьбе, что будет означать разложение единого государства и утверждение независимости каждой отдельной нации.

Признание национального самосознания, включая в него присущую нации религию, — положение, на наш взгляд, -не требующее доказательств. Вся

история современных национальных движений — тому доказательство. Только вульгарные социологи-материалисты могут поставить его истинность под сомнение. Вместе с тем грешат перед объективностью и те, кто пытается свести многогранную взаимосвязь национального с общественным процессом лишь к самосознанию этноса и религиозному фактору. Во-первых, последние сами нуждаются в объяснении причин, вызвавших их к жизни и обусловивших бытие, во-вторых, современные национальные движения порождаются не одним (и главным образом не им) самосознанием. Национальное самосознание зачастую выступает только пусковой причиной национальной борьбы за социальную и политическую независимость народа, вплетаясь в совокупность многих других обуславливающих ее факторов, прежде всего социально-экономического характера.

Природа национальных (или национально-этнических) конфликтов вытекает из характера этносов и наций как государственно-политических, социально-экономических и социо-культурных общностей людей, комплексных, многосторонних взаимоотношений между ними. В конечном счете, конфликты вырастают на почве противоречий между интересами этно-национальных общностей. Интересы же формируются: в случае этноса — как интересы замкнутой групповой организации людей и группового мышления, где индивид не отделяет себя от группы, и для него любая иная группа выступает в качестве враждебной, «чужой» по отношению к своей; для нации — как интересы более широкой, не замкнутой, но все же обособленной, самостоятельно существующей, государственно оформленной или оформляемой общности, приобретшей (или приоб-

ретающей) свою социально-экономическую и социо-культурную основу. Противостояние одного этноса другому порождается их групповой замкнутостью, отсутствием связующих ценностей, побуждающих этносы к взаимному сотрудничеству. Только единые религиозные верования либо длительное сосуществование в рамках какого-либо социального пространства могут блокировать враждебность этносов и создавать предпосылки для слияния их в национальное образование (как это происходило в Европе). Конфликтность во взаимоотношениях между нациями возникает в условиях ущемленности интересов одной и господства интересов другой. Любое неравенство: политическое, правовое, экономическое, культурное, наконец, конфессиональное, связанное с этим господство одних над другими, препятствует решению задачи самостоятельного развития национальных общностей и вызывает противоборства. Причем, ущемленность интересов может проявляться и осознаваться в различных областях жизни, вовсе не обязательно в области политики. Поле конфликта формируется в разных ракурсах. Источником его может выступать какая-либо историческая несправедливость (с позиции одного из этносов), которая должна быть устранена; захват территории — жизненного пространства этноса; разрушение его системы культурных ценностей и навязывание чуждых ценностей; деградация по вине другой экологической среды; хозяйственно-экономическая экспансия; языковое неравноправие и т.д. Однако при любом первоисточнике противостояния определяющими проблемами в конечном итоге становятся территориально-государственное самоопределение нации или же национально-культурный принцип организации общественной жиз-

ни данного этноса. В истории нередки варианты интеграции этносов в единую национальную общность, оформление единой государственно-территориальной целостности, общего государственно-политического объединения народов, что в свою очередь и порождает проблему национально-культурной автономии.

Субъектами этно-национальных конфликтов выступают: разделяемые определенными различиями и противоречиями этносы, национальные общности и составляющие их так называемые коренные народы и национальные меньшинства (т.е. ассимилированные в нацию этносы, не являющиеся элементами ее основы), многонациональные (интернациональные) образования и входящие в них национальные группы, национальные государства, разнообразные национальные организации и элиты. Реально действующими агентами конфликтов выступают группы, организованные в национальные движения. Последние формируются и развиваются по мере выявления, обострения межэтно-национальных противоречий и осознания их соответствующими субъектами. Логика формирования и развития национальных движений суть логика зарождения, разрастания и разрешения конфликтов. Развертывание национального движения включает умножение элементов его субъектов. Если поначалу — это часть наиболее активной национальной буржуазии и интеллигенции, то затем в ряды движения вливаются другие слои населения, осознавшие ущербность своих групповых (общинных, этнических) интересов, в том числе — связанных с религиозной общностью. Постепенно, стихийно возникающие силы становятся организованными агентами борьбы; происходит и нарастает размежевание данного общества (социального единства) на

«своих» и «чужих», «союзников» и «врагов». Разнородные элементы «своих» объединяются, чтобы добиться поставленных целей в борьбе за общее дело, что отнюдь не исключает возникновения в будущем конфликта внутри этого объединения. Так, в частности, произошло в Индии между мусульманами, индусами и сикхами. Какое-то время они выступали в единстве против английского господства, но затем, не без помощи англичан, оказались вовлеченными во взаимные конфликты, в значительной степени из-за интересов религиозных общин. Впоследствии, как известно, этот конфликт привел к государственному разделению индусской и мусульманской общностей.

Духовный источник национального движения — национальная идея как форма выражения национального самосознания (формирующегося или сложившегося). Она воплощается в национализме — специфическом состоянии национального сознания и общественной национальной практики, реализующей это сознание. Поскольку национальная идея воплощающий ее национализм, всегда связан с конкретной этно-национальной общностью, так или иначе отражает потребности и интересы последней, то в истории существовали и существуют разнообразные виды национализмов. В Индии, скажем, — это индусский, мусульманский и сикхский национализмы. Неру называл только первый «подлинным» национализмом, так как он, в отличие от других, характеризует не общинное умонастроение и позиции, а состояние духа и поведения большинства населения — индусов. В странах Ближнего Востока бытует национализм арабский, также представленный в различных проявлениях. С западно-европейским национализмом народы мира ознакомились на примере такой его античеловеческой формы, как

фашистская идеология и практика. В республиках бывшего СССР созрели многочисленные национализмы (украинский, молдавский, армянский и т.д.), разрушившие в конце концов единую великую страну и ставшие источниками национально-этнических конфликтов.

Национальные движения, равно как и конфликты, агентами которых они являются, национализма, лежащие в их основе, конечно, не всегда разрушительны. Таковыми они становятся, если превращаются в националистические движения и конфликты. Иными словами, когда из форм освободительной борьбы они преобразуются в формы насильственного утверждения господства одной нации над другими (крайне радикальная форма националистического движения — фашизм). Грань между национальным и националистическим движениями весьма относительна; переход первого во второе предопределяется противопоставлением национального демократическому принципу, стремлением к независимости и самостоятельному развитию национально-этнической общности за счет ущемления, а то и попрания демократических норм общежития для других, провозглашения интересов этой общности единственно законными и высшими.

Природа национально-этнических конфликтов становится понятной, если обратиться к одному из их эпицентров в Европе — югославским землям²

Отправным пунктом формирования узла кровопролитного противостояния югославских народов являлось историческое этно-конфессиональное разделение этих народов, что стимулировалось и углублялось последовательно сменявшимися здесь господствующими иноземными империями, для которых славянские народы были объектом порабощения. Первый водораздел на Балканах был осу-

шествлен в результате распада Римской империи на Западную и Восточную: хорваты и словенцы были отделены от сербов, первые два народа стали католиками, а сербы — православными. Позже при господстве Оттоманской империи над южными славянами часть из них была принуждена принять ислам (Босния, Герцеговина). Утвердилось еще одно разделение югославских народов по религиозному принципу: на мусульман и христиан. Разрушение господства Оттоманской империи не привело южных славян к объединению. Австро-Венгерская империя подчинила себе Словению, Хорватию, а затем и Боснию. Сербия оказалась под протекторатом России. Только после 1-й мировой войны образовалась Югославия. Однако культурно-этнические рубежи отнюдь не исчезли. Их влияние, распри на религиозной почве, обостряющиеся под воздействием иностранных вмешательств, породили вражду между этнически родственными народами. «Взаимная ненависть балканских народов просто поразительна», — писал Д.Неру в своем «Взгляде на всемирную историю» в 1933 г?

Версальский мирный договор для югославских народов имел катастрофические последствия. Он закрепил на 32 года господство великосербского гегемонистского меньшинства, режим социального и национального бесправия. Отождествляя великосербскую клику со всем сербским народом, приписывая ему преступную деятельность этой клики, враги югославских народов, разжигали тем самым ненависть к сербам. В такой ситуации сербская национальная идея, сложившаяся на основе православной традиции и восточно-христианского менталитета, включавшая приверженность к сильному государству, соборности и мессианской установке, а также ориентацию на Россию, вое-

принималась односторонне как оправдание велико-сербского гегемонизма.

Хорваты, с присущей им ярко выраженной национальной самобытностью оказывали наибольшее сопротивление великосербской национальной политике режима. Одновременно хорватские господа националисты стремились направить борьбу против всех, сербов. Хорватская национальная идея формировалась как враждебная по отношению не только к велико-сербскому гегемонизму, но также ко всему сербскому народу. Ее характеристики складывались в значительной мере под влиянием бывшего австро-венгерского господства. Это: признание в качестве духовного центра Ватикана; осуществление политического контроля над общественной жизнью народа Веной; ориентация на идею европеизма как на несущую конструкцию духовных ценностей («Европа-обетованная земля»). Даже гитлеровскую армию в Загребе встречали с ивентами, полагая, что она поможет реализовать тысячелетнюю мечту хорватов. Не менее опасным и разрушительным для Югославии оказался мусульманский национализм, прикрывающий политический сепаратизм элиты, возжелавшей «суверенно» владеть властью. Мусульманская национальная идея акцентирована на исламские традиции; ориентированна на обособление части югославов от других родственных народов, в первую очередь от сербов, и превращение Боснии и Герцеговины в мусульманское государство.

Партизанская война против фашистских оккупантов сплотила югославские народы, временно сняла межнациональный антагонизм. Строительство новых общественных отношений, основанных на товарищеском сотрудничестве и взаимопомощи, создание федеративного государства, базу-

юшегося на принципах самоопределения наций и самоуправления, укрепляло союз югославских народов. Однако действовала латентно, а затем и выявилась противоположная тенденция: возрождение отношений обособленности и вражды. Формальным основанием для него послужила националистическая трактовка суверенитета республик в смысле полной политической самостоятельности каждой из них и безоговорочного права на отделение от федеративного государства. Сепаратистская тенденция росла и развивалась в атмосфере эйфории по поводу якобы, полного решения национального вопроса. Лидер Югославии И.Б.Тито в 1948 г. заявлял: «...национальный вопрос у нас решен и очень хорошо решен»⁴ Как далеко он был от истины, выдавая идеологическую догму за реальность. Справедливости ради надо отметить, что позже, в 70-х гг., в последние годы своей жизни, И.Б. Тито более критически оценивал состояние межнациональных отношений в стране. «Консервативные и этатистские силы и националисты всел, мастей ... стараясь обострить различия и противоречия, пытаются помешать и замедлить социалистическое развитие на основах самоуправления»⁵ В одном из последних своих выступлений в Хорватии он подчеркнул, что Хорватия превратилась в ключевую проблему в стране всвязи с разгулом национализма. «Подобные явления имеются во всех республиках, но сейчас хуже всего дело обстоит в нас»⁶

Итак, историческая динамика югославского межнационального конфликта такова: вначале этно-конфессиональное разделение южнославянских народов; затем формирование взаимоисключающих национальных идей и национализмов; как следствие — провал объединительного движения и

разрушение единого югославского государства: образование самостоятельных государств. Произошло расчленение территории, на которой живут сербы, на три государства: Союзная республика Югославия (Сербия и Черногория), где сербы — основная национальная общность, Хорватия, для которой сербы — лишний этнос, Босния и Герцеговина — мусульманское политическое объединение, стремящееся подчинить этнических сербов, лишив их большей части занимаемой территории и главных промышленных и культурных центров.

В динамике и современном состоянии национального социально-политического конфликта на землях Югославии проявляются все типичные признаки и общая логика конфликтов подобного рода: формирование национальной идеи как выражение самосознания этноса; воплощение национальной идеи в конкретно-исторической форме национализма; развитие национального движения, его институционализация и легализация; борьба этноса за политическое самоопределение и образование самостоятельного государства; конфронтация с внешним вмешательством, препятствующим самоопределению нации; возникновение вместо бывшего нового социального единства социального объединения этноса, составляющего внешнее для новой нации условие развития.

2. Природа, типы и логика национально-этнических конфликтов, возникших на территории бывшего Советского Союза.

Наша страна до октября 1917 г. и после была и остается многонациональной. Можно спорить, в какой мере этносы уживаются между собою на российском, (а ранее уживались — ча советском) про-

странстве, в какой степени государству удавалось добиваться сотрудничества между народами и как оно справлялось с конфликтами. Но одного нельзя отрицать: было и сотрудничество, были и конфликты; как первое, так и второе закономерно. В сплетении сотрудничества и конфликтов, однако, прослеживалась существенная тенденция — формирование и развитие полнокровной российской нации и становление под ее влиянием многих других российских этносов и наций. Тем не менее интеграционный процесс в межнациональных отношениях был доминирующим и определялся единой государственностью, а в советское время — еще единой идеологией и гегемонией одной политической партии.

Принцип интернационализма в СССР провозглашался в качестве официального государственно-политического принципа. В противоположность интеграционному процессу постоянно проявлялся, воспроизводился на новой основе процесс дифференциации национально-этнических групп, поскольку создавались условия (особенно в советское время) для развития национальной культуры, национального самосознания. Создание полиэтнической общности, что имело место в дореволюционной России, а тем более в СССР, означало поднятие местных обычаев, нравов, этнических элементов культуры до общероссийского, общесоветского уровня. Различение, дифференциация этно-национальных общностей несли в себе момент обособления, стремления к социальному и даже политическому самоопределению, иными словами, — тенденцию национализма. Последняя постоянно стимулировалась русификаторской политикой царского самодержавия (до революции) и реализацией концепции советского государства, в определенной мере предпо-

лагающей господство коренной — русской нации. Русский национализм, в какой бы мере он ни проявлялся, порождает, питает различные виды антирусского национализма.

Развал Российской империи в годы гражданской войны, выход из состава России ряда бывших российских губерний и окраинных земель был первым для страны глобальным национально-этническим конфликтом. Его решение большевики нашли на пути предоставления одним территориям государственной независимости (Польша, Прибалтика, Финляндия) и объединения других в единое федеративное конституционно-договорное государство СССР с правом выхода из него национальных общностей со статусом союзной республики. Как показала последующая историческая практика, национально-территориальный принцип государственного строительства и интеграционная национальная политика не исключили конфликты национально-этнического характера. Хотя дружба народов стала в стране реальностью, но авторитарная политическая система со всеми ее антидемократическими элементами не искоренила национализмы (украинский, грузинский, армянский и пр.), а скорее стимулировала их. Административное «одергивание» проявлений национализма, репрессии, депортации отдельных малых народов усугубляли положение, усиливали антирусские унастроения. Разрастались элементы этнической исключительности и реванша, агрессии, эгоизма, иждивенчества. Эти националистические негативы группового этно-самосознания (а точнее: этноиррационального) стали определять характер группового поведения значительной части населения бывших союзных, да и автономных республик. 10*

К концу 80-х — началу 90-х гг. в советском обществе выявилось три типа этно-национальных конфликтов. Один из них сформировался между советской многонациональной общностью, представленной единым федеративным государством с доминирующим русским народом, и национальными группами, имевшими формальную государственную самостоятельность (в виде союзных республик). Ввиду разнообразия этих групп (было 15 республик), общий тип конфликта конкретизировался в специфических видах; каждый из видов по-своему формировался, развивался и завершался. Тем не менее им были присущи некоторые общие черты. Об этом пойдет речь в дальнейшем.

Другой тип конфликта — внутри республик: между так называемой коренной национальностью и национальным меньшинством. В каждой бывшей союзной республике после ее отделения от Союза образовались такие меньшинства из числа русскоязычного населения и других этносов. И в подавляющем большинстве возникших независимых государств стали формироваться подобные конфликты.

Третий тип конфликта характеризовал (и теперь характеризует) межэтнонациональные отношения внутри собственно России; это конфликт между образованиями, не имевшими до «перестройки» статуса государственности, бывшими автономиями как субъектами российской Федерации и российским сообществом в целом. Конечно, и данный тип конфликта не проявлялся везде одинаково. Достаточно сопоставить национальное движение в Татарии и Чечне, чтобы понять их существенное различие и по истокам, и по характеру развития, а тем более результатам.

Вернемся теперь к анализу первого типа конфликта.

В его основе лежит стремление к территориально-государственному самоопределению наций, сформировавшихся в советский период. Идея национального государства (государства коренной нации) составляет политическую суть национализмов, двигавших миллионы бывших советских народов на борьбу, как им представлялось, за демократическое обновление своих республик, за освобождение от бюрократического диктата Союзного центра и засилья русских. Центробежные процессы возникали и развивались, конечно, на почве национальных различий: историко-культурных, языковых, конфессиональных, наконец, территориальных. Однако решающей (пусковой) причиной явились бюрократическая административная система (авторитаризм) в управлении страной и связанная с ней суперинтернационализация общественной жизни, игнорирование объективной меры соотношения интернационального и национального в социально-экономическом, политическом и культурном развитии республиканских общностей. Абсолютизация интересов государства, а скорее, монополия его бюрократических центральных ведомств, насаждение наднациональных форм и методов государственного хозяйственно-экономического и культурного строительства в республиках, игнорирование необходимости сочетания общесоюзных принципов с национальной спецификой их реализации — все это и означало суперинтернационализацию общественной жизни, в конечном счете превращение интернационализма в идеологический и административно-политический постулат. Интернационализм преобразовывался из принципа гармонизации межнациональных отношений в принцип принудительного

властвования партийно-государственной олигархии. Национализм же рассматривался только в негативном плане, как сепаратизм. Это дало основание национальным элитам развернуть атаку на интернационализм как якобы прикрытие тоталитаризма, как маскировку «советского неоколониализма». Подлинный интернационализм же не есть ни то, ни другое. Он результат развивающейся интеграции в жизни национальных общностей, воплощение их общих ценностей. Интернациональное не существует помимо национального, а есть сторона межнациональных отношений, ибо ни один народ, ни одна нация в наше время не может нормально жить и развиваться изолированно от других народов, не вступая с ними во всесторонние связи. «Беспримерные масштабы интернационализации» были отмечены еще теоретиками и политиками социал-демократии. Современная интеграция национальных государств, экономик, культур, ставшая общепризнанным фактом, — это не что иное, как форма интернационализации.

Всему мировому сообществу сегодня свойственно объективное противоречие: между тенденцией к формированию и развитию наций, стремлением их к самостоятельности и вместе с тем необходимостью интеграции в мировую цивилизацию, что выражается в тенденции интернационализации. Оба противоречивые процессы — реальности современности. Они по-разному проявляются в общественных системах: в одних случаях в виде целенаправленной интеграции, в других — в виде межнациональных конфликтов. Бывшему Советскому государству не удалось избежать конфликтного характера разрешения противоречия, то есть необходимого синтеза национального и интернационального.

Гиперинтернационализация общества, монополия бюрократической центральной власти, формальность федеративных отношений вызвали закономерную реакцию в виде национальных движений, переросших в разрушительные для Союзного государства националистические движения. Инициаторами этих движений стали национальные элиты интеллигенции и партийно-государственной бюрократии. Вокруг этих элит сформировались массовые движения. В качестве стимулов вовлечения национальных масс в дезинтегративный процесс, в борьбу за политическое самоопределение, а точнее, за выход из Союза, использовались разнообразные факторы и средства: от апелляции к реальным фактам нарушения демократических прав и свобод в республиках (в прошлом и настоящем) до искажения реального положения дел, а то и откровенной фальсификации (типа: «мы кормим Россию»).

Действительно существующие и обострившиеся в 80-х годах в стране социально-экономические и политические проблемы пропагандой были перенесены на почву межнациональных отношений, отношений между Союзом и национальными республиками, а на уровне массового сознания — на отношения между русским народом, всеми россиянами и коренными нациями республик. Впоследствии выяснилось, что национальные движения в сути своей с первых шагов были ориентированы их лидерами на борьбу не только против унитарного Союзного государства, обозванного империей, но также против существующего общественно-политического строя — государственного социализма.

От констатации кризисных явлений в экономике, нарушений демократии, ущемлений национальных интересов инициаторы национальных движений

обращались к историческим фактам, истолковывая их всегда в негативном для Союза плане. Наиболее развернуто и умело этот прием был использован элитами из прибалтийских республик; известный «пакт Молотова-Риббентропа» был оценен как сговор между Москвой и Берлином, использованный для «оккупации» прибалтийских государств. Имея такой «веский» для национального сознания факт, творцы национальной идеи строили всю цепь доказательств борьбы против Советского Союза и его главной опоры — русского народа.

Как в прибалтийском варианте, так и в других национальных движениях наряду с обоснованными причинами движений были реализованы стереотипы националистического (одностороннего) мышления и поведения. А именно: а) идеализация прошлого и одновременно полностью негативная оценка всего советского опыта межнациональных отношений; б) абсолютизация национально-этнических различий, стремление увековечить обособление этносов, игнорирование мирового интеграционного процесса, объективной закономерности интернационализации общественной жизни; в) гипертрофированное понимание роли национального сознания и культуры и отрицание роли и созидательного значения интернационального сознания (дело доходило до биологизаторских трактовок судьбы нации, ее преимуществ по сравнению с другими, т.е. до расистских рассуждений), г) стремление искать причины всех проблем, допущенных несправедливостей, имевшего места неравенства этносов прежде всего в русском народе.

Понятно, что использованная в национальных движениях аргументация государственного самоуправления носила в сущности своей конфронтацион-

ный характер и не могла не привести к конфликтам в дальнейшем.

Формирование национальной идеи, разработка идеологической платформы национального движения — **латентный этап** возникновения конфликта первого типа (1985-87 гг.). Его субъект — элита национальной интеллигенции, на волне обострившихся проблем в экономической, социальной, политической и культурной жизни республик и призывов к перестройке, раздававшихся из партийных сфер. Актуализируется историческая национальная тематика; делается акцент на исторические несправедливости, допущенные по отношению к данной национальной общности в прошлом революцией, большевиками, советским государством; акцентируется внимание общественности на фактах несоответствия реальности и деклараций о равенстве наций, равноправии республик. Отсюда следуют программные требования о достижении «действительного» политического, экономического и культурного суверенитета республик. Как правило, громче всего говорится о необходимости возрождения национального языка и культуры, а в азиатских и кавказских республиках — также о восстановлении роли ислама в духовной жизни народа. С особой остротой вновь и вновь осуждаются сталинские репрессии. Постепенно общественность подводится к выводу об антинациональном характере советской системы госсотциализма и антидемократической сущности Союзного государства.

Национальная идея, в конечном счете, формулируется как программа национального движения. В рамках латентного этапа решается задача по превращению национальной идеи в основу массового сознания населения республик.

Следующий этап развития конфликта — **инсти-туционализация национального движения** как основной силы, противостоящей партийно-государственным официальным структурам. Период инсти-туционализации — 1987-88 гг. НД (национальные движения) оформляются в легальные организации: народные фронты, национальные объединения (под разными названиями), политические партии, в том числе исламской ориентации (например, в Таджикистане, Азербайджане).

Институционализация разворачивается под лозунгом борьбы против тоталитаризма за демократию в межнациональных отношениях. В документах, принимаемых на различных легальных форумах, все яснее просматривается антисоветская, антикоммунистическая направленность НД. Борьба за политическое самоопределение национальных республиканских общностей по сути выливается в борьбу против существующей политической и экономической систем, против советского общественного строя. Самоидентификация НД происходит через поиск врагов. К ним относят «пришельцев», «колонизаторов», «гостей», иначе сказать жителей, приехавших в разные годы из России и других регионов Союза. Общество, таким образом, раскалывается на «своих» и «чужих». В противоположность НД возникают интердвижения.

Наиболее активно идут процессы институционализации НД и нарастает напряженность и конфронтация в прибалтийских республиках, в Молдавии и Армении. Последнее НД развернулось вокруг проблемы Карабаха, вылившейся в военный армяно-азербайджанский конфликт.

В прибалтийских республиках уже в конце 1986 г. полностью оформились оппозиционные структу-

Лекция 7

ры НД, прошли учредительные съезды движений, на которых были приняты развернутые программы, легшие впоследствии в основу деятельности националистических правительств. Красной нитью через все программные документы проходили требования обеспечения политического суверенитета республик и вместе с тем обособления, противопоставления коренных национальных общностей другим группам населения. Например, в программной платформе литовского НД «Саюдис» утверждалось: «Движение требует конституционного определения статуса гражданства Литовской ССР ... Закон о гражданстве ... должен гарантировать выходцам литовского происхождения право участвовать в социальной, культурной, экономической жизни Литвы». В программе провозглашался только язык коренной национальности государственным, предписывалось требование обеспечения населению коренной национальности преимуществ в политических правах. В Программе НД Латвии указывалось: « в качестве гарантии национального самоопределения латышского народа в законодательство ... включить принцип, согласно которому в Советах республики на любом уровне необходимо обеспечить постоянное и не снижающееся большинство мандатов, которые при любой демографической ситуации сохраняются за представителями латышской национальности». Прибалтийские «демократы» еще при жизни Союза разделили население республик на «первосортных», полноправных и «второсортных», бесправных. Национальное было противопоставлено демократическому и превращалось в националистическое. Нынешние прибалтийские государства — это националистические образования.

Основы конфликтологии 300

На этапе институционализации происходит изменение структуры НД — субъектов развивающегося конфликта. Нарастает массовость движений, в его ряды переходит в большинстве своем национальная партноменклатура во главе со своими лидерами. Компартии республик разваливаются; часть коммунистов, остающаяся верной КПСС, становится теперь оппозицией по отношению к формирующейся правящей элите.

1989 г. — **этап повсеместной легитимации НД.** На выборах в народные депутаты СССР, а затем — в законодательные органы республик побеждают многие лидеры НД, среди депутатов в большинстве оказываются сторонники и участники движения. Субъекты НД уже начинают открытую, легитимную борьбу против еще сохраняющихся старых государственно-политических структур, блокируют их деятельность, оттесняют от ответственных руководящих постов сторонников прежнего политического строя, лиц некоренной национальности — по языковому и политическому критериям. В высшем законодательном органе власти Союза представители республик объединяются по сути в национальные группировки и сосредотачивают свою деятельность на проталкивании решений, обеспечивающих легитимность НД на общесоюзном уровне.

1990-91 гг. — **этап огосударствления НД,** высшая стадия развития конфликта и одновременно начало его разрешения. На базе НД формируются правительства, принимаются Декларации о независимости. Торпедируется проект Союзного договора; происходит развал Союза. Начинаются, конфликтные разборки между образовавшимися независимыми государствами, связанные поначалу с дележом союзной собственности. Конфликтные взаимо-

отношения призвано погасить новое политическое сообщество — СНГ.

Противопоставление национального самоопределения республиканских сообществ демократическому началу, националистический характер государств сразу же породил конфликты второй группы — между государственными, так называемыми коренными нациями и национальными группами — меньшинствами. В их числе оказалось более 25 миллионов человек этнически русского населения. Нарушение элементарных политических прав и социальных свобод меньшинства, вытеснение «некоренных» из мест их постоянного проживания, возникшие вследствие подобных действий потоки беженцев в Россию, Азербайджан, Армению и другие регионы, формирование новых, теперь уже иных национальных движений, наконец, возникновение очагов гражданской войны (межэтнонациональных военных столкновений) внутри бывших советских республик — таковы реальные проявления конфликтов второго типа, характерного для постсоветского пространства. Военный конфликт между Молдавией и Приднестровской самопровозглашенной республикой, война правительства Грузии против Южной Осетии и Абхазии — составных частей грузинского государства, военное противостояние Азербайджана с Нагорным Карабахом — все эти «горячие точки» на территории бывшего СССР свидетельствуют о сложности и противоречивости процесса налаживания межнациональных отношений внутри новых, дружественных России государств, об актуальности изучения их динамики и прогнозирования возможных конфронтации.

Россия также не избежала внутренних этно-национальных противоречий и конфликтов. Мы от-

носим к третьей группе конфликтов, имея в виду специфику субъектов и особенности их разрешения.

3. Специфика внутренних национально-этнических конфликтов в России.

Российское общество — полиэтнонациональное. Если согласиться даже с тезисом о наличии в стране одной зрелой общероссийской нации, где доминируют русские, то нельзя не признать, что в ее состав ассимилированы многие этносы-народы, столетиями жившие и живущие в сотрудничестве с русскими в едином социально-политическом, экономическом и культурном пространстве; этносы, никогда (или уже многие века) не имевшие самостоятельной государственности, но сохраняющие и развивающие свою специфическую культуру как составную часть общероссийской культуры. Было бы идеализацией реальности утверждать, что такое объединение народов бесконфликтно. Латентное состояние конфликтности постоянно сохранялось; прорывались периодически и реальные конфликты, в том числе связанные с идеей политического самоопределения наиболее развитых этносов, как, например, татарского. Известна попытка реализовать замысел объединить всех мусульман России от Казани до Памира в отдельное государство, исходивший от татарских марксистов. Был, но потерпел неудачу из-за гражданской войны проект создания Советской республики татаро-башкир Волги и Урала. Конфликтность проявлялась на бытовом уровне, в межличностных отношениях. И все же евразийское сообщество (его и мы называем общероссийской нацией) существовало и развивалось. Мощным стимулом прогресса российского объединения народов

стала интернациональная политика Советского государства, при всех ее погрешностях, связанных с политической диктатурой.

Развал Советского Союза, переворот в общественно-политическом строе российского общества, пересмотр идеологических ценностей, включая принцип интернационализма, взрыв национализма в бывших союзных республиках, волна их суверенизации, инициируемой новыми властями в России, стали решающими факторами формирования конфликтных зон внутри российского сообщества народов. Латентные противоречия, имеющие исторические корни и порожденные политикой сталинизма, превратились в явные. Мощным стимулом развития противоречий в этнонациональные конфликты стали ошибки в политике российского руководства, в частности, призывы к безграничной суверенизации бывших автономий и решения о реабилитации репрессированных народов без продуманных механизмов их реализации. Дестабилизирующим источником были также внешние для России конфликты: грузино-абхазский, грузино-югоосетинский, азербайджано-армянский, связанный с Нагорным Карабахом.

Формирование национальной идеи и национальных движений происходило, как отмечает исследователь национальных отношений в Северо-Кавказском регионе Хоперская Л., на протяжении 1990-94 гг. Инициаторами этих процессов выступали политические оппоненты республиканских органов власти. Ими были образовавшиеся национальные движения. Например, в Дагестане кумыкское движение «Тенглик», «Бирлик», лезгинское движение «Садвал», организация терского казачества, заявлявшего о желании выйти из республи-

ки Дагестан. В Кабардино-Балкарии возникло движение с требованием федерализации республики: разделения ее на два полноправных субъекта — Балкарию и Кабарду. В Карачаево-Черкессии проявившиеся противоречия между местными этносами вызвали еще более радикальные требования. На статус «субъектообразующих» стали претендовать пять этносов: евское, черкесское, абазинское, нагой-ское, казачье движение.⁷

Организационное оформление национальных движений выразилось в создании общественных организаций (например, «Адыге Хосе», «Тенглик», «Бирлик», «Казачий круг» и др.); а также формировании на их основе политических партий, ставящих целью изменение в республиках государственного строя. В это же время создаются межреспубликанские, общественно-политические организации. В их числе — «Конфедерация народов Кавказа», которая стала претендовать на политическое объединение всех кавказских этносов, даже живущих за пределами России. Однако большинство организаций, например, Дагестана отнеслось негативно к намерениям и национальной политике Конфедерации. Стремление к объединению оппозиционных по отношению к властям общественно-политических сил потерпело провал. Думается, что права Хоперская Л., видя основную причину этого в сложившейся за советский период структуре социально-политических статусов самых массовых местных этносов. Они ведь стали занимать самые престижные социально-политические ниши. Это, кстати сказать, опровергает миф о «господстве» в национальных республиках русских. Данные о закреплении за национальной элитой ключевых постов в органах законодательной и исполнительной властей, в быв-

шем партийном аппарате широко известны. Заняв привлекательные места в государственных и местных структурах власти, умело используя их для собственного благополучия, и реализуя в известной мере свою этно-национальную идентичность, доминирующие в той или иной республике этносы, представляющие их элиты и организации не пошли на такое объединение с неясными для их интересов социально-политическими последствиями.

Приобрело определенную роль на Северном Кавказе казачье движение. Само же оно неоднородно; в нем представлены противоречивые течения. Одни из них ориентированы на выражение и защиту национальных региональных интересов; другие — на решение общих национальных задач казачества (борьба за определение коренной нации на определенной территории); третьи — нацелены на давление на местные и федеративные органы власти для участия в управлении ключевыми сферами жизни; четвертые противопоставляются националистическим сепаратистским устремлениям местных политических элит и организаций. Естественно, что общий язык с национальными движениями находит не всегда и не каждая часть казачьего движения.

Объективным результатом развернувшегося национального движения в Северо-Кавказском регионе явилось признание правомерности постановки вопроса о политическом и правовом статусе живущих на этой земле многочисленных этносов. С этим, в частности, связано исчезновение из нашего политического и правового языка термина «автономия» как определения статуса республик. На карте Северного Кавказа возникло название новой республики «Ингушетия». Возникли и новые проблемы,

связанные с определениями конституционных статусов республик; обозначились противоречивые толкования ряда важнейших норм государственно-территориального устройства и самостоятельности республик. Так называемое соревнование суверенитетов, пронесшееся по политическому пространству России, наложило свой отпечаток на политическую и правовую атмосферу кавказских республик. В Конституциях этих республик, принятых в большинстве случаев в ситуации ажиотажа так называемой «суверенизации», оказались включенными статьи, провозглашающие каждую из них «суверенным государством», что нереально в рамках и границах одного (и только одного) суверенного государства — России, несмотря на его федеративное устройство. Все другие части этого государства, будь то республики, края или области, суть лишь субъекты Федерации, обладающие согласно ныне действующей Конституции одинаковыми политическими правами и функциями по управлению общественными делами. Конкретное же разделение полномочий определяется дополнительными законодательными актами и договорами. Нет смысла и даже опасно в настоящее время вновь акцентировать внимание на имеющихся записях в республиканских конституциях об определении этих республик как «суверенных государств», поскольку они таковыми не являются. Достаточно одного прецедента — Чечни, чтобы понять не только нецелесообразность, но и огромную разрушительную силу политического термина «государственный суверенитет» отдельного субъекта Российской Федерации.

Анализируя причины и факторы, породившие этно-национальные конфликтные ситуации на Северном Кавказе, приходится говорить и о некото-

рых политических акциях федеральных властей, их принципиальных решениях в области национальной политики. Речь, в частности, идет о кампании по реабилитации репрессированных во время ВОВ кавказских народов. Будучи актом восстановления исторической справедливости, эта кампания вместе с тем послужила дополнительным, причем сильным, стимулятором межэтнических противоречий. Она оживила все, за многие годы накопившиеся противоречия, обусловленные нарушением демократических принципов межнациональных отношений и, конечно же, существенными различиями в культурном облике, религиозных верованиях и образе жизни кавказских и русского этносов. Осуждение сталинских репрессий вылилось в: а) волну движений протеста национального и националистического толка, направленных против советской системы и идентифицированных с ней русских — жителей кавказских республик; б) конфронтацию между отдельными народами, связанную с территориальными претензиями друг к другу (между осетинами и ингушами, кабардинцами и балкарцами); в) общественные движения русского населения, прежде всего казачества, заявившего о себе как об особой славянской народности, выступающего против суверенизации северо-кавказских республик и связанного с этим ущемления интересов и прав русского населения. Наконец, сообщества республик раскололись по признаку отношения к российским властям и в целом — к России.

Национальные движения в Северо-Кавказском регионе разворачивались в форме мирных и вооруженных конфликтов. Примерами мирных конфликтов были движения в Дагестане, Адыгее, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии. Вооруженные

конфликты разгорелись в Южной Осетии (грузино-осетинский конфликт), между Северной Осетией и Ингушетией (осетино-ингушский конфликт), наконец, чеченский конфликт. О нем особый разговор. Это — зона ныне действующего конфликта.

На примере чечено-российского конфликта проявилась вся сложность, полифункциональность и противоречивость этно-национального конфликта как процесса и применяемых способов его разрешения.

Во-первых, чеченский кризис показал, сколь трагичны последствия промедления с его преодолением. Правительство РФ приступило к разрешению конфликта, когда дудаевский режим накопил значительную военную силу, привлек на свою сторону массы коренного населения, добился успехов в этно-религиозной, националистической пропаганде.

Во-вторых, чеченский кризис выявил многоплановость этно-национального конфликта, его пагубное влияние на все стороны жизни не одной только Чечни, а и других республик Северного Кавказа, да и всей России.

В-третьих, затянувшийся конфликт, переросший в гражданскую войну, свидетельствует, что не может быть простых путей и способов преодоления межнациональных коллизий без далеко идущих последствий. Политики, принимающие решения, связанные с ликвидацией подобных коллизий, обязаны просчитывать все возможные варианты последствий — экономических, социальных, политических, нравственных, наконец, конфессиональных.

В-четвертых, осложнение конфликта и последствия, нанесшие ущерб национальным интересам России, возникли из-за непоследовательности политики правительства и Президента, колеблющихся от

жестких оценок чеченского режима как «преступного», а его военных формирований — как «бандитских», до оценок «цивилизованных» политических, оправдывающих перед лицом общества возможность садиться с чеченскими лидерами за стол переговоров и, более того, молчаливо уступать им по принципиальным вопросам.

В-пятых, чечено-российский конфликт и драматический для страны характер его развития и попыток разрешения обнаружил отсутствие у государства научно выверенной, политически, как и экономически, социально, идеологически и социально-психологически, соответствующей религиозным ценностям чеченского и других народов, национальной политики.

Отвергнув советскую политику, основанную на принципе интернационализма, нынешний режим пока не сотворил другую, более эффективную с точки зрения его интересов, стратегию и тактику действий по урегулированию этно-национальных отношений.

Осмысливая характер конфликтной ситуации в Северо-Кавказском регионе и прежде всего в Чечне, можно было бы сформулировать некоторые теоретико-методологические подходы к ее анализу, оценке и преодолению. Политическая же сторона проблемы — дело не теоретиков, а функционеров-политиков. В первую очередь нужно подчеркнуть исключительную важность **объективного** понимания природы, сущности и причин конфликтной ситуации. Именно отсутствие такового привело российских политиков, правительство и Президента РФ к непоследовательности в оценках и действиях в ходе чечено-российского конфликта. Наиболее существенная ошибка была допущена в оценке отноше-

ния большинства чеченского населения к дудаевс-кому режиму и его противостоянию российскому федеральному центру, а также — в игнорировании той мощи националистической, антирусской кампании, которую смогли развернуть пропагандистские органы сепаратистов. Российские лидеры просмотрели главное: дудаевский режим, его проводники, его адепты не были изолированы от большинства населения республики, а говорили и действовали от имени его многих слоев, их (пусть не во всем правильно понятых) национальных интересов. Российские власти долгое время ориентировались на оппозиционные дудаевцам политические силы, даже стремились узаконить их путем проведения выборов. Финал этих усилий оказался печальным. Оппозиция оказалась изолированной дудаевцами, «большинство» избирателей, проголосовавшее за нее, удивительно быстро переориентировалось и переменяло свой «демократический» выбор на прямо противоположный — представителей дудаевского режима, легализовав тем самым боевиков Масхадова и их власть. Объективность объяснения конфликтной ситуации в Чечне, да и в целом на Северном Кавказе, предполагает признание всей совокупности конфликтогенных факторов, включая религиозный, и выделение из них главных: политического и социально-экономического. Склонность к одностороннему рассмотрению хотя бы одного из них, равно как и недооценка специфической роли национального самосознания, традиций и обычаев, особенностей исламских верований недопустима. Мы россияне, зачастую забываем, что привязанность к национальному, особенному, но определению Карамзина, есть не что иное, «как уважение

к своему народному достоинству». «Любовь к Отечеству питается наполными особенностями»⁸

Объективность анализа конфликтной ситуации предполагает осознание и различение реально значимых, подлинных и существенных для данной ситуации и сообщества конфликтов, и несущественных на данный момент, зачастую, как говорится, на голом месте спровоцированных, конфликтов по видимости, но не по сущности, сконструированных иллюзорными субъективистскими представлениями о взаимоотношениях между национальными группами.

Научный подход в понимании конфликтной ситуации в межнациональных отношениях, особенно в условиях острого кризиса, невозможен без конкретного анализа и принятия на его основе таких решений, которые на первый взгляд, противоречат предшествующей логике событий и как будто бы, в данной ситуации, даже здравому смыслу. Например, решение идти на компромисс с агрессивной стороной. Или, скажем, не торопиться с ответными решительными действиями, несмотря на критически острую фазу противостояния, а максимально оттянуть время осуществления таких действий, чтобы накопить большие силы и средства для разрешения конфликта, чтобы лучше придумать стратегию и тактику борьбы или примирения с конфликтующей стороной. В национальных противоборствах время зачастую играет роль хорошего «лекаря», способствуя охлаждению националистических страстей, возвращая людей к разумному поведению и следованию своим подлинным реальным интересам.

Конкретный подход к вопросам регулирования и преодоления конфликтов национального характера показывает, что нет и не может быть каких-то раз и

навсегда данных правил противоконфликтного действия. Здесь любые правила переменчивы, как динамичны конфликты, формы их проявления. Так, было бы абсурдно сравнивать и отождествлять два таких этапа состояния конфликта между Россией и Чечней, как этап конфронтации дудаевского режима до войны и после прекращения военных действий, увенчавшихся фактической победой «незаконных» чеченских формирований над частями российской армии. На данном (втором) этапе конфликтным полем хотя и по-прежнему осталось политическое, однако возросла непримиримость требований чеченских лидеров к правительству России по вопросу о признании государственной независимости Чечни. Кроме того, выдвинулись на одно из главных мест экономические требования о «возмещении» в огромных суммах ущерба республике, нанесенного войной. Наконец, всплыл на поверхность и привлек к себе внимание российской общественности (да и не только российской) религиозно-правовой фактор: открытый вызов демократическому цивилизованному правопорядку — признание законов шариата в качестве кодекса моральных и правовых норм, возвращение к средневековым методам наказания людей за совершенные проступки (публичная казнь и прочее).

Из сказанного ясно, что нынешнее состояние конфликта качественно иное и подход к нему должен быть другим. Каким именно? Если сказать кратко: комплексным. Реализация приоритетности политического и социально-экономического факторов может обеспечить сглаживание других противоречий. Главное — не примириться с ними, а стремиться разрешать на приемлемой для обеих сторон основе. Это, во-первых. Во-вторых, не плодить новые ча-

стные конфликты, не наращивать противостояние и в то же время не идти на беспринципную «мировую» с конфликтными ястребами. Ни голуби, ни ястребы не помогут в нормализации межнациональных отношений в Северо-Кавказском регионе. Комплексный подход — это системный подход. Не наспех придуманная сумма политических и иных противоконфликтных акций, а именно гибкая система методов и технологий, постоянно корректируемых в связи с изменяющейся обстановкой развития конфликта, его модификаций. Непременная адаптация противоконфликтных методов и технологий, являющаяся правилом поведения в любом конфликте, тем более важна в условиях разрешения этно-национальных конфликтных взаимоотношений. Между тем в национальной политике российских властей до сих пор не просматривалось ни системности применяемых методов, ни стремления достаточно оперативно их приспособлять к изменившейся ситуации. Затянувшееся противостояние осетин и ингушей из-за Пригородного района Осетии — тому еще один пример. А «Договор», подписанный в сентябре 1997 г. между руководителями двух республик по инициативе Президента РФ, даже был оценен сторонами по-разному. Руководитель Осетии-Алании назвал его «историческим», а Ингушетии — не очень понятным с точки зрения соседних на родов-горцев, столетиями живших в дружбе и согласии без каких-либо официальными властями подписанных договоров. Время покажет, кто сегодня ближе к истине. Может быть, политическая практика обогатилась прецедентом нетрадиционного решения спорных межнациональных вопросов внутри страны? А может быть — очередным договорным фарсом, рассчитанным на манипуляцию

политическим общественным мнением? В любом случае, предпринятая договорная акция вреда не принесет, хотя она и запоздалая. Но ведь афоризм — «лучше поздно, чем никогда» — тоже отражает часть прагматической истины.

Другая зона конфликтов, чаще латентных, — федеративные отношения, связанные с противоречиями между российским сообществом в целом, представленным федеральным центром, единым государством, и национально-этническими общностями

— субъектами Федерации. Конфликтогенными факторами здесь являются реальные границы политической, социально-экономической и культурной самостоятельности региональных национальных сообществ в рамках единого российского политического и правового пространства. Дискуссии вокруг известного Федеративного Договора, по вопросу о включении в Конституцию статьи о суверенитете республик, введенная властями РФ практика заключения договоров между РФ и отдельными республиками о разграничении предметов ведения и полномочий, имеющиеся противоречия между Конституцией РФ и Конституциями отдельных республик (Татарстан, Башкортостан) — не что иное, как реальные проявления конфликтогенного характера внутрirosсийских этно-национальных взаимоотношений.

Наиболее четко выявилась конфликтность во взаимоотношениях Татарстана и РФ, разрешенная пока посредством договора между правительством РФ и Татарстаном. Как известно, татарское национальное движение, опираясь на исторически-территориальную, этно-культурную и религиозную идентичность татарского населения республики, его достаточную многочисленность (из 3,8 млн. жителей 1,5 млн. татар), высокий уровень индустриального

развития республики, требовало конституирования Татарстана как суверенного государства, как «субъекта международного права», регулирующего свои отношения с Россией и другими республиками договорами, основанными на принципе равенства сторон. Такое требование одобрило большинство избирателей на проходившем в Татарстане в марте 1992 г. референдуме. Таким образом, Татарстан как бы осуществил, самопровозгласил переход от безгосударственной нации к национальному государству. День указанного референдума отмечается теперь в республике как национальный праздник.

Однако Россией, Конституцией РФ он не признан. Более того, известно, что в свое время Конституционный суд РФ признал акт об объявлении Татарстаном государственного суверенитета противоречащим Конституции РФ. В настоящее время власти и общественность России не обсуждают данный конституционный конфликт, но он есть. Договор о разграничении предметов ведения и полномочий в определенной мере его разрешает, но только в определенной. В любой момент конфликт может получить свое развитие.

Третья зона национально-этнического конфликта — массовые социальные отношения на межличностном уровне. Это, скорее, микроуровень этно-национальных отношений, обусловленный полиэтничностью любых социальных ячеек российского общества: семьи, трудового коллектива, учреждения» организации, поселенческих общностей. Конфликтность здесь — показатель невысокого уровня культуры межэтнонационального общения, проявления достаточно распространенного бытового национализма.

Источником бытового этно-национального конфликта являются стереотипы обыденного сознания и массового бытового поведения, элементы ментальности группового мышления во принципе «свой» — «чужой». Они проявляются на уровне восприятия индивидами одних этносов индивидов других этносов. По данным исследований, проведенных сотрудниками лаборатории этиовелитологии СКАГС, опрошенные русские отметили у кавказцев только одно положительное качество из 13 перечисленных — гордость и 6 отрицательных — мстительность, протекционизм, развязность и др. Русские же в восприятии кавказцев выглядят несколько привлекательней. У них отмечено 5 (из 13) положительно оцененных качеств — общительность, умеренность, ум, прямота, уступчивость; русским приписывается 3 отрицательных качества — трусость, скупость, бедность. Естественно, с приведенными суждениями не все согласятся. Тем не менее они показательны в плане выявления противоречий, начинающихся с психологии межличностного общения между этносами.

Не вызывает сомнения тот факт, что нынешние проявления национализмов в российском обществе, в особенности актуализированные российско-чеченским конфликтом, служат благодатной питательной почвой для возникновения этно-национальных бытовых конфликтов по всей стране. Почти официальная характеристика (по крайней мере, закреплённая в СМИ) мафиозных групп, орудующих в Москве и других крупных городах, как состоящих из «лиц кавказской национальности», попытки самовольного (со стороны казаков) выселения чеченцев из мест их проживания в регионах, прилегающих к Северному Кавказу, равно как и гонения на русских граждан в

Чечне, есть не что иное, как проявление бытовых конфликтов на почве национализма.

Охарактеризованные зоны этно-национальных конфликтов в России, несмотря на существенные различия их природы, имеют общие черты, что позволяет отнести их к одному типу. Речь в первую очередь идет об особенностях субъекта. В качестве элементов субъекта внутрироссийских национальных движений и связанных с ними конфликтов выступают такие потенциальные этно-национальные общности, которые составляют и ранее составляли части единого российского сообщества и одного российского государственного объединения. Независимо от того представляют ли те или иные национальные движения интересы компактно проживающих этносов или диаспор, проживающих в различных регионах России, они суть элементы полинациональной российской среды. Общество любой республики, любого региона — это объединение многих этносов. Любой российский регион полинационален. Стало быть, общие интересы — экономические, социальные, политические, культурные — являются здесь доминирующими. А интересы, отстаиваемые национальными движениями, — частные, они реализуются на основе и в рамках общих, в организационных формах национальной автономии или широких демократических прав и полномочий субъектов Федерации.

Поэтому для российских этносов региональных сообществ решение социально-экономических проблем развития является приоритетным по отношению к частным национальным. Последние подчинены первым. Такая взаимосвязь проблем осознается общественным мнением. В начале 1990 г. 58,4% татар и русских — жителей Татарстана были увере-

ны, что усиление межэтнической напряженности в республике связано с экономическими трудностями⁹

Идея «национального сообщества» любой республики или региона, объединяющего многие этносы, развивается здравомыслящими представителями законных властей, что дает возможность им находить общий язык со всеми социальными движениями, предупреждать конфликты между ними или успешно разрешать их. Думается, что примером такого здравомыслия может служить руководство Дагестана, сумевшее пока избежать межэтнической конфронтации в республике при наличии более тридцати этнических групп.

Еще одна общая черта конфликтных зон в России — это детерминированность их этнокультурной особостью национальных групп населения, подчеркиваемой интеллигенцией — активистами национальных движений, а также национал-патриотами из Центра России. Непомерная заостренность национально-этнических различий, равно как их игнорирование и навязывание обществу только над-национальных форм культуры, в том числе политической, всегда обостряет национальные чувства и тем самым способствует формированию конфликтных ситуаций в межэтнических отношениях. Нельзя не отметить возрастающую роль в феноменах национального сознания религиозного фактора, в частности, панисламизм становится угрозой для единства российского сообщества. Движения «Саф-Ис-лам», «Иттифак» в Татарстане — открыто про-исламистские с момента их создания, ориентированные на соби́рание всех тюркоязычных мусульман бывшего СССР в едином государстве на строго этнокультурной основе — на основе ислама. Официальная идеология и политическая символика дуда-

евского режима в Чечне — также ислам. «Аллах ак-бар» («Аллах велик!») — таков боевой клич чеченских наемников и ополченцев, стреляющих в российских солдат. Исламское объединение избирателей фигурировало даже в списке блоков на выборах в Госдуму РФ в 1995 г. Понятно, сколь опасно для стабильности российского общества включение в его конфликтный климат этнонациональных отношений еще и религиозно-политического фактора.

Сходство различных этно-национальных конфликтов в России и в том, что они в значительном большинстве возникают на почве антицентрализо-торского политического рефлекса, ставящего под сомнение способность федеральных и местных властей успешно управлять сообществами национальными. Однако предлагаемые национальными движениями пути решения проблем децентрализации и демократизации зачастую ведут к утверждению этнократии, антидемократических режимов (как это произошло в Чечне, а в какой-то форме воспроизводится в Калмыкии, о чем свидетельствует голосование в октябре 1995 г. за продление срока полномочий действующего Президента.)

Какими бы ни были внутрироссийские этно-национальные конфликты, они возникают, развиваются и могут разрешаться в рамках единого конституционного пространства, политическими и экономическими методами, посредством укрепления единства и суверенитета российского государства.

Что касается логики формирования и развития внутрироссийских конфликтов, то она в значительной степени напоминает логику конфликтов, разыгравшихся на территории СССР. Здесь те же этапы, кроме завершающего (разрешение путем образования самостоятельных государств). Возникновение

национальной идеи и национальных движений — латентный период; он происходил в конце 80-х и в начале 90-х гг. Институционализация движений — следующий этап; это организационное оформление движений, выход их на арену общественно-политической жизни регионов (начало 90-х гг.). Легитимация национальных движений, а значит и выявившихся конфликтов, проведенных массовых национальных и межнациональных форумов, утверждающих программные документы и руководящие органы движений, развертывание публичных мероприятий протеста, направленных против официальных властей или же в их поддержку. Огосударствление движений и конституционализация норм и форм разрешения конфликтов — заключительный этап их эволюции. Это включает интеграцию движений (там, где это возможно) в структуру органов власти и в структуру организаций общественно-политической жизни, разрешение назревших проблем во взаимоотношениях с Федерацией и российским сообществом; законное демократическое закрепление форм новых этно-национальных отношений.

Этно-бытовые конфликты не имеют четких этапов развития и разрешения; они носят стихийный характер, и процесс их может регулироваться общей деятельностью по интернациональному воспитанию населения и демократизации общества.

Литература

1. Гусейнов А. Национальная фаза государственной истории. Полис, 1992, 5-6. С. 17.
- 1-а,б. Аль-Кадафи М. Зеленая книга, часть третья. Общественный аспект третьей Всемирной теории.
2. Туровский Р. Югославский разлом. Полис, 1992, 4; Рок иностранного вмешательства. «Правда», 4 сентября 1995 г.

3. Неру Д. Взгляд на всемирную историю. М., 1981. Т. 2. С. 441.
4. Тито И.Б. Избранные статьи и речи. М., 1973. С. 594.
5. Там же. С. 636.
6. Там же. С. 633.
7. Хоперская Л. Основные этнополитические процессы на Северном Кавказе. В сб.: «Стратегия национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе». Ростов-на-Дону, 1995. С. 29-42.
8. Карамзин Н. История государства Российского. Книга четвертая. Т.Т. 10-12. Ростов-на-Дону, 1990. С. 482-483.
9. Равно Ж. Типы национализма, общество и политика в Татарстане. Полис, 1992, 5-6. С. 49.

Лекция 8. ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ

Одной из сложных, комплексных сфер общественных отношений являются управленческие отношения. Это отношения между людьми, коллективами, социальными группами, возникающие в процессе осуществления управленческих функций в обществе. В любой сфере общественной жизни, будь то экономика или политика, социальная или духовная жизнь, функционирует определенная система управления, а стало быть и управленческих отношений с присущими им противоречиями и конфликтами. Изучение их позволяет продвинуться по пути конкретного анализа конфликтов, поскольку речь пойдет об отдельных целевых группах-организациях, их деятельности и связанных с этим отношениях между членами организаций.

1. Специфика источников конфликтов в сфере организационно-управленческих отношений.

Начнем с объяснения ведущего понятия: «организационно-управленческий конфликт». Это обуславливает необходимость, в свою очередь, определения таких понятий, как «организация» и «управление», которые отражают взаимосвязанные реальности. Первое, то есть организация, характеризует форму социальной связи между людьми, сплачивающую их в некоторую социальную общность, обеспечивающую функционирование этой общности упорядоченным образом. Любые объедине-

Лекция 8

ния людей есть организации, в том числе — институты государственного, регионального и местного управления. Второе понятие — управление — раскрывает способ осуществления совокупных общественных действий, ориентированных на реализацию единых целей и задач. Управлять — значит добиваться того, чтобы те или иные субъекты (индивиды, группы, сообщества) выполняли заранее очерченные функции и намеченные цели. Управление — многофункциональная целенаправленная деятельность, она всегда осуществляется через посредство определенной организации. Поэтому управленческие отношения в реальности суть еще и организационные, хотя последние имеют свою относительную самостоятельность, как компонент содержания управленческой деятельности. Из сказанного вытекает, что конфликт в управленческих отношениях так или иначе затрагивает и организационные отношения и предстает в действительности как организационно-управленческий.

Специфика организационно-управленческого конфликта выясняется анализом целевой группы-организации как субъекта государственного и местного административного управления и социального пространства, на котором возникают и функционируют внутригрупповые конфликты.

Подчеркнем, что в контексте нашего анализа понятие социальной организации равнозначно целевой группе, то есть объединению людей, созданному для реализации определенных (а именно, управленческих) целей организованным образом. Другие значения понятия организации — способы руководства и управления людьми, координация функций деятельности субъектов; система образцов деятель-

ОСНОВЫ КОНФЛИКТОЛОГИИ

ности, средств социального контроля, социальных ролей, что обеспечивает совместную деятельность группы, мы рассматриваем в рамках организации (целевой группы) как реализацию ее функций.

Целевая группа-организация как институт государственного и местного управления характеризуется рядом признаков. Это объединение людей, стремящихся к осуществлению общих целей, связанных с реализацией строго очерченных, формализованных управленческих функций. Формальная организация играет основную роль в жизнедеятельности целевых объединений, созданных для управления. Она включает: разделение труда между членами объединения и специализацию функций; распределение власти, то есть полномочий по принятию решений, что создает иерархию должностей и четко очерченный круг прав и обязанностей лиц, занимающих эти должности, а соответственно, отношения субординации.

Формализованная система отношений обуславливает атмосферу «безличности», то есть независимости деятельности и отношений от влияния индивидуальных особенностей членов организации. Это вовсе не означает, что в рамках управленческой целевой группы не могут возникать и влиять на ход деятельности и отношений личные интересы, отношения взаимной симпатии или антипатии людей, персонализация формальной организации. Межличностные, социально-психологические связи и взаимоотношения, складывающиеся на их основе неформальные первичные группы и способы деятельности, модифицируют формальную организацию управленческой деятельности, в известной мере обогащают ее элементами нерациональности, спо-

способствуют формированию субъективно-личностных элементов правил игры.

Формальная организация целевой управленческой группы требует координации действий, согласования с целью обеспечения объединения разделенного труда в целое.

Целевая группа-организация развивает систему внутренней коммуникации с тем, чтобы информация передавалась упорядоченно, соответствующим образом, и тому, кому она необходима для выполнения служебных функций. Кроме того, внутренняя коммуникация — непременное условие развития взаимопонимания между членами организации и сплоченности группы.

Каждая целевая группа должна обладать развитой системой стимулов, побуждающих активно и творчески выполнять соответствующую деятельность, и формализованного контроля над деятельностью членов организации.

Целевая группа как звено управления общественными делами расчленяется на руководителей и исполнителей. Здесь важную роль играют лидеры. Они — создатели формальной организации, руководители подчиненного им персонала, инициаторы поиска оптимальных вариантов управленческих решений, организаторы активности для их успешной реализации.

Функционирование управляющей организации предполагает наличие дисциплины. Без соблюдения членами организации установленных норм, правил данная организация не сможет выполнить стоящие перед ней задачи. Дисциплина — необходимое условие аккумуляции индивидуальных волеизъявлений, интересов, стремлений в общий интерес, единую волю и коллективное стрем-

ление; это — фактор, обеспечивающий как отношения субординации, так и координации.

Для того, чтобы управлять, нужно иметь на это полномочия и право, иначе говоря, обладать властью. Власть управленческая и есть система полномочий и средств для осуществления от имени общества, государства или любого другого сообщества (группы, коллектива) функций управления ими. Государственная власть складывается из политической и административной. Управление, осуществляемое с помощью политической власти, суть политическое руководство, политика; реализация административной власти означает административное управление или администрирование.

Администрирование — в основном управление директивное, это — командование людьми, коллективами, сообществами, осуществляемое созданными организациями, путем использования законов, норм, приказов, распоряжений, санкций, назначения кадров и других средств воздействия на управляемых. Речь идет о средствах и методах социального (административного) контроля, мобилизации и распределении ресурсов, коммуникативной деятельности (информировании, инструктировании, общении), стимулировании активности управляющих и управляемых, наконец, о согласовании интересов, целей и действий, что необходимо для разрешения возникающих противоречий и конфликтов. Субъект административного управления, опираясь на административную власть, использует широкий набор форм, средств и методов воздействия на управляемых: от экономических до социально-психологических, интегрируя в свою деятельность достижения современного менеджмента.

Характер воздействия на управляемых, подвластных: а) прямое (непосредственное) воздействие — приказ, директива, задание и т.п., основанное как на авторитете субъекта власти, так и на внешнем принуждении; б) через мотивы и потребности — стимулирование желаемого поведения и деятельности; в) через систему ценностей — воспитание, образование, информацию; г) через окружающую социальную среду — изменение условий труда, статуса в организациях; изменение системы организации форм кооперирования деятельности людей.

Краткая характеристика целевой группы — организации как ячейки административного управления, специфики административной власти позволяет понять, сколь многообразны возможности для возникновения противоречий и конфликтов в этой области общественной жизни. По своей природе они в основном порождаются взаимодействием управляющих и управляемых, организаторов и организуемых.

Как свидетельствует Дэн Д., классическое исследование проблем в области менеджмента, проведенное в различных организациях Соединенных Штатов, показало, что 25% времени, затраченного на управление, уходит на улаживание конфликтов. Эта цифра увеличивается до 30% для руководителей низшего звена¹

Организационно-управленческий конфликт — это конфликт между членами управляющей организации, руководителями и исполнителями, образующимися в их составе первичными группами, между различными подразделениями в данной системе управления по поводу целей, методов и средств управленческой и организационной деятельности, а также ее результатов и социальных последствий.

Как и другие типы конфликта, организационно-управленческий конфликт означает столкновение субъектов, связанное так или иначе с противоречивыми позициями, целями, ценностями и представлениями об общественном процессе жизни людей, наций, государства и т.д. Вместе с тем специфика определения данного типа конфликта, особенность всех его признаков вытекают из того, что здесь речь идет о взаимодействиях внутри определенной целевой группы (части управляющей системы) или ее с другими частями. Взаимоотношения между людьми — членами управляющей организации, в частности, аппарата государственного или местного управления, принципиально отличны от иных институционализованных или неинституционализованных отношений. Они заданы специализированными, четко определенными управленческими функциями и ролевой структурой организации, регламентируются присущими данной организации нормами, а также способами деятельности. Поэтому в рамках целевой общности, каковой выступает любая организация управления, за конфликтными действиями стоят не противоположность социальных интересов членов организации (они привержены тому интересу, во имя которого создана организация), а лишь момент несовпадения общего интереса с индивидуальным, элемент ущемленности последнего, либо противоречие в понимании роли того и другого для поведения и деятельности субъекта, будь то руководитель или исполнитель. На конфликтные действия побуждают не противоположные цели управляющих и управляемых (те и другие, интегрируются в организацию, признавая ее цели), а скорее неоднозначные интерпретации общих целей, путей и средств их достижения. Несколько иначе обстоит дело с по-

зициями, ценностями и представлениями членов организации. Они могут быть официально выражаемыми и неофициально проявляющимися, причем первые далеко не всегда совпадают со вторыми, чаще всего противоречат им.

В управленческой группе возникают и развиваются конфликты преимущественно объективного характера, то есть вытекающие из закономерных для данной подсистемы противоречий, и такие, которые порождаются главным образом субъективными причинами, зависящими от личностных характеристик и индивидуального поведения руководителей и исполнителей, властвующих и подвластных. Как в политическом анализе, так и здесь весьма значимо разграничение конфликтов по признаку реальности: конфликта подлинного, обусловленного преимущественно объективными противоречиями, и ложного, не имеющего в своей основе фактических причин; конфликта действительного и приписанного, когда в качестве конфликтующих сторон воспринимаются вовсе не те агенты, которые находятся в состоянии противоборства; конфликта условного, существующего до тех пор, пока он не осознан, и конфликта жизненного, постоянного для социального организма. Конфликтология и должна помочь практикам в решении этой познавательной задачи.

Каждый элемент организационно-управленческих отношений в потенции обременен противоречием, хотя, конечно, не всякое такое противоречие развивается в конфликт. Но всякое, противоречие, если оно реализуется, в конечном итоге восходит к отношениям: руководитель - подчиненный, властвующий - подвластный, управляющий-управляемый, исполнитель-исполнитель. Основа внутреннего регулиро-

вания отношений и деятельности — единый административный порядок, иерархия, субординация, принцип единоначалия, рациональность, дисциплина — предполагает постоянное преодоление противоречия между общезначимым для данной организации и частным (групповым, индивидуальным), нормативным и дисфункциональным, рациональным и иррациональным, целенаправленным и стихийным. При этом общезначимое, нормативное и т.д. в идеале воплощается в деятельности руководящего ядра, формального лидера. Но в действительности бывает иначе, когда носителем позитивного выступает активная часть целевой группы, сталкиваясь с сопротивлением руководства. Административный порядок потому и гарантирует возможность принудительного выполнения членами организации общеобязательных норм, что они нередко приходят в противоречие с личными, индивидуальными интересами и стремлениями. Объективно в управленческой группе наряду с основной, формальной организацией существует неформальная. Первая слагается из четко институционализированных ролей, должностей, санкций и образцов поведения, закрепляется правовым путем. Вторая образуется из ролей, институтов и санкций, образцов поведения, ориентации и оценок, возникающих спонтанно в процессах повседневного взаимодействия. Противоречие между этими структурами неизбежно, коль скоро формальная организация обеспечивает «безличностный» способ функционирования целевого объединения, опирается на административную власть, а неформальная — на способ деятельности и отношения, зависящие от личностных черт членов организации и регулируемые складывающимися профессионально-этическими нормами, авторите-

том общественного мнения. Популярным примером, подтверждающим сказанное, служит коллизия, возникающая каждый раз с появлением в группе наряду с формальным лидером лидера неформального. Соперничество между ними из-за влияния на членов группы и ограничение власти формального лидера неформальным — основные проявления этой коллизии, с большой вероятностью перерастающей в конфликт.

Формальная организация управленческих отношений воплощается в бюрократии. Как административный управленческий аппарат, как рационализированная и деперсонализированная система управления и руководства, бюрократия объективно противоречива, объективно обречена на конфликтность и внутри себя и во взаимоотношении с общественной системой — объектом управления. Бюрократия двулика. Бюрократическая организация служит цели обеспечения максимальной четкости и эффективности деятельности институтов управления, что достигается за счет строгого распределения обязанностей, профессионализма членов организации, обязательной служебной иерархии и постоянного контроля, установленной и зафиксированной системой правил, обеспечивающей единообразие в управленческой деятельности и применение общих требований к частным случаям, независимости выполнения служебных обязанностей от частных и внеслужебных связей и т.д. Одновременно бюрократии свойственны моменты иррационального, неформального и личностного («начальство все знает»), перенос акцента с целей организации на ее средства, превращение бюрократического аппарата в машину, работающую только для себя и на себя, во имя собственного сохранения и воспроизводства.

Стало быть, «организационный императив», свойственный любой организации, заключается в том, что каждая организация должна создать собственную систему руководства, разделения труда, коммуникаций и пр., прежде чем начинать действовать в качестве управляющего субъекта, поскольку он, будучи односторонне реализованным, переходит в свою противоположность. Так же обстоит дело и с другими элементами бюрократической организации. Знания, нормы, образцы поведения, стереотипизация мышления и действия могут превратиться при определенных условиях в свои антиподы и послужить источниками конфликта. Преимущественно субъективные источники противоречий и конфликтов в управленческой организации обусловлены тем, что эта организация — плод рационального, основанного на определенной схеме знания, что управленческая деятельность есть целеполагающая и что внутри организации существенную роль играют непосредственные, межличностные связи. Рациональное, сознательное всегда противостоит и пробивает себе дорогу через преодоление иррационального, спонтанно, неосознанно проявляющегося. Постановка цели предполагает выбор вариантов действия управляющей системы, осмысление ожидаемых результатов их реализации. Это сопряжено с борьбой мнений, столкновением позиций, соревнованием идей. Знания формируются как антипод незнания, обыденных представлений об организационно-управленческих процессах, традиционных отношений между властью и подчиненными. Кроме того, бюрократическая организация уважает иерархию знания: верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается частных дел; низшие же круги доверяют верхам во всем, что касается все-

общего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение (К.Маркс). Что же касается межличностных непосредственных связей, то они представляют собою поле проявления сложнейшей гаммы социально-психологических противоречий и конфликтов между живыми людьми, работающими повседневно бок с бок.

Объективно и субъективно детерминированные противоречия и конфликты в управленческих организациях нельзя рассматривать в качестве показателей только негативного или, наоборот, позитивного состояния последних. Их наличие (латентное или явное) свидетельствует лишь об одном: о реальности функционирования организаций. Те или иные противоречия и конфликты могут проявляться как в конструктивном, так и в разрушительном плане, как норма, и как социальная патология. Это определяется конкретной ситуацией, состоянием организации и отношением ее членов к противоречиям и конфликтам. Своевременное разрешение или предупреждение конфликта приводит к одним последствиям (конструктивным), а разрастание конфликта—к другим (разрушительным).

Всю совокупную деятельность управленческой организации любого уровня — будь то, скажем, аппарат местного самоуправления, департамент областной администрации или управленческий орган федерального уровня — можно разделить на две сферы. Первая — обеспечение организационных условий внутри себя для выполнения предписанных функций (реализация «организационного императива»). Это — процесс самовоспроизводства организации; он продолжается до тех пор, пока существует и реально действует организация. Поскольку меняются условия деятельности, набор задач. — мо-

дифицируются и функции, обновляется состав пер-соналий руководящего ядра и исполнителей. Вторая сфера — целеполагающая деятельность, составляющая содержание управленческого процесса. Это — сфера взаимодействия с объектом управления: конкретной общностью людей, видом их деятельности. Суть управления, как известно, состоит в разработке, принятии и реализации управленческого решения.

Характер конфликтов в одной сфере деятельности и в другой различен.

**2. Конфликты при реализации
«организационного императива» и
в процессе разработки и принятия
управленческих решений.**

Из ранее изложенного понятно, что необходимым условием для функционирования управляющей организации является налаживание и поддержание формальной системы, благодаря которой данная целевая группа становится частью управленческого аппарата, институтом административной власти, органом бюрократии.

Создание и функционирование любой формальной организации с самого начала сопряжено с объективно-субъективным латентным противоречием: между установленной для нее системой ролей и статусной структурой, с одной стороны, и потребностью членов организации иметь высокие статусы и выполнять такие роли, которые бы обеспечивали свободу деятельности и реальную возможность самовыражения. По природе своей организация административного управления противоположна демократическому принципу Роулса: «никогда не по-

зволено оправдать неравенство возможностей». Формально, властно закрепленная иерархия должностей, в рамках которой осуществляется работа каждого лица в пределах жесткого разделения труда, исключает свободу выбора для исполнителя. Ее, но тоже ограниченную функциями организации, имеют лишь те, кто относится к руководству. В свою очередь последние вступают в сходное противоречие с вышестоящей организацией. И т.д. Конечно, в хорошо отлаженной организации существуют и действуют определенные механизмы снятия данного противоречия: в виде возможного продвижения, реализации карьеры работника в зависимости от качества выполняемой деятельности и уровня квалификации. Но сколько на этом пути препятствий! Ограниченное число карьерно-возможных должностей, принятая в организации система формальных и неформальных оценок работника, личное отношение руководителя, групповое мнение, конкуренция из-за престижной вакансии и т.п. Так что о полном снятии противоречия говорить не приходится. Источник для конфликта остается: между членами организации и руководством, а также между индивидами, личные интересы которых столкнулись на поприще карьеры. Чем выше уровень профессиональной подготовки личного состава организации и карьерных притязаний, тем больше вероятность конфликтов такого рода. Возможность их обострений прямо связана с увеличением численности молодых кадров. К объективному моменту прибавляется субъективизм руководящей бюрократии, осуществляющей кадровую политику. Известный английский публицист-сатирик Паркинсон С., исследуя бюрократизм государственной администрации, сделал вывод, что «численность любого адми-

нистративного аппарата возрастает на определенный процент независимо от определенного объема работы...»² Он назвал это «Законом Паркинсона». Чиновник множит подчиненных, но и соперников. Чиновники работают друг для друга. Подчиненных должно быть не меньше двух, чтобы каждый придерживал другого, боясь, как бы тот его не обскакал.³

Непрестанная нужда в кадрах, диктуемая потребностями изменения объекта управления и законами бюрократии (необходимостью умножения чиновников), заставляет администрацию постоянно заниматься отбором кадров. Практике известно разнообразие методов отбора. Среди них, например, древний китайский метод, который использовался еще во времена династии Мин, широко применялся многими нациями, в том числе англичанами. Он описан Д.Неру и Паркинсоном. Этот метод заключался в проверке классического образования и литературных способностей, что свидетельствовало, по представлению проверявших, о способности испытуемого к любой чиновничьей службе. Паркинсон пишет также о современных методах, включающих проверку умственного уровня и психологическую беседу по тестам. Что касается психологической беседы, то при данном методе, по мнению Паркинсона, «нередко из пятисот человек выбирают именно того, кто через несколько недель окажется абсолютно непригодным».⁴

В советский период получил распространение анкетно-номенклатурный метод подбора кадров, когда отдавался приоритет политической оценке человека. Несостоятельность подобного подхода "показало время; чиновники из советского госаппарата и прочие управленцы составили основную

часть нынешнего бюрократического аппарата, обслуживающего —
противоположный —
антисоветский, антикоммунистический
политический режим. К сожалению, история не учит правящую элиту. Начиная с 1990 г. в России происходила чистка госаппарата опять-таки по политическим мотивам. Руководствуясь принципом личной преданности вышестоящим политическим властям, из системы управления государством, местными органами власти и экономикой изгоняли квалифицированных и преданных интересам государства и народа служащих. На их место «рекрутировались» во власть «завлабы», «менеэсы», отличительными чертами которых были ненависть ко всему отечественному, страсть к разрушениям и патологическая потребность в обогащении. О некачественности нынешних управленческих и властных структур много раз говорилось и писалось на различных уровнях, в том числе на высшем. Не случайно во многих регионах по воле народа в руководящие органы возвращаются лица, ранее изгнанные из них, и даже в отдельных случаях восстанавливаются разрушенные институты. Понятно, что описанные методы отбора кадров ничего, кроме острейших конфликтов в системе управления и в обществе, породить не могут. Они стимулируют проявление всех пороков бюрократизма, создают условия, при которых в управленческих организациях оказываются люди, сочетающие в себе полную профессиональную непригодность с букетом негативных психологических качеств, провоцирующих конфликтные взаимоотношения в коллективе.

Какие же методы подбора кадров могут свести к минимуму деструктивные межличностные конфликты в организации? Такие, которые бы выявляли

объективные качества личности будущего служащего, прежде всего профессиональные, а также социально-психологические, соответствующие потребностям функционирования данной организационно-управленческой системы» которые бы, разумеется, не противоречили установлениям Закона. Что касается политических взглядов и ориентации, то таковые обязательно учитываются при формировании политических институтов, но не институтов административного управления. Госслужба, конечно, не может быть аполитичной и не бывает таковой, так как она работает на конкретный политический режим. Тем не менее основное качество госслужащего — профессиональность. А политические и идеологические пристрастия — это дело личное, внеслужбное. Согласно российскому законодательству, оно не должно приниматься во внимание при оценке кадров. Для управленческой организации совершенно верен, известный тезис: «Кадры решают все!». Если персонал служащих по своим деловым качествам соответствует функциональным требованиям организации, если его социально-психологические характеристики могут обеспечивать служебную совместимость, сотрудничество работников, а во главе коллектива не просто администратор, но и действительно лидер, то конфликт между административной властью и дисциплиной в «команде» и стремлением к самостоятельному творческому исполнению своих обязанностей, к относительно свободной деятельности становится источником инициативы и прогресса организации. Отсутствие же этих условий превращает данный объективный по своей природе конфликт в причину застоя, разложения организации.

Причин болезни организации может быть много. Но среди них кадровые — решающие. Паркинсон называет первым признаком «болезни» появление в числе сотрудников человека, сочетающего полную непригодность к своему делу с завистью к чужим успехам. «Болезнь» перерастает в другую фазу, если такой деятель «хотя бы в какой-то степени прорывается к власти», занимает руководящий пост. «Опознать его легко по упорству, с которым он выживает тех, кто способнее его, и не дает продвинуться тем, кто может оказаться способней в будущем»⁵

Следующая стадия наступает неминуемо в случае, если непригодному руководителю удастся вытравить из всего учреждения разум. А это он может, обладая административной властью. Тогда в учреждении утверждается атмосфера полного самодовольства. «Главный» признается уже человеком «умным», потому что он «лишних слов не тратит, зато и не ошибается». Второсортному начальнику уподобляются третьесортные подчиненные. Самодовольство сменяется апатией. Учреждение умирает. Но сколь чувствительные межличностные конфликты такой процесс «болезни» учреждения вызывает, какой серьезный урон делу управления он наносит!

Суммируя противоречивость процесса реализации «организационного императива», обозначим специфические для него виды конфликта.

1. Конфликт, связанный с распределением статусов и власти. Первое вытекает из несоответствия количества статусов высокого ранга наличным или потенциальным притязаниям членов организации. Второе объясняется двумя обстоятельствами. В организации создается иерархия должностей и соответственно имеет место делегирование власти (переда-

ча части полномочий) от вышестоящих звеньев руководства к нижестоящим. А всякая власть, в том числе делегированная, имеет тенденцию к саморасширению границ применения; отсюда столкновение ее субъекта с вышестоящим. Вместе с тем иерархичность построения организации и управления внутренне порождает одностороннюю ответственность низших звеньев перед высшими (большинства перед меньшинством), что приводит к административному произволу, казенному равнодушию к правам и нуждам рядовых членов организации, пренебрежению к мнению и опыту коллектива. Естественное соперничество из-за статусов превращается при неумелом руководстве в междуусобную грызню, в подсиживание одними других сотрудников и приводит в конечном итоге к развалу организации как единого целого. Относительная автономность подразделений организации, обусловленная спецификой функциональных обязанностей и связанной с этим ответственностью — нормальное состояние организации, предполагающее лишь латентный конфликт. Открытым же он становится, если «начальство» подразделения превышает свои полномочия, притязает на часть власти руководства организации как целого. И наоборот, если это руководство стремится лишить положенных властных полномочий подразделение и в любом вопросе навязывать свою волю.

2. Конфликт, порождаемый проявлением разнообразных дисфункций в организации, обусловленных как объективными, так и субъективными обстоятельствами. В числе объективных — ситуация социального изменения. Организация функционирует в определенных условиях — внутренних и внешних (социальная и политическая среда). Они не остаются

ся постоянно неизменными. Возникающие изменения нарушают устоявшийся способ функционирования, происходит определенная дезорганизация системы. Социальная дезорганизация — неотъемлемая часть процесса социального изменения⁶. Дисфункциональное состояние характерно для кризисных ситуаций.

Возможны случаи спровоцированной дисфункциональности, в частности, преднамеренным созданием ситуации, при которой организация вынуждена (или ее вынуждают) заниматься не свойственными ей делами. В системе государственного управления это происходит чаще всего, когда вместо административного управления той или иной структуре приходится заниматься политическими вопросами. В предвыборной кампании 1995 г. в политический процесс оказались вовлеченными все высшие, региональные и местные органы исполнительной власти. В итоге возникли противоречия прежде всего с Законом о выборах, а также внутренние межличностные конфликты: между вышестоящим руководством, обязывающим подчиненных заниматься предвыборными вопросами, и нежеланием многих из них отвлекаться от своей профессиональной работы.

3. Конфликт, обусловленный неадекватным разделением труда между членами организации и соответственно неадекватной ролевой структурой коллектива. Он вытекает из ошибочной стратегии и тактики подбора и расстановки кадров. О банальном варианте такого конфликта уже говорилось — это «болезнь» организации, вызванная деятельностью «второсортных» руководителей и «третьесортных» исполнителей. Непрофессионализм — непос-

редственное проявление и причина данного конфликта.

4. Конфликт, возникающий на базе нарушения формальных и неформальных норм, «правил игры». Любая норма предполагает возможность отклонения от нее в реальном поведении. Противоречие между нормой как идеальной моделью, образцом поведения и ее фактической реализацией становится конфликтом в случае отклоняющегося поведения. Причины конфликта многообразны. В их числе личностные — одни из главных. «Атмосфера безличности» устанавливает границы допустимого отклонения от образцов поведения, а личностные мотивы нарушают эти границы.

5. Нарушение норм и связанный с этим конфликт заложен во многом в недрах системы санкций и стимулов труда, принятой и используемой в организации. Любые классификации сотрудников как база оплаты труда не могут быть идеальными и удовлетворить притязания каждого. Конфликт в этой области отношений предполагается объективно. Субъективное начало делает его реальным. Субъективизм в понимании меры стимулирования труда как со стороны руководителей, так и исполнителей вызывает ту или иную остроту конфликта. Негативные стимулы и санкции сами по себе свидетельствуют о проявлении конфликта между членами организации — подчиненными и руководителями.

6. Объективным законом функционирования организации является внутренняя ее интеграция, сплочение членов в единое целое. Конфликт между системой стимулов, направленных на повышение интеграции, и антистимулами указанного процесса — один из существенных видов в типологии кон-

фликтов, свойственных реализации «организационного императива».

Теперь о конфликтах, связанных с разработкой, принятием и реализацией управленческих решений.

Организационная работа внутри управленческого коллектива не отделена красной чертой от деятельности по выработке, принятию и реализации решений. Напротив, одно переходит в другое, первое является предпосылкой второго. Поэтому конфликты в организационных отношениях проявляются в процессах, связанных непосредственно с управленческими решениями. Тем не менее деятельность по выработке и реализации решений специфична, и возникающие здесь конфликты требуют особого рассмотрения.

Разработка и осуществление управленческого решения означает прежде всего выбор целей данной деятельности, средств и методов их реализации, а также проектирование результатов. Выбор предполагает оценку различных вариантов проекта, что всегда сопряжено со столкновением позиций, взглядов, точек зрения, официальных и неофициальных подходов, различных опытов (прошлого и настоящего), так называемого здравого смысла и научно обоснованной концепции отдельных членов организации и групп, подразделений. Естественное противостояние субъектов в поисках рационального решения усиливается проявляющимися амбициями, стремлением выслужиться перед начальством, слыть творческой личностью и т.п. Острые дискуссии на официальных заседаниях и на страницах печати, по радио и телевидению, приватные переговоры, групповые сделки, мелкие и крупные компромиссы и иные формы борьбы за принятие тех или иных конкретных резолюций, программ, планов и

ОСНОВЫ КОНФЛИКТОЛОГИИ

других видов управленческих решений — естественные явления в жизни государственных и общественных учреждений. Чем выше уровень учреждения и важнее решения, принимаемые им, тем значительнее ответственность за последствия этих решений перед обществом и серьезнее борьба при их выработке и принятии. Теперь мы можем наблюдать депутатские баталии в высшем органе законодательной власти, иногда осуждаем недипломатические (мягко выражаясь) формы ведения дискуссии. И правильно. Только не следует забывать, какой груз ответственности лежит на депутатах и что в каждой важной дискуссии ставится на доску их честь и достоинство как политиков и граждан страны, за кем стоят миллионы избирателей.

Острые конфликтные ситуации, возникающие в процессе принятия, а также в ходе реализации решений, обусловлены диалектикой целей и средств, целей и результатов. Цель оправдывает средства — вариант волюнтаристского действия, как правило, связанного с большими, а может быть даже опасными, потерями для организации и общества. Средства должны соответствовать конструктивному рациональному содержанию цели и обеспечить оптимальный результат при минимальных потерях и затратах ресурсов. Это — другой вариант, противоположный первому, конфликтный по отношению к нему «Определенная цель — определенные средства» — вариант последовательно продуманного решения. «Определенная цель — неопределенные средства» — вид решения при отсутствии достаточной информации о ситуации и т.д.⁷ Результат реализованного решения в основном соответствует его цели — ситуация бесконфликтная. И напротив, конфликт очевиден в случае их несоответствия.

Разработка и реализация управленческого решения требует отлаженной системы информации (по вертикали и горизонтали), обеспечивающей прямую и обратную связь между вышестоящими и нижестоящими звеньями организации, между ее членами, руководителями и подчиненными. Неполнота, разноречивость информационных потоков, а тем более недоступность необходимой информации для исполнителей, порождают обилие вариантов понимания или непонимания решаемых проблем, слухов, интерпретаций фактов, аргументов в пользу того или иного выбора, мотивации действий руководства и исполнителей. Только своевременная и точная информация позволит каждому звену организации определить свое место и роль в разработке решения и избавит от надуманных конфликтов с другими звеньями. Открытая (по возможности) информация о ходе подготовки и принятия решения даст возможность лучше понять тайну этого процесса. Правда практически в полной мере слепать это невозможно отмечает М. Рокан⁸ Решение, особенно крупное, предопределяется множеством факторов, включающих беспристрастные толкования интересов общества, объективную оценку информации: неоднозначной игрой различных групп давления, стремлением человека, принимающего решение, обеспечить себе символическое преимущество, желанием одержать победу над партнером силой идеи, физическим состоянием, боевитостью или, напротив, склонностью ответственного лица к сомнениям, нажимом со стороны его окружения и т.п.⁹ Сам анализ процесса и методов принятия решений, документов и аргументов «за» и «против» представляет важнейший элемент информации для членов организации и общественности, снимающий некой-

структивные конфликты или способствующий их преобразованию в конструктивные.

Конфликтность или бесконфликтность, характер и острота конфликтности, согласованность или ее отсутствие в случае возникновения конфликтных ситуаций при принятии и реализации решений в огромной степени зависит от качеств лидера, ответственного за этот важнейший процесс. Ведь речь идет о выборе и реализации такого проекта действий, который бы обеспечил единство коллектива, положительную кооперацию в процессе достижения ожидаемого общего результата. Искусство руководства включает способность принимать решения быстро и профессионально, пользоваться властью убедительно и в приемлемых для всех формах.

3. Специфика проявления организационно-управленческого конфликта.

В жизнедеятельности организации как коллектива постоянно возникают и преодолеваются многочисленные сиюминутные коллизии в общении людей. Разумеется, не все из них подпадают под определение «конфликт» и требуют соответствующей реакции со стороны руководства. О наличии конфликта* судят по свойственным для конфликтной ситуации проявлениям, присущим ей признакам. Они специфичны для управленческой организации.

На бытие рассматриваемых конфликтов влияет особенность их природы. Общей формой проявления преимущественно объективных по природе конфликтов можно считать дезорганизацию данной целевой группы как обратную сторону необходимых изменений. Дезорганизация — такое состояние, при котором групповые нормы, шаблоны коллек-

тивных действий в той или иной мере приходят в несоответствие с новыми потребностями. Начинается поиск новых процедур действий и обновление отдельных элементов функций. Обычно для этого состояния характерны противоречия по поводу способов деятельности в изменяющихся условиях. Дело доходит до злобных осуждений тех, кто защищает старые образцы поведения и реализации управленческих обязанностей. Формируются группы-инициаторов изменений и их противников. Актуализируется проблема взаимоотношений поколений в коллективе и оценки опыта старших сотрудников. Происходит смена неформальных лидеров, а в критической ситуации — и формальных носителей высшей для организации административной власти.

Таким образом, дезорганизация на субъективном уровне проявляется в виде нарушения согласованных действий членов группы, т.е. несогласия. Если согласие характеризует способность индивидов координировать друг с другом свои действия на основе признанных в организации норм и общих представлений о функциях системы, то несогласие означает нарушение оснований совместных действий отдельными группами организации (секторами), складывающимися во фракции (обособленные группировки). Поведение членов организации зависит от понимания ситуации, от реакции на происходящее или ожидаемое изменение, соотношения с нею своих частных интересов и позиций. При наличии согласия сотрудники понимают ситуацию весьма сходно, их интересы в основе совпадают с общим интересом организации и ее линией поведения в изменяющихся условиях. В таком случае каждый индивид представляет себе деятельность организации в целом и предъявляет другим предсказуемые и

сходные ожидания-требования. Организованное поведение посредством общих представлений и групповых институционализированных норм проявляется в доминировании определенных сходных умонастроений, создающих благоприятную для коллективного скоординированного действия атмосферу.

Несогласие как форма проявления конфликта — это нечто большее, чем расхождение представлений между отдельными индивидами по каким-то частным вопросам, не имеющим значения для организации. В контексте конфликтной ситуации разногласие фиксирует столкновение взглядов и позиций по поводу групповых норм и ценностей, являющихся общезначимыми, по вопросу об общем понимании того, как следует определять новую ситуацию и приспособляться к ней, как действовать скоординированно, чтобы осуществлять свои функции. Несогласие — это отказ образовавшейся внутри организации первичной группы от предписанных шаблонов, норм поведения, это — неисполнение в той или иной мере своих обязанностей, поскольку оспаривается их легитимность (обоснованность) в изменяющейся ситуации. При наличии несогласия как проявления конфликта подрывается доминирование общего умонастроения в организации, отсутствует единство (хотя бы в основе) формальной и неформальной структур отношений. Теряется идентификация образующихся частных групп с ценностями всей целевой группы-организации.

Типичным конфликтом, связанным с необходимыми изменениями, а значит и ситуацией несогласия, является конфликт между консерваторами и новаторами. Он закономерен, ибо новое инициируется всегда отдельными членами организации, будь то

лидер или рядовой. Первичная форма проявления такого конфликта — несогласие с устаревшими элементами в структуре или деятельности организации. Сначала момент несогласия фиксируется в частных высказываниях отдельных лиц; затем это становится позицией ряда индивидов, объединяющихся в группу. Предмет несогласия расширяется, включая в себя действия большинства коллектива, поддерживающего старое и связанные с ним формы организации управленческих отношений. Несогласие перерастает в противостояние новаторов с консерваторами; вероятность того или иного исхода зависит от способности организации, ее руководства к конструктивным действиям в соответствии со сложившейся ситуацией.

Углубляющееся несогласие порождает **напряженность** в коллективе организации — форму проявления более высокого этапа возникающего конфликта. Напряженность как момент дезорганизации, связанной с необходимыми изменениями, выступает в позитивном и негативном плане. Позитивный аспект обнаруживает себя, в частности, в неудовлетворенности состоянием дел в организации, введенным порядком, стилем руководства и т.п., острой критике методов и результатов деятельности организации в целом или ее отдельных подразделений, выражающих осознание необходимости обновления деятельности организации и одновременно невозможности это сделать при данном ее состоянии. Такая напряженность стимулирует переход к реорганизации целевой группы с учетом новой ситуации и может быть охарактеризована как конструктивная. Негативная форма напряженности проявляется многолико, включая в конечном счете девальвацию норм и ценностей, на которых строится

данная организация, ее дезинтеграцию и формирование дисфункционального, кризисного состояния. Негативная напряженность подрывает устои административной власти? ее авторитет; деятельность управленческой организации теряет целенаправленность; дезорганизация не уходит, а углубляется. На первый план выходит не конструктивная мотивация поведения руководства и коллектива, а стремление как-нибудь выжить, сохраниться во имя своих частных интересов. Конечный итог негативной напряженности — агония организации.

Конфронтация членов организации — неотъемлемый элемент напряженности на высоком уровне ее развития и форма проявления внутреннего конфликта. Она приобретает разнообразные виды, в том числе — жесткой конкуренции на почве карьерных устремлений служащих, дискуссий, нацеленных на разгром оппозиционных взглядов и их носителей, борьбы за влияние на центр административной власти и за определенные привилегии и др. В кон-фронтационном поведении используются разнообразные средства и методы, доступные чиновничеству: от организации групповых протестов до травли «идущих не в ногу» со всеми, от конструктивных выступлений и практических действий до дрызг и подсиживания одних другими, от убеждений до наказаний и увольнений конфликтантов. В управленческих организациях конфронтация проявляется в форме агрессивного и конформного поведения, в виде ухода от конфликта и поведения, склонного к подчинению, к принятию позиции противоположной стороны. Бюрократическая психология служащих не исключает и анархистские поступки.

Наибольшую опасность для позитивной деятельности организации представляет конфронтация, ве-

дущая к расколу организации, что связано с кристаллизацией частных интересов и подменой ими общих.

В условиях напряженности и конфронтации позитивные формы конфликтного поведения могут переходить в негативные. На первый план выходит практика применения негативных санкций; нарастает противоположность формальных и неформальных отношений, в ткань нормальных деловых, служебных отношений проникает подозрительность, взаимное непонимание; нарушается деловое общение. В большей степени подобные явления множатся в конфликтных ситуациях, возникающих по причинам исключительно субъективного порядка. Речь идет в первую очередь о культуре коллектива данной организации, что в настоящем контексте обозначает совокупность специфических представлений и норм, составляющих основу его поведения и действия. Правовая культура, уважение власти, закона, профессиональный кодекс, служебная этика — гаранты успешного функционирования организации и предупреждения конфликтов деструктивного характера, их нежелательных последствий. Все эти факторы в конечном итоге сводятся к обеспечению исполнения каждым членом организации своих обязанностей, которые налагаются предписанными ролями, и осуществления своих прав по отношению к другим.

Субъективные по природе конфликты в управленческом коллективе непосредственно порождаются противоречиями между конвенциональными ролями, которые призваны играть руководители и исполнители, каждый член организации, и отклонениями от них, выражающимися в нарушении установленных норм, невыполнении положенных обя-

занностей и нереализации прав. Источники таких противоречий кроются в сфере социальной психологии личности и группы.

Литература.

1. Дэн Д. Преодоление разногласий (перевод с английского). Санкт-Петербург, 1994. С. 15-16.
2. Паркинсон С. Законы Паркинсона. Изд-во «Прогресс», М., 1989. С. 313.
3. Там же. С. 13.
4. Там же. С. 19.
5. Там же. С. 47-48.
6. Шибутани Т. Социальная психология. Изд-во «Прогресс», М., 1969. С. 468.
7. Зинченко Г. Теория социологии. Ростов-на-Дону, 1993. С. 181-182.
8. Рокар М. Трудиться с душой . М., 1990. С. ПО.
9. Там же. С. ПО.

**Лекция 9. УПРАВЛЕНИЕ
КОНФЛИКТАМИ:
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ,
РЕГУЛИРОВАНИЕ И РАЗРЕШЕНИЕ**

Изучение общей теории конфликта, а также анализ специфики основных типов конфликта в общественной жизни дают возможность перейти к рассмотрению проблем управления конфликтами. Сама постановка вопроса об управлении конфликтами концептуальна в том смысле, что она вытекает из принципиального понимания конфликтов как неотъемлемой стороны общественных процессов, как их источника и движущей силы творческой деятельности людей, но вместе с тем и как детерминанты проблем и трудностей развития.

1. Понятие управления конфликтом.

Если бы мы понимали конфликт только как патологическое явление в обществе, ведущее к дезорганизации социальной системы, к нарушению ее нормального функционирования, то основная проблема отношения к конфликту сводилась бы к его ликвидации — отмене, подавлению, скорейшему разрешению. Признание же конфликта закономерным явлением в обществе, более того, движущей силой развития, расширяет и углубляет проблему обращения с ним. Эта проблема становится многоплановой. Понятие «управление конфликтом» выражает ее сущность. При его определении следует учитывать противоречивость влияния конфликтов

на общество: конструктивное (стимул созидательной деятельности) и разрушительное (дезинтеграция системы, затраты ресурсов на противоборство).

Управление конфликтом есть целенаправленное воздействие на процесс конфликта, обеспечивающее решение социально значимых задач.

Управление конфликтом — это перевод его в рациональное русло деятельности людей, осмысленное воздействие на конфликтное поведение социальных субъектов с целью достижения желаемых результатов; это ограничение противоборства рамками конструктивного влияния на общественный процесс. Управление конфликтами включает в себя: прогнозирование конфликтов; предупреждение одних и вместе с тем **стимулирование** других; прекращение и подавление конфликтов; регулирование и разрешение. Каждый из названных видов действий представляет собою акт сознательной активности субъектов: одного из конфликтующих либо обоих, или же третьей стороны, не включенной в конфликтное действие.

В любой сфере общественной жизни возможны разнообразные конфликты: закономерные, случайные, действительные, ложные и т.п. Так, администрации города приходится иметь дело с различными видами социальных, политических, экономических, юридических, а также организационно-управленческих конфликтов. Она решает проблемы налаживания и совершенствования взаимоотношений между властью и населением, государственными органами и хозяйственно-экономическими организациями, партиями, общественными объединениями; ее задача — способствовать созданию конкурентной среды для экономических субъектов и поддерживать монополию там, где она необходима; 12*

обеспечивать демократическими средствами порядок и законность. В многосложном деле градоуп-равления власти применяют разные стратегии и технологию воздействия на конфликты: одни стремятся предотвращать (например, социальные); другие — поощрять (в частности, конкурентные); третьи — подавлять (связанные с преступностью); четвертые — удерживать в рамках демократических норм (соперничество между партийными группами); пятые — разрешать в интересах обеих конфликтующих сторон и т.п. В совокупности вся эта деятельность составляет управление конфликтами.

Управление становится возможным при наличии некоторых необходимых **условий**. К таковым относятся: объективное понимание конфликта как реальности; признание возможности активного воздействия на конфликт и превращения его в фактор саморегуляции и самокорректировки системы; наличие материальных, политических и духовных ресурсов, а также правовой основы управления, способности общественных субъектов к согласованию своих позиций и интересов, взглядов и ориентации.

Объективность понимания — первейшая предпосылка управления конфликтами и вместе с тем методологическая проблема. Субъективизм в объяснении конфликта обуславливает неудовлетворительное его разрешение, так же как ошибочный диагноз никогда не может помочь в лечении болезни.

Объективное понимание конфликта — это адекватное, т.е. соответствующее реальности, его описание. Субъект управления имеет в качестве объекта не непосредственно реальный конфликт, а его описание, образ, мысленное отражение, вербальную (речевую) интерпретацию. Понятно, что такое опи-

сание включает определенный подход, приемлемый для той или другой стороны конфликта или — для третьей, нейтральной, выступающей посредником. Ведь каждая сторона стремится представить коллизию так, как она ее видит со своих позиций, как она понимает сложившуюся ситуацию, иначе говоря, как она заинтересована объяснять конфликт. Поэтому сам факт того или иного объяснения конфликта включается в предмет противостояния. Так, дудаевская версия объяснения конфликта между Чечней и Россией противоположна версии российского правительства. Дудаевские сепаратисты не согласны даже с позицией миссии ОБСЕ, обвиняют последнюю в односторонней поддержке федеральных властей.

Описание составляющих конфликта (субъектов, предмета, ситуации и т.п.) осуществляется в рамках определенных ценностных установок, предполагающих достижение желаемого результата конфликта одной или обеими сторонами. Трудно, а скорее невозможно, найти в многочисленной литературе о Карабахском конфликте однозначное его описание. Одни авторы видят источник конфликта в ошибочном решении большевиками в начале 20-х гг. вопросов национально-государственного устройства СССР, другие — в антиармянской политике Азербайджана.

Объективное объяснение конфликта возможно при выполнении следующих требований:

1. Анализ конфликта учитывает только те факты, которые актуальны в настоящей ситуации.
2. В объяснительный контекст входит и учет предшествующего состояния конфликтной ситуации и ее развития в последующем.

3. Объяснение конфликта подчинено успешному разрешению его в интересах целого — прогресса общества, личности и пр.

Признание возможности активного воздействия на конфликт также составляет существенное условие управления им. Это исключает отношение к конфликтам как фатально неизбежным, стихийно возникающим и столь же стихийно развивающимся, а стимулирует поиск путей и методов сознательного влияния на конфликтную ситуацию, зарождающуюся или реально существующую. Более того — предполагает использование конфликта в качестве фактора стимулирования развития системы.

Безусловно и то, что управление конфликтной ситуацией требует определенных материальных, политических, социальных и духовных ресурсов, равно как и соответствующей правовой основы. Надо ли доказывать, например, что разрешение тех или иных социально-классовых коллизий в обществе возможно при помощи экономических средств и совершенствования способов политического руководства, развития демократических прав и свобод человека.

Управление конфликтами предполагает реализацию определенных принципов этой деятельности. В первую очередь речь идет о необходимости последовательного осуществления объективного подхода к конфликту на основе его адекватного описания. Практика управления будет успешной, если ее объектом является не мнимый, приписанный и т.п., а реально существующий или возникающий конфликт, если она строится с учетом взаимосвязи конфликта с действительными проблемами и актуальными противоречиями. Любая форма субъективизма ведет к односторонним, волюнтаристским

действиям, к попыткам либо неоправданного ухода от конфликта, либо его насильственного прекращения. Объективный подход включает также учет противоречивости функций конфликта.

Ввиду того, что конфликты многообразны, раз-нокачественны, а различным общественным системам свойственны свои типы конфликтов, управление общественными коллизиями требует конкретного подхода. Иными словами, нельзя все конфликты подгонять под одну универсальную схему. Социально-классовые конфликты, скажем, имеют свой генезис и способы разрешения, национальные — присущую только им динамику и свойственные способы преодоления; военные конфликты решительно отличаются от всех мирных форм конфронтации. В условиях демократических систем конфликты регулируются на основе демократических принципов, а в авторитарных политических системах — административно-бюрократических. Характер целенаправленного воздействия на конфликт зависит от многих конкретных обстоятельств и факторов: места, времени, целей, стадии развития конфликта, природы противостоящих субъектов, их способности к согласованию своих интересов и позиций, их уровня культуры и т.д.

Многообразие конфликтов предполагает использование разнообразных способов и приемов воздействия на конфликтные ситуации, в том числе, таких, как организационные, информационные, коммуникативные, социально-психологические¹

Один из принципов управления конфликтом — гласность. Любая попытка скрыть наличие конфликта в обществе или в коллективе, замаскировать его внешним благополучием ведет только к углублению конфронтации. И, напротив, своевременное

и корректное вскрытие конфликта, его причин и условий означает создание благоприятных предпосылок для урегулирования последнего и успешного преодоления. Гласность предполагает наличие информации о конфликтной ситуации, доведение ее до заинтересованных групп населения и формирование соответствующего объективного отношения общественного мнения. Известно, что сокрытие конфликтов, вызревавших в недрах советской системы, не предохранило ее от кризиса, а ускорило его возникновение и развитие. В любой организации, где руководство боится правды о возникающих конфликтах, стремится закамуфлировать их любыми путями, в конечном итоге развивается разрушающая патология. Болезнь, если ее загонять вглубь, в любом случае становится опасной.

Демократическое воздействие на субъекты конфликта — один из принципов управления. Весь механизм демократии, каждый из его элементов служит надежным орудием управления общественными процессами в интересах большинства населения.

Управление конфликтами осуществляется как на уровне государства, так и гражданского общества: в форме легализации и легитимации конфликтов, их институционализации, канализации и рационализации. Ограничимся лишь кратким определением их сути. Легализация и легитимация конфликтов означает признание их органами власти и общественностью, интегрирование конфликтов в систему государственного и общественного управления. Институционализация предполагает создание системы организации по управлению конфликтами. Эта же система служит и средством их канализации, т.е. проявления и развертывания в рамках существующего правового и общественного поряд-

ка. Каждый из указанных элементов управления способствует преобразованию стихийных форм конфликтов в общественно-осознанные.

Если система государственной власти и управления обеспечивает официальное, публичное воздействие на конфликты, формально-правовое их регулирование и разрешение, то институты гражданского общества служат средством неформального влияния на конфликты.

2. Предупреждение и стимулирование конфликтов.

Возникает вопрос, насколько корректно совмещение понятий «предупреждение» и «стимулирование» конфликтов, противоположных по своему смыслу и назначению? Положительный ответ на этот вопрос вытекает из развиваемой в данной работе концепции конфликта как явления закономерного в общественной жизни, не только негативного, разрушительного, но и конструктивного. Понимание конфликта как негативного явления обуславливает необходимость его предупреждения. Иной же подход, а именно: признание конфликта фактором саморегуляции и самокорректировки системы, источником ее изменения и развития — позволяет говорить о проблеме стимулирования конфликтов.

Предупреждение конфликта — это деятельность, направленная на недопущение его возникновения и разрушительного влияния на ту или иную сторону, тот или иной элемент общественной системы. Естественно, что такая деятельность представляет собою активное вмешательство управляющего субъекта (одной или обеих сторон предполагаемого конфликта) в реальный процесс общественных от-

ношений людей, в их взаимодействие в различных сферах жизни. В таком случае стихийный ход процесса может быть прерван, при условии разумного вмешательства, целесообразного с точки зрения интересов общественных сил.

Предупреждение конфликта предполагает его прогнозирование. Без обоснованного прогноза возможной конфликтной ситуации нельзя и предупредить ее появление. Прогноз — это представление о будущем конфликте с определенной вероятностью указания места и времени его возникновения. Научная и практическая ценность прогноза определяется уровнем его обоснованности и достоверности. В числе основных методов прогнозирования: экстраполяция данной ситуации на будущее состояние системы (подсистемы); моделирование возможной конфликтной ситуации, статический метод, опрос экспертов.

В качестве исходного пункта прогностического конфликтологического мышления следует признать определение противоречия, обуславливающего данную проблемную ситуацию, которая может породить конфликт. Противоречие, выражаемое в проблеме, суть причина возможного конфликта. Следующий шаг на пути разработки прогноза — выявление тенденций изменения данной ситуации, развития противоречий и раскрытия проблемы. Эта мыслительная операция включает описание событийного ряда, т.е. совокупности событий, проявляющих проблему во взаимодействии субъектов, а также прослеживание объективной последовательности и взаимосвязи событий — логики общественного процесса. Описание событийного ряда и анализ логики изменения существующей ситуации (развития противоречия, раскрытия проблемы) пр.-

звояет очертить облик вступающих в противостояние субъектов и предмет его. Дальнейшее исследование развития проблемной ситуации в возможный конфликт предполагает включение в анализ принципов и норм функционирования данной системы (подсистемы), временного и пространственного факторов ее изменения, а также социально-экономических, политических, идеологических и социально-психологических условий.

На основе изложенного исследования складываются предпосылки для разработки возможных сценариев прогноза конфликтной ситуации. Затем перед конфликтологом встает задача формулирования прогностической модели и оценка ее достоверности. Заметим, что описание событийного ряда и анализ логики процесса изменения ситуации не позволяют однозначно предсказать возможный конфликт, так как на процесс его формирования влияет ряд трудно учитываемых в исследовании явлений, прежде всего субъективного порядка (эмоциональный настрой людей, уровень их толерантности и т.п.). Так что, каким бы корректным ни был научный анализ событий, их логики, речь может идти лишь о выработке тех или иных вариантов ожидаемых проявлений конфликтной ситуации.

Попробуем проиллюстрировать описанное содержание конфликтологического прогнозирования на примере политического процесса в России.

Ныне сложившееся состояние политического процесса в нашей стране является результатом объективных тенденций, проявившихся за последние четыре года, как то: позитивной тенденции — известной либерализации общественной жизни, демократизации политических отношений и инсти-

ОСНОВЫ КОНФЛИКТОЛОГИИ

тутов, что выразилось в замене старой политической системы новой (либерально-демократической), и негативной тенденции — обострения социально-политических противоречий в обществе, роста недоверия большинства населения к новым властям. В конце сентября и в начале октября 1993 г. данное противоречие, как известно, проявилось в открытом конфликте, приобретшем насильственную форму. В ходе выборов в законодательные органы власти в декабре 1993 и 1995 гг. противоречие между большинством избирателей и правящим режимом канализировалось в голосовании значительной части избирателей против проправительственных блоков. Возникает вопрос: возможно ли формирование конфликтной ситуации в ближайшие месяцы на основе результатов выборов в Государственную думу федерального собрания в декабре 1995 г. и — Президента России в июне 1996 г.?

Думается, что вполне возможно. В самом деле, ведь остается пока неразрешенным политическое противоречие, возникшее после августа 1991 г. Сохраняется раскол общества на антагонистические (противоречивые) группы. В процессе предвыборной кампании правящая элита и официальные средства массовой информации неустанно подчеркивали свое враждебное отношение к коммунистически настроенным массам населения и выражающим эти взгляды избирательным блокам. Такая политическая установка властей никак не соответствует их же противоположной установке — на формирование в обществе атмосферы согласия и стабильности. Политическое противоречие существует не на голом месте, а ложится на реальную глубокую социальную дифференциацию общества, когда более третьей части населения

проживает за чертой бедности. Следовательно, сохранилась тенденция развития политического противоречия, приведшая к сентябрь-октябрьскому (1993 г.) конфликту; получили дальнейшее развитие и противостоящие субъекты: правящая элита и так называемые реформаторские демократические партии и блоки, с одной стороны, и прокоммунистически настроенные, ориентированные на социалистический путь модернизации страны массы и соответствующие партии, с другой стороны. Реакция первых на результаты декабрьских (1995 г.) выборов говорит о том, что можно с большой долей вероятности предположить обострение политической и идеологической борьбы в дальнейшем. Однако июньские (1996 г.) выборы Президента РФ, наверняка, направят это противоборство в демократическое русло, если, конечно, ни правящий режим, ни оппозиция не предпримут каких-то акций, которые бы придали политическому процессу взрывную антагонистическую форму.

Изложенный сценарий развития политического процесса — один из возможных. Оптимисты из реформаторско-демократического лагеря могут предложить иной сценарий — динамичного формирования политического согласия в обществе на основе удовлетворенности большинством населения проводимым правительством курса. Пессимисты, наоборот, предсказывают, в связи с усилением влияния левой оппозиции, опасность глобального социально-политического конфликта. Думается, что ни тот, ни другой сценарии не имеют под собой достаточных оснований.

Прогнозирование конфликта — лишь предпосылка его предотвращения. Следует также учитывать

невозможность предупреждения всякого конфликта. И к этому, собственно говоря, не стремится ни один здравомыслящий субъект управления власти. Было бы, к примеру, утопией утверждать, что в период перехода к рыночной системе экономики можно избежать конфликтов, связанных с перестройкой структуры производства, возникновением безработицы, забастовочных движений. Руководящие органы общества тем не менее имеют целью не допустить возникновения и развития таких конфликтов, которые бы подрывали основы функционирования экономической системы и создавали бы условия для социальных потрясений.

Стратегия **предотвращения** конфликтов включает систему деятельности, совокупность этапов и методов управления конкретным процессом противоречивых взаимоотношений общественных субъектов. Различаются этапы частичного и полного предотвращения конфликтов, раннего предупреждения и упреждающего разрешения. Частичное предотвращение становится возможным при условии блокирования действия одной из причин данного конфликта и ограничения его негативного влияния на интересы противоборствующих сторон. Стратегия полного предотвращения предполагает нейтрализацию действия всего комплекса детерминирующих конфликт факторов, что и позволяет направить взаимодействие субъектов в русло их сотрудничества во имя реализации совпадающих интересов. Упреждающее разрешение конфликта, равно как и ранее его предупреждение, означает не что иное, как осуществление согласования позиций и интересов противоречивых субъектов в пространстве их социального единства, согласия по более важным вопросам общественной жизни.

Лекция 9

Обратимся к национально-этническому конфликту. Его при определенных условиях можно упредить, не допустив межнациональной конфронтации. А если таковая возникает, то затормозить ее развитие, приглушить возможную вражду и насилие. Зная многогранность детерминирующих такой конфликт факторов, разумное политическое руководство действует последовательно, устраняя одну причину грядущего конфликта за другой. Так, если недовольство, напряженность в межнациональных отношениях вызывается какой-то несправедливостью, допущенной по отношению к одной из национальных групп (скажем, ущемлением политических прав или ограничением культурного самовыражения), то необходима определенная компенсация со стороны государства за нанесенный в прошлом урон и восстановление законных прав и свобод.

Предотвращение социальных конфликтов возможно при наличии соответствующих ресурсов: экономических, политических, социальных, идеологических, правового обеспечения. Если, скажем, экономическая ситуация таит в себе опасность возникновения острого забастовочного движения, то она требует достаточных материальных средств для ее улучшения: создания новых рабочих мест, повышения уровня оплаты труда, улучшения его условий. Кроме того, разрушительные забастовочные конфликты можно предотвратить, ограничивая забастовочное движение трудовым законодательством, исключая его проявление в незаконных формах.

Нарождающееся противоречие не разовьется в конфликт, если активное вмешательство в процесс общественных отношений начинается с уровня выявления несогласия между субъектами по значи-

мым для них вопросам или, по крайней мере, с обнаружения элементов напряженности. На этапе же развития непримиримости в отношениях, враждебного соперничества конфликт уже имеет место, и действие по управлению им приобретает другое качество — урегулирование либо разрешение.

Предупреждение конфликтов осуществляется комплексной системой методов и средств. Они станут эффективными при условии реалистической оценки ситуации, приоритетного внимания согласованию интересов всех участвующих в общественном процессе субъектов и учете возможности реализации принципа толерантности.

Согласование интересов — оптимальный способ достижения консенсуса между общественными субъектами. Однако последний не всегда возможен. Поэтому используются и другие модели предотвращения конфликта интересов: определенное их сочетание, подчинение неглавных интересов главным, временных — постоянным, текущих — перспективным. Не исключается и подавление отдельных элементов интересов обоих взаимодействующих субъектов. Наконец, целесообразна тактика разведения противоречивых интересов. В случае назревающего столкновения между работодателем и трудовым коллективом предметом спора могут быть многие интересы той и другой стороны. Оптимальный вариант предупреждения столкновения — найти удовлетворяющую всех меру сочетания этих интересов, при которой бы ни один интерес не ущемлялся. Когда же такой вариант исключается, приходится искать другие приемлемые формы взаимодействия противоречивых интересов. Это позволяет находить компромисс и сгладить напряженность.

Стратегия предупреждения конфликта предусматривает осуществление таких принципов, как своевременность действий по предупреждению возможных коллизий, оперативность, гласность. Что касается последнего, то следует отметить только одно обстоятельство: чем раньше возможный конфликт станет известен общественности, тем меньше вероятность его реального появления.

Уже отмечалось, что не любые конфликты общественные субъекты стремятся предотвратить. В иных конфликтах они заинтересованы. **Стимулирование** конструктивных конфликтов, являющихся двигателем прогрессивных изменений, модернизации общественной системы, составляет весьма существенную сторону социального управления. Речь не идет об искусственном нагнетании конфронтации, о насаждении враждебности в обществе, что, обычно, практикуется агрессивными силами для оправдания своего существования. Метод разжигания конфликтов также широко используется бюрократическими элементами в управленческих организациях и трудовых коллективах. Стратегия стимулирования конфликтов — это стратегия **мобилизации** активности того или иного общественного субъекта при решении жизненно важных проблем, стратегия развития позитивной инициативы, достижения оптимального эффекта социального управления.

Исторической практике известны многочисленные формы инициирования крупных социальных конфликтов как двигателей общественного прогресса: классовая борьба, социальные революции, промышленная и научно-технические революции, освободительные войны. Процесс социального управления в разных общественных системах неотъемлемо связан с использованием разнообразных локальных

конфликтов, в целях мобилизации потенций тех или иных общественных сил. Борьба нового со старым, прогрессивного с консервативным — это самые общие формы проявления конструктивных конфликтов. Они стимулируются теми общественными субъектами, которые стремятся к усовершенствованию и развитию. Всякое новое зарождается в недрах старого, любое инновационное действие встречает противодействие. Стимулирование нового, осуществление инновации всегда реализуется через конфликты. Их рационализация, т.е. перевод в сознательно регулируемое русло, в процесс, подчиненный определенным правилам и нормам, обеспечивает успех в достижении разумных интересов и целей.

Инициирование определенных конфликтов зачастую используется в целях нейтрализации других, разрушительных, опасных для общества. Например, иницируя борьбу за научно-технический прогресс, руководство трудового коллектива способствует его сплочению и предупреждает возникновение конфликтов, связанных с взаимоотношениями в коллективе. Развивая конкурентные экономические конфликты как стимул совершенствования производства, государство тем самым ограничивает возможность конфликта между спросом и предложением, создает условия для полного удовлетворения интересов массового потребителя.

3. Регулирование конфликта.

Активное вмешательство в возникший конфликтный процесс может приобретать разнообразные формы: регулирование конфликта, подавление и, наконец, разрешение. Регулирование конфликта

представляет собой действие управляющего субъекта с целью смягчения, ослабления или перевода его в другое русло и на другой уровень отношений. Проблема регулирования конфликта — это проблема ограничения его негативного влияния на общественные отношения и перевода в общественно приемлемые формы развития и разрешения. Регулируемый конфликт есть конфликт контролируемый и, стало быть, предсказуемый. Элемент регулируемости присутствует в любом конфликтном процессе, если он так или иначе включен в механизм социального управления. В свою очередь, управление конфликтным процессом придает объективно этому процессу формы, «способные обеспечить минимизацию неизбежных экономических, социальных, политических, нравственных потерь и, наоборот, максимизировать такого же рода приобретения, именно здесь суть управления конфликтом»²

Процесс регулирования конфликта как процесс управления им имеет свои этапы. Первоначальное действие по урегулированию конфликта, конечно же, — его признание и выявление как реальности. Фиксация конфликта как действительного факта — достаточно сложный вопрос. Нередки случаи, когда одна из конфликтующих сторон стремится скрыть свои действия, отрицать наличие какой-либо конфликтной ситуации. Как говорится, «делает хорошую мину при плохой игре». Так, иной руководитель коллектива, при наличии конфликтной ситуации, вместо ее преодоления, пытается представить положение вещей в ином свете, как бесконфликтное, руководствуясь небезызвестным обычаем — «не выносить сор из избы».

Признать реальность конфликта — значит сделать шаг на пути к его объективному объяснению. Ранее уже подчеркивалось, что без такого объяснения невозможно управление конфликтным процессом. Первые трудности в решении задачи урегулирования любого конфликта начинаются именно с его объяснения.

Естественно, что теоретический этап — только предпосылка, хотя и важнейшая, для практического действия. Исходным же этапом такого действия, по мнению ряда конфликтологов, является институционализация конфликта, что означает определение правил и норм его функционирования и развития. Например, под институционализацией конфликтных отношений между государственной властью и политическими партиями понимается принятие законодательства о партиях, регулирующего их деятельность и отношения с государственными организациями. Именно институционализация конфликта обеспечивает его функционирование и развитие в приемлемых для данной общественной системы формах и рамках и гарантирует предсказуемость конфликтного процесса. Неинституционализированный конфликт, как минимум, непредсказуем и неконтролируем управляющей системой. Возникшие во второй половине 80-х годов в нашей стране многочисленные неформальные (неинституционализированные) общественно-политические объединения и движения стали мощной, разрушающей политическую систему силой. Неспособность советского государства и правящей партии контролировать конфликтную деятельность этих объединений свидетельствовала о наличии глубокого политического кризиса в стране,

Следующий этап регулирования конфликта — это его легитимизация. Она предполагает признание конфликтующими субъектами установленных норм и правил конфликтного поведения и соблюдение их. Это также означает, что и общество рассматривает данный конфликт как правомерный, а не чуждый по отношению к существующему общественному порядку. Легитимизация конфликта есть его интегрирование в признанную систему общественного порядка, независимо от того, идет ли речь о политико-правовой системе или же о гражданском обществе. Из этого исходят рекомендации некоторых авторов о включении конфликтологического анализа в решения и документы государственных органов и создании специальных учреждений по оперативному вмешательству в острые общественные конфликты. В развитых зарубежных странах подобные учреждения давно существуют и успешно функционируют. Такой способ институционализации конфликтов позволяет их рационализировать, т.е. переводить стихийный процесс в организованный. Институционализация и рационализация конфликта дает возможность побуждать стороны к принятию даже невыгодных для них предложений, но ведущих к предотвращению агрессивности в борьбе и ее разрушительных последствий.

По мнению Чумикова А., важной ступенью управления конфликтом, его урегулирования является действие по структурированию конфликтующих групп³ Структурирование группы позволяет измерить «силовой потенциал» различных составляющих ее элементов и определить иерархию в структуре общественных отношений. Кроме того, путем структурирования социальных групп, участвующих в конфликте, выявляется реальное состояние и взаи-

моотношенне интересов, а также определение приоритетных из них или общих, на основе учета которых возможно достижение согласия и сотрудничества.

Решению задачи урегулирования конфликта может также служить последовательное ослабление его путем перевода в другое русло взаимодействия противоборствующих сторон и на другой уровень. Скажем, за счет переноса общественного конфликта на уровень индивидуального. Широко используется также метод ослабления острого социального конфликта на базе общей ориентации обеих сторон на внешний для них конфликт (тактика поиска «общего врага»).

Процесс регулирования конфликта осуществляется при помощи разнообразных технологий: информационной, коммуникативной, социально-психологического воздействия, организационных приемов. Ликвидация дефицита информации по спорным вопросам, исключение из информационного поля различного рода искаженных сведений о позициях и интересах сторон; устранение слухов о поведении субъектов — эти и другие действия по информационному обеспечению управления общественной ситуацией оказывают эффективное влияние на снижение уровня конфликтных взаимоотношений. Не меньшую роль играет коммуникативный способ регулирования конфликтов. Речь идет об организации общения между людьми и группами, что является условием наращивания согласования позиций. Развитие общения формирует сходные или общие установки, ценности, оценки, социальные переживания, нейтрализует влияние эмоций. Совершенствование организационного порядка, разумное применение организационных методов воздей-

ствия на группы и отдельных людей (например, решение кадровых вопросов, использование методов поощрения или наказания за те или иные действия), бесспорно содействуют блокированию конфликтной ситуации и развитию отношений сотрудничества между людьми и организациями.

4. Разрешение конфликта: модели, стили, методы.

Регулирование конфликта еще не есть его разрешение, поскольку сохраняются основные структурные компоненты конфликта. Однако все действия по регулированию составляют либо предпосылки разрешения конфликта, либо собственно моменты этого процесса.

Разрешение конфликта — заключительный его этап. Выше отмечалось многообразие этого процесса. Кроме основных моделей разрешения — «победитель — побежденный», «победитель — победитель», «побежденный—победитель», подчеркивалась целесообразность использования понятий «максимальный выигрыш», «минимальный проигрыш», «взаимный выигрыш», «сочетание выигрыша и проигрыша», «синтез конфликтующих противоположностей» и др. Во всех многообразных формах реализуются различные виды завершения конфликта: прекращение конфликта путем уничтожения одной из сторон или полного подчинения другой; преобразование обеих конфликтующих сторон в направлении согласования их интересов и позиций на новой основе; взаимного примирения противоборствующих агентов; взаимного уничтожения противоположностей. При осуществлении первой и последней из указанных возможностей завершение

конфликта сопровождается обострением борьбы. При реализации других форм происходит постепенное затухание конфликта.

Различаются полное и неполное разрешение конфликта. Если имеет место преобразование или устранение основы конфликта (причин, предмета), то конфликт разрешается полностью. Неполное разрешение имеет место тогда, когда устраняются или преобразуются лишь некоторые структурные элементы конфликта, в частности, содержание противоборства, его поле, мотивационная база конфликтного поведения участников и т.п.

Ситуация неполного разрешения конфликта порождает его возобновление на той же или на новой основе. Перманентное возрождение одного и того же конфликта в преобразованном виде на ином уровне характерно для многих его типов. Например, соперничество политических партий в условиях парламентской системы — это закономерность. Оно не прекращается, пока те или иные партии существуют и функционируют. Межпартийная борьба может на время затухать в случае достижения компромисса, однако любой такой компромисс не исключает возобновления противоборства. Нередко встречаются «извечные» служебные конфликты, скажем, между соперничающими бюрократическими кланами, группировками элит, школами профессионалов, научными направлениями и т.д.

Неполное разрешение конфликта нельзя рассматривать в любом случае как ущербное действие. В большинстве случаев оно объективно обусловлено, так как не всякий конфликт разрешается раз и навсегда. Напротив, жизнь полна конфликтами, разрешающимися временно, частично.

Разрешение конфликта следует отличать от его подавления, т.е. насильственного устранения одной или обеих сторон без ликвидации причин и предмета противоборства. «В той мере, в какой социальные конфликты, — подчеркивает Р.Дорендорф, — пытаются подавить, возрастает их потенциальная злокачественность»⁴

Не ведет к разрешению и так называемая отмена конфликта — это попытка избавиться от конфликта путем примирения или затушевывания, а не преодоления противоположностей, лежащих в его основе.

Сколь бы ни были разнообразны конфликты, процесс разрешения их характеризуется некоторыми общими чертами. Прежде всего, как этап более широкого управленческого процесса он осуществляется в рамках его необходимых условий и принципов, проанализированных ранее. Кроме того, ему присущи свои предпосылки, специфические этапы, стратегия и технология.

Предпосылки разрешения конфликта:

1. Достаточная зрелость конфликта, выражающаяся в видимых формах проявления, идентификации субъектов, манифестации ими своих противоположных интересов и позиций, в организации конфликтных групп и более или менее сложившихся способов противоборства.
2. Потребность субъектов разрешить конфликт и способность это осуществить.
3. Наличие необходимых средств и ресурсов для разрешения конфликта: материальных, политических, культурологических, наконец, человеческих.

Манифестированный конфликт позволяет участникам придерживаться определенных «правил

игры» и последовательно реализовывать ту или иную стратегию разрешения. Однако любые «правила» и любая стратегия предполагают созревшее желание и умение их осуществлять, а также использование для этого нужных средств. Множество разнообразных бытовых конфликтов остаются неразрешенными из-за отсутствия либо необходимых средств, либо желания, воли и способности у конфликтующих субъектов, привыкших жить в условиях постоянной напряженности.

Известно, что экономические конфликты не исчезают по одной воле политиков, их решение невозможно под воздействием только идеологических либо религиозных заклинаний. Экономические преобразования требуют материальных затрат и соответствующей подготовки и использования человеческого фактора.

Процесс разрешения любого конфликта складывается, как минимум, из трех этапов. Первый — подготовительный — это диагностика конфликта. Второй — разработка стратегии разрешения и технологии. Третий — непосредственная практическая деятельность по разрешению конфликта — реализация комплекса методов и средств.

Диагностика конфликта включает: а) описание его видимых проявлений (стычки, столкновения, кризисы и т.п.), б) определение уровня развития конфликта; в) выявление причин конфликта и его природы (объективной или субъективной), г) измерение интенсивности, д) определение сферы распространенности. Каждый из отмеченных элементов диагностики предполагает объективное понимание, оценку и учет основных переменных конфликта — содержания противоборства, состояния его участников, целей и тактики их действия, возможных по-

379 Лекция 9

следствий. Конфликт диагностируется в структурном и функциональном планах, в ситуационном и позиционном аспектах, как состояние и процесс.

При анализе детерминирующих факторов возникает ряд вопросов, связанных с тем, какой из них признать определяющим, какова взаимосвязь причин, в чем, собственно говоря, заключается проблема (противоречие), лежащая в основе конфликта. Важно отделить проблему от конфликта, ибо последний не обязательно вытекает из проблемы. Проблема может предполагать и бесконфликтное решение. На этапе диагностирования особенно важное значение приобретает различение объективных и субъективных причин, от чего зависит понимание природы данного конфликта, его источников. Следует иметь в виду также, что в процессе развития конфликта диапазон причин может расширяться, и появляющиеся новые причины могут приобретать существенное влияние, разработка стратегий разрешения конфликта осуществляется с учетом возможных моделей разрешения и принципов управления конфликтом. Исходя из первого, в зависимости от конкретной ситуации, вида конфликта, уровня его развития и степени интенсивности, предусматриваются различные стратегии. Если, скажем, завершение конфликта предполагается осуществить в виде модели «победа—поражение», «выигрыш—проигрыш», то разрабатывается стратегия устранения одной из сторон, путем доведения борьбы до победного конца. В ситуации, когда возможна модель «победа—победа», «выигрыш—выигрыш», «взаимный выигрыш», прорабатывается стратегия разрешения конфликта путем взаимного преобразования сторон и на основе этого — обоюдного примирения. Ослабление конфликта, его пре-

образование, постепенное затухание — таковы моменты асимметричного решения конфликта⁵ Наконец, в ситуации, при которой ни одна из сторон не может выиграть противоборство, а обе его проигрывают, оказывается целесообразной стратегия подавления конфликта, механического его устранения. Разнообразные модели разрешения конфликта формировались исторической практикой. Подчинение одной из враждующих сторон воле большинства, договор на основе добровольного согласия сторон или принуждения одной стороны другой, насильственная форма разрешения споров — эти формы исхода конфликтов известны веками. Например, возникавшие в древней Руси между князьями споры о старшинстве и порядке владения разрешались или «договорами князей на съездах, или, если соглашение не удавалось, оружием, т.е. усобицами». Причем, «княжеские усобицы» имели точно такое же юридическое обоснование разрешения споров, каким были договоры. Вооруженная борьба между князьями за старшинство называлось «судом божиим». «Бог промежи нами будет или нас бог рассудит» — таковы были обычные формулы объявления межкняжеской войны»⁶

Конфликты между государствами в течение веков разрешались частично на основе договоров, а чаще всего вооруженным путем. Только в XX в., после двух кровопролитных войн сформировалось международное сообщество, ставшее в значительной степени эффективным орудием предупреждения и разрешения межгосударственных конфликтов путем примирения сторон. «Программа мирного развития», ныне разработанная руководством ООН, направлена, прежде всего, на ликвидацию глубинных причин возникновения конфликтов меж-

ду государствами: экономических неурядиц, социальной несправедливости, политического диктата. Характерно, что аналитики этой программы подчеркивают принципиальное значение разграничения понятий: «спор» и «конфликт». Споры сами по себе присущи международной системе и они в полной мере устранимы. Цель международного сообщества — не допустить, чтобы споры переросли в разрушительные формы международного поведения, какими являются вооруженные конфликты; для этого предлагается комплекс мер, определяемых как «превентивная дипломатия»⁷

Эффективное разрешение конфликта, т.е. разрешение при наименьших потерях ресурсов и сохранении жизненно важных общественных структур, возможно при наличии некоторых необходимых условий и реализации отмеченных принципов управления конфликтами. К числу первых конфликтолого-ги относят: наличие организационно-правового механизма разрешения конфликтов; достаточно высокий уровень демократической культуры в обществе; развитая социальная активность главных слоев населения; наличие опыта конструктивного решения конфликтов; развитие коммуникативных связей; наличие ресурсов для осуществления системы компенсаций. Что касается принципов, то речь идет прежде всего о конкретном подходе к разрешению конкретных конфликтов. Конфликты, в которых противников разделяют непримиримые противоречия, и их разрешение может быть достигнуто только победой одной стороны над другой, существенно отличаются от конфликтов типа «дебатов», где возможен спор, возможны маневры, но в принципе, обе стороны могут достигнуть компромисса. Специфичны конфликты типа «игр», где стороны

действуют в рамках одних и тех же правил, и разрешение проблемы здесь не ведет к ликвидации всей структуры связывающих их отношений⁸. Требования своевременности, оперативности и гласности не менее важны для практики разрешения конфликта. Запущенный конфликт требует для своего разрешения больших ресурсов, ибо он обременен многими разрушительными последствиями. Отсутствие должной оперативности в воздействии на конфликтную ситуацию, кроме всего прочего, снижает эффективность применяемых методов работы. Игнорирование гласности, скрытые действия по ликвидации конфликта мешают мобилизации общественных сил на разрешение проблемы.

В литературе различаются: «силовая», компромиссная и «интегративная» модели. Силовая модель ведет к исходам конфликта двух видов: «победа—поражение», «поражение—поражение». Две другие модели — к возможному разрешению конфликта по типу «победа—победа», «выигрыш—выигрыш». Силовая форма типична для правовых конфликтов.

В зависимости от возможных моделей разрешения конфликтов, интересов и целей конфликтующих субъектов применяются пять основных стилей разрешения конфликта, описанных и используемых в зарубежных программах обучения управлению. Это: стили конкуренции, уклонения, приспособления, сотрудничества, компромисса. Характеристика данных стилей, тактика их выбора и технология применения описаны американской исследовательницей проблем конфликтологии доктором философии Д.Г. Скотт, в ее работе «Конфликты, пути их преодоления».

Стиль конкуренции используется, когда субъект весьма активен и намерен идти к разрешению конфликта, стремясь удовлетворить прежде всего собственные интересы в ущерб интересам других, вынуждая других людей принимать его решение проблемы⁹

Стиль уклонения применяется в ситуации, когда субъект неуверен в положительном для него решении конфликта, или когда он не хочет тратить силы на его решение, либо в тех случаях, когда чувствует себя неправым.

Стиль приспособления характеризуется тем, что субъект действует совместно с другими, не стремясь отстаивать свои интересы. Следовательно, он уступает своему оппоненту и смиряется с его доминированием. Данный стиль следует использовать в случае, если вы чувствуете, что, уступая в чем-то, вы мало теряете. Наиболее характерны некоторые ситуации, в которых рекомендуется стиль приспособления: субъект стремится сохранить мир и добрые отношения с другими; он понимает, что правда не на его стороне; у него мало власти или мало шансов победить; он понимает, что итог разрешения конфликта намного важнее для другого субъекта, чем для него.

Таким образом, в случае применения стиля приспособления субъект стремится выработать решение, удовлетворяющее обе стороны.

Стиль сотрудничества. Реализуя его, субъект активно участвует в разрешении конфликта, отстаивая при этом свои интересы, но стараясь совместно с другим субъектом искать пути достижения обоюдогодного результата. Некоторые типичные ситуации, когда используется данный стиль: оба конфликтующих субъекта обладают равными ре-

сурсами и возможностями для решения проблемы; разрешение конфликта очень важно для обеих сторон, и никто не желает от этого устраниваться; наличие длительных и взаимозависимых отношений у субъектов, вовлеченных в конфликт; оба субъекта способны изложить суть своих интересов и выслушать друг друга, оба умеют объяснить свои желания, выразить свои мысли и выработать альтернативные варианты решения проблемы.

Стиль компромисса. Он означает, что обе стороны конфликта ищут решение проблемы, основанное на взаимных уступках. Этот стиль наиболее эффективен в тех ситуациях, когда оба противоборствующих субъекта хотят одного и того же, но уверены, что одновременно для них это невыполнимо. Некоторые случаи, в которых стиль компромисса наиболее целесообразен: обе стороны обладают одинаковыми ресурсами и имеют взаимоисключающий интерес; обе стороны могут устроить временное решение; обе стороны могут воспользоваться кратковременной выгодой.

Стиль компромисса зачастую является удачным отступлением или последней возможностью найти какое-то решение проблемы.⁹

Исследование, проведенное сотрудником Северо-Кавказской академии госслужбы Корнизовой С., выявило неоднозначные реакции госслужащих на конфликтные ситуации, соответствующие описанным стилям их разрешения. Будучи выраженными в набранных балах, результаты опроса таковы: стиль сотрудничества — 1136 баллов; стиль компромисса — 1112; стиль уклонения (избегания) — 1030; стиль приспособления — 834; стиль соперничества (конкуренции) — 744. Таким образом, прослеживается тенденция к снижению роли стилей приспособ-

ления и соперничества как менее целесообразных в управленческих структурах. Работники госслужб отдают предпочтение в решении конфликтной ситуации сотрудничеству, компромиссу или уклонению от конфликта вообще.

Теперь о методах разрешения конфликтов. Всю совокупность методов в зависимости от типов моделей разрешения конфликтов, целесообразно разделить на две группы. Первую условно назовем группой негативных методов, включающую все виды борьбы, преследующей цель достижения победы одной стороны над другой. Термин «негативные» методы в данном контексте обоснован ожидаемым конечным результатом завершения конфликта: разрушением единства конфликтующих сторон как базового отношения. Вторую группу назовем позитивными методами, поскольку при использовании их предполагается сохранение основы взаимосвязи (единства) между субъектами конфликта. Это — в первую очередь разнообразные виды переговоров и конструктивного соперничества.

Различие негативных и позитивных методов относительно, условно. В практической деятельности по управлению конфликтами эти методы нередко дополняют друг друга. Кроме того понятие «борьба» как метод разрешения конфликта весьма общо по своему содержанию. Известно, что принципиальный переговорный процесс может включать в себя элементы борьбы по тем или иным вопросам. В то же время самая жесткая борьба конфликтующих агентов не исключает момента переговоров по определенным правилам борьбы. Без борьбы нового со старым нет творческого соперничества, хотя последнее предполагает наличие в отношениях между соперниками и момента сотрудничества, поскольку

речь идет о достижении общей цели — прогресса в конкретной сфере общественной жизни.

Как ни разнообразны виды борьбы, им присущи некоторые общие признаки, ибо любая борьба — это действие с участием, по крайней мере, двух субъектов (индивидуальных или коллективных, массовых), где один из субъектов препятствует другому.¹⁰

Так, решающим условием победы в вооруженной борьбе является достижение превосходства и концентрации сил в месте главной схватки. Тот же прием характеризует стратегию других видов борьбы, например, игру в шахматы. Победу здесь одерживает игрок, умеющий сосредоточить свои фигуры там, где находится решающее направление атаки на короля противника.

Можно сказать, что в любой борьбе необходимо уметь а) наилучшим образом выбрать поле решающей схватки, б) сосредоточить нужные силы в этом месте; в) выбрать оптимальный момент времени для нанесения удара. Все приемы и методы борьбы предполагают ту или иную комбинацию этих составляющих.¹¹

Целью борьбы является изменение конфликтной ситуации. А это достигается тремя общими способами: непосредственным воздействием на противостоящий субъект, его средства борьбы, на обстановку; изменением соотношения сил; верной или ложной информацией оппонента о своих действиях и намерениях; получением адекватной оценки возможностей оппонента и ситуации. В разнообразных методах борьбы используются эти способы воздействия в разных сочетаниях.¹²

Рассмотрим некоторые методы, применяемые в борьбе конфликтующих сторон. Один из таких ме-

тодов — достижение победы вследствие получения необходимой свободы действий. Этот метод реализуется следующими приемами: созданием свободы действий для себя; сковыванием свободы оппонента; даже ценой некоторых материальных или других потерь, приобретение лучших позиций в противоборстве и т.д. Например, эффективным приемом дискуссии является навязывание противнику в качестве предмета дискуссии таких вопросов, в которых он мало компетентен и где он сам себя может скомпрометировать.

Эффективен метод использования одной стороны в своих целях функций и резервов противника. Приемами при этом могут стать использование аргументов противника в дискуссии; принуждение противника к действиям, полезным для другой стороны.

Очень важный метод борьбы — выведение из строя в первую очередь управляющих центров противостоящих комплексов: руководящих личностей коллективов и учреждений, основных элементов позиции противника. В дискуссии главный упор делается на дискредитацию ведущих ее участников, представляющих сторону противника, на опровержение основных тезисов его позиции. В частности, в политической борьбе особое значение имеет раскрытие и критика отрицательных черт лидеров, несостоятельности их деятельности.

Несмотря на то, что одним из главных принципов разрешения конфликта является принцип своевременности, оперативности, в борьбе может успешно использоваться метод затягивания дела, или иначе «метод проволочек». Этот метод — частный случай выбора соответствующего места и времени для нанесения решающего удара, создания выгод-13*

ного соотношения сил и выгодной ситуации для такого выбора. Медлительность перехода к решающим действиям оправдывается необходимостью сосредоточения больших сил, ресурсов для одержания победы. Известен афоризм — время «работает на нас»; он характеризует сущность описываемого метода. Применительно к дискуссии данный метод означает, что следует стремиться при обсуждении какого-либо вопроса брать слово последним, когда выскажутся все другие участники. В таком случае можно развивать аргументацию, против которой в предыдущих выступлениях не содержалось достаточно серьезных доводов.

Метод «проволочек» известен с давних времен. Плутарх описывает один из случаев его применения римским диктатором Суллой. Видя себя окруженным значительными силами противника, а потому, действуя как оружием, так и хитростью, Сулла пригласил к себе для мирных переговоров второго консула — Сципиона. Тот принял его приглашение, начались встречи и совещания, но Сулла, постоянно находя новые предлоги, все откладывал окончательное решение, а тем временем подвергал разложению моральный дух солдат Сципиона с помощью собственных воинов, которые были столь же искусны во всякого рода хитростях и кознях, как и сам полководец. Они сманивали солдат неприятеля деньгами, лестью и разными обещаниями. Наконец, Сулла со своими воинами подошел вплотную к лагерю Сципиона, а солдаты последнего приветствовали его и присоединились к войску Суллы. Покинутый своими солдатами Сципион был схвачен в своем лагере ¹³

Еще один немаловажный метод, тесно связанный с предыдущим — уход от борьбы. Этот ме-

тод представляет собой реализацию стиля уклонения. Он применяется в ряде ситуаций: тогда, когда не решена задача по мобилизации необходимых для победы ресурсов и сил; для того, чтобы заманить противника в заранее подготовленную ловушку и выиграть время при смене обстановки на более выгодную для себя, и имитировать бегство, чтобы затем застигнуть противника врасплох, спровоцировав его на выполнение вредных для него действий. Этот метод также не нов, а давно известен в исторической практике. Освобождением России от татаро-монгольского ига исторически принято считать ноябрь 1480 г. — завершение противостояния российского воинства, руководимого Великим князем Иваном III, и татаро-монголов, под предводительством хана Ахмата. Около двух недель стояли в бездействии и смотрели друг на друга через реку Угру противники. Попытки конницы Ахмата украдкой переплыть реку и напасть на россиян окончились неудачей. Иван III же не предпринимал активных действий. Наоборот, когда Угра покрылась льдом, он приказал всем своим воеводам отступить к Кремлю, чтобы сразиться с ханом на более удобном для битвы пространстве. Полки и их воеводы подумали, что Великий князь страшится и не хочет битвы. Они не отступали, но бежали от неприятеля, который мог, как им казалось, ударить с тыла. Татаро-монголы же, увидев левый берег Угры, оставленный россиянами, вообразили, что те манят их в сети и вызывают на бой, приготовив засаду. «Объятый странным ужасом, — писал Н.М.Карамзин, — Ахмат спешил удалиться.» «Представилось зрелище удивительное: два воинства бежали друг от друга, никем не гонимые! Россияне, наконец, остановились; но Ах-

мат ушел восвояси... Так кончилось сие последнее нашествие ханское на Россию» 14

О других методах читатель может узнать, ознакомившись с названными выше работами Катар-бинского Т. и Зимичева А. Мы же ограничимся заключительным замечанием. Конкретные виды борьбы как средства разрешения конфликта избираются и применяются с учетом специфики разрешаемых конфликтов и обстановки, в которой эти действия осуществляются.

Основным позитивным методом разрешения конфликтов являются **переговоры**. Анализу их сущности и роли в управлении конфликтами, а также технологии ведения посвящена значительная литература. В частности, теория переговоров разработана американскими конфликтологами Фишером Р. и Юри У («Путь к согласию. Или переговоры без поражения». М., 1992, перевод с английского), Деном Д. («Преодоление разногласий». Санкт-Петербург, 1994). Рассмотрим наиболее существенные характеристики метода переговоров и приемы его реализации.

Переговоры — это совместное обсуждение конфликтующими сторонами с возможным привлечением посредника спорных вопросов с целью достижения согласия. Они выступают некоторым продолжением конфликта и в то же время служат средством его преодоления. В том случае, когда делается акцент на переговоры как часть конфликта, их стремятся вести с позиции силы, с целью достигнуть односторонней победы. Естественно, такой характер переговоров, обычно, приводит к временному, частичному разрешению конфликта, и переговоры служат лишь дополнением к борьбе за победу над противником. Если же переговоры понимаются пре-

имущественно как метод урегулирования конфликта, то они приобретают форму честных, открытых дебатов, рассчитанных на взаимные уступки и взаимное удовлетворение определенной части интересов сторон.

При такой концепции переговоров обе стороны действуют в рамках одних и тех же правил, что способствует сохранению основы для согласия.

Фишер Р. и Юри У. анализируют метод принципиальных переговоров. Он состоит в требовании решения проблемы на основе ее качественных признаков, т.е. исходя из существа дела. Этот метод, пишут авторы, «предполагает, что вы стремитесь найти взаимную выгоду там, где только возможно; а там, где ваши интересы не совпадают, следует настаивать на таком результате, который был бы обоснован какими-либо справедливыми нормами независимо от воли каждой из сторон. Метод принципиальных переговоров означает жесткий подход к рассмотрению существа дела, но предусматривает мягкий подход к отношениям между участниками переговоров»¹⁵

Метод принципиальных переговоров, или «переговоров, основанных на определенных принципах», характеризуются четырьмя основными правилами. Каждый из них составляет базовый элемент переговоров и служит рекомендацией по их ведению.

1. «Сделайте разграничение между участниками переговоров и предметом переговоров», «отделите человека от проблемы». Переговоры ведут люди; обладающие определенными чертами характера. Обсуждение их недопустимо, так как это привносит в ход переговоров мешающий решению проблемы эмоциональный фактор. Критика личных качеств участников переговоров только обостряет конфликт

или, по крайней мере, не способствует поиску путей его разрешения.

2. «Сконцентрируйтесь на интересах, а не на позициях». Позиции оппонентов могут скрывать их подлинные цели, а тем более интересы. Между тем, в основе противоречивых позиций всегда лежат интересы. Поэтому вместо того, чтобы спорить о позициях, нужно исследовать определяющие их интересы. За противоположными позициями всегда кроется больше интересов по сравнению с теми, которые нашли отражение в этих позициях. Иными словами, за противоположными позициями наряду с противоречиями находятся разделяемые и приемлемые интересы.¹⁶

3. «Разработайте взаимовыгодные варианты». Договоренность на основе интересов способствует поиску взаимовыгодного решения путем изучения вариантов, удовлетворяющих обе стороны. В таком случае диалог становится дискуссией с ориентацией — «мы против проблемы», а не «я против тебя». При такой ориентации возможно использование мозгового штурма. В результате может быть получено не одно альтернативное решение. Это позволит отобрать нужный вариант, соответствующий интересам сторон-участников переговоров.

4. «Найдите объективные критерии». Согласие как цель переговоров должно базироваться на таких критериях, которые были бы нейтральными по отношению к интересам конфликтующих сторон. Только тогда оно будет справедливым, стабильным и длительным. Если же критерии субъективны, то есть не нейтральны по отношению к какой-либо стороне, то другая сторона будет чувствовать себя ущемленной, а стало быть, соглашение будет восприниматься как несправедливое и в конечном сче-

те оно не будет выполняться. Объективные критерии вытекают из принципиального подхода к осуждению спорных проблем; они формулируются на основе адекватного понимания содержания этих проблем.

Наконец, справедливость выработанных решений зависит от используемых в ходе переговоров процедур урегулирования противоречивых интересов. В числе таких процедур: устранение разногласий при помощи жребия, делегирование права решать посреднику и т.д. Последний способ решения спора, т.е. когда ключевую роль играет третья сторона, широко распространен, его вариации многочисленны.

Возьмем в качестве примера переговорный процесс между представителями конкурирующих научных школ. Предположим, что предметом переговоров является вопрос о практическом использовании какого-то научного открытия. Положительное решение, очевидно, будет достигнуто при соблюдении рассмотренных выше четырех требований: если оппоненты не отвлекутся на взаимные критические оценки субъективных качеств каждого, различного рода известных им недостатков, допущенных в ходе научных исследований; если они корректно определяют суть стоящей перед ними задачи, найдут обоюдоприемлемый аспект того научного открытия, которое можно рекомендовать для практического внедрения, а также согласованный механизм внедрения; наконец, если согласуют критерии внедрения. Что касается последнего, то значение его трудно переоценить. Известны многочисленные случаи из истории науки, когда противоположные подходы к определению критериев ее связи с производством приводили к поляр-

ным результатам. Скажем, оценка практичности научного открытия по сиюминутным положительным результатам, как правило, характеризовала ложные научные концепции (к примеру, лысен-ковщину). И напротив, акцент на перспективные, долговременные результаты практического применения того или иного открытия вытекал из его подлинно научного характера.

Одним из основных способов разрешения конфликтов является **общение** между людьми. Это наиболее общий метод, включающий в себя и переговоры. Сущность и технология общения достаточно широко описаны в литературе. Этим вопросам, в частности, посвящены работы Д. Скотт «Конфликты, пути их преодоления», Д. Дена «Преодоление разногласий». В последней автор, один из пионеров в области разрешения конфликтов, разработал «4-шаговый метод». По мнению Д. Дена этот метод служит достижению согласия между людьми и их плодотворному сотрудничеству. В его основе лежат два правила: «не прерывайте общения», ибо отказ от общения порождает и означает конфликт; «не применяйте силовых игр, чтобы выиграть в борьбе за власть с помощью принуждения, угроз, ультиматумов». В описании автором названный метод выглядит так:

Шаг 1: Найдите время для беседы. Шаг

2: Подготовьте условия. Шаг 3: Обсудите проблему. Вступительная часть:

Выразите признательность.

Выразите оптимизм.

Напомните (кардинальные правила).

Сформулируйте проблему.

Приглашение к разговору.

Диалог:

Задача 1. Придерживайтесь основного процесса.

Задача 2. Поддерживайте жесты примирения.

Прорыв: Шаг 4: Заключите договор (если это необходимо):

сбалансированный;

поведенчески специфичный;

в письменной форме 17

Сделаем некоторые пояснения к данному методу. Метод действует эффективно, если конфликтующие стороны знакомы с ним. Чаще же всего одной из сторон приходится быть инициатором беседы. Возникает необходимость уговорить другую сторону принять участие в диалоге. Для этого нужно взять на себя некоторые обязательства: рассказать оппоненту о видении ситуации; воздерживаться от угроз или давления; от стремления к результату «выигрыш—проигрыш»; быть внимательным в течение беседы. Время беседы должно быть выбрано совместно.

Важно подготовить подходящие условия для беседы, под коими подразумеваются, кроме времени, также место и благоприятная для беседы обстановка. Длительность диалога определяется временем, необходимым для достижения прорыва в сглаживании конфликта. Содержание разговора должно сохраняться в тайне, поскольку несвоевременная огласка его порождает слухи, сплетни и усиливает конфликт. Значит, до определенного времени, пока не достигнуто положительного результата должна соблюдаться конфиденциальность беседы. Диалог, успешное его завершение предполагает постоянное соблюдение предмета обсуждения, исключения из

беседы элементов, не относящихся к обсуждаемой проблеме (разговор о сослуживцах, о событиях дня и т.п.). В ходе беседы следует постоянно делать жесты примирения, не пользоваться уязвимостью другого и, вместе с тем, не проявлять беспринципности. Разговоры о волнующей обе стороны проблеме следует вести с ориентацией на взаимовыгодное решение и исключение иллюзий относительно его результата по принципу «выигрыш—проигрыш». Итог диалога — договор, описывающий отношения сторон на будущее, фиксирующий в письменном виде сбалансированное, согласованное поведение и действия по реализации противоречивых интересов.

Описанные методы общения и переговоров предполагают взаимодействие отдельных личностей, коллективов. В жизни же большую роль играют конфликты, возникающие в среде массовых сообществ, между не только малыми, но и большими группами. Конечно, и такие конфликты могут разрешаться путем разнообразных переговоров и видов общения. Однако общение в таких случаях приобретает форму не диалога, а многосубъектного обсуждения проблем. Это — различного рода деловые совещания, семинары, конференции, съезды и т.д. Разностороннее и с участием многочисленных индивидов и организаций обсуждение спорных, жизненно важных для всех вопросов, безусловно, обеспечивает разрешение некоторых конфликтов. Положительный результат таких мероприятий достигается при соблюдении ряда условий. Во-первых, обеспечения объективного рассмотрения дискуссионных проблем; во-вторых, свободного обсуждения всех позиций и точек зрения при наличии равных возможностей участия в обсуждении каждого субъекта; в-третьих, оформления результатов об-

суждения в виде рекомендаций, обобщающих выявившееся единство взглядов и позиций по тем или иным вопросам. Указанные формы эффективны при разрешении политических, идеологических, научных конфликтных проблем. В этих формах наилучшим образом действуют демократические принципы обсуждения и решения конфликтов. Например, на партийных форумах (конференциях, съездах) выявившиеся внутрипартийные конфликты преодолеваются демократической процедурой голосования. Это обеспечивает либо признание позиции большинства, либо достижение согласия по принципиальным вопросам.

Переговорный процесс в специфической форме — при участии посредника, может быть применен даже как средство разрешения правовых конфликтов. Насырова В.И. описывает, в частности, широкое распространение в США такой новой формы внесудебного урегулирования правовых конфликтов, как посредничество. Она возникла в качестве альтернативы существующей судебной системе с ее негативными сторонами. Посредничество, по мнению автора, — наиболее «универсальная и успешная» форма урегулирования разногласий при помощи третьего, независимого участника-посредника. В отличие от судебного разбирательства, посредничество характеризуется: необязательной процедурой; неформальностью и гибкостью; особым статусом посредника (он должен быть нейтральным по отношению к спорящим сторонам); конфиденциальностью и др. Практика показывает, что из каждых пяти конфликтных дел четыре разрешаются положительно.

Интересны приводимые автором данные о результатах посредничества.

Посредничество	Арбитраж	Суд
Процесс неформальный	Частично неформальный	Формальный
Отношения сотрудничества	Антагонизм	Антагонизм
Принцип достижения спора — достижение согласия	Состязательность	Состязательность
Материальный результат — взаимный выигрыш ¹⁸	Одна из сторон чаще в проигрыше	Одна из сторон чаще в проигрыше

Вообще типичным для правового конфликта является его разрешение по формуле «выигрыш—выигрыш». Во внесудебной практике посредничества, как видно из приведенных данных, такая формула уступает место более соответствующему демократическому принципу — «взаимный выигрыш»

Применение позитивных методов разрешения конфликтов воплощается достижением компромиссов или консенсусов между противоборствующими субъектами. Это — формы завершения конфликтов в основном по типу «выигрыш—выигрыш», «победа—победа», «выигрыш—выигрыш». Они представляют реализацию стилей компромисса и сотрудничества.

Компромисс (от лат. *compromissum*) — означает соглашение на основе взаимных уступок. Например, в политике компромисс — это уступка некото-

рым требованиям противоположной стороны, отказ от части своих требований в силу соглашения с другой партией.

Различают компромиссы вынужденные и добровольные. Первые неизбежно навязываются сложившимися обстоятельствами. Скажем, соотношением противоборствующих политических сил явно не в пользу тех, кто идет на компромисс. Или же общей ситуацией, угрожающей существованию конфликтующих сторон (например, смертельной опасностью термоядерной войны, если она когда-либо будет развязана, для всего человечества). Вторые, то есть добровольные, компромиссы заключаются на основе соглашения по определенным вопросам и соответствуют какой-то части интересов всех взаимодействующих сил. На основе таких компромиссов создаются разнообразные партийные блоки и политические коалиции.

Теоретико-методологической основой компромиссов служит положение диалектики о сочетании противоположностей как формы регулирования и разрешения социальных противоречий и конфликтов. Социальной базой является общность некоторых интересов, ценностей, норм (так называемых общих правил игры) как предпосылок взаимодействия общественных сил и институтов. В случае добровольного компромисса имеет место общность основных взглядов, принципов, норм и стоящих перед взаимодействующими субъектами практических задач. Компромисс осуществляется во имя достижения общих стратегических целей по вопросам тактики социальных действий по урегулированию конфликта. Если же компромисс носит принудительный характер, то он может состоять: а) во взаимной уступке по отдельным вопросам во имя обеспечения ба-

ланса частных интересов и целей (если инициатива заключения компромисса исходит от одной из находящихся в состоянии конфликта сторон), б) в объединении усилий всех конфликтующих сторон для решения некоторых коренных вопросов, связанных с их выживанием (если инициатива к компромиссу обоюдная). Убедительным примером подобной модели компромисса служит общее стремление в настоящий момент ряда суверенных государств, входивших в Советский Союз, к заключению соглашения с целью образования единого экономического пространства.

Разумность в политике несовместима с требованием экстремистских радикалов — «никаких компромиссов», равно как и с противоположной установкой — идти на любые компромиссы. Никакой компромисс не может быть оправдан, если он не служит достижению приоритетных для большинства членов общества целей и в то же время лишает меньшинство возможности защищать свои взгляды и интересы. Компромиссы, естественно, исключаются между враждебными по всем направлениям общественными силами.

Технология компромиссов достаточно сложна, во многом уникальна, но все же в ее структуре есть нечто повторяющееся. Таковы некоторые способы согласования интересов и позиций: консультация, диалог, дискуссия, партнерство и сотрудничество. Использование их позволяет выявить общие ценности, если таковые существуют, обнаружить совпадение взглядов по тем или иным вопросам, помогает вскрыть позиции, по которым конфликтующим сторонам необходимо идти на уступки, выработать взаимоприемлемое соглашение о «правилах игры», или иначе, нормах и методах дальнейших действий

с тем, чтобы обеспечить надлежащий баланс интересов и тем самым урегулировать конфликт. Технология компромиссов — это своеобразное искусство в социальном управлении, которым владеет каждый опытный субъект, зрелая демократическая организация.

Консенсус (от лат. *consedo*) — форма выражения согласия с аргументами противника в споре. В научной литературе понятие консенсуса обозначает общественное согласие относительно правил разрешения конфликтов. Речь идет, в частности, о согласии относительно: а) принципов функционирования конкретной системы, что воплощается в демократических структурах власти управления обществом; б) правил и механизмов, регулирующих разрешение конкретных конфликтов. Консенсус может быть охарактеризован с содержательной стороны (качественный аспект) и уровня достижения — степень консенсуса (количественная сторона).

Консенсус становится принципом взаимодействия противоборствующих сил в системах, основанных на демократических началах. Поэтому степень консенсуса — показатель развитости общественной демократии. Естественно, что ни авторитарные, ни тем более тоталитарные режимы не предполагают обращение к рассматриваемому методу разрешения социальных и политических конфликтов.

Технология достижения консенсуса — особая проблема. Она, по-видимому, не проще, а сложнее технологии компромиссов. Существенными элементами этой технологии являются: а) анализ спектра социальных интересов и выражающих их организаций; б) выяснение полей тождества и различия, объективного совпадения и противоречия приоритетных ценностей и целей действующих сил; обосно-

Основы конфликтологии 402

вание общих ценностей и приоритетных целей, на основе которых возможно согласие; в) системная деятельность институтов власти и общественно-политических организаций с целью обеспечения общественного согласия относительно норм, механизмов и путей регулирования общественных отношений и достижения тех целей, которые признаны общезначимыми.

Рассмотренные методы разрешения конфликтов далеко не исчерпывают всех способов такого действия. Огромное множество конфликтов — социальных, политических, организационно-управленческих, наконец, этно-национальных детерминируется, как уже говорилось, в предыдущих лекциях, ошибками в политике правящих институтов, нарушением определенных принципов и норм функционирования общественных отношений. Во всех этих ситуациях разнообразные методы урегулирования и разрешения конфликтов могут быть эффективными при условии ликвидации деформаций в структурах и функциях управленческих систем и институтов власти.

Литература.

1. Данакин И., Дятченко Л. Технология разрешения социальных конфликтов. (Спецкурс). Социс. 1993, 9.
2. Чумиков А. Управление конфликтом и конфликтное управление как новые парадигмы мышления и действия. Социс, 1995, 3. С. 52.
3. Там же. С. 53.
4. Дорендорф Р. Указ. соч.
5. Данакин И., Дятченко Л. Технология разрешения социальных конфликтов. Социс, 1993, 9. С. 107.

6. Ключевский В. Соч. в 9 томах, т. 1, М., 1987. С. 191.
7. Международная безопасность и разоружение. Ежегодник СИПРИ, 1994. С. 14-16. С. 2-70.
8. Фишер Р. и Юри У. Путь к согласию или переговоры без поражения. М., 1992. С. 9.
9. Скотт Д. Конфликты. Пути их преодоления. Киев, 1991. С. 117-125.
10. Котарбинский Г. Трактат о хорошей работе. М., 1975. С. 206.
11. Зимичев А. Психология политической борьбы. Санкт-Петербург, 1993. С. 76-77.
12. Там же.
13. Плутарх. Избранные жизнеописания. Том второй. М., 1987. С. 67.
14. Карамзин Н. История государства Российского, в 4 книгах. Кн. 2, Ростов-на-Дону, 1989. С. 440.
15. Фишер Р. и Юри У. Путь к согласию или переговоры без поражения, перевод с английского. М., 1992, С. 19
16. Там же. С. 58.
17. Ден Д. Преодоление разногласий. Санкт-Петербург, 1994. С. 5.
18. Насырова В. Посредничество в урегулировании правовых споров в США. Государство и право, 1997,5. С. 109-111.

**Лекция 10. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ**

До сих пор шла речь об управлении конфликтами без конкретного указания на субъект управления. В заключительной лекции рассматриваются вопросы о деятельности основного субъекта — государства. Именно деятельность государства, или иначе — **государственное управление**, обеспечивает в большей или меньшей мере регулирование и разрешение общественных конфликтов. Любые конфликты общественного характера, будь то экономические, социальные, этно-национальные, политические, правовые или организационно-управленческие, межгрупповые или классовые, между поколениями или региональными общностями могут регулироваться и разрешаться в масштабах страны, главным образом, средствами государства, его власти, авторитарной либо демократической.

Государству принадлежит функция определять, какой конфликт является общественным, а какой относится к сфере личной, частной жизни. Оно формулирует и реализует стратегию поведения общественных субъектов в конфликтных ситуациях, затрагивающих всеобщие интересы. Государственное управление сочетает в себе политическое и административное управление, деятельность власти политической и административной.

1. Демократические технологии как элемент системы государственного управления конфликтами.

Демократия — это форма организации и управления политической и в целом общественной жизнью, обеспечивающая народовластие, основанное на признании прав человека и уважении его свобод. По сути своей она предполагает соревновательность интересов и ценностей, целей и выборов, институционализацию и легитимность конфликта, как элемента общественных отношений и управленческой деятельности. Демократические технологии управления есть не что иное, как совокупность способов, средств и методов управления конфликтами, осуществляемых государственными институтами и организациями гражданского общества. Это — принципы, правила и приемы воздействия на конфликтные ситуации и конфликтующих субъектов государственных и общественных организаций, управляющих структур.

По природе своей технологии управления есть в той или иной форме материализованные (объективированные) принципы и требования демократии. Например, конкуренция в любой сфере общественной жизни может развиваться на демократической основе, когда созданы равные стартовые условия для деятельности, и выработаны обязательные для всех конкурентов правила поведения. Не будет такого равенства — не будет и реальной конкуренции. Вместо нее утвердится иное отношение — господство одной из сил, участвующих в борьбе за более высокий статус, позиции и т.п.

Демократичность технологий определяется в первую очередь тем, а) насколько в них задействованы

органы народовластия; б) в какой мере применение этих технологий базируется на демократическом законе, также на свободном выборе субъектами путей и средств регулирования и управления конфликтами; наконец, каков результат их использования в плане реализации общих интересов, и уважения интересов меньшинства. При этом приходится считаться с тем, что победитель и побежденный в конфликтном противостоянии далеко не всегда (даже в общественном конфликте) совпадают с понятиями «большинства» и «меньшинства».

Применение демократических технологий и достижение желаемых общественных результатов возможно при отсутствии в обществе глубокого социального и политического антагонизма и наличии достаточно широкого диапазона общего согласия по кардинальным вопросам общественной и государственной жизни и путей их решения, при условии признания большинством легитимности органов государственной власти, наличия доверия к ее политике. Фактическая реализация демократических конституционных принципов в действиях властей и общества, функционирование властных и управляющих институтов в рамках конституционного поля составляет политическую и правовую атмосферу формирования реальной возможности для действия демократических технологий. Понятно, что в ситуации декларативности признания демократических конституционных норм, а фактического их попрания, такая возможность будет сведена к нулю.

Наличие указанных условий для применения демократических технологий воздействия на конфликты и конфликтные ситуации еще не гарантирует эффективность результатов. Достижение таковых

обеспечивается выполнением основополагающих требований к деятельности институтов госуправления, вытекающих из характера конфликтных и управленческих отношений.

В качестве исходного, отправного требования приходится вновь (хотя об этом говорилось выше) отмечать необходимость признания субъектом госуправления самого объективного факта существования общественных конфликтов. Для властей — это непростая задача. Создается парадоксальная ситуация: чем многочисленнее в обществе конфликты и чем они острее, тем больше власть имущие говорят о согласии, о единстве народа и правительственной элиты, о бесконфликтности развития. Явные проблемы, связанные с противоречиями и живыми конфликтами, как и в советское время, либо замалчиваются, либо объясняются всем, чем угодно, но только не с позиции объективного анализа действительности. Ни в одном официальном документе государственного руководства не упоминается даже термин «конфликт». К примеру, в отчете Председателя правительства Государственной Думе (октябрь 1997 г.) говорилось о «некоторых» негативных моментах в осуществлении российских реформ, но, боже упаси, не о серьезных конфликтах в экономике, в социальной и других сферах, буквально потрясающих страну. До тех пор, пока будут замалчиваться конфликты, и с боязнью восприниматься само понятие «конфликт» как обозначение некоей катастрофы, провала в политике или угрозы социального взрыва, естественно, не может быть соответствующих действий со стороны государственных институтов по использованию, регулированию и разрешению данных противоречий. Основным в понимании и объяснении конфликта должно быть

правило: конфликт — нормальное явление общественной жизни; выявление, развитие и разрешение конфликта — полезное и нужное дело¹. Считать, что государство каким бы демократичным оно ни было, может создать всеобщую гармонию интересов, — миф, призванный обслуживать господствующие властные силы.

Мало признать реальность тех или иных конфликтов, конфликтных ситуаций, надо еще обладать надежной и достаточной информацией, данными научного анализа об их сущности, причинах, тенденциях развития, последствиях для общества. Кроме того, следует учитывать возможность проявления в данной ситуации серии конфликтов, причем, разнообразных. В таком случае нельзя недооценивать их аккумулярованное влияние на общественный процесс.

Эффективная политика управления конфликтами предполагает научно и практически выверенную концепцию отношения к ним, именно как к закономерному явлению (что не исключает, конечно, возникновения и действия случайных коллизий), реалистическую оценку возможностей в сложившейся ситуации результативно влиять на конфликтные процессы, наконец, определение типа воздействия: регулировать или управлять, либо совмещать то и другое как две взаимодополняющие деятельности госинститутов.

Противопоставление регулирования и управления вообще некорректно с точки зрения смыслового содержания данных понятий. Ведь одно из значений понятия «регулирование», согласно Толковому словарю русского языка — управлять, руководить. Наряду с другими значениями оно включает и такие моменты: а) воздействовать на что-либо с це-

лю достижения нужных результатов, б) подчинять то или иное действие определенным правилам. Семантическая трактовка терминов, конечно, не всегда соответствует установившейся практике их современного использования в языке. Понятие «регулирование» в его современной интерпретации содержит акцент на внутренних механизмах функционирования системы (подсистемы) в рамках установленных управляющим субъектом правил (регламента). Понятие «управление» предполагает преимущественно внешнее (исходящее от субъекта) целеполагающее воздействие на объект на базе реализации внутренних закономерностей систем. Регулирование означает создание необходимых условий для постепенного усмирения конфронтации путем самостоятельного решения конфликтующими сторонами спорных вопросов. Управление же предполагает активное целенаправленное воздействие на конфликтный процесс. Первое включает в частности формирование среды для разрешения конфликтной ситуации; второе — подбор методов и средств, а также разработку технологий действий государственных институтов с целью использования или прекращения конфликтного противостояния.

Отмеченные нюансы в смысловых различиях анализируемых понятий нельзя не учитывать, ошибочно было бы и преувеличивать их, а также строить на этой основе противоположные концепции антиконфликтной политики. Только конкретный подход дает правильный ответ на вопрос, какому виду управленческой деятельности следует отдать предпочтение в данной сфере общественной жизни и данной ситуации. Так, в экономике доминирует, как правило, регулирование процессов; в социальной сфере тоже возможно регулирование и вместе с тем

— управление, не исключается совмещение той и другой функций. К примеру, в тех случаях, когда объектом воздействия являются миграционные процессы, динамика уровня жизни населения (установление прожиточного минимума в стране, регионе и т.п.), демографические изменения. В социальной сфере существенную роль играют не прямые, а косвенные регуляторы.

Многое зависит от содержания конфликтов и конфликтных ситуаций. В этой связи следует подчеркнуть важность не только признания реальности конфликтов в той или иной сфере жизни, но и не меньшую значимость для управления ими определения вида противостояний, поля их распространения. Особенно, если речь идет о политических конфликтах. Неоднозначность точек зрения по этому вопросу неизбежна, что связано с противоречивостью идеологических и политических установок у разных групп российской элиты. К примеру, Здравомыслов А. пишет о четырех полях борьбы в российском политическом пространстве: конституционном процессе, приватизации, соотношении локальных (региональных) и общероссийских интересов, вхождении России в мировую цивилизацию, сопряженном с соотношением ее интересов с глобальными интересами.² Специфика послевзвостовской (1991 г.) ситуации, по мнению социолога, состояла в том, что ни на одном из этих полей исход борьбы не был предопределен. Последнее замечание не вызывает возражения. Спорно определение «четырех полей» борьбы. В самом деле, разве в настоящее время не разделяет наше общество политическое противоречие между теми, кто поддерживает линию режима на переход к капитализму, и теми, кто ее не приемлет? Разве конфликтный характер

приватизации не объясняется именно прямой связью с данным основным, именно основным, противоречием и конфликтом? Разве не им обусловлена левая оппозиция и вся ее программа? Положительные ответы на поставленные вопросы очевидны. Так же, как очевидна, на наш взгляд, неправомочность отнесения к одному из главных полей политической борьбы проблемы вхождения России в мировую цивилизацию. Сторонникам признания этой проблемы в качестве одного из главных полей современной политической борьбы надо еще доказать ее реальность для массового сознания большинства населения страны.

Следующее требование к государственному управлению конфликтами касается поведения субъекта управления по отношению к противоборствующим сторонам. Конфликт затухает или совсем разрешается, если государственный субъект не примыкает к одной из конфликтующих сил, а выступает с позиции общих интересов, являясь последовательным гарантом их реализации. Лоббирование корпоративных интересов институтами власти, к сожалению, стало довольно распространенной практикой органов исполнительной и даже законодательной ветвей власти. В нынешней конкурентной борьбе за новый передел бывшей госсобственности отдельные правительственные органы чаще стоят на страже частного интереса олигархии, а не общегосударственного интереса. Тем самым, они создают предпосылки для коррупции государственной бюрократии, не говоря уже о сведении на нет усилий по преодолению конфликтных ситуаций.

Если государственные институты не должны быть властным адвокатом корпоративных интересов, то их конституционная обязанность — защищать инте-

рессы многочисленных слоев населения, по всем социальным и политическим позициям уступающим сильным мирам сего (российской буржуазии, чиновничеству, коррумпированным элементам) и не способных противостоять им в конфликте. Защитная функция госуправления — одна из важных социальных функций любого демократического режима. Институты защиты сформированы в нашей стране. Другое дело, как они выполняют свою роль. Здесь есть вопросы и проблемы, равно как в социальной политике в целом.

Государственное управление — это реализация определенной политики, выработанной и проводимой правящей властью. Экономическая, социальная, национальная и другие стратегии, отвечающие назревшим потребностям, служат базой и средством рационального использования конфликтов в качестве движущей силы модернизации и развития общества. Сформулировать такие стратегии намного сложнее, чем признать их необходимость. Они, как правило, являются результатом борьбы политических сил, иными словами, итогом действия более высоких по уровню конфликтов... В России в настоящее время противоречия и конфликты в главных сферах общественной жизни, как отмечалось выше, прямо связаны с политическим курсом Президента и правительства, хотя эта связь идеологами режима и правящей элитой отрицается. На требование оппозиции изменить курс реформ правительство и Президент РФ постоянно отвечают отказом, утверждая, что ему альтернативы нет, что только он соответствует национальным интересам.

Национальный интерес и пути его реализации в политике — фундаментальная проблема государственного руководства страной. Осознанность и

признание его в качестве объективно необходимого фактора — то условие, без которого не может быть сформулирована и осуществляться политика демократического государства. Формы осознания могут быть различными: на уровне научной теории или здравого смысла, обыденного сознания. Главное — наличие факта осознания общего интереса.

Общественно-историческая практика свидетельствует, что всеобщего осознания национального интереса не бывает. В обществе всегда остаются определенные слои и группы населения, которые руководствуются лишь своими частными интересами. А до общих им дела нет. Мало того, свои частные интересы они нередко путают с общественными или же противопоставляют им. Показательным примером служит трансляция государственным телевидением (сентябрь-октябрь 1997 г.) программы «Национальный интерес».* Тематика ее была достаточно широка. Она охватывала многие узловые проблемы экономической, политической, социальной и духовной жизни России. Это и сущность и смысл понятия «национальный интерес», и демографическая ситуация в стране, армия, молодежная безработица, частная собственность на землю и свободная продажа земли, монархия, нужна ли она России и другие. В предлагаемой организаторами программы тематике и в ходе публичной дискуссии выявилась вполне определенная картина, надо сказать, мало успокаивающая. Во-первых, программу смотрели единицы телезрителей. Так, из 220 студентов Северо-Кавказской академии госслужбы знали о программе лишь 20 человек, а смотрели ее один раз и более 15 человек. Из 20 слушателей (учебная группа) спецфакультета академии — работающих чи-* Телепоказ программы продолжался в ноябре-декабре 1997 г.

новников — не смотрел программу никто. Несколько активней были студенты-социологи Ростовского государственного университета: из 27 человек учебной группы смотрели программу 7 человек. Опрос среди инженерно-технического персонала одного из подразделений Ростсельмаша выявил не лучшую статистику: из 15 человек опрошенных 1 смотрел программу регулярно и 1 человек знал о ней, другие даже не знали о ее трансляции. Во-вторых, проявилось отсутствие у авторов программы четкого представления о национальном интересе (или желания донести его до слушателей и зрителей). В-третьих, обнаружилось непонимание большинством участников дискуссии как содержания, так и, тем более, соотношения национального интереса с интересами частными, индивидуальными. Лишь отдельные участники теледебатов пытались как-то сопоставить и соотнести свой интерес с общественным, не упоминая при этом понятие «национальный интерес». Многие из числа молодежи вообще отрицали последний, высказывались только за интерес индивидуальный, личный, считая, что его реализация не зависит от каких-либо внешних условий, будь то государство или общественная среда. «Каждый может добиться того, что он желает, внешних преград тому нет» — тезис, поддержанный значительной частью аудитории. Это проявилось во враждебных высказываниях по отношению к службе в армии и самой армии.

Ведущий программы нередко сам подталкивал аудиторию к подмене общего национального интереса корпоративным. Несмотря на то, что, по данным социологов, только 30% опрошенных высказались за свободную продажу земли, а в телестудии за это ратовали лишь «фермеры», ведущий пытал-

Лекция 10

ся навязать аудитории позицию «демократов-реформаторов» о необходимости ввести ее в стране; утверждал, что такое новшество в полной мере соответствовало бы национальному интересу, а также конституционным правам граждан. Выглядела очень странной попытка авторов программы увязать национальный интерес России с судьбами монархии, возможностью ее возрождения в нашей стране. К чести участников дискуссии, она провалилась.

Проблема национального интереса весьма сложная. Она активно обсуждается в научной литературе. Естественно, что в рамках теледискуссии ее не решишь. И все же можно было бы уяснить общее представление о ней. В частности, насколько в условиях России — многонационального государства — обоснованно говорить о «национальном» интересе, не точнее ли использовать понятие «государственный интерес»? В обыденном сознании, в ситуации национальных конфликтов национальный интерес отождествляется с интересом какой-либо одной национальной общности (русской, украинской и т.д.) В действительности же речь идет об интересе **всех** социальных и этно-национальных групп российского социума. Есть еще один аргумент против термина «национальный интерес». В определении его содержания и формы значительную роль играет субъективное предпочтение традиций и культуры определенной нации. Словом, «национальный интерес» зачастую интерпретируется в смысле «националистический». Вот почему было бы, на наш взгляд, точнее говорить об общегосударственном интересе, что лишней раз не наводило бы на мысль о возможности конфликта между национальным и государственным интересами.

Критикуя понятие «национальный интерес», мы не можем согласиться с мнением, что попытки определить его как нечто объективное ни к чему не приведут и что реальные базовые национальные интересы, хотя и существуют, однако они «обычно минимальны и не являются решающими при определении государственной внешней политики». Спорна и позиция Здравомыслова А., солидаризирующегося с приведенной точкой зрения американского социолога Ф.Фукуямы. Он утверждает, «что поскольку не существует неизменных, «окостенелых» национальных интересов и их взаимосвязей с государственными структурами, то в конфликте политику противоположной стороны нельзя воспринимать традиционалистски, как «предательскую политику», руководствующуюся интересами противника врага или оппонента»³

Что национальный интерес представляет собою единство объективного и субъективного, нами отмечено. В составе субъективных моментов представлены в том числе те, о которых пишет американский социолог; идеологические и политические точки зрения. Тем не менее объективное, устойчивое исторически ядро национального интереса, безусловно, существует и его влияние на государственную политику в ряде критических ситуаций (освободительные войны, другие судьбоносные для нации конфликты) оказывается решающим. Поэтому когда говорят, что Россия должна следовать своему национальному интересу, как, скажем, какая-либо другая страна, в этом нет ничего зазорного, консервативного. Правда и то, что игнорирование национального интереса страны правящими кругами справедливо характеризуется как политика «предательская». Короче говоря, признание динамичное-

ти» изменчивости национального интереса, отрицание его «окаменелости» — еще не аргумент для его недооценки в качестве одного из главных факторов формирования политики, и не только внешней.

2. Демократические технологии управления конфликтами в действии.

Инструменты любой деятельности, в том числе управленческой, подбираются людьми в соответствии с объектом и характером деятельности. Это правило относится и к демократическим технологиям. На высшем уровне руководства используются одни виды технологий (политических, экономических и др.); на уровне субъектов Федерации — другие, наконец, в системе местного самоуправления — третьи. Речь, разумеется, не идет о разных принципах демократии: они универсальны и закреплены в Конституции. Специфичны формы и механизмы реализации одних и тех же принципов. Поисково-творческий подход, новации здесь не пожелание, а потребность. Разнообразие технологий не прописано в инструкциях и наставлениях, не значится в каких-либо бюрократических опусах, не изобретается падкими на «жареные» факты журналистами. Управленческое творчество — профессиональная обязанность государственных служащих и институтов.

Попытаемся представить и описать в первом приближении, в общем виде типологию демократических технологий различных уровней функционирования управленческой системы.

1. Формы и методы управления конфликтами на уровне федеральных институтов власти и управления: механизмы реализации Основного Закона (Конституции); демократические нормы и процеду-

ры формирования органов законодательной, представительной и исполнительной, а также судебной властей; правила принятия решений и процедуры организации и проведения общенациональных и других общественно-политических форумов; виды совместного (разных ветвей власти) обсуждения форм и методов регулирования и разрешения конфликтов и конфликтных ситуаций, имеющих общегосударственное значение; информирование общества (СМИ) о деятельности и решениях государственных институтов; все формы и виды прямой и представительной демократии, формы связи госинститутов с общественностью. Стержневой технологией для всех названных методов является коллективное голосование и обсуждение проектов решений (резолуций, законов и пр.), а также различные виды выборов. В этом состоит коренное различие технологий демократических от технологий административно-командных и правовых, сердцевину которых образует приказ, решение суда, распоряжение и другие управленческие документы, исходящие от административной власти. Голосование — технология выявления воли большинства, его позиции в отношении способов урегулирования или разрешения конфликта. При этом в качестве участников голосования выступают не только конфликтующие стороны, но также не включенные в конфронтацию» выступающие в качестве коллективного арбитра. Воля большинства — то средство, а скорее сила, с помощью которой конфликт либо гасится, либо переводится в другое русло развития или иную форму. Неизбежно воспроизведение конфликта, если большинство никак не учло позиции меньшинства, не посчиталось с его интересами.

2. Формы и методы управления конфликтными ситуациями и конфликтами на уровне субъектов Федерации: совокупность способов реализации конституционных установлений, обеспечивающих реализацию интересов и позиций региональных общностей при регулировании конфликтных ситуаций и конфликтов регионального характера. Здесь применяются те же, что и на федеральном уровне, технологии с учетом специфики региональной общности и институтов власти и управления. Например, референдумы как форма прямой демократии организуются лишь по вопросам, касающимся интересов субъекта Федерации. Коллективное обсуждение тех или иных решений, голосование, в том числе в виде выборов, и здесь выступает как основная процедура принятия решений. На уровне субъектов Федерации возрастает роль взаимосвязей госвласти с обществом.

3. Формы и методы функционирования местного самоуправления как одного из видов демократии охватывает совокупность способов выявления и реализации интересов, позиций, воли местных обществ. Голосование, в том числе в виде выборов, и здесь — основной инструмент принятия коллективных решений.

Уровни принятия решений при помощи демократических процедур определяют конкретную технологию: чем выше уровень, тем больше масштабы применения представительной демократии.

Демократические технологии сами по себе, изолировано от институтов административной власти, не могут обеспечить регулирование и разрешение конфликтных ситуаций и конфликтов. Круг их возможностей ограничен теми проблемами, которые требуют для их решения применение принуждения, иначе говоря, где нужно употребить власть. Ис-

пользование власти, в свою очередь, требует учета ее многофункциональности: как господства, сосредоточения командования, осуществления контроля за деятельностью отдельных лиц и групп. Каждая из названных функций может быть реализована в виде средства преодоления конфликта.

Обратим внимание читателя на некоторые принципиальные моменты использования демократических технологий. Один из главных — нахождение оптимальных для данной конфликтной ситуации моделей ее разрешения с учетом позитивных последствий для других общественных отношений, связанных с этой ситуацией. Применение демократических технологий — не самоцель, а средство достижения качественных результатов. Участие общественных институтов в разработке решений, контроль за действиями государственных органов по выполнению принятых решений, свободное обсуждение проблем, возникающих в ходе преодоления конкретного конфликта, поиск новых вариантов решений — эти и другие элементы демократической по своей природе деятельности составляют структуру управления конфликтами. Там, где такая практика отсутствует, консервируются общественные коллизии, возникают кризисные ситуации.

Подчеркивая позитивную роль демократических технологий, мы не намерены ее преувеличивать или исключать потенциально присущие им негативы. Участие в разработке и принятии управленческих решений наряду с профессионалами — управленцами и непрофессионалов, представителей общественности, порождает возможность некомпетентного анализа конфликтов. Демократический характер обсуждения проектов решений затягивает процедуру их принятия, снижает оперативность руководства. В об-

щем хоре дискуссий уравниваются по значимости творческие, новаторские взгляды и мнения обыденные, не содержащие в себе каких-либо новых мыслей. Коллективное принятие решений потенциально несет в себе элемент безответственного отношения отдельных участников к его результатам и ведет к попыткам администраторов спрятаться от ответственности, в случае необходимости, за мнение коллектива, свалить вину с больной головы на здоровую. В этом и состояла порочная практика соединения представительной и исполнительной властей в системе бывших Советов. Субъекты исполнительной власти, в случае провала их решений, как правило, оправдывали свои действия ссылками на постановления представительного органа (сессии Совета, Президиума и пр.) или указания партийного комитета.

Анализ практики государственного управления показывает, что без тщательной отработки механизма применения демократических технологий и его закрепления в законодательстве, авторитарные методы остаются реально действующими. А за демократические выдаются квази-демократические, по сути — парадоксы демократии: принцип большинства превращается в вульгарную голосовую арифметику при оценке качества принимаемых решений; выборная система — главный институт демократии — в технологию выявления и закрепления воли властвующего меньшинства, а не массы управляемых; принцип плюрализма — в практику дозволенного высказывания разнообразных мнений, не влияющих на принятие ответственных решений. Естественно, парадоксы демократии приводят не к урегулированию конфликтов, а, напротив, к их обострению или маскировке

Казалось бы, выборы в органы государственной власти — лучшая форма разрешения социально-политических конфликтов, накопившихся в обществе за период между выборными кампаниями. Между тем последние кампании — по выборам депутатов Государственной Думы и Президента РФ, в органы государственной власти субъектов Федерации — вызвали значительное обострение борьбы правящих и оппозиционных сил. Коммунисты, победившие на выборах в Думу, и «партия власти», потерпевшая поражение, остались на прежних местах в системе власти. У коммунистической фракции как не было, так и нет права формировать правительство и контролировать его деятельность. Кадры ответственных чиновников как формировались из сторонников «партии власти», так и по сей день формируются. СМИ как были объектом монополии Президента РФ и правительства, так и остались. Мало того, победивший на выборах Ельцин Б.Н. в качестве Президента РФ не отказался от практики конфронтации с оппозицией, даже в какой-то степени ее усилил; он сохранил ее также во взаимоотношениях с Государственной Думой, поскольку там доминируют коммунисты и их политические союзники. В последнее время, правда, наметился компромисс в разрешении конфликта. Будет ли он постоянным правилом, покажет время.

Демократическая мировая практика выработала многие формы регулирования и разрешения конфликтов силами институтов государственного управления. В их числе не одни только выборы в органы власти, но также разнообразные формы прямой и представительной демократии: референдумы, партийные съезды, сами политические

партии как организации, выступающие соединительным звеном между государственными институтами и крупными социальными группами и орудием согласования интересов и позиций. Авторитарные методы и приемы управления конфликтными ситуациями противопоставляются демократическим по широкому фронту общественных отношений: секретность обсуждения и принятия политических решений — гласности; монолог лидеров — публичному диалогу с оппозицией; административный приказ — рекомендациям наилучшего варианта решения конкретных проблем; командное инструктирование — дискуссии и т.д. Получили распространение такие новые демократические формы оценки деятельности власть предержащих, как теледебаты, определение рейтинга лидеров (своеобразная форма реализации принципа большинства); изучение общественного мнения по наиболее важным вопросам деятельности субъектов государственного управления и состояния конфликтной обстановки в обществе; разнообразные формы взаимосвязи институтов государственной власти с общественностью.

В качестве эффективной и достаточно популярной формы демократического урегулирования политических конфликтов зарекомендовали себя дискуссии «за круглым столом». «Круглые столы» стали распространенным механизмом в разрешении застарелых и труднейших политических противостояний. С помощью «круглого стола» Монклоа Испания вышла из политического кризиса после смерти диктатора Франко. Не раз прибегала к такому механизму урегулирования конфликтов оппозиция в западно-европейских странах, хотя и не добивалась при этом желаемых результатов. «Круглые столы» постепенно входят в политическую жизнь России.

Цель любого «круглого стола» — достигнуть согласия относительно проблем, составляющих объект политического конфликта, и путей их решения. Идеальный вариант — реализация этой цели. Подчеркиваем: идеальный, но необязательно при всех условиях осуществимый. У «круглого стола» бывают углы, причем коварные, мешающие снятию конфликта между его участниками. Какие же они? Это — скрываемые от оппонента интересы и намерения, с которыми садятся за стол дискуссии одна или обе конфликтующие стороны. Политическая борьба меньше напоминает школьную арифметику; она более похожа на алгебру и на высшую математику.

Кроме идеального варианта исхода дискуссии за «круглым столом», возможны другие: «максимальный выигрыш» одной стороны и «минимальный выигрыш» другой; «выигрыш—проигрыш», в том числе не исключая капитуляцию одной из сторон; безрезультатное окончание заседаний «круглого стола», когда какая-либо сторона или даже обе стремились его использовать с целью выжидания наиболее благоприятного времени для своей победы или накопления сил. Прибегают конфликтующие стороны и к срыву достигнутых договоренностей, если изменившаяся ситуация противоречит реализации их замыслов.

Небольшой опыт «круглых столов» в России продемонстрировал пока лишь негативные последствия их проведения. Известные переговорные процедуры между бывшим Верховным Советом РСФСР и Президентом Ельциным Б.Н. при посредничестве Председателя Конституционного суда и выработанное в результате этого компромиссное постановление «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации» мало помогло преодолению острого

конфликта между законодательной и исполнительной ветвями высшей государственной власти. В дальнейшем оно по сути дела было предано забвению. Проект новой конституции РФ на заключительном этапе разрабатывался лишь сторонниками Президента без участия Верховного Совета и его руководства.

Остается выяснить вопрос: чем обусловлены противоречивые результаты «круглых столов»? По крайней мере, двумя факторами: соотношением сил, находящихся в состоянии конфликта, характером политической обстановки, тенденцией ее развития. В ситуации равновесия сил, когда ни одна из конфликтующих сторон не может управлять самостоятельно, а другая еще не в состоянии это делать (оппозиция), достигается согласие, конфликт преодолевается хотя бы временно, для сохранения той обстановки, при которой установилось равновесие сил. Конфликтующие стороны меняют тактику, вплоть до отказа от прежних договоренностей, если проявляется тенденция к качественному изменению общественно-политической обстановки в пользу одной из сторон и возникает возможность для ее выигрыша, а для другой — проигрыша. Не худший вариант в подобной ситуации — возможность выжидания дальнейших перемен и предложение об отсрочке выполнения взятых в результате торга на себя обязательств. Неотвратимость капитуляции какой-либо стороны возникает в условиях катастрофической потери ею поддержки находящихся вне конфликта общественных сил (партий, социальных групп), или, по крайней мере, реальной опасности такой потери.

Тот выигрывает от использования механизма «круглого стола», кто становится фаворитом актив-

ОСНОВЫ КОНФЛИКТОЛОГИИ

ных в данной обстановке общественных сил, на стороне кого оказывается доминирующее общественно-политическое мнение.

Продолжение открытых конфронтационных действий Президента РФ Ельцина Б.Н. против бывшего Верховного Совета РСФСР в 1992-1993 гг. было основано на продуманном анализе изменяющейся в его пользу политической ситуации и учете складывающегося перевеса общественного мнения. Тезис Президента РФ — «Верховный Совет — главный тормоз реформ» — работал эффективно, реконструируя конфликт, между главой исполнительной власти и высшим законодательным органом страны не в интересах последнего. Это позволило Президенту настойчиво добиваться Проведения всероссийского референдума о доверии ему лично и о поддержке его политики.

Референдумы в западно-европейской политической практике — высшая форма выявления мнения большинства по коренным вопросам политики. В России же и здесь возникают свои проблемы. Сказывается груз длительного господства авторитаризма и диктатуры. Референдум 17 марта 1991 г. за сохранение Союза ССР, его результаты (в РСФСР за сохранение высказались 71% граждан, на Украине — 70%, в Белоруссии — 13%) были перечеркнуты беловежской тройкой лидеров, объявивших о кончине Советского Союза. Таким образом, мнение меньшинства, в основном не принявшего участия в референдуме, оказалось решающим. Не менее драматическими для судеб российского политического конфликта 90-х гг. стали последствия другого референдума — о доверии исполнительной президентской и законодательной ветвям власти. На первое место были поставлены не результаты, а их проти-

Лекция 10

воположная интерпретация конфликтующими сторонами. Она органически включалась в структуру конфликта и сыграла определяющую роль в дальнейшем ходе противоборства между властями. Несмотря на то, что большинство принявших участие в референдуме не высказалось за необходимость проведения досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации, президентская команда истолковала итоги референдума как свою победу; курс Президента и правительства по проведению реформ был одобрен. Конфликт теперь приобрел новую фазу остроты; его динамика пошла в направлении к насильственному разрешению. Это и произошло в трагические дни сентябрь-октябрьских (1993 г.) событий.

Сказанное выше о неоднозначности результатов применения демократических форм управления конфликтами («круглых столов» и референдумов) позволяет сделать вывод, что эти технологии, как и прочие, оставляют в политическом пространстве место для неопределенности суждений и оценок конфликтующими сторонами своего положения в политическом противостоянии, о реальности доминирования или же отсутствия его в новой ситуации. Этой неопределенностью стремится воспользоваться сторона, для которой складывается в данное время благоприятная общественно-политическая обстановка. В таком случае орудием разрешения, а скорее прекращения конфликта, становятся не демократические, а административно-властные методы.

В любой ситуации политическими силами используются СМИ: и как средства информационной демократии, и как орудие легитимации антидемократических механизмов воздействия на конфликтующих субъектов. В современных условиях ни один

конфликт, ни одну акцию государственной власти и отношение к ней общества нельзя рассматривать изолированно от влияния СМИ. Между людьми и властью сегодня стоят СМИ. Как они преподносят обществу информацию о характере конфликтных ситуаций и реакции государственных органов, так в большинстве своем закрепляется картина в массовом сознании. По желанию руководителей СМИ и обслуживающих их журналистов, а также тех, кто их оплачивает и контролирует, нагнетаются конкретные конфликты или, напротив, замалчиваются. СМИ конструируют конфликтную реальность по своему усмотрению и заказу сильных мира сего, лишая такой возможности в большинстве ситуаций противоположных агентов конфликта. Информационные средства превратились в многофункциональное орудие воздействия на человека и общество в целом: социальной мобилизации и социального контроля, стимулирования и санкционирования, легитимации действий властных институтов и делегитимации и т.д. Роль средств массовой информации настолько возросла, что это дало основание некоторым теоретикам считать их фактором первичным по отношению ко всем другим в структуре общественного процесса. Думается, что в части социализации личности и формирования мотивационной базы массового поведения, такое суждение вполне корректно.

Фактор неопределенности, сопутствующий любому конфликту, в особенности политическому, включение в конфликтное взаимоотношение массовой информации, выступающей эффективным средством конструирования субъективной реальности, зависимость действий политиков и политических институтов от символического капитала, формируемо-

го СМИ, — все это тем не менее не исключает объективных закономерностей политики и политических конфликтов.

На волне критики марксизма многие авторы отказались от идеи объективных законов исторического процесса в целом и политики в том числе, считая ее догмой вульгарного исторического материализма. Один из активных пропагандистов такой точки зрения на страницах газеты «Советская Россия» (1997 г.) С.Кара-Мурза обозвал эту идею «песенкой об объективных законах» для интеллигенции, «вбитой в наши головы школой», во многом способствовавшей дискредитации социализма. Здравомыслов А.Г. высказывает по сути ту же мысль, утверждая, что «конфликтно-событийное понимание происходящего» отвергает притязания теоретического разума на сведение частного к общему», «демонстрирует несостоятельность стремления открыть и сформулировать некоторые общие объективные законы происходящего.» Эта точка зрения «подчеркивает роль субъективности, а следовательно, оставляет достаточно большое место для непредсказуемости совершающегося»⁴ Последнее умозаключение автора не вызывает возражения, однако оно ничуть не противоречит признанию объективности законов социальной действительности. И как бы ни оговаривал автор свою точку зрения тем, что ее не следует понимать как отказ от интеллектуального постижения действительности, ее рационализации, такой отказ в ней потенциально заложен.

«Большой запас неопределенности» в конфликт-тогенных взаимодействиях, в реальном их развертывании, безусловно, есть следствие роли субъективного фактора и многообразия взаимосвязанных

конфликтов или даже их серий. Нелепо было бы отрицать, что в политике зачастую доминирует воля лидеров, партий, элит, бушуют страсти и эмоции. Однако конечный итог политических действий организованных социальных групп определяются все же общими интересами, так или иначе признаваемыми активной частью этих групп. Зависимость политических процессов от общих интересов есть один из объективных законов политики. Его признание вовсе не означает, что любой политик, действуя в конфликтной ситуации, осознанно и непосредственно ориентируется на общий интерес. И все же конечный успех умиротворения конфликта или его разрешения обусловлен тем, насколько полно этот интерес отражен в стратегии политика.

Объективность законов политики примитивно истолковывать в смысле абсолютной их независимости от действий политического субъекта. Ведь социальные законы, в том числе политические, суть всеобщие и необходимые формы общественных действий людей. Реализоваться иначе, как только через сознание, волю и действия людей, они не могут. Кроме того, людские сообщества, изменяя обстоятельства своей общественной жизни, тем самым создают условия для возникновения одних законов и блокирования других, способствовавших сохранению и функционированию старой социальной системы. В настоящий период такой процесс характерен для России. Здесь формируется иная, в отличие от советской, политическая система с иными закономерностями, выражающимися, в частности, в моделях либеральной демократии западно-европейского образца. Новое, специфическое не отвергает всеобщего, например, объективной необходимости легитимности политической власти. Изыскиваются

и реализуются лишь другие формы и методы легитимации. Не отрицаются давно проверенные историческим опытом способы распределения власти и взаимодействия различных типов властей, к примеру, разделение законодательной, исполнительной и судебных властей. Обосновываются и закрепляются законом соответствующие российским условиям формы разделения и институты государственной власти. Наконец, наличие в нашей стране многих общецивилизационных политических конфликтов, в частности между различными ветвями власти, доказывает реальность бытия объективных законов. И это не зависит от поведения тех или иных политиков, стремящихся выдавать свои цели и действия за объективные, безальтернативные, за абсолютную истину.

Только на основе знания о закономерностях политических процессов возможно разработать более или менее приближенный к реальности сценарий прогноза конфликтной картины. Здравый смысл — верный помощник научно-рационального сознания, однако заменить его он не в состоянии. Действия методом «проб и ошибок», управление, построенное на базе тривиальных житейских аксиом типа: «поживем—увидим»; «что делается, все к лучшему»; «наперед не узнаешь, где найдешь, где потеряешь» — результат здравого смысла, продукт обыденного сознания. В конфликте он также присутствует вне рационального, однако не ускоряет достижение согласия.

Сценарий прогноза как необходимый инструмент управления конфликтом служит базой для разработки программы (проекта) действий. Программное мышление по своему существу выступает как проблемное. Программа (проект) — это обозначение

комплекса проблем и обоснование путей и методов их решения. За проблемами кроются противоречия и конфликты, исход которых до некоторого времени остается непредсказуемым. Составление программы требует разграничения проблемного знания о конфликте и конфликтной ситуации от непроблемного, то есть известного, не требующего дополнительного исследования. Программа складывается из комплекса мероприятий, осуществление которых позволит решать задачу управления конфликтом. В программе может быть заложен ряд вариантов достижения цели, намеченной государственным субъектом. Обсуждение этих вариантов и выбор оптимальных для данных условий и характера конфликтной ситуации представляет собою объект демократического воздействия на процесс управления. Здесь открывается поле для любых дискуссий, теледебатов, «круглых столов», соглашений и разногласий и т.п., что не может подменять профессиональную работу кадров государственного управления.

Программа, сформулированная с участием общественности и научно выверенная профессионалами, становится стержнем политики в конкретной сфере деятельности государства. Описанная структура программирования политики управления конфликтом — идеал, норма, не всегда реализуемые в жизни, поскольку в процесс вмешиваются многие (объективные и субъективные) корректирующие его элементы. Главным образом, они связаны с незнанием последствий реализации поставленных целей. Познавательный процесс усложняется различием противоречий и конфликта, в частности, в социальной сфере. Социальные противоречия в стране в настоящее время очевидны (о них шла речь выше). Конфликты же намечаются и возникают не во всех

регионах. Парадоксальность нынешней ситуации состоит в том, что социально-политический конфликт формируется чаще всего в регионах и субъектах Федерации с относительно хорошими по сравнению с другими условиями жизни (например, Краснодарском и Ставропольском краях). Следовательно, традиционный марксистский анализ по принципу «политика есть концентрированное выражение экономики» в этом случае неприменим. Скорее всего полезнее апеллировать к другому тезису (ленинскому): о первенстве политики над экономикой. В конфликтных ситуациях переходного периода этот тезис является теоретическим ориентиром в политическом руководстве. Иное положение в обществе со стабильной экономической и политической системами: здесь экономика выступает основополагающим фактором по отношению к другим сферам, хотя и в границах, заданных спецификой каждой из сфер, а также особенностями социального пространства.

Из сказанного вытекают принципиальные выводы, касающиеся некоторых правил регулирования и разрешения конфликтов.

Первое. Социально-экономические и политические конфликты в нынешней России прежде всего обусловлены характером политической системы, пришедшей на смену советской системе, несоответствием продекларированной режимом демократичности системы и реальной тенденцией к авторитарности, «демократической диктатуре». Системный кризис в российском обществе имеет свои объективные причины, однако пока доминируют не они, а причины субъективные. Значит, коренным условием управления конфликтами, их регулирования и разрешения является изменение политики и систе-

мы в направлении обеспечения согласования интересов социальных групп и их возможно максимального в данной исторической ситуации удовлетворения.

Второе. Противоречия в сфере интересов были и остаются основным источником конфликтов. Велико значение осознания их людьми. Конфликт интересов не разрешается только путем «переосмысления» интересов участников конфликта. Объективная сторона интересов, будь то общественных или личных, переформируется, а затем может быть переосмыслена, если изменяется их действительная основа — социально-политическое бытие. Тогда устраняется и предмет конфликта.

Третье. Регулирование и разрешение конфликтов становится реальностью при соблюдении демократического принципа большинства, но также при уважении интересов меньшинства, даже в случае, когда меньшинство оказалось стороной, проигравшей в конфликте.

Четвертое. Управление конфликтами дает ожидаемые результаты при условии соответствующего правового обеспечения демократических и прочих технологий, включая применение государственного принуждения. Принудительные методы погашения конфликта на неправовой основе приводят к новым конфликтным ситуациям, во многих случаях еще более болезненным для общества, чем прежние.

3. Политика и конфликты.

В общественной системе, представляющей органическую взаимосвязь экономических, политических, правовых, социальных и пр. отношений, конфликты, присущие им, не изолированы друг от дру-

га, а так или иначе взаимосвязаны. Система определяет характер конфликтов (скажем, антагонистический или неантагонистический), их типичную структуру и динамику, основные технологии управления. В свою очередь, свойственная данной системе совокупность конфликтов образует ее конструктивно-созидательный или разрушительный потенциал. Поэтому системный подход к государственному управлению конфликтами так же необходим, как и в целом к социальному управлению. Проблема в том, как его обеспечить.

На наш взгляд, драматическая история нашей страны в последнее десятилетие дала материал для решения этой проблемы. Политика как система государственной власти и основное направление ее деятельности — вновь стала **первенствующим** фактором во всех решающих коллизиях государства и общества. Вопреки догматически трактуемым материалистическим постулатам экономическая система начала разваливаться под воздействием в первую очередь не экономических, а политических конфликтов. «Война суверенитетов» взяла верх над экономической необходимостью сохранения десятилетиями складывавшихся экономических отношений и единого экономического пространства. Мало того, политический фактор, в частности политические споры между лидерами теперь уже суверенных государств, бывших советских республик, парализовали восстановление не только единой экономической, но и других систем взаимоотношений и связей, а также общего правового и информационного пространств.

Реальная картина общественно-исторического процесса на территории бывшего Советского Союза и влияния на него политики не осознается правя-

ОСНОВЫ КОНФЛИКТОЛОГИИ

щими кругами, а скорее всего игнорируется. За последнее время они с упорством, достойным лучшего применения, стремятся убедить общество в том, что политика якобы напрочь отделена от экономики, что политические конфликты, равно как социальные или идеологические, не следует рассматривать и оценивать сквозь призму характера политического режима и его курса. Даже, как говорится, «чистые» государственные политические институты (законодательной и исполнительной власти, включая правительство России) характеризуются как институты, призванные заниматься конкретными делами а не политикой. Поистине бывшие завлабы, пришедшие к власти в результате политического переворота, забыли о своей «альма матер» (матери, их породившей).

В современном обществе, тем более в таком политизированном, как нынешняя Россия, нет другого универсального интегрирующего факторе, как политика, равного по своему характеру и эффективности воздействия на любые социальные конфликты. Именно она выступает системообразующим звеном, оставаясь в конечном счете по своей природе концентрированным выражением (непосредственным или опосредованным) общественных экономических, социальных интересов и духовных ценностей больших социальных групп.

Политические конфликты, как свидетельствует опыт нашей страны, являются определяющими по отношению к другим и в совокупности с ними составляют зону, в которой могут возникать и действовать последние.

Подчеркивая взаимосвязь политических конфликтов с иными социальными, было бы ошибочно политизировать любые из них. Безоговорочная полити-

зация в данном случае так же далека от истины, как и деполитизация любого конфликта, будь то макроконфликт или конфликты, возникающие на уровне субъектов Федерации, конфликты внутри институтов высшей госвласти или местного самоуправления.

Политический процесс, курс государственной политики — общее условие, тот, образно говоря, кислород, который наполняет жизненной силой действия технологий управления. Поэтому каждая группа конфликтов требует наряду с общим политическим курсом разработки соответствующей политики, создающей благоприятную основу для их регулирования и снятия (или же стимулирования). Конфликт должен быть точкой отсчета, исходной категорией анализа и разработки стратегии и тактики руководящей политической деятельности.

К примеру, экономические конфликты, коими перенасыщена страна, в большинстве своем не сглаживаются и не разрешаются, а множатся и обостряются в силу того, что экономическая политика ориентирована на стимулирование противоречий между интересами широких масс трудящихся и обогатившейся за счет присвоения госсобственности кучки новорусской буржуазии. Нынешний кризис экономики — концентрированное выражение ее конфликтного состояния. Никакие демократические технологии, правовые и прочие методы без использования материальных ресурсов и средств, не помогут преодолению кризисной ситуации. Нужна хорошо продуманная антикризисная программа развития самой экономики, то есть экономическая политика, предусматривающая реальный прогресс производительных сил общества. Она и будет орудием преодоления всеобщей конфликтной ситуации в стране, наряду с другими видами политики.

Основы конфликтологии

Острейшие социальные конфликты, сотрясающие российское общество в настоящее время, не исчезнут сами по себе, если партия власти будет глушить недовольство одних слоев населения путем ущемления интересов других. Только социально-политическая стратегия, рассчитанная на перспективу, имеющая под собой необходимую экономическую базу, осуществляемая не на словах, а на деле, может стать реальным и эффективным орудием регулирования и разрешения социальных антагонизмов, порожденных капитализацией общества.

Теперь уже большей части здравомыслящих рядовых граждан и даже политической бюрократии понятно, что развитие национально-этнических конфликтов с их разрушительными последствиями невозможно предотвратить как путем критики так называемого тоталитаризма бывшего советского режима, так и военными средствами. От государства требуется прагматическая национальная политика, которая бы способствовала и даже обеспечила возможность контролируемого и ограничено терпимого для государства и общества уровня состояния межнациональных противоречий и последующего их преодоления на взаимоприемлемой для этносов основе. Такую политику не могут разработать ни отставные генералы, ни бесправные и безликие министры. Это дело Федерального Собрания и Президента РФ. К сожалению, пока россияне являются свидетелями бессистемных политических акций, объективно противопоставляющих одни этнические группы другим: бывшие репрессированные народы — не подвергавшимся репрессиям, так называемые коренные национальности — некоренным.

Не справившись с конфликтом, возникшим между Россией и Чечней, между федеральным центром

и чеченской националистической верхушкой власти, Президент РФ пошел на открытое военное его подавление. Трагические результаты и позорные последствия чеченской войны известны. Теперь предпринимаются разнообразные усилия, чтобы в малой доле сгладить военное поражение мирными средствами, вернуться к цивилизованным формам и методам преодоления образовавшегося в результате войны чудовищного отчуждения одного из народов России от российского сообщества и государства. В случае сохранения кризисной ситуации в межнациональных отношениях государство не гарантировано от возникновения новых «горячих» точек и даже зон на российском политическом пространстве.

Широко признанным фактом стал конфликт между СМИ, в первую очередь телевидением, и духовными потребностями большинства народа, его национальными традициями и культурой. Свобода слова, о которой так долго твердили демократы-реформаторы, чаще всего используется СМИ для прикрытия морально-психологического насилия над людьми и навязывания массам чуждых им образа мыслей и поведения. Это сопровождается вытеснением национальных культурных ценностей, искусства, традиций. СМИ превращены в супероружие против культуры. В последние годы они занялись внедрением в массовое сознание иррациональных мистических и мифических идей, представлений и переживаний, религиозных суеверий. Пропагандируется псевдонаука, полунанука и антинанука. Одновременно под видом критики марксистской коммунистической идеологии дискредитируется научное мировоззрение. Тем самым миллионы людей насильственно отброшены на архаический уровень со-

знания и мышления эпохи средневековья. Понятно, что патриотическая интеллектуальная часть российского общества не может не выступать против обрушившегося на умы миллионов граждан своей великой страны водопада лжи и духовного яда. Конфликт постоянно нарастает. В него вовлечена в настоящее время православная церковь. Власти по существу занимают пока нейтральную позицию, ссылаясь на право журналиста выражать публично свои взгляды и мнения. А как же быть миллионам граждан, не имеющих доступа к СМИ, поскольку последние оказались в руках финансовой олигархии? Есть только один способ борьбы с этими явлениями — ликвидация монополии на телевидение и общественный контроль (без вмешательства в творческий процесс) за осуществлением разумной информационной политики, базирующейся на принципе плюрализма и отвечающей национальным интересам. Она и только она определит направление разрешения конфликта и защитит общество от посягательств контркультуры и идейно-психологического западного империализма. На основе такой политики была бы эффективной борьба общественности против телевизионного варварства и минимизировано негативное воздействие СМИ на общественное сознание и психологию людей.

Политика — лишь основа управления конфликтами, не более. В качестве таковой она выступает прежде всего по отношению к макроконфликтам. Что касается иных конфликтов, нижележащих уровней, то влияние политики на них больше опосредованное, нежели непосредственное. Чем ниже уровень конфликта, а значит его зона распространения, тем сильнее возрастает роль прямо не связанных с политикой демократических технологий управле-

ния. Возникающие на уровне местных сообществ конфликты (за исключением правовых) регулируются и преодолеваются средствами и институтом самоуправления.

* * *

Рассмотренные в настоящих лекциях теоретические проблемы конфликтологии не исчерпывают тематики данной науки. Предметом исследования были лишь основы теории конфликта. Тем не менее и это позволяет утверждать, что конфликтологический анализ общественной системы, ее функционирования и развития, равно как и перехода в новую систему, — один из срезов научного познания социума. Категория же конфликта — одна из ступеней постижения его сущности. Вместе с тем мир многочисленных микроконфликтов требует своего изучения эмпирическими методами прикладной конфликтологии.

Литература.

1. Здравомыслов А. Социология конфликта. М., 1996 (3-е издание). С. 9.
2. Там же. С. 237.
3. Там же. С. 83.
4. Там же. С. 306.
5. Зеркин Д. Основы политологии. Ростов-на-Дону, «Феникс», 1996. С. 484-494.

Приложение

Проблемные ситуации и задачи по конфликтологии.

Анализ проблемных ситуаций и их решение будет способствовать углубленному и творческому усвоению читателями основ конфликтологии. Этот метод поможет преодолению традиционных для вузовской практики преподавания общественных дисциплин школярства и догматизма.

Автор предлагает для анализа три вида проблемных ситуаций: а) ситуации теоретического характера — противоречия и конфликты, описанные в научной литературе, б) возникшие в реальных социально-экономическом и политическом процессах и являющиеся объектом практики социального управления; в) моделируемые в учебном процессе. Анализ каждого вида проблемных ситуаций предполагает задания на выявление, объяснение и поиск подходов и методов преодоления этих ситуаций, имеющих в литературе и встречающихся в практике социального управления.

Научно-теоретическая проблемная ситуация — это выявившееся и осознанное в конфликтологической науке противоречие между уровнем познания общественных конфликтов и потребностью углубления знания о них, обусловленное наличием новых научных представлений о тех или иных конфликто-логических процессах и накопленных фактических данных. Кратко говоря, проблемная ситуация суть фиксация недостаточности знания о конкретной области общественных конфликтов.

Учебная проблемная ситуация выражается в противоречии между полнотой (уровнем) описания и объяснения конкретных общественных конфликтов в учебной литературе и учебном процессе и достигнутым наукой уровнем познания. Следовательно, учебная проблемная ситуация означает выявившуюся в учебном процессе ограниченность объяснения конкретной зоны конфликтов.

Практическая проблемная ситуация фиксирует противоречия и конфликты, проявившиеся в реальной жизнедеятельности общественных субъектов, между теорией и практикой управления общественными конфликтами. Описываемая проблемная ситуация свидетельствует об ограниченности знания, опыта и ресурсов у управляющих субъектов, будь то институты государства или гражданского общества.

Понятие «задача» в данном контексте означает учебную форму задания на решение проблемной ситуации. Анализ проблемных ситуаций включает:

- разграничение проблемного и неproblemного знания (объяснения) путем сравнения с имеющимся данным, удовлетворяющим научным, учебным и практическим потребностям;
- отделение существенного от несущественного в отношении проблемной ситуации;
- расчленение проблемы по элементам и определение приоритетных из них.

Рекомендуемая логика анализа: объяснение условий возникновения проблемы; уточнение проблемы; постановка проблемы и формулирование задачи на ее решение; решение проблемы, включая выбор наилучших вариантов (с точки зрения экономии мышления и достижения цели).

ОСНОВЫ КОНФЛИКТОЛОГИИ

Конфликтологический анализ, в отличие от других видов научного анализа, — это выявление и объяснение конфликтных ситуаций и реальных конфликтов, возникающих и функционирующих в различных сферах общественных отношений, в индивидуальном и общественном сознании людей и отражаемых социальными науками. Поскольку конфликты социальные, политические, экономические и др. затрагивают людские интересы и ценности, на их познание оказывают влияние умонастроения, царящие в обществе, главным образом правящей элиты, да и оппозиционных кругов. Отсюда возможные и даже неизбежные односторонности в интерпретации конфликтов и порождающих их причин. Научный анализ призван, если не устранить вовсе субъективизм в понимании тех или иных конфликтов, то, по крайней мере, максимально ограничить его.

Перечень и описание предлагаемых читателю для анализа проблемных ситуаций в основном соответствует структуре курса лекций.

Конфликт как социальный феномен.

Конфликтология — молодая наука, и для нее характерно наличие многих дискуссионных вопросов и положений. Тем более, что в познании конфликтов весьма велико влияние субъективных качеств исследователя, его мировоззрения и общественно-политических пристрастий.

1. Общественные, межличностные и индивидуальные конфликты изучаются многими дисциплинами. Для каждой из них конфликт выступает в качестве объекта и предмета. Читателю предлагается: 1) охарактеризовать предмет конфликтологии.

выявить его специфику и отличие от социальной психологии конфликта, правовой теории юридического конфликта, а также исторической науки, изучающей вековые конфликты; 2) показать различие между теоретической и прикладной конфликтологией, проанализировать функции обеих отраслей знания.

2. Приращение знаний о конфликтах происходит на базе осмысления и обобщения актуальной общественной практики и освоения исторического опыта развития социальной мысли. Проблемная ситуация, требующая решения, заключается в корректном объяснении таких вопросов: а) Каким образом включаются в современную систему научного знания идеи классиков конфликтологической науки и каковы возможные крайности при решении этой задачи? б) Каковы критерии интеграции исторического знания в современную науку?

3. Один из основоположников конфликтологии Козер Л. назвал К.Маркса «классическим теоретиком конфликта». В противоположность ему, академик-историк, бывший партийный «хранитель» чистоты марксизма Яковлев А. характеризует марксизм как «помешательство на идее классовой борьбы»; считает, что **только** благодаря сотрудничеству и солидарности классов «общество живет и развивается». Читателю рекомендуется выразить свое отношение к противоположным оценкам идей К-Маркса о классовых конфликтах, объяснить причины их, высказать свои соображения о научности взглядов классика и их ограниченности, показать, в чем расходятся представления марксизма о классовых конфликтах с современностью.

4. Советской философской литературе было при-
суще кричащее противоречие: она признавала за

абсолютную истину учение К.Маркса о социальных классовых конфликтах (борьбе) и вместе с тем отвергала возможность и реальность таковых в советском обществе. Чем объяснялась такая парадоксальная ситуация в теории, идеологии и партийной пропаганде?

5. В современной западной литературе сложились две противоположные концепции в учении о конфликтах: одна — это подход с точки зрения теории структурного функционализма (Парсонса) и «человеческих отношений», трактующая конфликт как дисфункцию социальной системы. На его основе в США в 60-х гг. сформировались два блока исследователей: «школа, избегающая конфликта» и «школа согласия». Другой подход, сформулированный Дарендорфом Р., признает конфликт как естественное явление для любого общества. Нужно объяснить причины данной проблемной ситуации в науке, ее суть и возможность решения путем сочетания названных концепций.

6. Конфликтологическая наука в настоящее время развивается в двух направлениях: 1) изучение конфликтов с акцентом на большие социальные группы, классы, на противоположность их интересов (марксистская традиция) и связанный с этим макросоциологический анализ основных общественных противоречий, возникающих в процессе изменения социальной системы; 2) исследования, ориентированные преимущественно на индивидуализацию конфликта. В центре внимания представителей первого направления находится «политическое становление» больших социальных групп, манифестация их интересов, а второго — «приватизация» конфликта, перевод его на индивидуальный уровень и нормативная форма его регулирования с

целью сохранения стабильности социальной системы.

Задача для решения: показать причины существования этих направлений и их обоснованность, высказать мнение относительно возможностей каждого из направлений в познании конфликтов.

7. Основополагающая категория изучаемой науки — конфликт как форма (вид) взаимодействия между людьми. Проблемность изучения конфликта заключается в раскрытии его специфики, отличия его от других видов социального взаимодействия. Рекомендуется следующая схема анализа признаков социального конфликта:

Субъект конфликта	Зона и предмет конфликта	Средства и методы конфликта
Личность		

8. В реальной жизни условия и причины возникновения конфликтов многообразны, одни переплетаются с другими. Складывается сложная познавательная ситуация. Она разрешима лишь при учете комплекса детерминирующих конфликт факторов: объективных (социальных условий и пр.), и субъективных (форм осознания конфликта, отношения к нему, оценки и т.д). Содержание проблемной задачи: а) выяснение роли общественных условий в формировании конфликта; б) раскрытие влияния уровня знания о данном конфликте, информации о нем в обществе; в) выявление последствий активного

воздействия на конфликтный процесс социально-психологического фактора.

9. Источник конфликтов — общественные противоречия. Характеристика главных противоречий, лежащих в основе конфликтов российского общества, — насущная проблема политиков и ученых-конфликтологов. Их анализ в учебном процессе может быть построен в такой последовательности:

— вид противоречия: его характер (антагонизм, неантагонизм);

— субъекты противоречия: социальные группы, организации, институты власти и др.;

— формы проявления противоречий в политике, в государственном управлении, в поведении правящей элиты, партий, масс, в общественном сознании, в общественном мнении;

— способы, технологии возможного разрешения противоречия;

— предполагаемые результаты разрешения противоречия.

10. Несмотря на многообразие определения конфликта, большинство авторов характеризует его как противоборство субъектов с противоположными интересами, ценностями и целями. Однако значение указанных элементов конфликта понимается по-разному. Например, Здравомыслов А. связывает конфликт с «апелляцией» субъектов к противоположным потребностям, интересам, ценностям и нормам, подчеркивая при этом (вслед за Парсонсом) особую важность ценностей. По определению Козе-ра Л., конфликт есть борьба не только за ценности, но также за претензии на определенный статус, власть и ресурсы. По мнению Дарендорфа Р., предметом конфликта являются противоположные нормы и ожидания институтов и групп. В различии

Приложение

трактовки составляющих предмета конфликта и заключается суть проблемной ситуации. Отсюда содержание задачи, предлагаемой для решения: а) охарактеризовать понятия, обозначающие основные элементы предмета конфликта, б) выяснить влияние каждого из них на конфликтный процесс,

в) вскрыть причины различий в понимании их значения для возникновения конфликта.

11. Функции конфликтов общественной жизни противоречивы, поскольку сам феномен конфликта есть форма выражения острых общественных противоречий. Отсюда проблемная ситуация, связанная с пониманием роли конфликта в процессе изменения и развития общества. Проблема рассматривается представителями различных направлений в конфликтологии в рамках двух взаимоисключающих подходов: 1) восприятия конфликта преимущественно как конструктивно-созидательного фактора, как источника и движущей силы изменения и развития конкретных общественных отношений; 2) видения конфликта лишь как разрушительного явления. Читателю рекомендуется сформулировать свое понимание функций конфликта, аргументировать его, подтверждая примерами из исторической и современной практики российского общества.

12. Динамика конфликта характеризуется его стадиями: возникновением, развитием и разрешением. Каждая из стадий описывается понятиями, неоднозначно интерпретируемыми в литературе: «латентный», «открытый», «неполный», «полный» конфликт; «обострение», «затухание» и «консервация» конфликта; «завершение» и «разрешение» конфликта. Учебное задание: выяснить содержание указанных понятий и проиллюстрировать примерами состояния конфликтов, выражаемых этими понятиями.

Основные типы конфликтов. Социальный конфликт.

Всякий конфликт между людьми, коль скоро он возникает на основе противоположности общественных интересов, является социальным. Понятие «социальное» обозначает также группу конфликтов, содержание которых составляет борьба общественных сил за доминирующие социальные статусы.

1. Один из дискуссионных вопросов анализа социальных конфликтов — это вопрос о их природе и субъектах. Известная традиционная точка зрения, ставшая для марксистов догмой, — признание исключительно классовой природы социальных конфликтов, соответственно их субъектами — классов. В немарксистской литературе, напротив, либо вообще отвергается понимание социального конфликта как классового, либо классовый социальный конфликт рассматривается в качестве одного из многих видов социальных коллизий в обществе, относимых отдельными авторами к «остаточным» явлениям. Высказывание французского социолога Турена А. характерно для всех авторов, отрицающих акцентирование классового характера конфликта: ни один из современных видов борьбы не может быть квалифицирован как принципиальный конфликт, вокруг которого концентрируются все остальные.

На обсуждение читателей выносятся вопросы: 1) согласиться или нет с утверждением об исчезновении классовых конфликтов? 2) корректно ли мнение, что в России в настоящее время существуют только неклассовые социальные конфликты? 3) в чем заключается неточность традиционного сведения социального конфликта к классовому?

2. Категория социального конфликта противоположна понятию «социальное единство». В советской литературе признание такой противоположности было теоретической аксиомой, одним из главных идеологических принципов. Декларированное социальное и морально-политическое единство советского общества рассматривалось как состояние, исключающее социальные конфликты. Нынешняя правящая элита все настойчивее подчеркивает необходимость достижения «общественного согласия», а также старается не заострять внимание на социальных коллизиях, чем перегружена сегодня российская действительность. В научно-теоретическом плане объяснение соотношения социального конфликта и социального единства составляет проблемную ситуацию, решение которой важно и для теории, и для практики государственного руководства. Читателю рекомендуется дать ответы на такие дискуссионные вопросы:

— возможен ли конфликт вне социального единства, понимаемого в смысле признака общества как единого социального организма?

— исключает ли социальное единство наличие противоречивых интересов социальных групп и слоев?

— культивировалась ли идея социального единства в России до 1917 г., если да, то в каких понятиях эта идея находила свое выражение?

Допустим, что социальный конфликт и социальное единство, хотя и противоположности, но представляют собою взаимополагающие состояния общественных отношений. Рекомендуется подтвердить этот тезис или его опровергнуть анализом фактов из реальной общественной жизни России.

3. Проблемная ситуация, связанная с пониманием соотношения социального конфликта и социального единства, фокусируется в дискуссии по вопросу об «идее для России». Как известно, предложение о выработке таковой высказал Президент РФ Ельцин Б.Н. Правительственная «Российская газета» объявила конкурс на эту тему. На страницах печати высказываются различные и полярно противоположные мнения по этому вопросу. Некоторые авторы не без основания считают, что общая российская идея — интегрирующий фактор общества и государственности. Если ее нет, то не будет и общества как стабильного единого организма. В России всегда была такая идея, в частности, она воплощалась в православии и реализовывалась в политике «собирания земель» вокруг русского государства. К 1917 г. последняя исчерпала себя. Группа авторов отмечает саму постановку вопроса об общей идее для России. К примеру, академик Лихачев считает: «Общенациональная идея в качестве панацеи от всех бед — это не просто глупость, это крайне опасная глупость! А разве гитлеровская идея не была национальной. Я категорический противник такого полхола»¹ Известный писатель В. Распутин подчеркивая важность духовности для нашего общества, отвергает попытку властей создать российскую идею по приказу. «Объявить конкурс на национальную идею, все равно, что объявить конкурс на мать родную»² «Это абсурд»

Возможна ли общая российская идея как фактор разрешения или предупреждения социальных конфликтов? Если да, каково должно быть ее содержание? Правы ли те авторы, которые считают, что такую идею нельзя создать по приказу? Согласен ли читатель с академиком Лихачевым, характе-

ризующим любую национальную идею «опасной глупостью», подобной гитлеровской идее?

4. Классовый конфликт в России пока не приобрел своей полноты, как это было, скажем, на рубеже XIX-XX вв., несмотря на форсированное насаждение капиталистических отношений в стране. В дальнейшем просматриваются альтернативные тенденции социального процесса: **становление полного классового** конфликта и **консервация** в известных границах конфликта **неполного**, связанного с развитием среднего класса, нейтрализующего полярность классовых отношений. Левая оппозиция считает наиболее реальной первую тенденцию; правящая элита и ее идеологи — вторую. Какую бы точку зрения мог предложить читатель? И не только высказать ее, но и аргументировать, затронув вопрос о среднем классе.

5. Капитализация российского общества, осуществляемая, в интересах российской буржуазии приватизация государственной собственности привели общество к глубокому социальному расслоению. 200-300 семей контролируют 60% собственности, а подавляющему большинству народа (90%) принадлежит лишь 30% капиталов.

Какой тип социальных противоречий и конфликтов возникает в такой ситуации (антагонизм, неантагонизм)? К чему может привести развитие социального антагонизма, если этот процесс не блокировать государственной социальной политикой, соответствующей интересам большинства народа?

6. Качественное состояние социальных отношений, включая классовые, характеризуются понятиями: «социальная свобода», «социальная справедливость», «социальное равенство». Интерпретация данных понятий представителями различных на-

правлений в социальной науке и политике существенно разнятся. Так, либерально мыслящие теоретики и политики отрицают социальное равенство, как противоречащее справедливости; сторонники так называемой рыночной демократии сводят социальную свободу по существу только к свободному рынку; социалисты и коммунисты не отделяют социальную справедливость от равенства, не отождествляя его с уравниловкой, и т.д.

Желательно, чтобы читатель, во-первых, выяснил концептуальную основу социальной политики правительства России; во-вторых, показал, в какой мере она соответствует интересам народных масс и способствует разрешению возникающих конфликтов.

7. В настоящее время наибольшую опасность для российского государства и общества представляет **коррупция**. Она определяется как явление социально-экономическое. Аналитики предлагают рассматривать коррупцию в разных аспектах: например, как явление историческое, характерное для всех эпох, независимо от существовавших типов власти;* как проблему, свойственную любому переходному периоду (а такой переживает Россия).

Актуально проанализировать коррупцию с точки зрения теории конфликта. Имеются в виду следующие ситуации, характеризующиеся как коррупция" а) использование государственным чиновником служебного положения для незаконного приобретения материальных благ; б) создание чиновником трудностей для принятия решения, чтобы вынудить заинтересованное лицо дать ему взятку; в) приня-

* Еще при византийском императоре Льве III (VIII в н.э.) были введены государственные оклады для судей. «дабы они не брали мзды с лиц судимых. Вот когда началась борьба с коррупцией.» Валянский С.А. Калюжный Д.В. Новая хронология земных цивилизаций. Современная версия истории. АСТ «Олимп», М., 1996 г. С. 259-260.

тие чиновником незаконного решения в пользу какой-то фирмы, за что он получает соответствующее вознаграждение. В каждой из ситуаций фигурирует субъект-должностное лицо, объектом его интереса является незаконное приобретение определенных материальных и прочих благ, вследствие чего действия чиновника приходят в противоречие с государственным и общественным интересами, с принятыми нормами.

Читателю следует выяснить конфликтный характер перечисленных ситуаций и описать негативные социально-экономические последствия коррупции.³ (Рекомендуется использовать: «Россия и коррупция: кто кого?», Российская газета, 19 февраля 1998 г.)

Политический конфликт.

1. Политический процесс в нашей стране полон противоречий, питающих разнообразные конфликты, связанные с существующим расколом общества по политическим и идеологическим пристрастиям. Специфика современных политических конфликтов в современной России во многом объясняется тем, что в поле борьбы включаются вместе с конкретными политическими действиями и отношениями и противоположное их понимание враждующими политическими силами — властвующей элитой и оппозицией. Отсюда — проблемная ситуация, требующая научного анализа.

Вопрос об особенностях политического конфликта — один из актуальных. Его источник — неоднозначная интерпретация категории «политическое». Рассмотрению проблемы поможет следующая схема:

Конфликт (вид)	Специфика субъекта	Специфика объекта	Средства и методы борьбы

Анализ ситуаций рекомендуется провести на материале: избирательных кампаний (борьбы за электорат), борьбы парламентских фракций, связанной с принятием проектов законов, борьбы политических партий за массы.

2. С точки зрения традиционно понимаемого исторического материализма, политический конфликт порождается в основном экономическими противоречиями (политика — концентрированное выражение экономики). Вместе с тем современность дает немало примеров таких политических конфликтов, которые вызываются не экономическими, а иными общественными факторами. Это дает основание критикам материалистической концепции вообще отрицать влияние экономических противоречий на рождение политических конфликтов.

Какая точка зрения, по мнению читателя, ближе к истине? Подтверждает ли практика приоритетность какой-либо одной из них?

3. В отечественной литературе прошлых лет политический конфликт рассматривался лишь как форма классовой борьбы буржуазии и трудящихся масс, в первую очередь рабочего класса. Политическая борьба квалифицировалась как высшая форма классовой борьбы. Авторы концепции постклассового конфликта, отрицая данный марксистский тезис, видят источник политического противоборства не в классовых противоположностях, а в идеологических и социально-психологических фак-

торах. В частности — в психологии самой политики, в претензиях партий и их лидеров. Например, Шмитт К. считал причиной политического конфликта противоположность «друг—враг», свойственную природе политики. Отсюда содержание очередной проблемной ситуации.

Нужно показать на фактах из истории революций в России ограниченность дихотомической концепции политического конфликта, а также односторонность объяснения его идеологическими и социально-психологическими факторами.

4. Некоторые зарубежные и отечественные ученые (французский социолог Бурдьё П. и российский политолог Макаренко В.) считают, что в политике, а следовательно, и в политическом противоборстве, используется в качестве важного средства так называемый символический капитал: политический словарь, государственные символы и т.д. Ими подчеркивается политический характер выбора правящей элитой и оппозицией словаря борьбы.

В контексте высказываний о роли символического капитала в политике следует объяснить конфликтную ситуацию, сложившуюся в Государственной Думе при обсуждении проектов закона о государственных символах РФ. Двукратное обсуждение проектов, представленных президентской стороной и оппозицией, выявило взаимоисключающие позиции сторонников партии власти и фракции К.П РФ с ее союзниками. Первые высказались за сохранение нынешней президентской символики (герб — двуглавый орел, гимн, флаг), за проголосовало 105 депутатов, против — 245. Левое большинство поддержало проект о восстановлении гимна Советского Союза (музыки) и других, отличных от президентских, символов (за — 273 депутата, против 73).⁴ Од-

нако решение не было принято. Дальнейшее обсуждение возникшей конфликтной ситуации перенесено в комиссию, созданную парламентом и Президентом РФ.

Какими причинами объясняется противостояние между парламентскими группами и фракциями по вопросу о государственных символах России:

- политическими...
- идеологическими...
- правовыми...

— социально-психологическими (традиции и пр.) 5. Содержание политического конфликта составляет политическая борьба. Она во многом сходна с другими видами социального противоборства, но существенно отличается от них. отождествление политической борьбы с экономической конкуренцией чревато многими негативными последствиями для экономики и самой политики. Не меньше негативов связано с перенесением методов политической борьбы в духовную сферу. Между тем, в практике властей (прошлых и нынешних) подобная тактика деятельности была и пока остается. В этой связи представляется актуальным анализ отличительных признаков политической борьбы. Рекомендуется модель анализа:

Субъекты борьбы:	Цель:	Формы борьбы:	Средства и методы борьбы

6. Прошедшая в июне-июле 1996 г. президентская избирательная кампания характеризовалась острой политической борьбой между кандидатами на высший государственный пост в России. Особой остроты она достигла во втором туре, когда столкнулись, как говорится, лоб в лоб основные претен-

денты — правящий Президент Ельцин Б.Н. и кандидат от Народно-патриотического блока Зюганов Г.В. Команда первого разработала и реализовала такую тактику борьбы, которая обеспечила победу Ельцину Б.Н.

Какие из методов борьбы читатель мог бы выделить из нижеперечисленных или ему известных:

— противопоставление проводимых Президентом Ельциным Б.Н. реформ по капитализации страны возврату ее к «тоталитарному коммунистическому режиму?», на чем якобы настаивает Зюганов Г.В., иначе сказать, компрометация идеологии, приписываемой сопернику (метод «удар в голову»);

— устрашение избирателей возникновением гражданской войны в случае избрания президентом Зюганова Г.В. (метод «введение в заблуждение»);

— использование простых, понятных большинству избирателей, лозунгов: «Голосуй за Ельцина, иначе проиграешь» и др.;

— перехват лозунгов соперника;

— использование СМИ для создания общественного мнения в поддержку действующего президента (метод «информирования»);

— использование больших финансовых средств, предоставленных крупнейшими российскими частными банками для организации борьбы за избрание на новый срок Ельцина Б.Н.;

— активная эксплуатация своего имиджа как «отца нации»;

— многочисленные обещания проводить политику, которая улучшит благосостояние народа;

— демонстрация популистских мероприятий: погашение долгов государства по пенсиям, по выплате зарплат (метод «совершившегося факта») и т.д.

7. Анализ электората Ельцина Б.Н. и его соперника Зюганова Г.В. выявил проблемы, объяснение которых выходит за рамки единственного традиционного классового подхода. Президент РФ опирался и опирается ныне в большей мере на две массовые группы населения: рабочих традиционного типа — они составляют до трети его избирателей, и пенсионеров, которые дают до четверти его сторонников. А также, но в меньшей степени — служащих и НТР. В электорате Зюганова Г.В. также выделяются рабочие (каждый пятый), пенсионеры, инженерно-технические работники и представители таких групп интеллигенции, как учителя, врачи и пр.⁵

Варианты объяснения ситуации разделения мало существенно различающихся социальных слоев населения на политически противоположно ориентированные части электората:

- традиционный классовый подход;
- учет уровня материального благосостояния;
- акцент на последствиях осуществленной приватизации и перехода от государственной общественной и коллективной собственности к частной;
- признание факта отторжения широкими массами трудящихся советской системы;
- учет субъективного восприятия политики Президента Ельцина Б.Н., как не имеющей альтернативы в современный переходный период.

8. В политической борьбе рождается оппозиция, желанной целью которой является вхождение во власть в качестве самостоятельной силы или в коалиции вместе с другими политическими организациями. В кампании по выборам в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ (декабрь 1995 г.) приняли участие 43 избирательных объединения, включая политические партии.

Каждое из объединений предлагало избирателям свою программу. Одни из участников предвыборной гонки выступали с политической оппозицией, другие — в качестве оппонентов правящего режима либо даже — пропагандиста и защитника его политики. Большинству избирателей в пестроте политического ландшафта трудно было разобраться в различии оппозиционных объединений и лояльных режиму. Какие же признаки характеризуют оппозицию вообще и в частности российскую:

- политические (программные);
- организационные;
- идеологические;
- стратегические и тактические?

В ряду нижеперечисленных общественно-политических организаций читателю нужно подчеркнуть оппозиционные, центристские, лояльные правящему режиму: Компартия Российской Федерации, Либерально-демократическая партия, общественно-политические объединения «Наш Дом-Россия», «Яблоко», Аграрная партия России, партия «Демократический выбор России», ПРЕСС, движение «Женщины России».

9. В настоящее время в борьбу за влияние на политическую власть все больше включаются лидеры российского капитала; таким образом формируется олигархия — сращивание власти и капитала, вступающая в конфликт с либерально-демократическим режимом. Не случайно «списки» ведущих политиков «совпадают со списками» главных российских бизнесменов. Представители крупного капитала не видят конфликта в сращивании бизнеса и государственной власти, а считают такое явление необходимым условием укрепления власти и обеспечения ее успешного функционирования. В то же

ОСНОВЫ КОНФЛИКТОЛОГИИ

время правящие круги декларируют тезис об отделении экономики (а значит и бизнеса) от политики. По мнению оппозиции, олигархия и конфликт, связанный с нею, — путь к диктатуре. Угроза фашизма, отмечают некоторые политологи, «исходит от формирующегося государственно-корпоративного капитализма, который тяготеет скорее к тоталитарному типу политического устройства, чем к либеральному».

Описанная политико-практическая ситуация в России — следствие комплекса обстоятельств: экономических, политических, идеологических. Читателю предлагается проанализировать их, а также попытаться сформулировать пути выхода из конфликтной ситуации.

10. Политический конфликт достигает своей полноты с возникновением и действием оппозиции. Политический ландшафт нынешнего российского общества разнообразен и противоречив. В сложившейся в основном многопартийной системе сосуществуют как лояльные режиму парламентские фракции и общественно-политические объединения, так и оппозиция — коммунистическая, народно-патриотическая.

Нужно охарактеризовать анатомию политической оппозиции на стадии всероссийского конфликта (период — август 1991, октябрь 1993 гг.); выделить основную оппозицию режиму и неосновные оппозиционные политические группы.

11. Кризисное состояние нашего общества и связанная с ним скрытая конфликтная политическая ситуация, прорывающаяся периодически в открытых локальных конфликтах, чаще всего объясняется тремя группами причин: а) последствиями существовавшей более 70 лет советской системы; б) по-

Приложение

литикой правящего режима, не соответствующей интересам народа; в) российскими традициями, сложившимися за многие века; в частности традиционной слабостью гражданского общества и правового сознания.

Какие из перечисленных причин действительно существенно влияют на современную конфликтогенную ситуацию в России? Есть ли другие, кроме названных, факторы и условия, стимулирующие накопление конфликтного потенциала в стране?

12. Проявлением нынешнего глубокого кризиса государственной власти служит наличие многих локальных политико-правовых конфликтов, порожденных реализацией провозглашенных в свое время Президентом Ельциным Б.Н. безграничных суверенитетов республик-субъектов РФ. В настоящее время, в противоречии с Конституцией, развернулось некое местное («саратовское», «башкирское», «татарское» и пр.) законотворчество, далеко выходящее за пределы установленных для субъектов Федерации полномочий. Типичным образчиком такого законотворчества является конституционная норма, принятая в Башкортостане, согласно которой президентом республики может быть избран только гражданин, владеющий башкирским языком. Если учесть, что в Башкортостане в настоящее время русские составляют 39% численности населения, татары — 28%, а башкиры — 21%, причем, башкирским языком владеет лишь 18%, тогда как русским — более 95%, то Конституция Башкортостана лишает более половины населения права выдвигать свою кандидатуру на пост президента. Русское же население, среди которого знает башкирский язык только 0,005%, такого права лишается почти полностью.

ОСНОВЫ КОНФЛИКТОЛОГИИ

Возникший политико-правовой конфликт привлек внимание Государственной Думы РФ, которая обратилась с ходатайством в Конституционный суд о проверке конституционности башкирской законодательной нормы.

Анализируя данный конфликт, читателю рекомендуется рассмотреть вопросы. 1) Насколько обоснованно обращение Государственной Думы в Конституционный суд РФ? 2) Каковы предпосылки возникновения конфликта и возможные последствия в случае его нерешенности? 3) Что бы предложил читатель для решения конфликта?

13. По инициативе Президента РФ поставлен перед Государственной Думой вопрос о дальнейшей целесообразности пропорциональной системы выборов ее депутатов (о неготовности к этой системе украинских избирателей недавно говорил и Президент Украины). Напомним читателю, что пропорциональная система (выборы 50% депутатов от политических партий и столько же от одномандатных избирательных округов) была введена по предложению партии власти с одобрения Президента. Начавшаяся дискуссия вышла за стены думских аудиторий и становится общероссийской. Назревает конфликтная ситуация во взаимоотношениях сторонников изменения существующей системы выборов верховной законодательной власти и возражающих против изменения — перехода к единой мажоритарной системе: выборам всех депутатов по одномандатным округам, без партийных списков. Варианты «за» и «против», рекомендуемые для обдумывания и обсуждения:

— Пропорциональная система дает преимущество левым партиям, у которых в настоящее время рейтинг выше, чем у партии власти.

— Пропорциональная система обеспечивает выбор депутатов с учетом реального многообразия и противоречивости политических интересов и ориентации различных слоев общества; она не дает преимущества ни одной из конкурирующих политических сил.

— Пропорциональная система выборов делает Государственную Думу политизированной, что мешает ей эффективно заниматься законодательной деятельностью.

— При выборах по мажоритарной системе (по од-номандатным округам, без партийных списков) парламент окажется политически аморфным; каждый депутат станет защищать местный интерес, пренебрегая общегосударственным. Это будет использовано авторитарными властными силами в целях дискредитации парламента и обоснования его упразднения как «лишнего» института.

— Пропорциональная система не создает условия для отбора в регионах наиболее известных и лучших кандидатов в депутаты парламента.

— Отказ от пропорциональной системы и замена ее мажоритарной позволит действительно перенести центр политической борьбы в регионы, где легче манипулировать мнением избирателей, устранить нежелательные для партии власти кандидатуры еще на стадии их выдвижения.

— Пропорциональная система стимулирует дальнейшее развитие многопартийности — одного из важных условий существования демократического режима.

— Многопартийность в стране уже сложилась, поэтому переход к мажоритарной системе выборов не станет помехой для многопартийности.

ОСНОВЫ КОНФЛИКТОЛОГИИ

14. Федерализм, как известно, — важнейший принцип государственного строительства российского государства. Между тем, процесс федерализации, как он стал проводиться после августа 1991 г., породил конфликты на социальном и политическом пространствах России, в том числе военный — российско-чеченский.

Нужно проанализировать в теоретическом и политико-практическом аспектах а) типологию конфликтов и их причины; б) роль социально-экономической политики государства в предупреждении и регулировании конфликтов; в) охарактеризовать регионализм как форму проявления конфликтов, связанных с осуществлением федерализации государства.

15. На постсоветском социально-политическом пространстве за последние годы проявились многие этно-национальные конфликты, перешедшие в некоторых регионах даже в затяжные военные столкновения бывших братских народов, живших десятилетиями в едином государстве. Мы отметили в лекции три типа таких конфликтов: 1) между советской многонациональной общностью, представленной единым федеративным государством с доминирующей русской нацией, с одной стороны, и сформировавшимися в советский период нациями, стремящимися к демократическому обновлению своих республик и освобождению от бюрократического диктата Союзного центра» с другой, 2) между так называемой коренной национальностью республик и национальными меньшинствами (конфликт внутри республик), 3) между государственными национальными образованиями (субъектами Российской Федерации) и федеральным центром, а также между отдельными национальными этноса-

Приложение

ми и русским населением субъектов РФ, отождествляемым с властной российской элитой; 4) между интернациональным характером российского сообщества и региональными национализмами.

Теоретический и политический аспекты проблемной ситуации заключаются: а) в противоречивом объяснении причин названных типов конфликтов; б) в односторонности концепции, лежащей в основе национальной политики государства; в) в неэффективности государственного управления конфликтными межнациональными отношениями; г) в нарушении необходимого сочетания федерализма и централизма в государственном управлении регионами. Читателю рекомендуется проанализировать любой из конфликтов, имея в виду выявление причин, специфики выражения в межнациональных отношениях, динамики его развития и действий государственных и общественных институтов по их урегулированию и разрешению.

16. Национализм — одна из важнейших причин межнациональных конфликтов. Эйнштейн говорил, что национализм — это детская болезнь, корь человечества. К сожалению, такая болезнь поражает ныне и молодые национальные организмы, и зрелые. Взрыв национализма — характерное для современного мирового сообщества явление. На примере внутрироссийских национализмов (чеченского, татарского, башкирского и пр.) нужно охарактеризовать общие и специфические признаки национализма как социального явления.

17. Северо-Кавказский регион — поле этно-национальных конфликтов. Это — болезненная социально-политическая и нравственно-общественная проблема современной России. В чем ее источники: историко-культурные, социально-экономические,

геополитические, конфессиональные, языковые и социально-психологические? Каковы направления современной национальной политики российского государства, способствующие решению этой проблемы?

18. Эффективным методом разрешения разнообразных общественных конфликтов служит переговорный процесс. Успех или неуспех переговоров зависит от конкретных условий, в которых они происходят, и от правил «игры», применяемых конфликтующими сторонами; результаты переговорного процесса также могут быть различными: в одном случае достигается сторонами компромисс по спорным вопросам, в другом — консенсус. Читателю предлагается охарактеризовать ситуацию, благоприятную для переговорного процесса, а также правила его осуществления, позволяющие конфликтующим агентам приходиться к компромиссу или находить консенсус.

В настоящее время все более популярными становятся так называемые «круглые столы» — дискуссии, используемые конфликтующими сторонами для разрешения социально-экономических, политических, общественных и межгрупповых проблем. В нашей стране «круглые столы» становятся практикой в деятельности высших институтов государственной власти: законодательной и исполнительной. Однако эффект их в достижении согласованных решений еще неудовлетворителен. Договоренности по конфликтующим проблемам не реализуются, в результате чего споры разгораются с новой силой.

Выяснение и анализ малорезультативной практики «круглых столов» — актуальная задача конфликтологов. Помочь политикам и управленческим работникам изучить международный опыт цивили-

званного проведения «круглых столов» (дискуссий) и овладеть им — обязанность ученых. Цивилизованность же предполагает главное: не действовать по принципу, сформулированному в древности Цицероном: «Я клялся языком, ум мой не клялся».

Литература.

1. Известия. 21 ноября 1996 г.
2. Советская Россия. 2 апреля 1998 г.
3. Россия и коррупция: кто кого? Российская газета. 19 февраля 1998 г.
4. Советская Россия. 24 января 1998 г.
5. Васильцов С., Обухов С. Фронты рейтингов. Советская Россия. 26 марта 1998 г.
6. Советская Россия. 17 марта 1998 г.

Серия «Учебники и учебные пособия»

Д.П. Зеркин

ОСНОВЫ КОНФЛИКТОЛОГИИ

(Курс лекций)

Редактор: *С. Пономарева*
Корректор: *О. Ефремушкина.*
Художник: *С. Каштанов.*
Компьютерный
дизайн: *Н. Николаева.*

Лицензия ЛР № 062308 от 24 февраля 1993 г.

Сдано в набор 27.06.98 г. Подписано в печать 27.07.98 г.

Формат 84x108^{1/32} Бумага офсетная.
Гарнитура Литературная.
Тираж 5000. Заказ № 181

Издательство «Феникс»
344007, г. Ростов н/Д,
пер. Соборный, 17

Отпечатано с готовых диапозитивов в ЗАО «Книга»
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57.